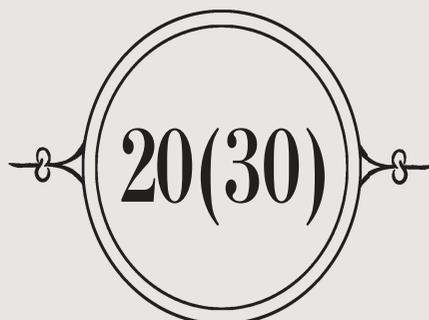

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

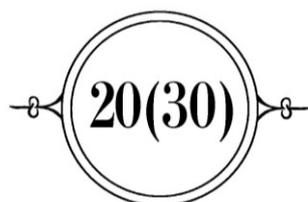
НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

20(30)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Основан в 1936 году
Возобновлен в 1982 году

Великий Новгород
2023

УДК 94:903(47.24)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)
Н72

Утверждено к печати
Учеными советами
Санкт-Петербургского
института истории РАН,
Института археологии РАН,
редакционно-издательским советом
Новгородского государственного
университета им. Ярослава Мудрого

Рецензенты:

канд. ист. наук **А. А. Касатов**, канд. ист. наук **Н. В. Лопатин**,
канд. ист. наук **Н. С. Федорук**

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН **П. Г. Гайдуков** (отв. ред.),
д-р ист. наук **В. Г. Вовина-Лебедева** (зам. отв. ред.),
канд. ист. наук **Е. В. Торопова** (зам. отв. ред.),
канд. ист. наук, канд. экон. наук **Я. А. Васильев** (отв. секр.),
д-р ист. наук **В. А. Аракчеев**, чл.-корр. РАН **А. В. Сиренов**,
д-р ист. наук **Б. Н. Ковалёв**, д-р ист. наук **А. А. Фролов**, д-р **Э. Лёфstrand**,
чл.-корр. РАН, д-р искусствоведения **Вл. В. Седов**, д-р ист. наук **А. А. Селин**,
канд. ист. наук **О. А. Тарабардина**, д-р ист. наук **А. Н. Чистиков**

Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / редкол.:
Н72 П. Г. Гайдуков (отв. ред.) и др.; Санкт-Петербургский ин-т истории
РАН; Институт археологии РАН; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава
Мудрого. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. –
Вып. 20 (30). – 316 с.
ISBN 978-5-89896-875-5
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB

Двадцатый 20 (30) выпуск «Новгородского исторического сборника» представляет исследования и материалы по истории и культуре Великого Новгорода и Новгородской земли IX–XX вв. Содержание настоящего выпуска определяют проблемы социально-политических отношений, религиозной жизни, административного устройства, вопросы археологии, историографические исследования, публикации трудов по истории древнейшего русского города.

УДК 94:903(47.24)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)

ISBN 978-5-89896-875-5

© Коллектив авторов, 2023
© Санкт-Петербургский институт
истории РАН, 2023
© Институт археологии РАН, 2023
© Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого,
2023

И С С Л Е Д О В А Н И Я

УДК 902.2:930.271

DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.01

П. Г. Гайдуков

О ДРЕВНЕРУССКИХ ТОВАРНЫХ ПЛОМБАХ И ТОПОГРАФИИ ИХ НАХОДОК

Аннотация. Статья посвящена общему обзору работ по регистрации древнерусских товарных пломб, за которыми по месту первых находок в литературе закрепилось название «дрогичинского типа». К 2019 г. насчитывалось около 30 600 древнерусских пломб и их заготовок, найденных на территории шести стран: России, Беларуси, Украины, Польши, Латвии и Литвы. Автором была составлена топографическая сводка их находок (более 900 номеров), опубликованная в книге «Сфинкс славянской сфрагистики...» (2019). В основу настоящей статьи положено дополненное предисловие к этой сводке.

Ключевые слова: древнерусская сфрагистика, товарные пломбы, топография находок, изображения на пломбах, хронология бытования, археологический контекст, дендрохронология.

Abstract. The article is devoted to a general review of the works on the medieval Russian small lead seals (of so called “Drohiczyn type”) registration. By 2019, there were about 30,600 small lead seals (and their blanks) found on the territory of six countries: Russia, Belarus, Ukraine, Poland, Latvia and Lithuania. The author compiled a topographic summary of their finds (more than 900 sites), published in the book “The Sphinx of Slavic Siggillography...” (2019). This article is based on an updated preface to this summary.

Keywords: Russian Medieval Sphragistics, small lead seals, topography of finds, images on small lead seals, small lead seals chronology, archaeological context, dendrochronology.

Вышедшее в свет в 2019–2020 гг. двухтомное коллективное исследование «Сфинкс славянской сфрагистики...» (под редакцией Александра Мусина и Марчина Волошина, параллельное издание на английском и польском языках) – крупнейшее событие в области изучения древнерусских свинцовых товарных пломб, за которыми по месту первых находок в литературе закрепилось название «дрогичинского типа».

В первом томе дан общий обзор бытования в Восточной Европе этих предметов и представлены отдельные коллекции пломб, собранные на различных средневековых поселениях на территории России,

Украины, Беларуси и Польши¹. Раздел «Россия» включает в себя обзоры и датировку материалов из Новгорода (три статьи: О. А. Тарабардиной, М. И. Петрова, В. А. Волхонского и В. К. Сингха), Старой Ладogi (статья С. В. Белецкого), Старой Руссы (статья С. Е. Торопова и Е. В. Тороповой) и Курска (статья С. В. Белецкого, Р. С. Веретюшкина, К. В. Горлова и Н. С. Курганова). Отдельный раздел в первом томе занимает топографическая сводка находок пломб, с соответствующей картой к ней (Gaydukov, 2019; составители карты: А. Musin, P. Zagórski, см. вкл. в конце тома).

Во втором томе представлен каталог пломб (около 1100 экз.), происходящих из древнерусского города Червень (село Чермно, повет Томашув Любельский, Люблинское воеводство, Польша), а также опубликованы результаты металлографического анализа пломб как из Чермно, так и из других средневековых поселений на территории Польши².

Составленная специально для издания «Сфинкс славянской сфрагистики...» топографическая сводка насчитывает более 900 номеров мест находок пломб и сопровождается вводным разделом (Gaydukov, 2019. P. 187–209). Работа по регистрации находок пломб продолжается, однако подготовить новое издание топографии на русском языке в ближайшее время не представляется возможным. В основу настоящей статьи положено предисловие к сводке находок древнерусских пломб из книги 2019 г., с небольшими исправлениями и дополнениями. Ее публикация может оказаться полезной для дальнейшего сбора материала по теме и изучения этой категории материальной культуры русского Средневековья.

* * *

После находки в 1864 г. Мечиславом Амброжевским нескольких десятков свинцовых пломб на песчаной отмели дна р. Западный Буг у города Дрогичин и оперативной публикации 20 из них К. П. Тышкевичем эта категория средневековых древностей не сразу заинтересовала историков. Сфрагистический материал из Дрогичина быстро накапливался и насчитывал уже несколько тысяч пломб, но лишь в 1890-х

---

¹ The Sphinx of Slavic sigillography – small lead seals of “Drohiczyn type” from Czerмно in their East European context / Sfinks słowiańskiej sfragistyki – plomby “typu drohiczynskiego” z Cermna na wschodnioeuropejskim tle porównawczym. [Hrsg.: Aleksandr Musin, Marcin Wołoszyn]. (U źródeł Europy środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. T. 6, cz. 1 / Bd. 6. T. 1). Kraków – Leipzig – Rzeszów – Saint Petersburg – Warszawa, 2019. 1128 p.: Fig.

² Florkiewicz I., Jusupović A., Musin A. The Sphinx of Slavic sigillography – small lead seals of “Drohiczyn type” from Czerмно. Material evidence / Sfinks słowiańskiej sfragistyki – plomby “typu drohiczynskiego” z Cermna. Podstawy źródłowe. [Hrsg.: Marcin Wołoszyn]. (U źródeł Europy środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. T. 6, cz. 2 / Bd. 6. T. 2). Kraków – Leipzig – Rzeszów – Saint Petersburg – Warszawa, 2020. 626 p.: Fig.

годах процесс его изучения продолжился (Тышкевич, 1865; Авенариус, 1890; Лучицкий, 1892; Bołsunowski, 1891; 1895; 1896; Болсуновский, 1894).

В конце XIX в. древнерусские пломбы были обнаружены еще в нескольких местах: в Лоцманской Каменке на реке Днепре под Екатеринославом (до 1887 г., 2 экз.), в Твери на Волге (до 1891 г., 1 экз.), на городище Старая Рязань (4 экз.) и у села Борки на Оке под Рязанью (до 1893 г., 3 экз.), в Любове на реке Вилии под Вильно (1896 г., 37 пломб) (Ястребов, 1894. С. 155. Рис. 12; Леопардов, 1891. С. 23. Примеч. 2; Черепнин, 1894. С. 183–184. Рис. 14, 1–4; Bołsunowski, 1897. Kol. 229–231. Fig. № 1001–1013).

В это время изучением древнерусской сфрагистики заинтересовался Н. П. Лихачев, который активно скупал интересовавший его материал у торговцев древностями вплоть до 1917 г. и зарегистрировал первые находки пломб в Новгороде, Киеве и Пскове. Он много лет работал над подготовкой «Сфрагистического альбома», таблицы которого готовились по мере накопления в его коллекции древнерусских печатей и пломб. К 1906 г. таких таблиц было напечатано 26, а к 1917 г. их количество достигло 57. Н. П. Лихачев рассчитывал опубликовать свое исследование в «Трудах Московского нумизматического общества», однако из-за революционных событий в России и последовавших за ними Гражданской войной и разрухой это издание так и не было осуществлено. На таблицах «Сфрагистического альбома» помещены изображения 161 пломбы, а в тексте дано их описание. Пломбы происходят из Дрогичина (34 экз.; ЛСА. Табл. XXV, 1, 4, 5, 10–38; XLVII, 5–7; LVII, 10), Новгорода (109 экз.; ЛСА. Табл. VII, 14–27; VIII, 1–5, 7–9, 11–30; XXI, 2–29; XXII, 1–21; XXIX, 11, 13, 16; XLII, 4, 11, 14; XLVII, 2, 12–20; LIV, 14, 16), Пскова (1 экз.; ЛСА. Табл. LIII, 12) и Киева (17 экз.; ЛСА. Табл. XXV, 39, 40; XXX, 11–14; XXXI, 3–9, 15, 16; XLVII, 1, 3; LVII, 10).

В послереволюционные годы Н. П. Лихачев продолжал изучение русских печатей и в конце 1920-х годов издал два выпуска «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики». Во второй книге он поместил пространный очерк «Печати с изображением тамги или родового знака», где в разделе «Пломбы» подробно рассмотрел историю изучения древнерусских пломб, перечислил места их находок, а на рисунках поместил изображения 287 пломб: 240 из Дрогичина (238 древнерусских и 2 византийские), 46 из Новгорода и одну из Киева (Лихачев, 1930. С. 57–88. Рис. 50–57, 59–71). Уже тогда Н. П. Лихачев отметил отличие дрогичинских пломб от других: «Пломбы Дрогичина несколько отличаются от находимых в Новгороде и Киеве своей легковесностью, сохраняя в типе родство, но не тождество» (Лихачев, 1930. С. 80).

После смерти Н. П. Лихачева изучение древнерусских пломб прекратилось. Лишь в 1970-х годах эту работу продолжил Б. Д. Ершевский.

В диссертации 1979 г. он провел типологию и классификацию пломб из Дрогичина по материалам коллекции Н. П. Лихачева, хранящейся в Государственном Эрмитаже (насчитывает 2940 экз.), а также собрал и проанализировал все известные пломбы из Новгорода и его окрестностей (321 экз.). Он подтвердил наблюдения Н. П. Лихачева о различиях в оформлении и размерах новгородских и дрогичинских пломб (Ершевский, А–1979а, б; 1979; 1985). Что касается картографирования пломб, то к началу 1990-х гг. исследователь назвал девять древнерусских городов, в которых были зарегистрированы подобные сфрагистические находки: Дрогичин, Новгород, Псков, Старая Рязань, Киев, Торжок, Тверь, Берестье и Белоозеро (Ершевский, 1990. С. 81).

Значительным этапом в изучении древнерусских пломб является исследование В. Б. Перхавко «Распространение пломб дрогичинского типа», предпринятое в середине 1990-х гг. В статье рассмотрена история изучения пломб, предпринята попытка их классификации и атрибуции, а также хронологии и местонахождения (Перхавко, 1996. С. 211–241). Топографическая сводка находок пломб на территории Восточной Европы, составленная историком и изданная в виде приложения к указанной статье, насчитывает 40 номеров и охватывает территорию пяти стран. В каждом номере представлена информация о количестве находок пломб в этом пункте и соответствующая литература (Перхавко, 1996. С. 242–247).

По сводке В. Б. Перхавко в Польше насчитывается три пункта находок пломб: Дрогичин, Корчев и Оснувка (№ 1–3); на Украине – 11: Устилуг в Волынской обл., Крылос в Ивано-Франковской обл., Зеленче в Тернопольской обл., Звенигород в Львовской обл., Городище в Хмельницкой обл., Киев, Обухов в Киевской обл., Чернигов, Полтава, Княжа Гора (Родень) в Черкасской обл., остров Каменоватый на Днестре в Днепропетровской обл. (№ 4–14); в Беларуси – 10: Брест, Волковыск, Гродно, Новогрудок, Полоцк, Витебск, Туров в Гомельской обл., Минск, Друцк в Витебской обл., Мстиславль в Могилевской обл. (№ 15–24); в Литве – один: Любово на р. Виляя неподалеку от Вильнюса (№ 25); в России – 15 пунктов: Смоленск, Псков, Новгород и Рюриково городище, Старая Русса и Гостинополье в Новгородской обл., Старая Ладога в Ленинградской обл., Тверь, Торжок в Тверской обл., Ратино в Московской обл., Белоозеро в Вологодской обл., Пировы Городищи во Владимирской обл., Старая Рязань в Рязанской обл., Сакоргора под Рязанью, Городец в Нижегородской обл., неизвестное местонахождение – историческая территория Волжской Булгарии в междуречьи Волги и Камы (№ 26–40) (Перхавко, 1996. С. 242–247).

Сводка находок древнерусских пломб оказалась не лишенной недостатков. Знакомство с соответствующей литературой показало, что четыре пункта в сводке приведены ошибочно: два на Украине, по одному – в Беларуси и России (Перхавко, 1996. С. 244, 245, 247. № 8, 13, 23, 40). В первых трех (городище в Хмельницкой обл., Княжая Гора в

Черкасской обл. и Друцк в Витебской обл.) за пломбы приняты печати. Неопределенный пункт в России (неизвестное местонахождение на территории Волжской Булгарии) оказался Болгарским городищем, расположенным около современного города Болгар в Татарстане. Обнаруженная на нем в конце XIX в. пломба, судя по изображению в издании, является не древнерусской, а западноевропейской текстильной пломбой XIV–XV вв. (Высоцкий, 1908. С. 347. Табл. V, 7).

Через 10 лет В. Б. Перхавко опубликовал свое исследование с небольшими дополнениями в виде отдельной главы в книге «Торговый мир средневековой Руси» (Перхавко, 2006. С. 219–274). Приложение «Топография находок пломб дрогичинского типа» кардинально не изменилось. В ней добавилось лишь четыре номера: один пункт в Польше (Пултуск) и три – в России (Москва, Могутово в Московской обл. и Колокольцево во Владимирской обл.) (Перхавко, 2006. С. 266, 273–274. № 3а, 41–43). Для трех пунктов отмечено увеличение количества находок пломб: Торжок (с 7 до 20 экз.), Белоозеро (с 21 до 242 экз.), Городец (с 1000 до 1600 экз.) (Перхавко, 2006. С. 271–273. № 32, 35, 39). В сводке сохранились четыре ошибочных пункта, отмеченные выше.

В 2018 г. исследование о древнерусских пломбах вместе с приложением «Топография находок пломб дрогичинского типа» переиздано автором практически без всяких изменений еще раз в виде отдельной главы в книге «Торговля и торговцы средневековой Руси» (Перхавко, 2018. С. 212–260). Несмотря на значительное расширение за прошедшие годы географии находок пломб, сводка увеличилась всего до 53 номеров. В ней добавилось девять новых пунктов: один в Польше (Белосток), четыре в России (Курск, Ростиславль в Рязанской обл., Стародубский р-н Брянской обл. и Привольное в Калининградской обл.) и четыре на Украине (Бушево в Киевской обл., Устье в Тернопольской обл., Выхвостов и Репки в Черниговской обл.) (Перхавко, 2018. С. 218, 251, 273–274. № 36, 44–51). Для Москвы отмечено увеличение количества находок пломб: с 12 до 50 экз. (Перхавко, 2018. С. 258. № 41). Как и в предыдущих изданиях, здесь сохранились четыре пункта, где находки пломб отмечены ошибочно. Общая статистика топографии находок пломб в сводке 2018 г.: Польша – 5, Украина – 15, Беларусь – 10, Литва – 1, Россия – 22 пункта.

Анализируя итоги работы по картографированию пломб, В. Б. Перхавко отметил, что их находки, за редким исключением, не выходят за пределы исторической территории Древней Руси и неравномерно распределены в рамках современных границ названных выше стран. Всего историк насчитывал около 15 000 пломб, из которых до 12 000 было собрано в Дрогичине и его окрестностях (80%), около 2500 – в Северной Руси (17%) и лишь около 450 (3%) – в западно- и южнорусских землях. За исключением Дрогичина наиболее значительные серии пломб по его подсчетам происходят из Новгорода (около 1000) и Городца на Волге (около 1600). В селе Борки у Рязани, на городище Ста-

рая Рязань и в Белоозере собрано от 150 до 240 пломб; в Пскове, Старой Ладогe и Ратмино на Волге – от 20 до 50 пломб. В крупных южнорусских центрах (Киев, Чернигов, Галич) количество пломб не превышает 10 экз. (Перхавко, 2006. С. 227, 230, 272. № 35; 2018. С. 219, 256. № 35).

Топографические сводки В. Б. Перхавко 1996, 2006 и 2018 гг. подводят черту под изучением вопроса о количестве и распространении древнерусских пломб на рубеже XX–XXI вв., но их следует признать значительно устаревшими.

Большое внимание древнерусским пломбам уделял покойный С. В. Белецкий. В его богатом научном наследии имеется целая серия трудов, посвященных как изучению княжеских знаков на пломбах, так и публикациям их отдельных собраний (см., к примеру: Белецкий, 1996; 1999; 2017; 2018а; 2018б).

* * *

Автор рассматривает пломбы как одну из важных категорий предметов средневековой материальной культуры и составную часть древнерусской сфрагистики. Подобная практика пломбирования пришла из Византии и теснейшим образом связана с экономикой и торговлей Древнерусского государства. Можно полагать, что небольшими круглыми или овальными кусочками свинца со сквозным каналом (размером в среднем 7–15 мм) опечатывали для обеспечения цельности и сохранности при транспортировке упаковки различных товаров, в первую очередь меха пушных животных. Подобную функцию выполняли, вероятно, деревянные цилиндры-пломбы (меты) с двумя сквозными пересекающимися каналами, служившие для запираания мешков с ценностями и датирующиеся второй половиной X – первой четвертью XII в. (Янин, 2001). Не исключено, что свинцовые пломбы использовались также при совершении каких-то таможенных операций.

Регистрация находок пломб на территории России, Украины и Беларуси ведется автором с середины 1990-х гг. За прошедшее время собрана значительная информация (преимущественно из разных регионов России), базирующаяся на трех видах источников:

1) пломбы, визуально осмотренные и документированные автором. Как правило, это материалы, полученные при археологических раскопках в средневековых городах и селищах (в первую очередь в Новгороде). Внедрение в практику полевых работ археологов металлодетекторов значительно увеличило количество находимых мелких металлических предметов, в том числе и древнерусских пломб;

2) пломбы, опубликованные или упомянутые в научной литературе;

3) пломбы, полученные от различных корреспондентов по почте (преимущественно электронной). Таким способом собрана значительная информация о пломбах, полученных нелегальным путем. Использование современных поисковых приборов частными лицами при несанкционированных сборах и слабая юридическая защищенность объектов

культурного наследия в России, Украине и Беларуси привели за последние 25 лет к массовому разграблению памятников археологии. На антикварный рынок оказались выброшенными десятки тысяч различных средневековых предметов, в том числе печатей и пломб. Во многом благодаря этому стало известно о многочисленных сфрагистических материалах, кардинально расширивших географию находок этого вида древностей. Для территории России сведения более многочисленны, чем для других стран. Следует признать, что значительная часть этой информации неконкретна и ущербна. Сведения о местах находок многих пломб остаются неизвестными или сомнительными, что сильно снижает научный потенциал зарегистрированного материала.

Сводка включает сведения о сфрагистических материалах с территории шести государств, собранные до сентября 2018 г. Она насчитывает 926 номеров (в том числе 20 литерных). Пломбы из России описаны под 578 номерами (№ 1–29, 29а, 30–573, 573а, 574–576), из Латвии и Литвы – под одним номером (№ 577 и 578), из Польши – под 37 номерами (№ 579–591, 591а–591i, 592–597, 597а–597d, 598, 599, 599а, 600, 600а)³, из Беларуси – под 70 номерами (№ 601–632, 632а, 633–668), из Украины – под 239 номерами (№ 669–809, 809а, 810–906).

Сфрагистические находки на карте Восточной Европы структурированы по географическому принципу: их перечисление дается с северо-запада на юго-восток. Описание мест находок в отдельных государствах соответствует современному административно-территориальному делению. Как области, так и районы внутри областей также сгруппированы с северо-запада на юго-восток; внутри районов очередность населенных пунктов подчинена хронологии находок пломб. Новые или уточненные места находок, во избежание кардинального изменения общей нумерации работы, включены в сводку с дополнительными уточняющими литерами (их 20, см. выше). Три публикации 2018 г., вводящие в научный оборот большой массив пломб из Брянской области, а также с территории Беларуси и Украины, стали известны автору в период завершения составления топографии, и сведения из них включены в сводку в самом общем виде, без указания конкретных мест находок (Gaydukov, 2019. Р. 253, 282–283, 302, 350, 380–381, 403–404. № 418, 668, 906).

Всего насчитывается около 30 600 древнерусских пломб и их заготовок⁴. В России таких находок около 7700 (в 18 областях, в том чис-

---

³ Топография находок пломб в Польше составлена при содействии А. Е. Мусина, которому автор глубоко признателен за оперативную помощь.

⁴ Уже после завершения составления настоящей топографии автору стали известны новые сфрагистические публикации по исследуемой теме. В одной из них даны фотографии 36 пломб из девяти областей России (Гулецкий, 2018. С. 131–133. Табл. 1). В другой – представлен каталог из 69 номеров с изображением 102 пломб. Материал сгруппирован согласно регионам Древнерусского государства, а большинство пломб

ле одна пломба из Калининградской обл.), в Польше – около 15 200 (в четырех воеводствах⁵), в Беларуси – более 1000 (во всех шести областях), на Украине – более 6650 пломб (в 16 областях, для 5580 экз. нет привязок к административным образованиям). На территории Литвы найдено 37, а на территории Латвии – одна пломба.

В России пломбы зарегистрированы в нескольких десятках мест. Преимущественно они сосредоточены на территории средневековых городов, но встречаются и на многочисленных сельских поселениях. Наибольшее количество пломб происходит из Новгорода и его окрестностей (более 3100 экз., в том числе более 40 заготовок), Городца на Волге (более 1600 экз., в том числе 3 заготовки) и Смоленска (более 1030 экз., в том числе около 570 заготовок). Следует также назвать такие центры концентрации пломб, как Белоозеро в Вологодской обл. (около 360 экз.), Борки под Рязанью (более 140 экз.), Старая Ладога (85 экз.), Москва (более 70 экз.), поселение Усть-Шексна в Рыбинске (около 60 экз.), Псков (около 60 экз.), Торжок с окрестностями (50 экз.), поселение Ратмино в Московской обл. (около 50 экз.), Курск (более 50 экз.), поселение Воронцово в Тверской обл. (24 экз.), Ярославль (18 экз.), Старая Рязань (более 17 экз.), Ростов (15 экз.), поселение Могутово в Московской обл. (11 экз.), Тверь (9 экз.), Вязьма (9 экз.), Дмитров (8 экз.). Значительная концентрация пломб на многочисленных сельских поселениях отмечена в Брянской (около 400 экз.) и Владимирской (более 150 экз.) областях. Особо следует отметить находку пломбы в Зеленоградском р-не Калининградской обл. (в ареале расселения древних пруссов на юго-восточном побережье Балтийского моря) – самую западную точку на карте в топографии (Gaydukov, 2019. P. 270, 367. № 573a).

В Польше (15 мест находок) наибольшие серии пломб происходят из Дрогичина (около 14 000 экз.) и Чермно (1085 экз.). В Пултуске зарегистрировано около 100 пломб, в Грудуске и Макове Мазовецком – около 50, а в Гродеке – около 20 пломб.

В Беларуси наибольшая концентрация находок пломб отмечена в Витебской области (более 600 экз.). Большинство пломб здесь происходит из Полоцка (около 350 экз.), Друцка (более 230 экз.) и Витебска (19 экз.). В Минской области (более 100 экз.) пломбы сконцентрированы в основном на посаде городища на Менке (более 66 экз.) и в Минске (более 29 экз.). В других регионах немногочисленные пломбы зарегистрированы в нескольких древнерусских городах и сельских поселениях.

даже получило персональную атрибуцию, которая остается в ряде случаев дискуссионной. Для каждого номера каталога дано описание пломбы, приводится основание ее атрибуции, количество зарегистрированных экземпляров, места находок, а также публикации (Гулецкий, Дорошкевич, 2018. С. 161–239).

⁵ Подсчеты А. Е. Мусина.

На Украине география находок пломб очень широка. Как и в других государствах, большинство находок происходит из средневековых городов, а также многочисленных сельских поселений. Наибольшее их количество зарегистрировано в западных областях. В Волынской обл. известно более 250 пломб (80 из Чемерина, 36 из Владимир-Волынского, 22 из Луцка), в Ровненской – около 150 экз. (121 из Пересопницы). Из Крылоса (древнерусский Галич, Ивано-Франковская обл.) происходит более 60, а из Звенигорода (Львовская обл.) – 20 пломб. В центральных областях Украины наибольшее количество пломб отмечено в Киевской обл. (более 115 экз.), 45 пломб найдено в Киеве. В Черниговской обл. зарегистрировано более 40 пломб, семь из них – из Чернигова. В Черкасской, Полтавской, Харьковской и Днепропетровской областях пломбы находят редко. К сожалению, часть известных сфрагистических материалов Украины обезличена: опубликованная в 2012 г. частная коллекция пломб, насчитывающая около 580 экз., лишена каких-то географических привязок (Анохин, 2012). Остается надеяться, что введение в научный оборот еще двух частных коллекций пломб, суммарно насчитывающих около 5000 экз., значительно расширит представление о географии их распространения на территории Украины (Gaydukov, 2019. P. 301–302, 403. № 904, 905).

Описание материала во всех пунктах топографии построено по следующей схеме: порядковый номер, место и год находки, количество пломб и их изображения (если они известны), обстоятельства находки, место хранения, источник информации.

Символика древнерусских пломб неоднократно разбиралась историками. На подавляющем их большинстве в разных сочетаниях отпечатались следующие изображения: святые (включая архангелов; изредка с колончатými надписями по сторонам фигуры); личины; кресты различной формы; княжеские, буквенные и геометрические знаки (в том числе знак в виде треугольника, увенчанного крестом⁶); отдельные точки. Изредка на пломбах помещались кириллические надписи (см. рис. 1–12)⁷. Заготовки пломб, как правило, литые, со сквозным каналом (рис. 13).

---

⁶ Термин С. В. Белецкого.

⁷ За предоставление фотографий пломб автор признателен О. М. Олейникову и В. К. Сингху, за помощь в составлении рисунков – А. Е. Мусину и И. В. Волкову.

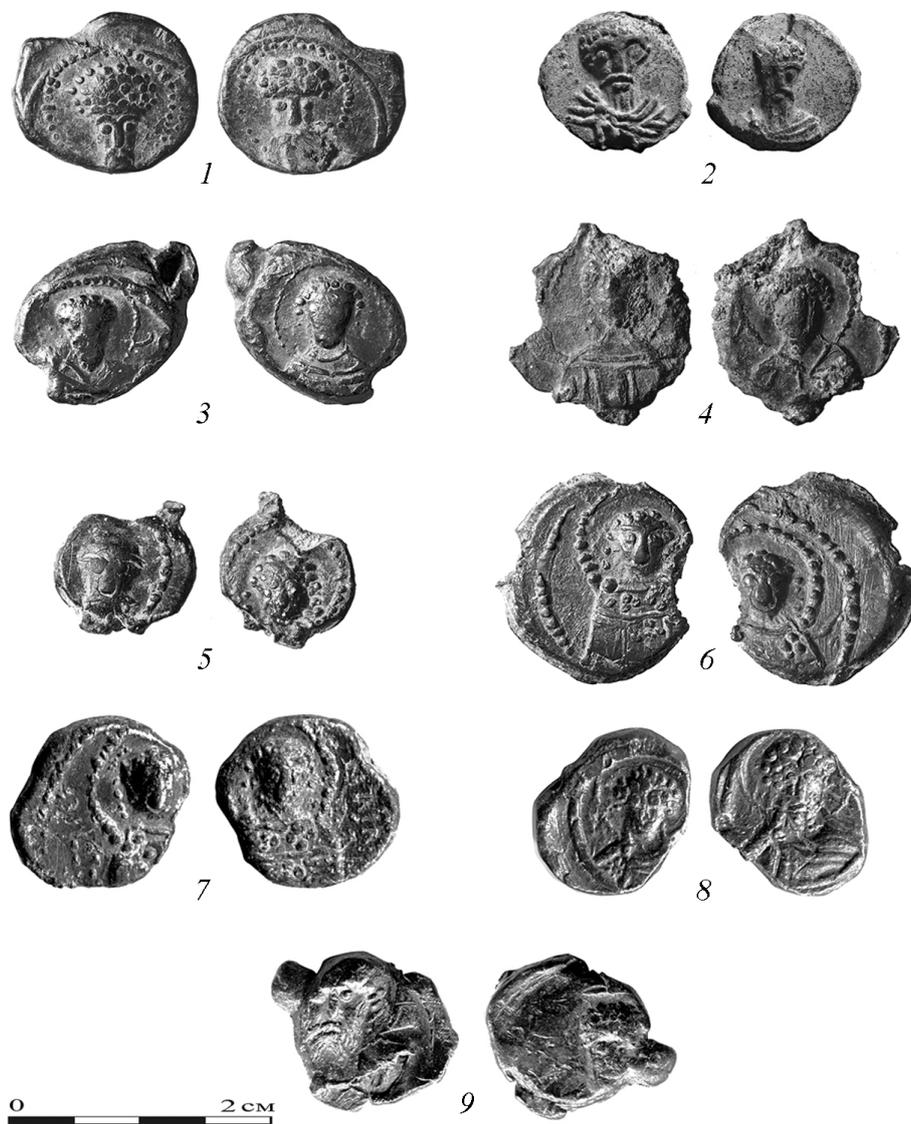

Рис. 1. Пломбы с изображением святых на обеих сторонах,
из раскопок в Новгороде:
1, 3–6 – Троицкий XIII раскоп; 2 – Десятинный IV раскоп;
7–9 – Лукинский II раскоп.
Фото О. М. Олейникова и В. К. Сингха

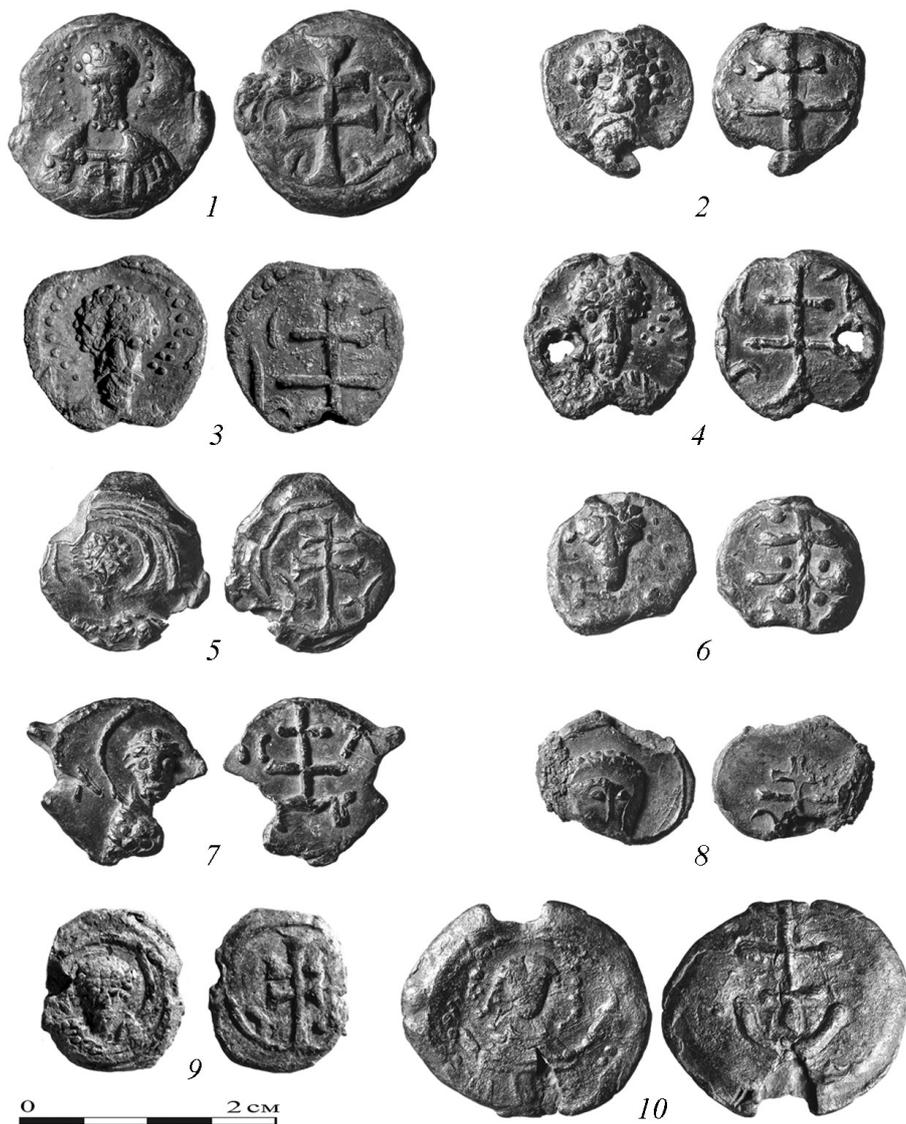

Рис. 2а. Пломбы с изображением святого и креста, из раскопок в Новгороде:
 1, 2, 4–8, 10 – Троицкий XIII раскоп; 3 – Воздвиженский раскоп;
 9 – Десятинный IV раскоп.
 Фото О. М. Олейникова и В. К. Сингха

Рис. 26. Пломбы с изображением святого и креста,
из раскопок в Новгороде (11, 13–15, 19, 20) и Смоленске (12, 16–18):
11, 13, 14, 19, 20 – Троицкий XIII раскоп; 15 – Десятинный IV раскоп.
Фото О. М. Олейникова и В. К. Сингха

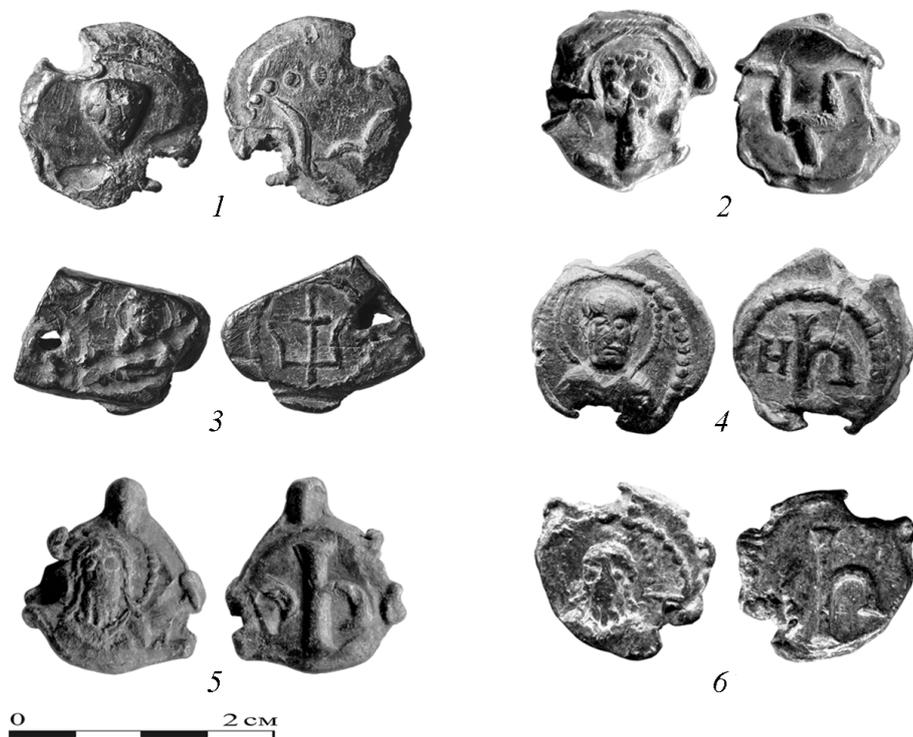

Рис. 3. Пломбы с изображением святого и княжеского знака,
из раскопок в Новгороде:
1, 3 – Троицкий XIII раскоп; 2, 4–6 – Лукинский II раскоп.
Фото О. М. Олейникова

Рис. 4. Пломбы с изображением святого и буквенного знака,
из раскопок в Смоленске.
Фото О. М. Олейникова

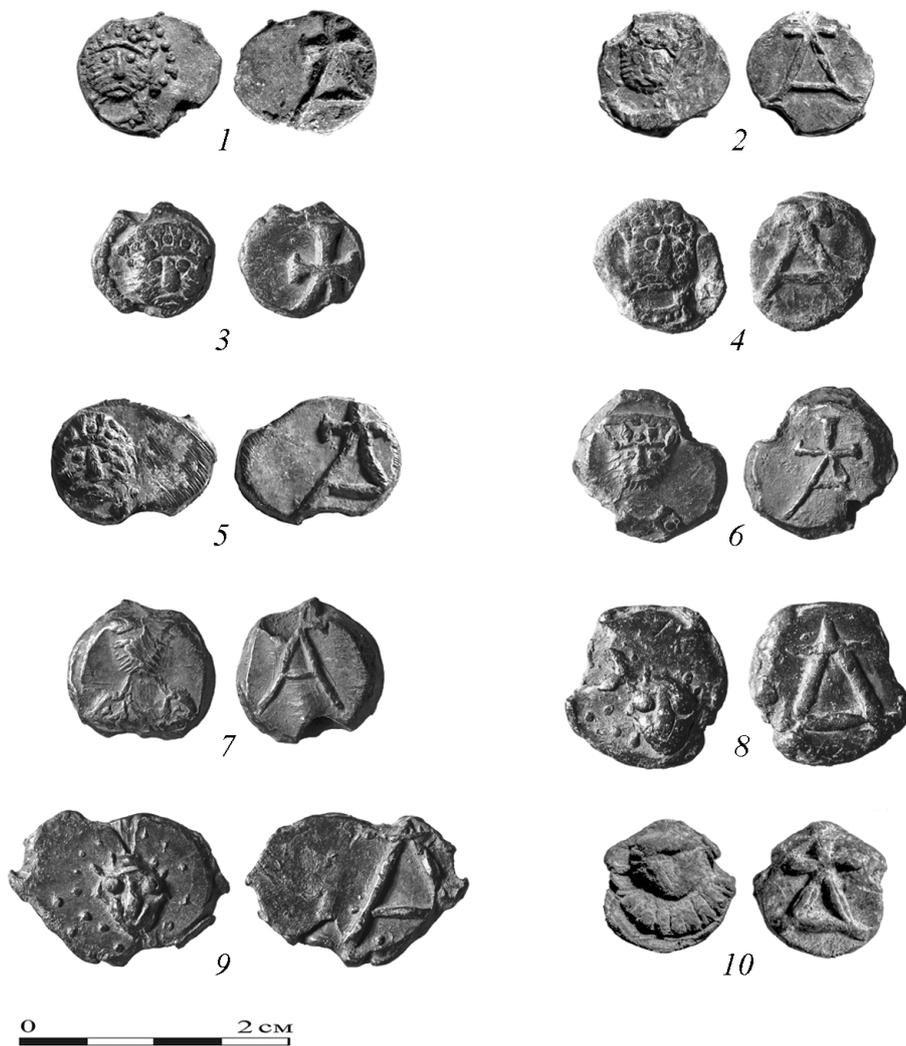

Рис. 5. Пломбы с изображением святого и знака в виде треугольника, увенчанного крестом, из раскопок в Смоленске (1, 2) и Новгороде (3–10):
 3, 4, 6–9 – Троицкий XIII раскоп; 5 – Десятинный IV раскоп;
 10 – Воздвиженский раскоп.
 Фото О. М. Олейникова и В. К. Сингха

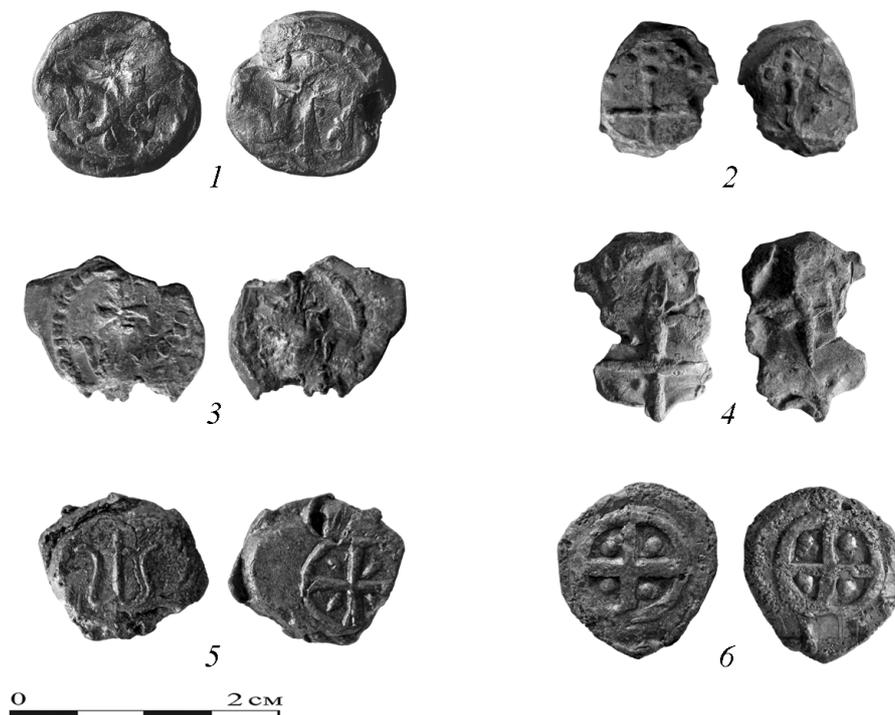

Рис. 6. Пломбы с изображением крестов на обеих сторонах,
из раскопок в Новгороде (1–3), Твери (4) и Чермно (5, 6):
1 – Троицкий XIII раскоп; 2, 3 – Лукинский II раскоп.
Фото О. М. Олейникова, В. К. Сингха, Е. А. Романовой и В. Polit

Рис. 7. Пломбы с изображением процветших крестов на обеих сторонах,
из раскопок в Новгороде: 1, 2 – Троицкий XIII раскоп.
Фото В. К. Сингха

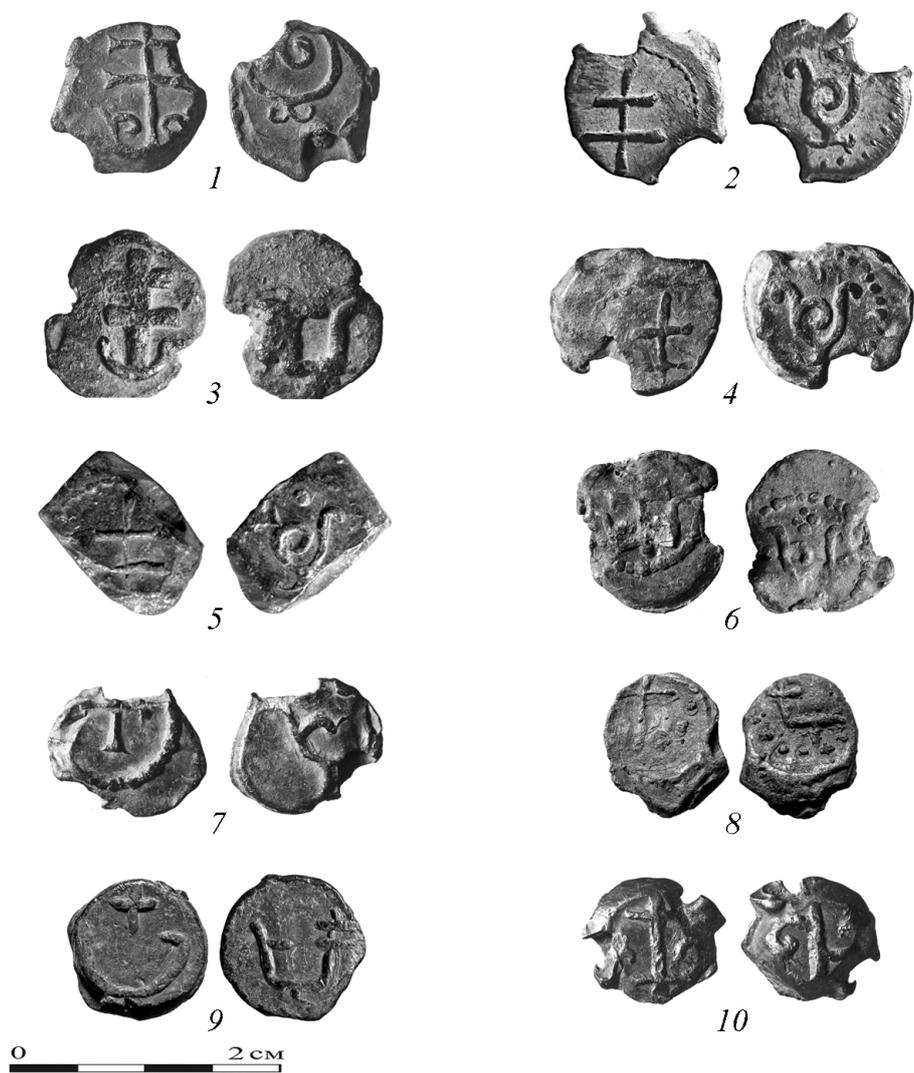

Рис. 8. Пломбы с изображением креста и княжеского знака,
из раскопок в Новгороде (1–8, 10) и Смоленске (9):
1, 3, 4, 6, 7, 10 – Троицкий XIII раскоп; 2 – Десятинный IV раскоп;
5, 8 – Лукинский II раскоп.
Фото О. М. Олейникова и В. К. Сингха

Рис. 9. Пломбы с изображением процветшего креста и буквенного знака, из раскопок в Новгороде (1, 3 – Троицкий XIII раскоп) и находка из Друцка, Беларусь (2).
 Фото В. К. Сингха, архив П. Г. Гайдукова

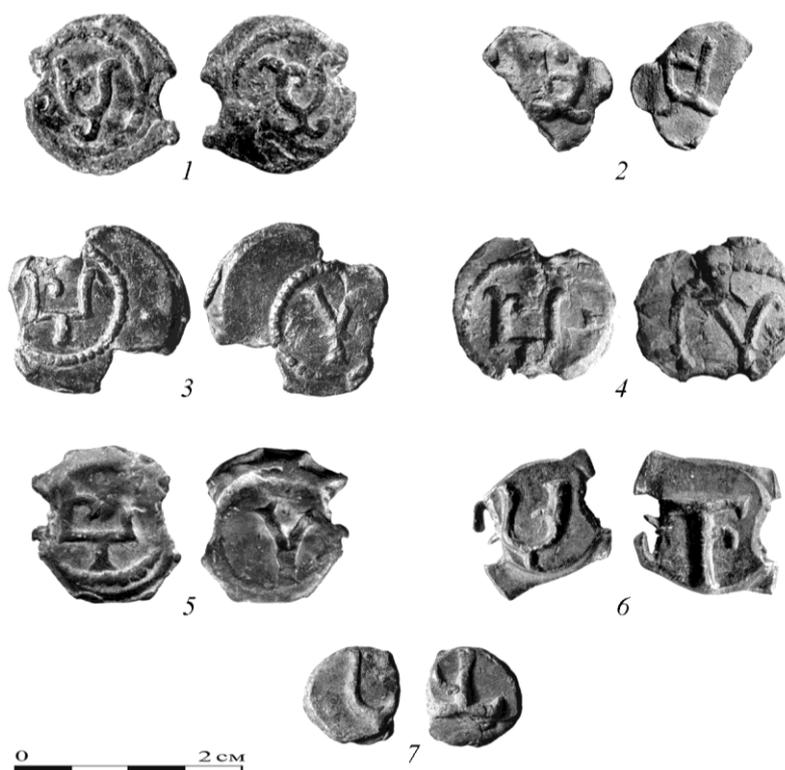

Рис. 10. Пломбы с изображением княжеских знаков на обеих сторонах, из раскопок в Новгороде:
 1, 5, 6 – Лукинский II раскоп; 2 – Десятинный IV раскоп;
 3, 7 – Троицкий XIII раскоп; 4 – Воздвиженский раскоп.
 Фото О. М. Олейникова и В. К. Сингха

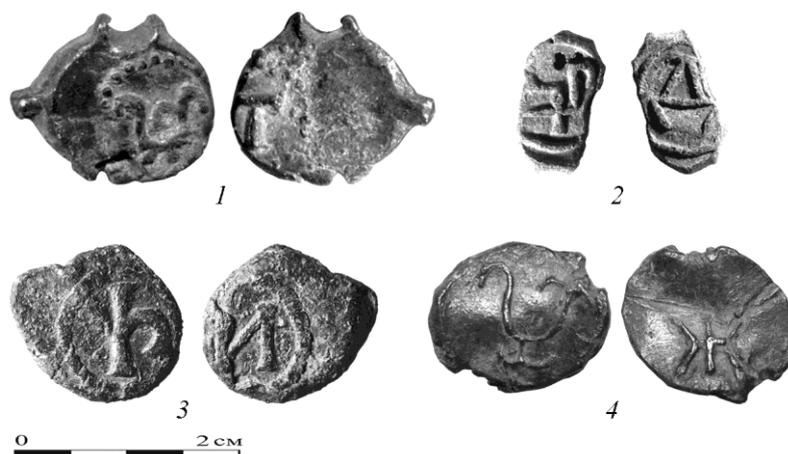

Рис. 11. Пломбы с изображением княжеского и буквенного знаков, из раскопок в Новгороде (1–3) и находка из Брестской обл., Беларусь (4):
 1 – Лукинский II раскоп; 2 – Десятинный IV раскоп; 3 – Троицкий XIII раскоп.
 Фото О. М. Олейникова, В. К. Сингха, архив П. Г. Гайдукова

Рис. 12. Пломбы с изображением буквенных знаков на обеих сторонах, из раскопок в Новгороде:
 1, 2, 4 – Троицкий XIII раскоп; 3 – Десятинный IV раскоп.
 Фото О. М. Олейникова и В. К. Сингха

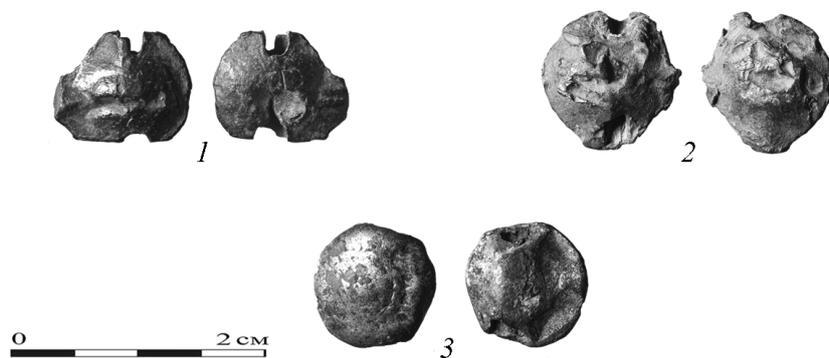

Рис. 13. Литые заготовки пломб, из раскопок в Новгороде:
 1–3 – Троицкий XIII раскоп.
 Фото В. К. Сингха

Диаметр большинства пломб, как уже отмечалось, укладывается в интервал 7–15 мм. Из-за малых размеров заготовок святые крайне редко изображались в рост, но преимущественно в виде поясных, погрудных или оплечных фигур. В отдельных случаях на матрице вырезалась (иногда довольно грубо) только голова святого в нимбе, что при описании всегда оговаривается. Зачастую диаметр матриц значительно превышает размеры пломб и изображения оказываются оттиснутыми лишь частично. Это обстоятельство, а также отсутствие имен святых, затрудняет их атрибуцию.

На пломбах часто помещались изображения крестов разных типов, в том числе и процветших. Но из-за их небольшого размера или фрагментарности форму креста не всегда можно определить. Поэтому при описании их типы не всегда указаны. То же можно сказать и про изображение княжеских знаков.

На пломбах иногда встречаются следы повторного оттиска изображений – свидетельство ее переутверждения другим буллотиреом и вторичного использования. Такие случаи редки и при описании всегда оговариваются.

Датировка древнерусских пломб всегда сталкивалась со значительными трудностями. Гигантская коллекция пломб из Дрогичина была собрана, в основном, вне сохранившегося культурного слоя этого поселения и без необходимого для датировок археологического контекста. Бытование пломб в целом относят к домонгольскому периоду, более конкретно – к концу XI – первой трети XIII в. (Ершевский, 1979). Однако до недавнего времени надежных оснований для такой датировки было немного.

За последние годы при раскопках в Великом Новгороде собраны значительные коллекции пломб (Олейников, Гайдуков, 2018. С. 275, 302. Табл. 1). Важнейшими из них являются находки, полученные на Деся-

тинных (2008, 2010 гг.), Троицком XIII (2009–2013 гг.) и Лукинском II (2012 г.) раскопах, где благодаря дендрохронологическому методу они получили твердую датировку (Tarabardina, 2019).

На Троицком XIII раскопе (участки Г и Г-1) обнаружено 126 пломб и три заготовки. Они появились на городской усадьбе в 1090-е годы и существовали весь XII в. Прекращение их бытования датируется рубежом XII–XIII вв. (Volkhonsky, Singh, 2019; Tarabardina, 2019).

На Лукинском II раскопе обнаружено 124 пломбы и три заготовки. Первые экземпляры выпали в культурный слой в конце XI – начале XII в. (21 экз., 17%). В слоях первой половины XII в. их насчитывается 75 экз. (60%), второй половины XII в. – 22 экз. (18%). В слое конца XII – начала XIII в. собрано 6 пломб (5%) (Олейников, Гайдуков, 2018. С. 275, 302. Табл. 2; Tarabardina, 2019).

Еще одна исключительная по важности коллекция пломб получена на Торговой стороне Новгорода, на раскопе по ул. Знаменская, д. 15, в 2018 г. (Гайдуков и др., 2020. С. 24–26). Здесь собрано 105 пломб. 96 из них имеют обычные для подобных находок размеры и оформление. Их предварительная стратиграфическая датировка: конец XI – первая половина XIII в. Девять пломб благодаря очень малому размеру (7–10 мм) и особому оформлению – на них изображены знаки, похожие на буквы С и Ф – заметно выделяются среди других (рис. 14). Они залегают в слоях, которые предварительно датируются концом XIII – первой половиной XIV в. В Новгороде такие поздние пломбы обнаружены впервые.

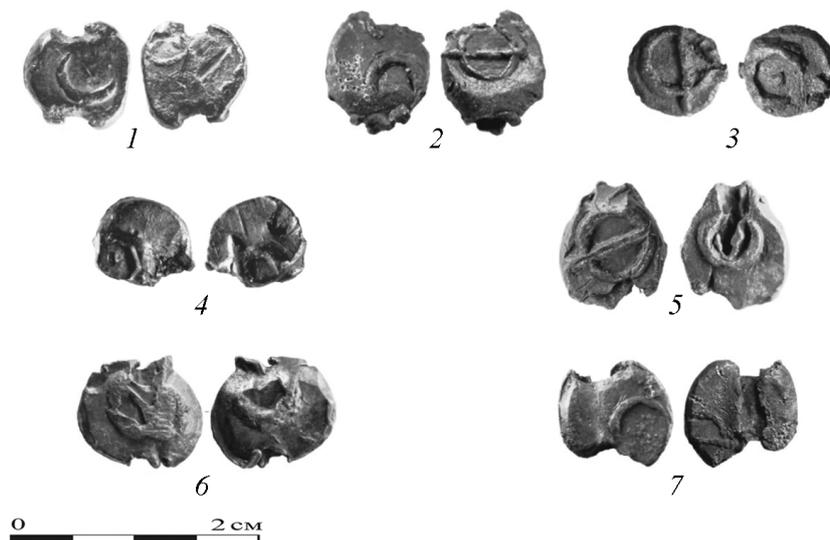

Рис. 14. Пломбы малого размера с изображением буквенных знаков на обеих сторонах, из раскопок в Новгороде:

1–7 – раскоп Знаменская, 15 (2018 г.).

Фото О. М. Олейникова

Подобные маленькие пломбы благодаря раскопкам обнаружены еще в двух городах. В Москве они залегали в слоях XIII (?) – первой половины XV в. (рис. 15), в Вязьме – в слое XIII в. В первом городе их насчитывается 72 экз., во втором – 9 экз. (Векслер, Зайцев, 2000; Векслер, Петухов, 2012; 2015; Волков, 2017; Кренке и др., 2019. С. 402. Рис. 9; Gaydukov, 2019. P. 247, 254–256, 342, 350–352. № 327, 423–434).

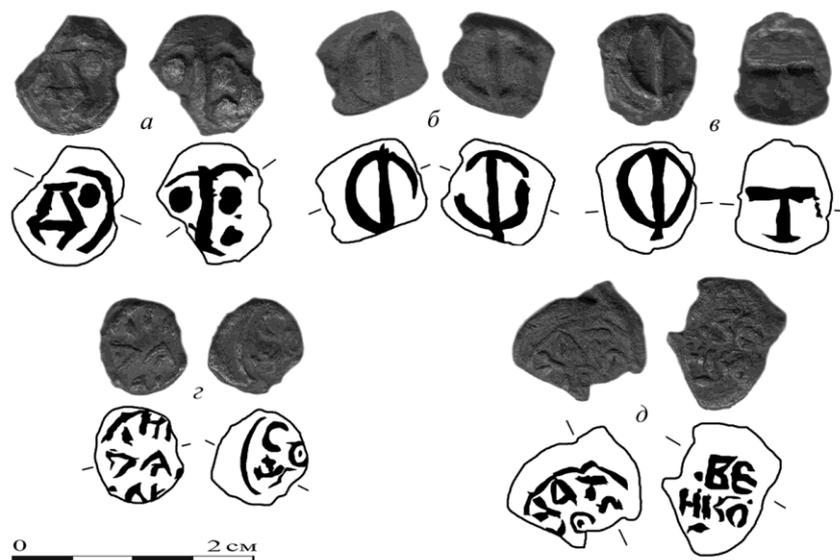

Рис. 15. Пломбы малого размера, из раскопок в Москве (Софийская набережная, 2016 г.):

a–в – с изображением буквенных знаков на обеих сторонах;

z, d – с надписью «ПЕЧАТЬ – ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ».

Фото И. В. Волкова (по: Волков И. В., 2017. С. 118. Рис. 5).

Опираясь на новгородские датировки, появление свинцовых пломб в Восточной Европе можно относить к последнему десятилетию XI в. Весь XII в. пломбы массово использовались в экономической жизни Древнерусского государства, а их исчезновение связано, вероятно, с монгольским нашествием 1230-х гг., повлиявшим кардинальным образом на экономику и торговлю Руси. Открытый недавно в Москве, Вязьме и Новгороде новый сфрагистический материал показывает, что практика опечатывания товаров в период монгольского владычества после какого-то перерыва начала, вероятно, постепенно возрождаться. Однако маленьких пломб XIII–XV вв. собрано пока недостаточно для определения их роли и значения в жизни Русского государства этого времени.

В западнорусских землях, не затронутых монгольским разгромом, активное бытование пломб могло сохраниться в XIII в. и позже. Можно полагать, что значительные отличия пломб, происходящих из Дрогичи-

на и Чермно, объясняются в том числе и разным временем их существования.

В заключении следует кратко охарактеризовать недавнее исследование А. Е. Мусина. Он провел подробное сравнительное изучение изображений на пломбах из Дрогичина и других средневековых памятников на территории Польши с символикой многочисленных монет князей из династии Пястов (так называемых «пуговичных» брактеатов) середины XIII – первой половины XIV в. (Мусин, 2021; Musin, 2022). По многим позициям историк установил безусловное сходство изображений на пломбах и монетах и пришел к следующему заключению: «...изображения на свинцовых пломбах, открытых в средневековой Польше, не только соответствуют нумизматическим типам Пястов середины XIII – первой половины XIV в., но и находят соответствия исключительно среди пломб из Дрогичина и Чермно, будучи совершенно неизвестными в других землях Древней Руси. Их стоит признать пломбами администрации Пястов, которые имели торговый, таможенный или фискальный характер и не были связаны с утверждением кожано-меховых денег и безмонетным периодом. При этом очевидно, что феномен польских пломб генетически связан с восточноевропейскими пломбами “дрогичинского типа”, поскольку ни в Центральной, ни в Западной Европе такие свинцовые удостоверительные знаки не встречаются. Соответственно, западные соседи не могли повлиять на появление подобной практики в Польше» (Мусин, 2021. С. 307).

Подводя итог своему исследованию, А. Е. Мусин отметил, что, позаимствовав от своих восточных партнеров институт пломбирования в целях контроля торговых и фискальных операций, Пясты на пломбах помещали свои идентификационные знаки. Историк высказал предположение о том, «что именно Польша передала институт пломбирования в Западную Европу... где уже в конце XIII в. появляются многочисленные текстильные и товарные пломбы, которые просуществовали в модифицированном виде вплоть до современности» (Мусин, 2021. С. 310).

Дальнейшая работа по регистрации новых находок и изучению уже собранных коллекций древнерусских и западноевропейских свинцовых товарных пломб позволит уточнить или опровергнуть это интересное суждение⁸.

Литература и источники

Авенариус, 1890 – Авенариус Н. П. Дрогичин Надбужский и его древности // Древности Северо-Западного края. Т. I. Вып. 1 (Материалы по истории России. № 4). СПб., 1890. С. 3–42, табл. I–III.

---

⁸ См. основную новейшую литературу по теме: Белецкий, 2019; 2020; 2021; Богущ, 2020; Богущ, Гулецкий, 2020; Гулецкий, 2019; 2021; Гулецкий, Богущ, 2019; Гулецкі, Богущ, Кабак, 2022; Торопова, 2020; Шарковская, 2021.

Анохин, 2012 – Анохин В. А. Свинцовые пломбы великого княжества Киевского (X–XIII вв.). Киев: Издательский дом «Стилос», 2012. 63 с., 16 табл. на вкл.

Белецкий, 1996 – Белецкий С. В. Новые сфрагистические находки из Торжка // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации: Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. СПб., 1996. С. 45–48.

Белецкий, 1999 – Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К. В. Болсуновского) // *Stratum plus*. 1999. № 6. С. 288–330.

Белецкий, 2018а – Белецкий С. В. Древнерусские пломбы в публикации В. А. Анохина // *Stratum plus*. 2018. № 5. С. 311–332.

Белецкий, 2018б – Белецкий С. В. Древнерусские пломбы из Старой Ладogi // *Записки ИИМК РАН*. № 18. СПб., 2018. С. 105–132.

Белецкий, 2019 – Белецкий С. В. Древнерусские пломбы с территории Украины (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // *Stratum plus*. 2019. № 6. С. 221–226.

Белецкий, 2020 – Белецкий С. В. Древнерусские пломбы из Брянской области (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // *Записки ИИМК РАН*. 2020. № 23. С. 132–143.

Белецкий, 2021 – Белецкий С. В. Древнерусские пломбы из Курской области (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // *Записки ИИМК РАН*. 2021. № 25. С. 234–242.

Белецкий, Веретюшкин, Горлов, 2017 – Белецкий С. В., Веретюшкин А. Н., Горлов К. В. Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2016 г. // *Записки ИИМК РАН*. № 16. СПб., 2017. С. 146–157.

Богуш, 2020 – Богуш А. К. Древнерусские свинцовые пломбы XI–XIV вв. по новым находкам в Беларуси // РЛЮ. Т. 8. Спецвыпуск «Древний Полоцк и сопредельные государства». Минск, 2020. С. 122–186.

Богуш, Гулецкий, 2020 – Богуш А. К., Гулецкий Д. В. Находки древнерусских свинцовых пломб XI–XIII вв. на территории бывшей Логожской волости // РЛЮ. Т. 8. Спецвыпуск «Древний Полоцк и сопредельные государства». Минск, 2020. С. 88–121.

Болсуновский, 1894 – Болсуновский К. В. Дрогичинские пломбы. Ч. I. Киев, 1894. XLVIII + 90 с., 21 л. ил.

Векслер, Зайцев, 2000 – Векслер А. Г., Зайцев В. В. Загадочные «великокняжеские» пломбы // *Гербовед*. № 3 (41). М., 2000. С. 17–21.

Векслер, Петухов, 2012 – Векслер А. Г., Петухов С. П. Памятники сфрагистики XIII–XVII вв. из раскопок в Москве // *Археология Москвы – линия жизни: сб. статей и материалов в связи с 80-летием А. Г. Векслера*. М., 2012. С. 68–90.

Векслер, Петухов, 2015 – Векслер А. Г., Петухов С. П. Анализ монет и свинцовых пломб // Векслер А. Г. Москва. Раскопки на Великом посаде. Улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый гостинный двор. Материалы исследований. М.: ООО «ТМ Продакшн», 2015. С. 383–455.

Волков, 2017 – Волков И. В. Монеты и свинцовые пломбы из раскопок 2016 г. на Софийской набережной в Москве // *Археология русского города: материалы научно-практического семинара 2016 г.* М., 2017. С. 112–126. (Труды Столичного археологического бюро. Т. I).

Высоцкий, 1908 – Высоцкий Н. Ф. Несколько слов о древностях Волжской Болгарии // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при*

Императорском Казанском университете. Т. XXIV. Вып. 4. Казань, 1908. С. 340–351.

Гайдуков и др., 2020 – Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Богомолов А. В., Короткова Е. В., Перейма Д. В. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2018 г. // НиНЗ АИ. Великий Новгород, 2020. Вып. 33. С. 24–31.

Гулецкий, 2018 – Гулецкий Д. В. Древнерусские свинцовые пломбы как нумизматический источник домонгольского периода // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2018. Вып. 7. С. 114–133.

Гулецкий, 2019 – Гулецкий Д. В. Второй Друцкий комплекс свинцовых пломб и исторический контекст друцких находок // IV Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога, 14–16 апреля 2017 г.: сб. статей. СПб., 2019. С. 375–378.

Гулецкий, 2021 – Гулецкий Д. В. Комплекс древнерусских свинцовых пломб из Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2021. Вып. 9. С. 103–113.

Гулецкий, Богуш, 2019 – Гулецкий Д. В., Богуш А. К. О находках древнерусских свинцовых пломб XI–XIII вв. на юго-западе Полоцкой и в пределах Туровской земель // РЛЮ. Вып. 7. Тула, 2019. С. 144–154.

Гулецкі, Богуш, Кабак, 2022 – Гулецкі Дз. У., Богуш А. К., Кабак А. В. Уводзіны ў «малую сфрагістыку» Полацкага княства другое паловы XII стагоддзя // *Rus', Lithuania, Horde: Journal of numismatics and sigillography*. Vol. 10. Kaunas, 2022. P. 32–82.

Гулецкий, Дорошкевич, 2018 – Гулецкий Д. В., Дорошкевич Н. А. Меховые деньги Древней Руси XI–XIII вв. Минск: РИФТУР ПРИНТ, 2018. 280 с.

Ершевский, 1979 – Ершевский Б. Д. Новгородские свинцовые пломбы конца XI – первой трети XIII в. как источник для политической истории Новгорода: автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ. Историч. ф-т. М., 1979. 15 с.

Ершевский, 1985 – Ершевский Б. Д. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н. П. Лихачева) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л., 1985. С. 36–57.

Ершевский, 1990 – Ершевский Б. Д. О двух малых печатях новгородских посадников середины XII в. из находок у г. Белоозера // НиНЗ АИ. Новгород, 1990. Вып. 3. С. 81–84.

Кренке и др., 2019 – Кренке Н. А., Ершов И. Н., Кудрявцев Б. В., Платановский Р. Б., Раева В. А. Соборный холм Вязьмы в свете новых раскопок 2017 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 388–405.

Леопардов, 1891 – Леопардов Н. А. О печати царева мужа. (По поводу дрогичинских пломб) // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Серия вторая. Вып. I. Киев, 1891. С. 19–24. Табл. VI.

Лихачев, 1930 – Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. (Труды музея палеографии. Т. 2). Л., 1930. 270 с.

Лучицкий, 1892 – Лучицкий И. В. По поводу «Дрогичинских древностей»: Заметки к истории торговых сношений Ганзы с Северо-Западной и Южной Русью // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 6. Киев, 1892. С. 73–104.

Мусин, 2021 – Мусин А. Е. Пломбы из Дрогичина и «дроги́чинские» пломбы: новое в изучении средневековых свинцовых пломб Восточно-Центральной Европы // Археологические вести. Т. 31. СПб., 2021. С. 290–318.

Олейников, Гайдуков, 2018 – Олейников О. М., Гайдуков П. Г. Древнерусские пломбы и торгово-хозяйственные связи Новгорода с восточными районами Новгородской земли (по материалам Лукинского-2 раскопа 2012 г.) // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сб. материалов Всерос. науч. конф. с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.): в 2 ч. / отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. гр-па АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. VII). С. 274–303.

Перхавко, 1996 – Перхавко В. Б. Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М.: Археографический центр, 1996. С. 211–247.

Перхавко, 1999 – Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. М.: Academia, 2006. (Глава 5. «Загадочные дрогичинские пломбы» – С. 219–274).

Перхавко, 2018 – Перхавко В. Б. Торговля и торговцы средневековой Руси. М.: Академический проект, 2018. (Глава 7. «Загадочные пломбы дрогичинского типа» – С. 213–260).

Торопова, 2020 – Торопова Е. В. Древнерусские свинцовые пломбы из раскопок в Старой Руссе: топография и хронология // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 66–81.

Тышкевич, 1865 – Тышкевич К. П. Свинцовые отгики, найденные в реке Буге у Дрогичина // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. I. Вып. 2. М., 1865. С. 115–122, табл. VI–VII.

Черепнин, 1894 – Черепнин А. И. Борковский остров и его древности // Археологические известия и заметки. М., 1894. Т. II, № 6–7. С. 177–184.

Шарковская, 2021 – Шарковская Н. Ю. Пломбы из Дрогичина в археологическом собрании ВОКМ [Витебского областного краеведческого музея] // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь, 24–29 мая 2021 г. Тезисы докладов и сообщений. Тверь, 2021. С. 150–152.

Янин, 2001 – Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. 149 с., [2] с.

Ястребов, 1894 – Ястребов В. Н. Поездка на остров Каменоватый // Археологические известия и заметки. М., 1894. Т. II, № 5. С. 155–157.

Bołsunowski, 1891 – Bołsunowski K. Znaki pieczętne na ołowiu (płomby) znajdujący w Budu przy mieście Drohiczyne. Studium sfragistyczne // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Krakow. 1891. T. I, № 1 (7). Kol. 146–151; № 2 (8). Kol. 181–185.

Bołsunowski, 1895 – Bołsunowski K. Znaki pieczętne na ołowiu (płomby) znajdujący w Budu pod Drohiczyne. Studium sfragistyczne // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Krakow. 1895. T. II, № 4 (26). Kol. 371–383.

Bołsunowski, 1896 – Bołsunowski K. Znaki pieczętne na ołowiu (płomby) znajdujący w Budu pod Drohiczyne. Studium sfragistyczne // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Krakow. 1896. T. III, № 1 (27). Kol. 15–18.

Bołsunowski, 1897 – Bołsunowski K., 1897. Znaki pieczętne na ołowiu (płomby) znalezione w Lubowie, przy Starej Riazani i na wyspie Kamenowaty //

Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Kraków. T. III, № 1–2 (31–32). Kol. 229–233.

Gaydukov, 2019 – Gaydukov P. The topography of finds of early medieval small lead seals from East-Central and Eastern Europe: catalogue // The Sphinx of Slavic sigillography – small lead seals of “Drohiczyn type” from Czeremo in their East European context / Sfinks słowiańskiej sfragistyki – plomby “typu drohiczynskiego” z Czeremo na wschodnioeuropejskim tle porównawczym. A. Musin, M. Wołoszyn (eds.). (U źródeł Europy środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. T. 6, cz. 1 / Bd. 6. T. 1). Kraków – Leipzig – Rzeszów – SPb. – Warszawa, 2019. P. 187–440.

Musin, 2022 – Musin A. Ołów i władza: plomby Rurykowiczów i Piastów w Europie środkowo-wschodniej // Slavia Antiqua. Poznań, 2022. № 63. S. 199–258.

Tarabardina, 2019 – Tarabardina O. The dendrochronology and chronological distribution of small lead seals from medieval Novgorod based on the materials of excavations of 2000–2017 // The Sphinx of Slavic sigillography – small lead seals of “Drohiczyn type” from Czeremo in their East European context / Sfinks słowiańskiej sfragistyki – plomby “typu drohiczynskiego” z Czeremo na wschodnioeuropejskim tle porównawczym. A. Musin, M. Wołoszyn (eds.). (U źródeł Europy środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. T. 6, cz. 1 / Bd. 6. T. 1). Kraków – Leipzig – Rzeszów – SPb. – Warszawa, 2019. P. 681–702.

Volkhonsky, Singh, 2019 – Volkhonsky V., Singh V. Small lead seals of the 12th century from medieval Novgorod – Lydin End, Troitsky excavation, Homestead “Ж” // The Sphinx of Slavic sigillography – small lead seals of “Drohiczyn type” from Czeremo in their East European context / Sfinks słowiańskiej sfragistyki – plomby “typu drohiczynskiego” z Czeremo na wschodnioeuropejskim tle porównawczym. A. Musin, M. Wołoszyn (eds.). (U źródeł Europy środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. T. 6, cz. 1 / Bd. 6. T. 1). Kraków – Leipzig – Rzeszów – SPb. – Warszawa, 2019. P. 741–826.

Архивные материалы

Ершевский, А–1979а – Ершевский Б. Д. Новгородские свинцовые пломбы конца XI – первой трети XIII в. как источник политической истории Новгорода: дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. (Приложение I. Свод новгородских свинцовых пломб. Л. 165–227) // Научный архив Центра археологических исследований НовГУ.

Ершевский, А–1979б – Ершевский Б. Д. Новгородские свинцовые пломбы конца XI – первой трети XIII в. как источник политической истории Новгорода: дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. (Альбом. Дрогичинские свинцовые пломбы. 12 табл.) // Научный архив Центра археологических исследований НовГУ.

ЛСА – Лихачев Н. П. Сфрагистический альбом. Комплект фототипических таблиц и машинописный текст // Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444.

УДК 726.93(47.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.02

Л. А. Секретарь

**ПОДВОРЬЕ ДОМА СВ. СОФИИ «НА УСТЬЕ»: ИСТОРИЯ
МЕСТА РАСПОЛОЖЕНИЯ, СТРОИТЕЛЬСТВА
И АРХИТЕКТУРЫ**

Аннотация. В статье рассматривается история древнего, известного по летописным источникам с X в. поселения при впадении реки Питьба в Волхов в северных окрестностях Новгорода на месте современного микрорайона «Волховский». Начиная с XIII в. в летописях и других источниках в устье Питьбы упоминается Николаевский Пидебский погост с церковью Николая Чудотворца. В начале XVII в. после шведского разорения погост превратился в пустошь. В 1648 г. ее приписали к Дому св. Софии, а в 1650 г. новгородский митрополит, будущий патриарх всея Руси, Никон устроил на этом месте Архиерейское (Устьинское) подворье, конфискованное государством после 1917 г. Большое внимание в статье уделено истории строительства и архитектуры сохранившегося каменного храма в честь свт. Никиты – новгородского чудотворца, возведенного в 1914–1915 гг. по инициативе митрополита Арсения (Стадницкого).

Ключевые слова: село Никитское, церковь Николы на Питьбе, река Питьба, архиерейская мыза, митрополит Никон, церковь свт. Никиты, архиепископ Арсений (Стадницкий), митрополит Владимир (Богоявленский), Устинское подворье.

Abstract. The article deals with the history of the ancient, known from the chronicle sources from the X century. settlements at the confluence of the Pitba River with the Volkhov in the northern outskirts of Novgorod on the site of the modern “Volkhovsky” microdistrict. Since the XIII century in the annals and other sources in the mouth of Pitba, the Nikolaevsky Pidebsky churchyard with the church of St. Nicholas the Wonderworker is mentioned. At the beginning of the 17th century. after the Swedish devastation, the churchyard turned into a wasteland. In 1648 she was assigned to the House of St. Sofia, and in 1650. Metropolitan of Novgorod, the future patriarch of All Russia, Nikon built on this place the Bishop's (Ust'insky) courtyard, confiscated by the state after 1917. Much attention is paid to the history of the construction and architecture of the preserved stone church in honor of St. Nikita, the Novgorod miracle worker, erected in 1914–1915 at the initiative of Metropolitan Arseny (Stadnitsky).

Keywords: the village of Nikitskoye, the Church of St. Nicholas on Pitba, the Pitba River, the bishop's manor, Metropolitan Nikon, the Church of St. Nikita, Archbishop Arseny (Stadnitsky), Metropolitan Vladimir (Epiphany), Ustinskoe courtyard.

Место расположения одного из подворий Дома св. Софии в ближайших северных окрестностях Новгорода при впадении небольшой речки Питьба в Волхов в документах XVIII – начала XX в. чаще называется – «на Устье». В поздних источниках встречается название «село Никитское» или «Никитинское». Это место известно также как «Архиерейская мыза». В начале XX в. оно названо «Устье» (мыза Новгородского архиерейского дома) (Список населенных мест Новгородской губернии, 1907. С. 90; Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Новгородский уезд, 1895. С. 291). Помимо этого населенного пункта, упоминается деревня Новое Устье на реке Питьба близ Трубичинских казарм на Санкт-Петербургском шоссе. Сформировавшийся на месте старого Устья в советский период рабочий поселок получил наименование «Волховский». В недавнее время он включен в селитебную территорию Новгорода.

О существовании в устье Питьбы древнего поселения свидетельствуют летописные сообщения. В НПЛ под 989–991 гг. рассказывается о том, как однажды житель этого поселения – «питьблянин» (от названия реки Питьба) – вышел ранним утром на берег Волхова, чтобы взять «горонцы» (глиняные горшки) в город, и увидел, как по реке плывет сброшенный новгородцами языческий идол Перун¹. Он оттолкнул его шестом со словами: «Ты, рече, Перушице, досыть еси пил и ял, а ныне поплви прочь...» (НПЛ. С. 160).

Следующее летописное сообщение под 1228–1229 гг. фиксирует существование на этом месте деревянной церкви в честь св. Николая Чудотворца. В Волхове сильно поднялся уровень воды, и ветром сюда принесло восемь из девяти разрушенных городен Волховского моста: «...и принесе к Питбе под святыи Николу 8 городен в ночь, а 9-ю рознесе» (НПЛ. С. 160).

В 1418 г. на месте прежней деревянной церкви была построена новая с тем же посвящением: «...да церковь деревяну поставиша Николу на Питьбы» (НПЛ. С. 160).

В писцовой книге Водской пятины 1500 г. упоминается деревня Кушеверка, находившаяся в то время во владении Никольской церкви «с усть Питьбы» и церкви Иоанна на Опоках (НПК. Т. 3. 1868. Стб. 24). Сообщение в этой же книге «а церковь того погоста писана в великого князя волости в дворцовой в Королеве» не оставляет сомнений в том, что храм стоял на погосте и что Никольский Пидебский погост не входил в тот период в состав владений Дома св. Софии, а относился к дворцовому селу Королево (НПК. Т. 3, 1868. Стб. 13). Погост в устье

---

¹ Слово «горонцы» происходит от слова «горно», обозначающего печь для выделки керамических изделий (Новгородский областной словарь. 2010. С. 184). В этом месте и в соседнем Колмове залегают глины, которые с древнейших времен использовались для изготовления бытовых изделий и строительных материалов.

Питьбы упоминается также в ПК дворцовых владений 1584 г. (Греков, 1914. С. 273).

В Никольском Пидебском погосте в 1500 г. Софийскому Дому принадлежало «по новому письму» 6 деревень с 16-ю дворами: Наволок «на Пидьбы на Усть Стипины», Хахилево, «Катеринина на Григорове на речке Пестовке», «Горнец Денисово», «на Мельнице на речке на Вет(ке)», Ветка.

В деревне «на Мельнице» проживал мельник Огофонко и был устроен владычный двор (НПК. Т. 3, 1868. Стб. 22)².

В соседнем Григорьевском Кречневском погосте по переписной книге 1500 г. Дом св. Софии владел пятью деревнями. Известно, что до присоединения Новгорода к Москве село Кречно также являлось владычной вотчиной. В 1478 г. во время третьего похода на Новгород, когда город был окружен войсками великого московского князя Ивана Васильевича, его брат Борис Васильевич «встал на Кречневе, владычне селе вниз по Волхову». Другой военачальник Семен Ряполовский по приказу великого князя встал с войском на левом берегу Питьбы, где находился Николаевский Пидебский погост, и «на Стипе» – притоке Питьбы (ПСРЛ. Т. VI. 1853. С. 212). В результате третьего похода Новгород был присоединен к Москве. Частные и церковные земельные владения подверглись конфискации, перешли в дворцовое ведомство или были розданы другим владельцам. Всего по подсчетам Б. Д. Грекова после произведенной великим московским князем конфискации земельных вотчин во владении Дома св. Софии в Водской пятине осталось только 35,5 обжей, в то время как до 1478 г. ему принадлежало около 2000 обжей земли (Греков, 1914. С. 268).

В 1500 г. вблизи от Никольского Пидебского погоста на берегу Волхова в Григорьевском Кречневском погосте напротив Деревяницкого монастыря упоминается владычное сельцо Марково, где был устроен архиепископский двор с хорошо налаженным хозяйством. В житнице хранились хлебные запасы, в сельце находились также конюший и коровий дворы. О существовании в Маркове владычного двора известно также из писцовых книг 1582 и 1592 гг. (Греков, 1914. С. 44–46; НПК. Т. 3. 1868. Стб. 9). Организацией хозяйственной деятельности занимался приказчик, проживавший на территории двора.

В начале XVII в. при захвате Новгорода шведами село Королево, относящиеся к нему деревни и Никольский Пидебский погост сильно пострадали. В селе, по свидетельству ПК 1629 г. письма Федора Мав-

---

² Деревни Стипенка, Наволок, Ветка (фонетический вариант названия – Ветка) существовали в XIX – начале XX в. (Список населенных мест Новгородской губернии. Вып. 1. Новгородский уезд. 1907. С. 90; Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. 1895. С. 304).

рина и Андрея Козловского, осталось 14 дворовых мест. Запустело и владычное село Марково (Греков, 1914. С. 272).

Деревянный, стоявший на погосте и неоднократно восстанавливаемый храм в честь Николая Чудотворца просуществовал до шведского разорения Новгорода. Архим. Макарий в своем труде «Описание новгородского Архиерейского дома» приводит следующую выписку из хранившейся тогда в архиве Софийского собора Писцовой книги 1629 г.: «Погост на реке на Волхове на усть реки Питьбы, а в нем была церковь Никола Чудотворец древяна верх, а в церкви образы и всякое строение мирское, и после немецкого разорения сожгли прихожие люди...»³ (Макарий, архим., 1857. С. 63). Иконы, книги и другие ценные предметы удалось до сожжения перенести в село Королево. В Сметном приходе-расходном списке дворцовых денежных доходов и сборов 1620–1621 гг. село Королево упоминается в связи с церковью Михаила Архангела в Колмове: «К церкви архангела Михаила на Колмово, что в селе Королеве, по окладу годового за полпуда воску 20 алтын, да за темьян и за ладан и за вино служебное 13 алтын 2 денги» (Опись Новгорода 1617 года, 1984. С. 299). В «Росписи новгородских монастырей и церквей» 1615 г. церковь Архангела Михаила названа в следующем контексте: «Идучи на Колмово, зовется на поле храм архангел Михаил» (Опись Новгорода 1617 года, 1984. С. 323). Топоним «Колмово» сохранился до настоящего времени, и место его локализуется точно. Место же расположения села Королево более определенно указано в «Описи вотчинам новгородского архиерея и церковной утвари» 1763 г.: «...на реки Пидбе при Болшей от Новагорода к Санкт-Петербургу дороге, от Новагорода 10 верст» (Гордиенко, Петрова, 1995. С. 226. Опись опубликована с комментариями авторов). Таким образом, село Королево находилось неподалеку от погоста с церковью Николая Чудотворца на берегу Питьбы. Церковь же Архангела Михаила, по-видимому, была приписана к этому селу.

После того, как церковь Николая Чудотворца была сожжена шведами, больше на этом месте она не восстанавливалась. К 1645 г. погост превратился в пустошь. Она упоминается в Дозорной книге 1645–1647 гг., выписку из которой приводит архим. Макарий: «Пустошь погост на Волхове на усть реки Питьбы...» (Макарий, архим., 1857. С. 63). В пустоши числилось четыре места церковных причетников и место келейное.

В 1648 г. при царе Алексее Михайловиче и новгородском митрополите Аффонии дворцовая волость Королево с одноименным селом, приписными к нему деревнями и погостами, Никольским Пидебским и Григорьевским Кречневским, была пожалована Новгородскому владыке (Греков, 1914. С. 66). Возможно, передача дворцовых владений Дому

---

³ Выражение «древяна верх» обычно относится к храмам с шатровым завершением.

Святой Софии произошла не без участия Никона, в то время архимандрита Московского Новоспасского монастыря, будущего патриарха всея Руси, Никона связывали с Новгородским митрополитом Аффонием тесные дружеские отношения. В 1643 г. Аффоний совершил обряд посвящения Никона игуменом Белозерского Кожеозерского монастыря и предрек ему владычную кафедру в Новгороде после его ухода, что и случилось в 1649 г. В то же время Никон был очень близок к юному царю Алексею Михайловичу, отношения с которым в этот период были теплыми и доверительными, являясь его духовным наставником (Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком Иоанном Шущериным, 1871. С. 18–20).

После 1648 г. начался новый период в истории древнего Никольского Пидебского погоста, на месте которого вскоре был обустроен двор Новгородского митрополита. По сообщению Новгородского хронографа XVII в., в 1650 г. «в Великом Новеграде преосвященный Никон митрополит поставил церковь древяну во имя пресв. Богородицы Одигитрии на устьи Пидмы реки и двор устрои на приезд себе и иным владыкам» (Тихомиров, 1940. С. 77). Расширение церковного и монастырского землевладения с помощью купли, выгодного обмена, частных и царских пожалований, освоения пустующих земель и налаживание в этих вотчинах обширной хозяйственной деятельности с устройством в них храмов и монастырей характеризуют политику Никона как церковного иерарха.

Не представляется возможным предположить, каков был первоначальный архитектурный комплекс Архиерейского подворья, что удалось построить здесь митрополиту Никону, кроме деревянного храма, за короткий период его деятельности в Новгороде (с 1649 по 1652 гг.), и как выглядел этот храм.

В 1750-е гг. на Устье была построена каменная церковь. В 1753 г. в соответствии с указом императрицы Елизаветы Петровны от архиепископа Новгородского Стефана (Калиновского) последовала резолюция казначею казенного приказа игумену Пахомию Лисицкому. Ему было велено получить купленный у купца «Ивана Степанова сына Янковского» «к будущему в 1754 году в доме его Преосвященства что на Устье каменной церкви строению» и привезенный на барках из Твери алебастр. Алебастр закупался также у крестьянина «Углицкой провинции Унжецкой осады Верховской волости деревни Усоля». Тогда же у ратмана новгородского магистрата Андрея Калашникова была приобретена и привезена на барках в бочках свиноецкая известь круш. За сделанный на колмовских заводах кирпич деньги выплачивались бобылям Архиерейского дома «Филиппу Григорьеву с товарищи» (ГАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 867. 1753. Л. 4–10). Из «Описи вотчинам новгородского архиерея и церковной утвари» 1763 г. известно, что церковь осветили в честь Тихвинской иконы Божьей Матери (Гордиенко, Петрова, 1995).

С. 224). Известно также, что в 1750-е гг. изготовлением изразцов для Дома св. Софии занимался бобыль Пидебской вотчины Федот Елисеев (Секретарь, 1984. С. 235). Не исключено, что изразцовые печи украшали и постройки Архиерейского подворья на Устье.

К первой половине XVIII в. можно отнести строительство одной из построек подворья на Устье, зафиксированной на обмерном чертеже московского архитектора Ивана Парфентьева 1775 г.⁴ (ГАНО. Ф. 482. Оп. 1. Д. 2. Л. 22). На нем представлено протяженное двухэтажное здание с мансардной кровлей и сквозным арочным проемом в центре. Плоскость стены делится лопатками, простыми в уровне второго этажа и рустованными в уровне второго. Окна украшены барочной формы наличниками. На втором этаже устроена обходная галерея на тонких стойках (рис. 1).

Рис. 1. Одна из линий застройки подворья Дома св. Софии «на Устье». Обмерный чертеж И. Парфентьева. 1775 г.

В основу сформировавшегося к 1763 г. архитектурного комплекса Устьинского подворья был положен принцип линейной застройки. Главная каменная линия длиной 39, шириной 4 сажени, предназначенная для приезда архиерея, судя по Описи 1763 г., располагалась внутри двора. В центре возвышалась церковь. Скорее всего, она была надвратной по причине большой протяженности здания. К ней примыкали симметричные двухэтажные каменные постройки. На первом этаже размещались братские кельи, кладовые, кухня, скатертная и хлебня, на втором – архиерейские покои. По правую сторону от этой главной линии со стороны Волхова располагалась вторая линия двухэтажных каменных строений длиной 33, шириной 4 сажени с братскими кельями, хлебней, баней, столярной и кладовой. «Против ворот», ведущих во двор со стороны Волхова, к северу находилась еще одна линия каменных строений длиной 39 сажений. Она состояла из расположенного в центре двухэтажного братского корпуса с певческой палатой размером

⁴ Иван Парфентьев был одним из лучших учеников известного архитектора П. Р. Никитина (Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века, 2008. С. 435–439). Начинал обучение архитектуре в 1753 г. в школе московского зодчего Д. В. Ухтомского, в 1763 г. служил архитектуры поручиком Московской гофинтендантской конторы, где работал П. Р. Никитин, возглавивший в 1760 г. команду Д. В. Ухтомского (Дьяконов, 1982. С. 124–125, 134).

15 + 4 сажени вместе с воротами и построенных по сторонам сараев для сена и конюшенных припасов. Четвертая каменная линия длиной 33,5, шириной 4 сажени направлялась к реке Питьбе. Здесь находились кельи, баня «с прибанником» и погреба. «В верхнем апартаменте» упоминаются переходы деревянные, что позволяет предположить, что именно эта линия показана на чертеже И. Парфентьева.

К основному комплексу каменных построек примыкал конюшенный двор с деревянными избами, сенными сараями, стойлами для лошадей. Рядом с подворьем был разбит яблоневый и вишневый сад, возделывался огород «про домовый расход», для прогулок посажена березовая роща. В селе Королеве, также принадлежавшем Архиерейскому дому, размещался скотный двор, гумно с двумя овинами и «магазин хлебной» (Гордиенко, Петрова, 1995. С. 224–226).

В начале XIX в. на Архиерейской мызе был построен новый двухэтажный каменный дом для приезда новгородских владык с надвратной домовою церковью в честь свт. Никиты. Строящийся в селе Устье дом упоминается в приходе-расходных книгах Архиерейского дома за 1806 г. Здесь же помещена смета расходов на строительство дома (ОПИ НГОМЗ, № 11305. Л. 12 об., 21 об., 38). Автор статьи, посвященной истории сооружения нового храма свт. Никиты, в 1915 г. пишет: «лет сто тому назад эта мыза служила местопребыванием Новгородских владык, для чего и построен был большой двухэтажный дом с домовою церковью во имя святителя Никиты» (НЕВ. 1915. Вып. 30. С. 997). Возможно, после этого и появилось еще одно название сельца – «Никитское» («Никитинское»).

Можно предположить также, что при возведении подворья митрополитом Никоном в новый храм перенесли частицы мощей погребенного в Софийском соборе свт. Никиты, в честь которого позднее здесь построили храм. Возводя новые храмы, основывая монастыри, Никон заботился о наполнении их сакральным смыслом, достигая этого, в том числе, вложением чудотворных икон, списков с них, а также перенесением частиц мощей почитаемых святых. При крещении Никон получил имя *Никита* греческого происхождения, и, без сомнения, этот факт являлся очень значимым для особого почитания тезоименитого ему новгородского святителя, хотя назван он был в честь переяславского святого. Известно, что, будучи Новгородским митрополитом, Никон занимался поновлением церкви свт. Никиты на подворье Дома св. Софии в Москве. К ней была пристроена паперть, заказаны иконы, сундуки для книг (Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком Иоанном Шушериним, 1871. С. 1–6).

В летней резиденции «на Устье» отдыхали или останавливались по дороге на Санкт-Петербург практически все новгородские владыки, начиная с митрополита, будущего патриарха, Никона. Особенно притягательным оказалось это место для последнего в дореволюционный пе-

риод владыки – Арсения (Стадницкого). По его благословию и при его непосредственном участии в 1914–1915 гг. здесь был построен к востоку от основного комплекса подворья храм во имя свт. Никиты, сохранившийся до настоящего времени. Его торжественное освящение состоялось 19 июля 1915 г. Строительство осуществлялось на средства из доходов Дома св. Софии, а четырехъярусный иконостас и паникадило были исполнены на личные средства митрополита Арсения. Иконы были написаны в мастерской известных московских иконописцев братьев Чириковых. Басменные оклады для икон, царских врат, а также все предметы внутреннего убранства (паникадило, кандила, облачения престолов) были изготовлены в торговом доме Оловянныхиковых, представительства которого находились в Москве и Петербурге. Иконостас представлял копию замечательного иконостаса XVI в. придела Рождества Богородицы в Софийском соборе (НЭВ. 1915. Вып. 30. С. 998).

Храм построен в «неорусском» стиле, сформировавшемся в рамках модерна в начале XX в⁵. Автор проекта создал собирательный образ новгородско-псковской архитектуры XIV–XV вв. Основной объем – кубический, с восьмискатным завершением и одной световой главой. Углы раскрепованы лопатками. На них опираются декоративные трехлопастные арки. Большие оконные проемы с арочным завершением в южной и северной стенах расположены в двух уровнях: три в первом ярусе и два во втором. Между оконными проемами, внутри трехлопастных арок и по линии щипцового завершения размещены характерные для новгородской архитектуры пояски бегунца. К основному объему с востока примыкает пониженная прямоугольная пристройка с полукруглой апсидой, а с запада – притвор, над которым первоначально возвышалась звонница, построенная по образцу псковских колоколен (рис. 2. № 7603). На звоннице висело семь колоколов. Самый большой из них весил 50 пудов. Фасады пристроек украшали трехлопастные арки, аркатурные фризы и пояски бегунца.

Восемь окон в барабане и десять в стенах основного объема хорошо освещают бесстолпное, перекрытое крестовым сводом внутреннее пространство храма. Еще несколько окон устроены в алтарной части и притворе. Стены внутри храма не были украшены живописью, и главную роль в оформлении интерьера выполнял иконостас, яркое звучание которого смягчало басменное обрамление (рис. 3, 4).

---

⁵ Некоторые исследователи рассматривают «неорусский» стиль как одну из составляющих романтического модерна (Бицадзе, 2009. С. 41–42, 61–65, 245–248), другие – как особенный. К примеру, Е. И. Кириченко признает, что неорусский стиль зародился в рамках романтического направления стиля модерн, но затем оформился как самостоятельное стилевое направление (Кириченко, 1978. С. 328–334).

Рис. 2. Церковь свт. Никиты. Фото начала XX в. ОПИ НГМ. № 7603

Ближайшей аналогией церкви свт. Никиты является храм св. Александра Невского в Григоровской учительской семинарии, построенный в это же время. Проект Григоровского храма, исполненный известным исследователем древнерусского зодчества К. К. Романовым, был в значительной степени переработан новгородским земским инженером Р. Р. Эргле (ОПИ НГОМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 51, 52; Ежегодник НГОМЗ, 2000. С. 86–90).

Рис. 3. Церковь свт. Никиты. Вид с юго-востока.
Фото Т. Ю. Царевской. 2021 г. (№ 6002)

К западу от церкви в сторону реки Питьба на берегу Волхова сохранился первый этаж дома бывшего подворья Архиерейского дома. Второй этаж построен заново из современных материалов. Реконструкция остановлена, и дом заброшен. Штукатурка на старом здании полностью снята, старая кладка обнажена. Оконные и дверные проемы обрамлены выложенными из кирпича наличниками с фигурными замками и ушками, заканчивающимися капельками. Это характерная черта стиля раннего классицизма, которому следовал губернский архитектор В. С. Поливанов вплоть до начала XIX в. (ПКНО. Письменность, искусство, археология. 1993, 1994. С. 425–434) (рис. 5).

Рис. 4. Церковь свт. Никиты. Вид с юго-запада.
Фото Т. Ю. Царевской. 2021 г. (№ 6005)

Организация хозяйственной деятельности в Устьянском подворье являлась важным делом для новгородских владык. В 1911 г. на место ушедшего в число братии Юрьева монастыря эконома Дома св. Софии Ионы назначили игумена Филиппо-Ирапской пустыни Анастасия, искусенного в сельском хозяйстве. Ему вменялось восстановить порядок на Архиерейской мызе и вести постоянный надзор за управляющими, «приносящими убыток архиерейскому бюджету с увеличением личного своего благосостояния в ущерб владычному хозяйству» (Волховский листок. 1911. № 2076. 9 марта) (рис. 6).

В июле 1916 г. на Архиерейской мызе во время своего пребывания в Новгороде останавливался митрополит Киевский, член Свят. Синода Владимир (Богоявленский), в 1992 г. прославленный РПЦ. С Новгородом его связывало служение с 1886 по 1888 г. архимандритом Антониева монастыря, а с 1888 по 1891 г. епископом Старорусским, вика-

рием Новгородским. Большое внимание он уделял духовно-просветительской деятельности: подготовил список литературы для церковных библиотек, присутствовал в 1890 г. на открытии епархиальной библиотеки в Новгороде, участвовал также на открытии митрополитом Арсением Епархиального дома в Кремле, уже не будучи новгородским викарием.

Рис. 5. Здание бывшего подворья Дома св. Софии «на Устье». Фрагмент фасада. Фото Т. Ю. Царевской. 2021 г. (№ 6026)

В июле 1916 г. владыка вновь посетил Новгород и остановился в «Никитинском» скиту. 14 июля он присутствовал на богослужении в церкви свт. Никиты, 15 июля вместе с митрополитом Арсением побывал в Софийском соборе, в Древлехранилище и лазарете, расположенными в Епархиальном доме в Кремле. В следующие два дня он совершил путешествие по новгородским монастырям: Юрьеву, Хутынскому, Званскому, в Хутыни поклонился гробу чтимого святого Варлаама Хутынского (НЕВ. 1916. № 31. С. 962–966). 25 января 1918 г. митрополит Владимир принял мученическую смерть в Киево-Печерской лавре: был расстрелян солдатами-большевиками. Его мощи, обретенные в 1992 г., покоятся в Дальних пещерах лавры (ПЭ. Т. 8. 2004. С. 629–634).

После 1917 г. комплекс построек Архиерейской мызы был национализирован. На базе хорошо налаженного хозяйства организована артель «Остров». В 1920 г. здесь устроили клуб, библиотеку и читальню. В советское время рядом с церковью построили одноэтажную школу. Обезглавленная церковь долгое время использовалась как клуб. В 1997 г. ее вернули Русской Православной Церкви, в 2002 г. восстано-

вили купол, в храме началось регулярное исполнение церковных служб (Новгородские ведомости. 2012. № 42. 8 октября. С. 8–9; Новгородские ведомости. 2002. № 2. 5 июля).

Рис. 6. Пристань у Архиерейской мызы. Фото начала XX в.
ОПИ НГМ. НВ 7599

Территория бывшего подворья в настоящее время хаотично застроена типовыми жилыми домами – коробками. А могла бы стать местом археологических исследований и зоной отдыха жителей этого микрорайона Новгорода с такой интересной многовековой историей.

Литература и источники

Бицадзе Н. В. Храмы неорусского стиля. Идеи. Проблемы. Заказчики. М., 2009. 366 с.

Галкин А. К., игум. Дамаскин. Владимир (Богоявленский) // ПЭ. Т. 8. М., 2004. С. 629–634.

Гордиенко Э. А., Петрова Л. И. Опись вотчинам новгородского архиерея и церковной утвари // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. (далее – НИС). Вып. 5 (15). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 203–295. (Опись опубликована с комментариями авторов).

Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. 1. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1914. XIV, 544, 129 с.

Дьяконов М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII–XIX вв. // Русский город (исследования и материалы). М.: МГУ, 1982. 224 с.

Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком Иоанном Шушерин

ным. М.: Воскресен. Новый Иерусалим именуемого монастыря, 1871. VIII, 119 с.

Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910 гг. М.: Искусство, 1978. 399 с.

Макарий, архим. Описание новгородского Архиерейского дома. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1857. 148, III с.

Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Новгородский уезд. Новгород: Паровая тип. А. С. Федорова, 1895. 626 с.

Мельникова А. Любимый уголок Архиерея // Новгородские ведомости. 2012. № 42. 8 октября.

Новгород // Волховский листок. 1911. № 2076. 9 марта.

Новгородские летописи. СПб.: Археографическая комиссия, 1879. XXIV, 488, 113, [2] с.

Новгородский областной словарь / авт.-сост.: А. В. Клевцова и др. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435, [1] с.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 3 / ред. Павел Савваитов. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1868. [4] с., 960 стб.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 640, [1] с.

Секретарь Л. А. Новгородский период в творчестве В. С. Поливанова // ПКНО. Письменность, искусство, археология. 1993. М., 1994. С. 425–434.

Секретарь Л. А. История проектирования и строительства церкви св. Александра Невского в Григорово (По материалам Отдела письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника) // Ежегодник НГОМЗ. Великий Новгород, 2000. С. 86–90.

Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века / отв. ред. И. А. Бондаренко. М.: Изд-во ЛКИ: НИИТАГ, 2008. 772 с.

Список населенных мест Новгородской губернии / сост. под ред. Новгородск. губ. стат. ком. В. А. Подобедова. Вып. 1: Новгородский уезд. Новгород: Губ. тип., 1907. 132 с.

Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII века // НИС. Вып. 7. Новгород, 1940. С. 66–114.

Томингас Томас. У престола Никиты // Новгородские ведомости. 2002. № 2. 5 июля.

Торжество освящения храма в сельце Никитинском в загородном имении Новгородского Архиерейского дома // Новгородские епархиальные ведомости. 1915. Вып. 30.

Архивные материалы

ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 867.1753. Л. 4–10.

ГАНУ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

ОПИ НГОМЗ. № 11305. Л. 12 об., 21 об., 38.

ОПИ НГОМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 51, 52.

УДК 271.2(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.03

А. Ю. Виноградов, М. С. Желтов, свящ.

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ДАТЕ КОНЧИНЫ И ЦЕРКОВНОЙ ПАМЯТИ АРХИЕПИСКОПА НИФОНТА НОВГОРОДСКОГО

Аннотация. Новгородского архиепископа Нифонта можно считать одним из наиболее выдающихся церковно-политических деятелей Руси второй трети XII в. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что о его кончине упомянуто во всех трех основных древних летописях: Киевской, Суздальской и Новгородской Владычной, причем в первой и последней он удостоен пространного некролога. Однако некоторые обстоятельства его кончины до сих пор вызывают споры или не вполне прояснены. Именно им и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: Великий Новгород, архиепископ Нифонт, Русская Православная Церковь, Новгородская епархия.

Abstract. Archbishop Nifont of Novgorod can be considered to be among the most prominent ecclesiastical and political figures of the Russian Church in the second third of the XII century. This is particularly evidenced by the fact that all the three oldest Russian chronicles, i.e. the Kiev, Suzdal and Novgorod Vladychnaja chronicles, explicitly mention his death; moreover, in the first and in the last a reader finds a quite lengthy obituary for Nifont. However, some of the circumstances of his death are still causing controversies or are not fully clarified. This article deals with these circumstances.

Keywords: Veliky Novgorod, Archbishop Nifont, Russian Orthodox Church, Novgorod Diocese.

Дата смерти. Обстоятельства смерти Нифонта переданы в летописях с разной степенью подробности. Суздальская летопись приводит лишь краткое известие о дне его смерти и месте погребения, помещая это известие между упоминаниями о смерти Феодосия II Печерского и о приезде Константина I Киевского. Новгородский летописец, которым, возможно, был ученик и сподвижник Нифонта Кирик (см.: Гиппиус, 1997), дает ту же информацию, но дополняет ее новгородскими подробностями жизни и отъезда архиепископа. А вот Киевская летопись рассказывает также и о причине приезда Нифонта в Киев (ею стала весть о прибытии митрополита Константина), и о том, что архиепископу было видение, и о его последовавшей 13-дневной болезни. Еще один

домонгольский источник сведений о последних днях жизни Нифонта, помимо летописей, – это посвященная ему статья из Киево-Печерского патерика (Патерикъ Киевскаго Печерскаго монастыря. С. 71–73; Абрамович, 1931. С. 97–98), имеющая, впрочем, сводный характер и полностью основанная на материале летописей.

Перечисленные источники указывают разные даты кончины Нифонта. Согласно Новгородской владычной летописи, Нифонт, приехавший в Киев для встречи митрополита Константина I, скончался 21 апреля (ПСРЛ. Т. III. С. 29, 216); Киевская упоминает, что это случилось в субботу Светлой седмицы, и называет дату 15 апреля (ПСРЛ. Т. II. Стб. 482); Суздальская летопись относит смерть архиепископа к 18 апреля (ПСРЛ. Т. I. Стб. 347); часть редакций Киево-Печерского патерика также указывает дату 18 апреля, а другая часть – 8 апреля (Патерикъ Киевскаго Печерскаго монастыря. С. 73; Абрамович, 1931. С. 98). Исследователи принимали разные даты смерти Нифонта; резюмируя эту дискуссию, М. В. Печников в своей последней статье о Новгородском архиепископе склоняется к 15 апреля (Печников, 2018. С. 270).

Между тем истинная дата кончины святителя вычисляется довольно легко благодаря указанию киевского летописца второй половины XII в. на то, что она случилась в субботу Светлой седмицы. Как указал еще архиеп. Филарет (Гумилевский), в 1156 г. этот день приходился на 21 апреля, что совпадает с датой в статье Новгородской Владычной летописи (Филаретъ, 1882. С. 525, прим. 179). К этому аргументу мы можем добавить, что приоритетность даты 21 апреля вытекает не только из ее совпадения с празднованием по подвижному календарю – субботой Светлой седмицы, – но и из того, что составитель именно этой летописи должен был особенно внимательно относиться к точному указанию даты смерти Новгородского владыки; более того, как уже отмечалось, автором летописной статьи был, скорее всего, Кирик, то есть человек, близкий Нифонту. Таким образом, именно 21 апреля и следует считать подлинной датой смерти архиепископа.

Можно попытаться восстановить и цепочку искажений, приведшую к появлению иных дат в прочих источниках. Дата 15 апреля в Киевской летописи появилась, вероятно, из-за упоминания Светлой седмицы как таковой («мѣца априла въ єї днѣ порозноѣ недѣлѣ в субботу»): началом Светлой седмицы служит воскресенье («неделя») Пасхи, а Пасха в 1156 г. приходилась на 15 апреля. Именно к Пасхе, по всей видимости, и ждали приезда митрополита Константина I: было бы логично надеяться на то, что новый митрополит лично возглавит главную службу церковного года; не даром летопись упоминает присутствие Нифонта в Киеве уже на Вербное воскресенье, когда и началась его болезнь. Менее объяснима дата Суздальской летописи, 18 апреля; вероятно, здесь имеет место сокращение известия Киевской летописи, в ходе которого ЄІ превратилось в НІ из-за ошибки писца или

неясного чтения в протографе. Та же дата, 18 апреля, в Киево-Печерском патерике могла появиться лишь под влиянием Суздальской летописи, а поскольку создателем главы о Нифонте назван свт. Симон Владимирский, это совершенно естественно. Наконец, в части редакций Патерика из-за потери вертикальной черты НІ исказилось в Н.

Экскурс: день церковной памяти Нифонта и характер его почитания. О почитании Нифонта во святых впервые сообщает известный псковский книжник сер. XVI в. Василий-Варлаам, составивший свою редакцию жития архиепископа и богослужебные тексты на день его памяти (Памятники старинной русской литературы 4. С. 1–9; о житийной традиции свт. Нифонта в целом см.: Максимова [Терешкина], 2001). Он же упоминает о том, что прославление Нифонта было осуществлено митрополитом всея Руси Макарием (Там же. С. 8), на что первым обратил внимание архиеп. Филарет (Гумилевский), заметив, что точная дата канонизации неизвестна (Филаретъ, 1882. С. 525, прим. 179). Е. Е. Голубинский, ссылаясь на маргиналию в одном из списков жития митрополита Ионы, приписал эту канонизацию Московскому Собору 1549 г. (Голубинский, 1903. С. 103), хотя данная версия и покоится на весьма шатком основании.

У Василия-Варлаама дата смерти – и, следовательно, день памяти – Нифонта приходится на 18 апреля (как в Суздальской летописи и части редакций Киево-Печерского патерика). До середины XVII в. эта память конкурирует с другими датами: 8 апреля (напр., в Коряжемских святцах: РГБ. Ф. 310 (Унд.) 237, 1621 г. Л. 164 об.) и даже 16 июня (в святцах белозерского дьяка Богдана Ильина сына Колокольникова: РНБ. Кир.-Бел. 493/750, сер. XVII в. Л. 74). При этом до 1659 г. память Нифонта встречается в русских церковных книгах редко, а сама его фигура стоит в ряду с другими святыми Новгородской земли.

Ситуация изменилась с публикацией в Москве в 1659 г. обновленных Святцев под заглавием «Месяцесловъ... съ лѣтописцемъ». По сравнению с предыдущими изданиями Святцев, здесь появляется немало новых имен, среди которых – целый ряд киево-печерских подвижников (см.: Карбасова, 2011). Одним из источников в ходе редактур обновленных Святцев, по всей видимости, стал Месяцеслов из киевского издания Следованной Псалтири 1643 г., подготовленного при непосредственном участии Киевского митрополита Петра (Могила). Память Нифонта здесь помещена 8 апреля и описана так: «Пр(е)п(о)д(о)б(наго) ѿца нашегw Нѣфwнта, еп(иско)па Новгородскагw, иже пришед въ монастырь Печерскій» (С. 698). Таким образом, составитель Месяцеслова помещает Нифонта в один ряд с печерскими преподобными. Это подтверждается и тем, что имя Нифонта упомянуто в каноне «преподобнымъ отцемъ Печерскимъ, и всѣмъ святымъ, в Малои Рwссїи просиявшимъ», написанном на греческом языке в 1643 году Мелетием Сиригом

по просьбе Петра (Могилы) и впоследствии переведенном на церковнославянский язык (Borisova, 2021)¹.

После 1659 г. именно 8 апреля окончательно утверждается в церковных календарях Русской Церкви как день памяти Нифонта. Это соответствует Киево-Печерскому патерику (части его редакций), но не летописям или Житию Нифонта авторства Василия-Варлаама, и отражает заложенную Петром (Могилой) традицию помещать Нифонта в ряд печерских подвижников. Тот же характер носит и служба свт. Нифонту, созданная в составе единого комплекса служб печерским преподобным (Службы преподобнымъ отцемъ Печерскимъ. Л. 72–76).

Таким образом, предпринятое Петром (Могилой) переосмысление образа свт. Нифонта, в общем, восторжествовало. Впрочем, в современных русских изданиях служебной Минеи под 8 апреля приводятся обе службы: и печерская, и составленная Василием-Варлаамом (вопреки тому, что сам автор этой службы помещал память Нифонта на 18 апреля) (Минея апрель. Ч. 1. М., 2002. С. 166–187). Достаточно иронично, что в XX–XXI вв. память 8 апреля, празднуемая по юлианскому календарю, совпадает с 21 апреля по григорианскому календарю, то есть тем числом апреля, которое и является подлинным днем смерти архиепископа.

Обстоятельства последних недель жизни Нифонта. Приезд архиепископа Нифонта в Киев был обусловлен кризисом в Русской митрополии, который начался из-за отъезда митрополита Михаила в 1145 г. и усугубился после поставления в 1147 г. частью русских епископов, по инициативе киевского князя Изяслава Мстиславича, священника Клима Смолятича в митрополита. Константинопольская патриархия это поставление категорически не признала, Нифонт твердо следовал линии патриархии. Ту же сторону занимали некоторые русские князья, прежде всего – Юрий Долгорукий. Поэтому когда последний занял Киев в 1155 г., он пригласил на Русь нового митрополита из Константинополя – им стал Константин I, которого в Киеве встречали и другие провизантийски настроенные русские епископы: Смоленский и Полоцкий (ПСРЛ. Т. II. Стб. 485).

Из летописей известно, что Нифонт при отъезде митрополита Михаила получил от него конкретные указания относительно неприкосновенности Киевской кафедры до прибытия законного – с точки

---

¹ С легкой руки А. В. Горского и прот. К. Невоструева (см. их Описание славянских рукописей... Отд. 2, ч. 2. С. 190), в литературе распространилось ошибочное мнение о публикации канона уже в составе киевской Следованной Псалтири 1643 г. (также встречаются утверждения об издании в том же году отдельного «Последования молебного отцам Печерским...», содержавшего этот канон), однако в действительности в указанной Псалтири он отсутствует, а типографским способом был впервые издан только в составе киевского Акафистника 1677 г. (Borisova, 2021. P. 21).

зрения византийцев – митрополита, а в дальнейшем состоял в переписке с Константинопольским патриархом: в сохранившемся послании патриарха Нифонту тот ободряет архиепископа в борьбе с Изяславом, требовавшим от новгородского иерарха признания Климата. В союзе с Юрием и его епископом Нестором Ростовским Нифонт осуществлял церковную деятельность и в других епархиях Русской Церкви, в какой-то мере исполняя роль митрополичьего местоблюстителя (см.: Виноградов, Желтов, 2018б). Поэтому его приезд в Киев для встречи «каноничного» митрополита, наконец прибывающего на Русь, – вполне понятен.

Однако в Новгородской Владычной летописи рассказывается также, что у поездки была и иная сторона: «Шль бѣше Киеву противу митрополита; инии же мнози глаголаху, яко, полупивъ святую Софию, пошьль Цесарюграду; и много глаголаху на нь, нь себе на грѣхъ» (ПСРЛ. Т. III. С. 29).

В науке выдвигалось несколько версий о причинах обвинения Нифонта в «полуплении Св. Софии». М. Д. Приселков считал, что Нифонт собрал подать за годы отсутствия законного митрополита, намереваясь передать эти средства Константину I (Приселков, 1913. С. 34, 190); Я. Н. Щапов полагал, что Нифонт собрал деньги для поставления в митрополиты его самого (Щапов, 1989. С. 168); Т. В. Круглова и М. В. Печников, каждый по-своему, предположили, что за этим обвинением стоял расход средств Софийской владычной казны: по версии первой – на предпринятое Нифонтом строительство в Новгороде, Пскове и Ладоге (Круглова, 2008. С. 33); по мысли второго – на покрытие свинцом Св. Софии Новгородской (Печников, 2017. С. 266–268: в подтверждение своих выводов автор сопоставил выражение «полупивъ святую Софию» с сообщением летописи «архиепископ Нифонт побѣ Святую Софию свиньцемъ всю прѣмь» (ПСРЛ. Т. III. С. 29, 215)).

Однако при ближайшем рассмотрении ни одна из этих версий не выдерживает критики. Древнерусский глагол «лупити» не имеет значения «покрывать что-то чем-то», но только «грабить, обирать» (СДРЯ XI–XIV. Т. IV. С. 453), да и летописец явно оправдывает Нифонта ничем иным, как указанием на его строительную деятельность, которая, соответственно, не могла являться предметом обвинения. Тот же аргумент опровергает и предположение Кругловой. Гипотеза Щапова о желании Нифонта стать митрополитом не находит себе никакого подтверждения в источниках; более того, если бы Нифонт этого действительно добивался, он должен был бы как-то обозначить свое желание за десять лет отсутствия «каноничного» митрополита на Руси (1145–1155 гг.) и, занимая сторону патриарха и находясь с ним в переписке, вполне возможно, легко бы добился своего. Наконец, идея о сборе денег для передачи митрополиту основывается, очевидно, на позднейшей практике регулярных негласных выплат епархий вышестоящему архиерею, однако в Византии рассматриваемого периода субординация епископов не распространялась на финансовую сферу, так что подобные

выплаты не существовали в качестве регулярной практики. Кроме того, такая гипотеза никак не объясняет выдвинутого против Нифонта обвинения в попытке уехать именно в Константинополь, а не к митрополиту в Киев. Но для того, чтобы распространиться по Новгороду, слух о поездке в Константинополь должен был иметь какие-то основания. Конечно, такие основания в принципе предоставляли как строго провизантийская позиция Нифонта в кризисе 1145–1155 гг., так и его возможное греческое происхождение (недаром в «Вопрошании Кирика» он предстает знатоком византийских канонов и богослужения (см.: Печников, 2017. С. 239–241)).

Но все же, были ли слова об отправлении Нифонта в Царьград только инвективой его политических оппонентов или здесь есть нечто большее? И было ли обвинение со стороны неких, никак точно не обозначенных, новгородцев, обычным слухом, направленным на дискредитацию оппонента, или же из упоминания этого обвинения в контексте рассказа о планируемом приеме Нифонта новым митрополитом следует сделать вывод об официальном характере обвинения (пусть оно и не было в итоге рассмотрено ввиду смерти Нифонта еще до приезда митрополита)?

Летописи не дают никаких оснований утверждать, что после своего прибытия в Киев Нифонт каким-либо образом планировал направиться в Константинополь. Однако за обвинением в изъятии им из Новгорода неких церковных сумм или предметов, по всей видимости, действительно стоит не вопрос отношений Новгородской епископии с митрополией в Киеве, но вопрос отношений Новгорода с самим Константинополем – пусть и в лице митрополита, но выступающего в данном случае именно в качестве представителя византийской столицы.

Вручение даров представителю Константинополя должно было преследовать какие-то амбициозные цели. Ход дальнейших церковно-политических событий в Новгороде подтверждает эту мысль, но сначала следует обсудить два предположения, выдвигавшиеся в связи с деятельностью Нифонта.

Первое предположение (Лихачев, 1986. С. 161; Хорошев, 1980. С. 28–29) состоит в том, что итогом этой деятельности стало достижение реальной независимости Новгородской епархии от Киевского митрополита. Если согласиться с этим предположением, такое положение вещей означало бы, что Новгородская кафедра получила статус автокефальной архиепископии, т. е. оказалась в прямом подчинении Константинополю, минуя Киев. Это соответствовало бы византийскому словупотреблению, в котором «архиепископами» называли или глав крупных церковных образований – патриархов, или, в случае с Русью,

митрополитов², – или глав епископских кафедр, не входивших в состав какой-либо митрополии (даже если вся митрополия ограничивалась самой такой кафедрой), но подчинявшихся патриарху напрямую (Chrysos, 1969). Однако присвоение Новгородской кафедре статуса автокефальной архиепископии противоречило бы всему тому, что мы знаем о деятельности прогреческой партии на Руси того времени, упорно борющейся за единство Русской митрополии: вначале против Климента Смолятича, а затем – против Феодора-Феодорца Владимирского. Кроме того, если бы новгородская кафедра сделалась автокефальной архиепископией, то либо каждому новому новгородскому иерарху пришлось бы ездить за поставлением в Константинополь, что было бы непросто, особенно в те моменты, когда юг Руси контролировал князь, враждебный Новгороду или Византии, – а ведь арест епископа князем был в это время вещью вполне реальной, как показывает история с Иоакимом Туровским (ПСРЛ. Т. I. Стб. 314; Т. II. Стб. 330), – либо поставляться, как и прежде, в Киеве, но теперь уже не по решению митрополита, а на основании особой патриаршей грамоты (или же выдаваемых на каждое новое поставление грамот). Источники не знают ни того, ни другого; следовательно, предположение о полноценной архиепископии Новгорода следует отвергнуть.

Это отнюдь не означает, что Новгородская кафедра не могла стать сугубо титулярной архиепископией. Недавно было убедительно показано, что архиепископский титул новгородские иерархи носили еще с XI в. (Гиппиус, 2019). Важно и следующее: вскоре после смерти Нифонта, в 1165 г., «ходи игумень Дионисии съ любовью въ Русь, и повелено бысть владыцѣ архиепископство митрополитомъ» (ПСРЛ. Т. III. С. 32), то есть право новгородского иерарха именоваться «архиепископом» было подтверждено или же восстановлено. Поэтому можно предположить, что в XI в. это право еще не было усвоено Новгородской кафедре как таковой, и почетный титул присваивался каждому из носивших его иерархов персонально (отметим, что, вероятно, после 1169 г. таким же титулярным архиепископом был сделан Леон Ростовский (Назаренко, 2015. С. 534) – очевидно, в награду за его долгое отстаивание позиций прогреческой партии (см. Виноградов, Желтов, 2018a)). Следовательно, Нифонт действительно имел основания вступить в переговоры об архиепископском статусе Новгородской кафедры – ведь посольство 1165 г. показывает, что как минимум на тот момент соответствующая титулатура вызывала сомнения в Киеве, – но не о реальной независимости кафедры от Киева, а о закреплении за ней статуса титулярной архиепископии на постоянной основе.

---

² Ср. запись Новгородской владычной летописи от 6778 года: «Присла митрополить грамоту в Новъгородъ, река тако: мнѣ поручилъ Богъ архиепископию в Русьской земли» (ПСРЛ. Т. III. С. 89).

Второе предположение заключается в том, что состоявшееся в 1156 г., вскоре после смерти Нифонта, избрание его преемника, Аркадия, самими новгородцами – являвшееся яркой инновацией: ранее на Руси епископы никогда не избирались горожанами, но назначались митрополитом из Киева, – было не спонтанным актом, но реализацией идей самого Нифонта (Соколовъ, 1913. С. 323–325; Хорошев, 1980. С. 31–32; Лихачев, 1986. С. 164–166). Мы склонны согласиться с этим предположением: как знаток канонов Нифонт должен был быть осведомлен о византийских спорах XI в. о прерогативах избрания епископов (см.: Бондач, 2007), а как опытный политик мог опасаться присылки из Киева неудобного новгородцам ставленника митрополита; недаром в Суздальском княжестве вскоре случились аналогичные случаи недовольства горожан митрополичьими ставленниками: в 1164 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 342) и, особенно ярко, в 1185 г., когда митрополиту в итоге пришлось уступить выбору князя и суздальцев (ПСРЛ. Т. I. Стб. 391). Таким образом, получение Новгородом права избирать себе архиерея и должно было составлять суть переговоров Нифонта, причем не столько с митрополией, сколько с патриархией. Именно необычность этого нового права и необходимость согласовать новый порядок с патриархом и могла стать причиной последующей двухлетней задержки с поставлением Аркадия со стороны митрополита.

Возвращаясь к обвинению Нифонта в сношениях с Царьградом, следует сделать вывод, что архиепископ действительно выполнял некую церковно-политическую миссию, включавшую утверждение особых прав Новгорода в вопросе замещения епископской кафедры, а также, вероятно, закрепление экстраординарного статуса Новгородской епархии как титулярной архиепископии. Непосредственной причиной этой миссии, помимо прибытия на Русь Константина I, могло быть опасение новгородцев в скорой потере Киева Юрием – тем более, что тот уже терял его дважды, – это могло повлечь за собой покушение на статус новгородской епархии и руководство ею. Подобная перестраховка не могла быть напрасной: действительно, после взятия Киева Мстиславом Изяславичем в 1158 г. митрополит Константин I вынужден был бежать оттуда. Предчувствуя свою скорую кончину, Нифонт, вероятно, желал обезопасить Новгородскую кафедру от подобных проблем.

Пожелания новгородцев о выговаривании своей кафедре особых прав и полномочий отражали и общеполитическую ситуацию на Руси: Новгородское и Суздальское княжества находились в процессе бурного роста, и их амбиции росли. При этом Нифонт, хорошо знавший византийцев (а возможно, и сам имевший греческое происхождение), не мог не понимать, что любые амбиции северных «варваров» столкнутся с крайним недовольством со стороны Константинополя, что и может объяснять экстраординарный характер тех даров, с которыми он покинул Новгород.

Наконец, вероятно, что Нифонт должен был дать в Киеве и некий отчет о своей деятельности за 11 лет отсутствия на Руси «канонического» митрополита. Это могло стать серьезным испытанием: так, прибывший в Киев в том же 1156 г. епископ Нестор Ростовский был лишен кафедры, вероятно, из-за обвинений в ненадлежащей политике в области финансов и имущества епархии, несмотря даже на свою принадлежность к лагерю противников Клима (Виноградов, Желтов, 2019).

Церковный характер миссии Нифонта не исключает ее политической составляющей. Весной 1155 г. Киев занял Юрий Долгорукий, который и был инициатором приглашения митрополита Константина. Нифонт мало того, что постоянно общался с Юрием (в 1148 и 1149 гг.), но и возглавил зимой 1154–1155 гг. новгородское посольство к нему, просившее в князя его сына Мстислава (ПСРЛ. Т. III. С. 29) – нельзя исключать, что тогда Юрий и Нифонт обсуждали и будущее устройство Русской Церкви после планировавшегося на весну взятия Киева. Поэтому вполне логично, что для реализации своих амбициозных планов относительно Новгородской кафедры в 1156 г. Нифонт должен был заручиться поддержкой киевского князя.

Кроме того, сразу по своему приезду в Киев митрополит Константин совершил некое благословение Юрия (возможно, в противовес новой церемонии вокняжения Изяслава Мстиславича (см.: Виноградов, 2021)), а также проклятие Изяслава и, вероятно, Клима Смолятича (см.: Виноградов, Желтов, 2018б). По всей видимости, при этом присутствовали встречавшие его в Киеве епископы, среди которых должен был бы быть и Нифонт, если бы остался в живых. Летопись не указывает, кто именно был инициатором столь необычного акта, однако его содержание (проклятие политического оппонента) указывает на то, что инициатива здесь принадлежала Юрию (аналогично новациям в порядке вокняжения, введенным самим Изяславом, так как никакого иерарха в 1146 г. в Киеве не было). А вот конкретную литургическую форму этого акта могли подсказать Юрию как митрополит Константин, так и знаток византийских обычаев Нифонт, немало пострадавший от Клима.

Место погребения и связь с Киево-Печерским монастырем. Все летописи единодушно говорят о погребении Нифонта в Печерском монастыре: Киевская летопись уточняет, что он был положен в Феодосьевой пещере, а Новгородская Владычная – «у святѣи Богородици въ пещере». Однако в Киевской летописи к этому добавлен целый пассаж, связывающий Нифонта с Печерским монастырем: согласно его собственному рассказу, за три дня до болезни ему приснилось, что он стоит в Печерской церкви на месте Николы Святоши и ему является «отец Феодосий», призывая его к себе и вручая свиток. Этот рассказ повторен в Киево-Печерском патерике, где глава о Нифонте полностью основана на Киевской летописи.

Патерик прямо называет Нифонта бывшим иноком (но не постриженником, как часто считается) Печерского монастыря: «Блаженный Ниѡнтъ бысть убо черноризецъ Печерьскаго монастыря, тѣхъ святыхъ отецъ житію поревнуя, и за многую его добродѣтель поставленъ бысть епископъ Новуграду» (Абрамович, 1931. С. 97). Однако, как мы видели, никаких дополнительных источников относительно Нифонта, кроме Киевской летописи, у свт. Симона Владимирского не было, так что вывод о том, что до своего епископства Нифонт входил в число братии лавры, Симон, составляя свой рассказ спустя целых 70 лет, мог сделать просто исходя из вышеупомянутого летописного пассажа.

Существует также точка зрения, согласно которой Нифонт видел во сне не прп. Феодосия, первого печерского игумена, а игумена Феодосия II (Печников, 2018. С. 270). Действительно, последний скончался прямо перед Нифонтом, однако об этом упоминает, как ни странно, только Суздальская летопись (ПСРЛ. Т. I. Стб. 347), тогда как в Киевской летописи известие о смерти печерского игумена Феодосия II замещено ничем иным, как рассказом о явлении Нифонту «отца Феодосия», что говорит, скорее, против упомянутой точки зрения.

«Привязывая» Нифонта к Печерскому монастырю (возможно, путем замены известия о смерти Феодосия II рассказом о явлении Нифонту Феодосия I), киевский летописец второй половины XII в., вероятно, связанный с этой обителью, мог пытаться решить церковно-политическую задачу. Печерский монастырь был тесно вовлечен в постовые споры 1160-х гг., в которых занимал сторону старой «студийской» практики против новой, более строгой практики реформированного греческого монашества, которую на Руси начали активно вводить митрополиты-греки и их ставленники, прибывавшие в Киев как раз с 1156 г., после победы прогреческой партии. Эта борьба принимала порой весьма драматичные формы: так, в 1168 г. митрополит Константин II запретил в служении печерского игумена Поликарпа за следование постовым нормам Студийского устава (ПСРЛ. Т. I. Стб. 354–355). В этой ситуации авторитет Нифонта, который был, с одной стороны, ярким сторонником Константинополя, а с другой – авторитетным знатоком церковных правил, был очень нужен Печерскому монастырю – тем более, что мы знаем о реальном отношении Нифонта к византийским аскетическим новациям: в целом одобряя их, он не считал нужным их навязывать (см.: Виноградов, Желтов, 2018а).

Таким образом, фигура Нифонта была, возможно, сознательно привязана к Печерской обители киевским летописцем – и только им – без особой предыстории: эпизод с действительным пребыванием Нифонта в Печерском монастыре имел место в 1149 г., когда он был туда заточен Изяславом (ПСРЛ. Т. III. С. 28), что говорит, скорее, против печерского происхождения Нифонта. А уже на следующем этапе, в 1220-е гг., печерский постриженник Симон Владимирский превратил Нифонта в печерского монаха.

Выводы. Итак, попробуем реконструировать последние дни жизни свт. Нифонта Новгородского. Получив известие о прибытии на Русь нового митрополита из Византии Константина I, немолодой Нифонт, возглавлявший новгородскую кафедру уже целых 26 лет, отправился в Киев, вероятно, в начале весны 1156 г., еще по санному пути.

Официальным поводом для поездки могла быть не только встреча правящего митрополита, но и своего рода отчет о своей деятельности за 11 лет отсутствия на Руси «каноничного» митрополита. Однако у поездки Нифонта была, по всей видимости, и дополнительная цель, ради чего он и собрал некие дары, которые его новгородские оппоненты считали украденными из Св. Софии и предназначенными для отправки в Константинополь, куда якобы собирался уехать и архиепископ, как некогда это сделал митрополит Михаил. Для чего они предназначались, точно неизвестно, однако можно предположить, что они должны были благоприятствовать переговорам о подтверждении статусных претензий Новгородской кафедры: статуса титулярной архиепископии и/или права самостоятельно выбирать иерарха. Чувствовавший приближение смерти Нифонт мог опасаться будущего покушения на права Новгородской кафедры со стороны киевского князя или митрополита.

Нифонт прибыл в Киев не позднее 5 апреля (13 дней болезни + 3 дня до видения перед смертью 21 апреля), Великим постом. Приезд Константина I ожидался, вероятно, к Пасхе (15 апреля). Однако митрополит почему-то задержался, а Нифонту уже не было суждено его дожидаться: заболев 8 апреля, на Вербное воскресенье, он скончался, так и не увидев Константина, 21 апреля, в субботу Светлой седмицы.

Нифонт был погребен в Печерском монастыре, где некогда ранее, в 1149 г., находился в недолгом заточении. Его останки были положены в пещерах Печерского монастыря – вероятно, Феодосиевых: наступившая весна делала невозможной транспортировку тела в Новгород. Ни новгородский, ни суздальский летописец не акцентируют эту деталь, тогда как киевский летописец второй половины XII в., напротив, помещает здесь большую историю о предсмертном видении Нифонту «отца Феодосия», еще теснее связывая авторитетного для всей Руси иерарха с Печерской обителью, чьи традиции в третьей четверти XII столетия подвергались нападкам как раз со стороны «однопартийцев» Нифонта. Уже на основе этой истории свт. Симон Владимирский в начале XIII в. создает статью Патерика, в которой Нифонт представлен уже бывшим печерским иноком. В результате в позднейшей церковной традиции образ Нифонт имеет двоякую природу – и выдающегося деятеля Новгородской земли, и печерского подвижника, что отразилось и на выборе дня его церковной памяти.

Литература и источники

Абрамович Д. И. Киево-Печерський патерик. Киев: Друк. Всеукр. Акад. наук, 1931. XXVI, 235 с.

Бондач А. Г. Димитрий, митр. Кизический // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. Т. 15. С. 66–70.

Виноградов А. Ю. Религиозный аспект церемонии вокняжения в домонгольской Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье. 2021. № 33. С. 57–61.

Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 118–139.

Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156–1159 гг.) // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2018. С. 35–56.

Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. Жизнь и смерть Феодорца Владимирского: право или расправа? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 10 (84).

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. Спорные вопросы текстологии НПЛ // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 3–72.

Гиппиус А. А. К вопросу о времени учреждения новгородской архиепископии // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной научной конференции, 9–13 сентября 2019 года, Москва, Россия. М., 2019. С. 57–59.

Голубинский Е. [Е.] История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1903. [4], 600 с.

Карбасова Т. Б. Святцы 1646 г.: памяти русских святых // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 249–301.

Круглова Т. В. К истории создания первых монастырей в Пскове // Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи: К 1100-летию Пскова. М., 2008. С. 23–36.

Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 154–184.

Максимова [Терешкина] Д. Б. Житийные памятники, посвященные Нифонту Новгородскому. Литературная история текстов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001 [рпк.].

Миняев Апрель. Ч. 1. М.: Издательский Совет РПЦ, 2002. 310 с.

Назаренко А. В. Леонтий II, архиеп. Ростовский // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2015. Т. 40. С. 532–534.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко. Вып. 4. СПб.: Тип. Кулиша, 1862. 225 с.

Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря / подъ ред. Д. И. Абрамовича, подъ смотр. А. А. Шахматова. СПб.: Изд. Имп. Археогр. Комміссіи, 1911. II, 275, [4] с.

Печников М. В. Новгородский свт. Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.) // Вестник церковной истории. М., 2017. № 3/4 (47/48). С. 266–268.

Печников М. В. Нифонт, свт., еп. Новгородский // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 51. С. 267–272.

ПСРЛ I – Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР. 1926–1928, 2-е изд. Т. 1. 282 стб.

ПСРЛ II – Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись (изд. 2-е). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 638 стб.

ПСРЛ III – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640, [1] с.

Приселковъ М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. XVI, 414 с.

Службы преподобнымъ отцемъ Печерскимъ. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1785. 308 с.

Соколовъ П. [П.] Русскій архіерей изъ Византіи и право его назначенія до начала XV вѣка. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1913. [2], IV, 578 с.

Филаретъ [Гумилевскій], архіеп. Русскіе святыи, чтимые всею Церковію или мѣстно: Опытъ описанія жизни ихъ. Отд. 1: Январь, февраль, мартъ, апрѣль. СПб., 1882. С. 519–527.

Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: МГУ, 1980. 223 с.

Щапов Я. Н. Государство и Церковь в Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 228, [3] с.

Borisova T. Hymnographic Complex by Meletios Syrigos Dedicated to the Kievan Cave Saints and All Russian Saints in the Russian Tradition // *Scrinium*. 2021. Vol. 17. P. 1–27.

Chrysos E. Zur Entstehung der Institution der autokephalen Erzbistümer // *Byzantinische Zeitschrift*. 1969. Bd. 62. S. 263–286.

УДК 902.2:671.412.2(47.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.04

И. В. Волков

КОМПЛЕКС РАНИХ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА ИЗ ИЛЬМЕНСКОГО ПООЗЕРЬЯ

Аннотация. Целью статьи является введение в научный оборот небольшого клада, обнаруженного осенью 2022 г. на северо-западном берегу озера Ильмень. Комплекс состоит из пяти новгородских денег и одной четверетцы, которые датируются 1420–1447 гг., а также четырех обрубков миниатюрных серебряных слитков. Приведены данные пробирного анализа, фотографии и графические реконструкции штемпелей монет.

Ключевые слова: Великий Новгород, Ильменское Поозерье, монеты XV в., клад, проба монет, денга, четверетца.

Abstract. The article is devoted to the introduction to the scientific circulation a small treasure trove discovered in the autumn of 2022 on the shore of Lake Ilmen. The complex consists of five Novgorod dengas and one chetveretsa, which date from 1420–1447, as well as four stumps of miniature silver ingots. The data of assay analysis and graphic reconstructions of coin dies are presented.

Keywords: Veliky Novgorod, Ilmenskoye Poozerye, coins of the 15th c.; treasure, assay analysis, denga, chetveretsa.

Осенью 2022 г. в Ильменском Поозерье (Новгородский р-н, между дер. Троицей и Сергово) обнаружен денежно-вещевой комплекс, относящийся к первой половине XV в. Несмотря на небольшие размеры, он дает важную информацию о денежном обращении этого периода и заслуживает отдельной публикации.

Находка была сделана местными жителями на северо-западном берегу озера Ильмень, недалеко от уреза воды. Шесть монет и четыре небольших обрубка серебряных слитков, согласно имеющейся информации, залегали в песке в виде единого скопления. Уточнить место, где именно был обнаружен рассматриваемый комплекс, пока не удалось. Монеты сразу «разошлись по рукам», но позже все экземпляры удалось сфотографировать и взвесить. Слитки были предоставлены автору данной заметки для изучения состава металла. В настоящее время решается

вопрос о передаче комплекса в собрание Новгородского музея-заповедника.

Нумизматическая часть депозита состоит из пяти ранних новгородских денег и одной четверетцы, отчеканенных в период с 1420 (начало выпуска собственной монеты) до 1447 г. (зафиксированная в летописях денежная реформа) (ПСРЛ. Т. III. С. 412, 426, 427). Кладов новгородских «дореформенных» монет, доступных для поштмпельного изучения, известно немного. Все они имеют небольшой размер и, вероятно, представляют собой содержимое «кошельков», тряпичных мешочков или «узелков», потерянных в свое время владельцами. Первый из них был обнаружен летом 2008 г. в ходе археологических работ на перекрестке ул. Никольская и Михайлова в Великом Новгороде; этот комплекс содержит 28 денег. Второй, найденный в 2010 г. на городище Холопий Городок, состоит из 31 аналогичной монеты; он поступил в собрание НГОМЗ в 2012 г. Третий комплекс, местом находки которого также является берег Ильменя (в районе дер. Устрека Старорусского р-на), включает в себя пять подлинных и две фальшивые новгородские монеты, а кроме того – денгу великого князя Московского Василия I, отчеканенную в Нижнем Новгороде (передан в Новгородский музей в 2021 г.). Эти клады уже опубликованы (Волков, 2020. Клады I, II; 2022. Клад IV). Наконец, весной 2022 г. в ходе масштабных археологических работ на территории бывшего завода «Богемия» (в прибрежной части древнего Неревского конца Новгорода), проводившихся Новгородской экспедицией Института археологии РАН, был открыт четвертый кладовый комплекс рассматриваемого периода. Он содержит 22 ранние новгородские денги и в настоящее время находится в стадии изучения и подготовки к публикации¹. Итак, издаваемая находка из Поозерья представляет собой всего лишь пятый по счету депозит 1420–1447 гг., который возможно исследовать с применением современной методики.

Все денги клада несут обычное для новгородок периода независимости оформление: композицию из двух человеческих фигур на лицевой и строчную надпись «ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА» на оборотной стороне. Присутствуют лишь монеты типа I, для которых характерно изображение левой фигуры стоящей в рост, а не сидящей на престоле (рис. 1, 1–5). Шестая монета – четверетца – младший номинал новгородской денежной системы рассматриваемого периода, представляющий собой четвертую часть денги (Гайдуков, 2006. С. 92–102). Оформление также стандартное: изображение летящей влево птицы на лицевой и строчная надпись на оборотной стороне (рис. 1, 6). Важно отметить, что четверетца в столь раннем депозите встречена впервые. Рань-

---

¹ Благодарю руководителей работ П. Г. Гайдукова и М. А. Степанова за предоставленную информацию.

ше такие монеты были зафиксированы лишь в составе крупного клада из церкви Спаса Преображения на Нередице 1947 г., однако его сокрытие датируется гораздо более поздним временем: серединой 1470-х гг. (подробнее см.: Волков, 2022. С. 12–16).

Долгое время исследователи предполагали, что ранние новгородские денги, имея нормативный вес, к концу чеканки содержали пониженное количество серебра – и именно поэтому были заменены новой монетой в 1447 г. (Сотникова, 1995. С. 9). Не вдаваясь в подробности дискуссии относительно пробы новгородок, длившейся на протяжении нескольких десятилетий, следует отметить, что в июне 2021 г. на проводившейся в Великом Новгороде конференции «Великий Новгород и денежное обращение Руси в XIV–XVII вв.», посвященной 600-летию начала новгородской монетной чеканки, А. В. Будниковым и А. В. Моряковым был сделан обобщающий доклад «Исследование состава сплава монет Великого Новгорода 1420–1447 гг.». Изученная авторами методом рентгено-флуоресцентного неразрушающего анализа случайная выборка из более чем 60 рассматриваемых монет показала, что проба «дореформенных» новгородок оказалась столь же высокой, что и у пореформенных монетных выпусков. Содержание серебра в ранних монетах находится в достаточно узком диапазоне и тяготеет к значениям 95–98%, то есть является в представлениях денежного дела XV в. «чистым серебром». Очень близкие результаты дало исследование состава сплава подлинных новгородских денег клада из Устреки 2020 г. Здесь также в сплаве фиксируется содержание серебра, близкое к 98%, а различные микропримеси (медь, олово, золото, свинец) относятся к категории «коренных», оставшихся в процессе выплавки серебра из руды (Волков, 2022. С. 9). База данных по составу сплава ранних новгородских монет постепенно пополняется; есть надежда, что в ближайшем будущем в нее войдут и сведения о пробе публикуемых монет.

Результаты рентгено-флуоресцентного анализа всех слитков, входящих в состав издаваемого комплекса, приведены в табл. 1².

Таблица 1. Состав сплава слитков из Ильменского Поозерья

№	<i>Ag</i>	<i>Au</i>	<i>Fe</i>	<i>Mn</i>	<i>Cu</i>	<i>Zn</i>	<i>As</i>	<i>Pb</i>	<i>Sn</i>
7 ³	93,89	1,66	0,36	–	2,41	0,05	0,48	1,15	–
8	95,28	1,17	–	–	1,71	0,76	0,17	0,91	–
9	96,04	0,99	0,49	–	1,69	0,06	0,30	0,43	–
10	90,52	0,76	3,04	0,01	1,32	0,04	0,14	1,61	2,56

² Исследование проведено руководителем Центра коллективного пользования Института археологии РАН, кандидатом исторических наук И. А. Сапрыкиной.

³ Нумерация слитков дана согласно описанию клада, приведенному ниже.

Очевидно, что обрубки слитков, вошедшие в состав публикуемого клада, также изготовлены из высокопробного серебра. Его содержание в трех случаях – 94–96%; лишь один слиток дает слегка пониженную пробу, превышающую, однако, 90%. Результаты анализа показывают, что изученные слитки вполне могли предназначаться для дальнейшего передела в монету. Впрочем, строить какие-либо гипотезы на основании изучения лишь одного небольшого комплекса, конечно, преждевременно.

Ниже следует описание предметов, входящих в клад. Фотоизображения и графические реконструкции штемпелей монет приведены на рис. 1, фотографии слитков – на рис. 2.

Описание состава комплекса

Денги

1. Л.с.: Две человеческие фигуры в рост, лицом друг к другу. Левая фигура стоит, в короне, с мечом на плече. Правая – согнута, без головного убора, с миндалевидным предметом (щитом – ?) в руках. За спиной левой фигуры – кружок и 3 точки; за спиной правой – 6 точек. В точечном ободке.

О.с.: Четырехстрочная надпись:

•вли• / когоно / ваго□ / •ода•. Все буквы о – треугольной формы.

В точечном ободке.

1 экз. Вес 0,80 г. Рис. 1, 1.

2. Л.с.: То же, другого штемпеля. За спиной левой фигуры – кружок; за спиной правой – 7 точек. В точечном ободке.

О.с.: Четырехстрочная надпись:

•вли• / когоно / вага□ / ода•. Все буквы о – треугольной формы.

В точечном ободке.

1 экз. Вес 0,87 г. Рис. 1, 2.

3. Л.с.: То же, другого штемпеля. За спиной левой фигуры – кружок и 3 точки; за спиной правой – 4 точки; Между лицами – 2 точки; в нижней части поля розетка из 5 мелких точек. В точечном ободке.

О.с.: Четырехстрочная надпись:

•вли• / когоно / ваг•о□ / •ода•. В точечном ободке.

1 экз. Вес 0,87 г. Рис. 1, 3.

Изд.: Волков, 2020. Клад II, № 9.

4. Л.с.: Тот же штампель, что и у № 3.
О.с.: Четырехстрочная надпись:
•вли• / ког•оно / в•аго□ / •ода•. В точечном ободке.
1 экз. Вес 0,70 г. Рис. 1, 4.

5. Л.с.: То же, другого штампеля. Значки за спинами фигур и ободок не видны.

О.с.: Грубая четырехстрочная надпись:
влн / когон / вапо / □да. Ободок не виден.
1 экз. Вес 0,70 г. Рис. 1, 5.
Изд.: Волков, 2020. Клад II, № 20.

Четверетца

6. Л.с.: Изображение птицы, летящей влево. Перед ней – розетка из нескольких мелких точек, сливающихся между собой. В точечном ободке.

О.с.: Грубая четырехстрочная надпись:
но / вго / □д / ••а. В точечном ободке.
1 экз. Вес 0,16 г (обл.). Рис. 1, 6.
Изд.: Гайдуков, 2006. № 157.

Серебряные слитки

7–10. Обрубки подпрямоугольных в сечении миниатюрных серебряных слитков.

4 экз. Вес 1,56; 1,62; 1,78; 2,06 г. Рис. 2, 7–10.

Рис. 1. Монеты комплекса из Ильменского Поозерья.
Увеличено в 1,5 раза

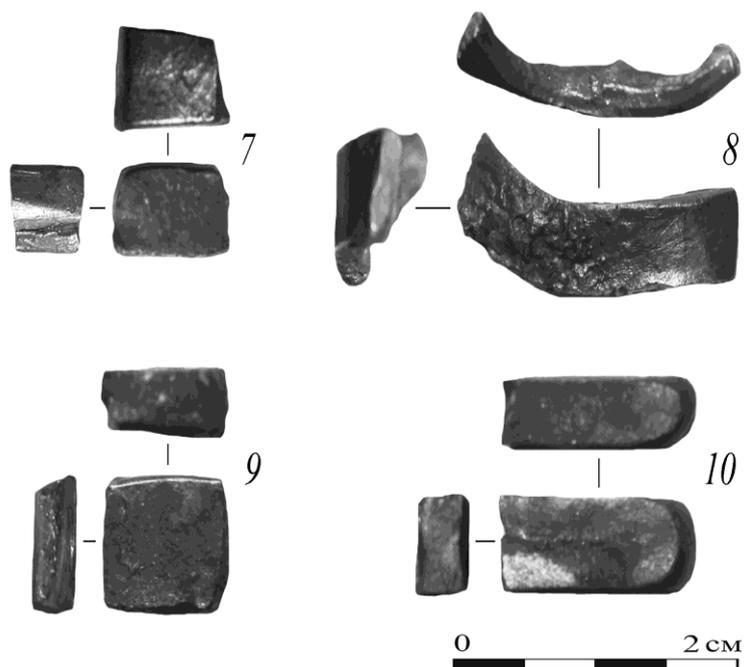

Рис. 2. Слитки комплекса из Ильменского Поозерья.
Увеличено в 1,5 раза

Литература и источники

Волков, 2020 – Волков И. В. Клады монет Великого Новгорода XV в. Ч. 1 / под общ. ред. чл.-корр. РАН П. Г. Гайдукова (Монетные клады Новгородского музея. IV). Великий Новгород, 2020. 336 с.

Волков, 2022 – Волков И. В. Клады монет Великого Новгорода XV в. Ч. 2 / под общ. ред. чл.-корр. РАН П. Г. Гайдукова (Монетные клады Новгородского музея. V). Великий Новгород, 2022. 408 с.

Гайдуков, 2006 – Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.

ПСРЛ. Т. III – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000.

Сотникова, 1995 – Сотникова М. П. Начальный период (1420–1447) суверенной чеканки Великого Новгорода // Монета. Вып. 3. Вологда: Ардвисура, 1995. С. 4–21.

УДК 27-75(09)(47.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.05

Н. В. Салоников, К. В. Суториус

**КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ НОВГОРОДСКОГО МИТРОПОЛИТА
ИОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ
АРХИЕРЕЙСКОЙ ШКОЛЫ 1706–1715 гг.¹**

Аннотация. Корреспонденция митрополита Иова – это самый ранний источник по истории Новгородской архиерейской школы. В статье рассматривается возможность использования этого источника для реконструкции ее истории. Анализируя письма, авторы устанавливают, насколько часто митрополит обращался к теме школы и какие аспекты ее деятельности затрагивал. В первый год существования школы владыка прилагал большие усилия к тому, чтобы представителям правящей светской элиты показать важность своего образовательного проекта. В письмах митрополита тема школы в значительной степени представлена вопросами комплектования ее учительскими кадрами. О значении, которое придавал митрополит Иов учителям своей школы, свидетельствует тот факт, что в сборники его писем включены также письма некоторых из учителей (братья Лихуды, иеромонах Иов). Один из обнаруженных документов свидетельствует, что учитель школы иеромонах Иов был обвинен в еретических взглядах близких к протестантизму и был на время сослан в Отенский монастырь. Хотя в письмах митрополита очень мало говорится об организации учебного процесса в школе, однако они позволяют подтвердить / опровергнуть предположения историков, сделанные на основе более поздних источников. В результате изучения писем авторам удалось уточнить время, когда начались занятия в школе, а также число первых учеников. Корреспонденция митрополита также подтвердила, что в 1712/13 учебном году в Новгородской школе уже изучалась риторика.

Ключевые слова: петровское время, Новгородская архиерейская школа, эпистолография, Новгородский митрополит Иов, учитель иеромонах Иов.

Abstract. The earliest source of Novgorod bishop school history is the correspondence of metropolitan Job. The article's authors try to show the use of this source for reconstruction of its history. Analyzing all the letters, the authors determined how

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

often the metropolitan tackled school matters, what parts of school activities were investigated by him. Particularly during the first year of bishop school life he drew governing elite's attention to the importance of such educational project. School theme was presented in metropolitan's letters mostly by school personnel and its strengthening. There were some other teachers' letters (the brothers Lichudes, hieromonk Job) in metropolitan Job collection. Those letters were the evidence of the fact that he paid much attention to school teachers. One of the found papers testified the accusation of monk Job. He was charged with his heretical ideas closer to Protestantism and sent to Otensky monastery for a while. Although there was not so much mentioned about organization of school studying process in metropolitan letters, it's possible either to prove or disapprove historians' ideas / suppositions based on more later sources. As a result of letters studying the authors were able to determine the beginning of school functioning and the number of its first pupils. Metropolitan's correspondence also gave evidence about learning rhetoric at Novgorod bishop school in 1712/13.

Keywords: Peter's time, Novgorod bishop's school, epistolography, Metropolitan Job of Novgorod, hieromonk teacher Job.

Собрание корреспонденции Новгородского митрополита Иова – это один из наиболее интересных, но, к сожалению, до сих пор полностью не опубликованных памятников истории и литературы Петровской эпохи. Поскольку в переписке митрополита затрагивается самый широкий круг тем и вопросов, она служит ценнейшим источником политической, социальной, экономической, церковной истории, а также истории культуры и образования, в том числе источником по истории Новгородской архиерейской школы. Одной из первых, кто обратился к письмам митрополита Иова в качестве такого источника, была И. А. Вознесенская (Вознесенская, 2001. С. 72–76). Правда, ее статья носила обзорный характер, и, хотя исследовательница впоследствии обращалась к переписке митрополита Иова (Вознесенская, 2005), она не рассматривала ее с источниковедческой точки зрения и с точки зрения того, какие сведения из нее можно получить для истории архиерейской школы. Поскольку в последнее время были введены в научный оборот дополнительные материалы, содержащие корреспонденцию митрополита («Москва и Новгород...», 2009; Новгородские архиерейские школы, 2022), мы считаем необходимым вновь обратиться к письмам митрополита Иова и его корреспондентов как источнику по истории Новгородской архиерейской школы.

Первое, на что необходимо обратить внимание, – это то, что переписка Новгородского митрополита – самый ранний источник, которым мы сегодня располагаем, по истории Новгородской архиерейской школы. В значительной степени то, что в историографии говорится о возникновении школы и первом десятилетии ее существования, основано на письмах митрополита. Известные нам сегодня письма содержатся в пяти больших сборниках. Три из них находятся в Софийском собрании РНБ (ОР РНБ. Соф. собр. № 1425–1427) и представляют собой часть, по-видимому, пятитомной коллекции с корреспонденцией митрополита,

первый том которой включал письма по 1710 г. включительно (Соф. собр. № 1425, далее – сборник S1), второй – письма за 1711–1713 гг. (Соф. собр. № 1426, далее – сборник S2), третий – за 1714 г., четвертый – за 1715 г., а пятый – письма без указания даты (Соф. собр. № 1427, далее – сборник S5). Четвертый известный сборник, составляющий четвертый том этого собрания, находится в РГАДА (РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31, далее – сборник S4)². Пятый известный сборник с корреспонденцией митрополита Иова нами обнаружен в рукописном собрании ГИМ (ОР ГИМ. Барс. 505, далее – сборник В). В начале XIX в. этот сборник находился в Ростовском Яковлевском монастыре, где с него была сделана содержащая большое количество ошибок копия для архиепископа Ярославского и Ростовского Антония (Знаменского), которая в настоящее время находится в собрании Новгородской семинарии РНБ (ОР РНБ. Ф. 522. № 133, далее – список N). (Подробнее см.: Салоников, Суториус, 2022).

Ни сборник В (ни его список N), ни сборник S4 не использовались в качестве источника историками Новгородской архиерейской школы. Е. М. Прилежаев хотя и приводит цитату из одного письма митрополита Иова за 1715 г., которое содержится в сборнике РГАДА, однако не упоминает этого сборника среди своих источников (Прилежаев, 1877. С. 340). Вместо этого он ссылается на исследование П. Пекарского, где соответствующая цитата содержится. Пекарский же в свою очередь, указывая источник приводимых им слов митрополита, ссылается на хранящуюся в РГАДА рукопись из фонда «Кабинета Петра I» (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 24. Л. 175–187), где находятся «отписки» митрополита Иова (Пекарский, 1862. С. 218). И. А. Вознесенская хотя и ссылается прямо на сборник РГАДА, однако не рассматривает его как часть большого собрания корреспонденции митрополита Иова и упоминает о нем не в связи со школой, а в связи с содержанием под стражей при архиерейском доме раскольника Семена Денисова (Вознесенская, 2005. С. 221–222).

Кроме того, известно несколько небольших сборников и отдельных писем, обнаруженных в ОР РНБ, РГИА, НИА СПбИИ РАН, ОПИ НГОМЗ и РГАВМФ (см.: Салоников, Суториус, 2022). Эти сборники включают не только письма самого митрополита Иова, но и письма, ему адресованные. Поскольку эти последние объясняют ситуацию, в которой митрополит писал свои письма, и дают возможность лучше понять содержание посланий самого митрополита, то они должны рассматриваться как неотъемлемая часть его корреспонденции. Сюда же надо отнести сборник, хранящийся в Копенгагенской королевской библиотеке под шифром NKS 212 d kvart, в котором содержатся несколько писем

---

² Местонахождение третьего тома из этого собрания, который содержал письма за 1714 г., пока неизвестно.

Лихудов, а также учеников Новгородской школы (Svane, 1993. Р. 93–99). Этот сборник был составлен Василием Михайловым, одним из первых учеников Новгородской школы при Лихудах, если судить по записи, которая, согласно описанию Гуннара Сване, находится на л. 1: «Сия книга написана рукою трудившагося возлюбленнаго моего родителя Василия Михайловича в бытность учителей его Иоанникиа и Софрониа греков по реклу Лихудиевых, греческую школу в Новеграде сосновавших, в нейже довольно потрудився списавый сию, учася и уча».

Имеется несколько публикаций писем митрополита Иова, куда вошли документы, имеющие отношение к истории Новгородской архиерейской школы: публикации И. Куприянова (Куприянов, 1857. С. 61–74), И. Чистовича (Чистович, 1861. С. 61–145) и Е. В. Анисимова («Москва и Новград...», 2009) и последняя по времени Н. В. Салоникова и К. В. Суториуса (Новгородские архиерейские школы, 2022).

Наиболее ранние упоминания о школе мы встречаем в письме братьев Лихудов патриаршему ризничему Филарету от 20 июня 1706 г. (сборник S1. Л. 44–45) и в «слове»³ митрополита Иова царю Петру того же 1706 г., но без точной датировки (сборник В. Л. 39–40 об.; список N. Л. 40 об.–44 об.). В первом письме, которое местами буквально совпадает с письмом митрополита Иова архимандриту Троице-Сергеевой лавры Сильвестру от 26 июня 1706 г. (об этом письме пойдет речь ниже), Лихуды объясняют, почему они не ответили на два письма Филарета: на первое, полученное в Ипатьевском монастыре, – «за суетения ради отуду исхождения», а на второе, полученное в Новгороде, – «попечения ради приготовления и уставления новья зде школы», после чего в письме сообщается: «Ныне, слава блаженному промыслу самопремудрости Бога, вся право и богоугодно преходят со успехом немалым, учеником укрепляемым мудростию и благодатию во славу трисолнечнаго Света и непреходимую память таковаго воистинну великаго светилника великаго господина нашего... Иова митрополита Великаго Нова града». На основании этого документа мы можем судить, что к 20 июня 1706 г. Лихуды уже находились в Новгороде и занятия в школе шли. К сожалению, в настоящее время нам неизвестна переписка митрополита Иова по поводу того, чтобы братьев Лихудов отпустили из Ипатьевского монастыря в Новгород. Однако в фонде Монастырского приказа РГАДА имеется дело, в котором содержатся документы за январь–март 1706 г. об отпуске Лихудов из Ипатьевского монастыря (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 756; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 27–30).

---

³ Мы условно называем этот текст «словом» поскольку, хотя он и находится в сборнике с корреспонденцией митрополита Иова, однако в нем мы не видим специфического формуляра, который имеется в других письмах.

Еще более интересным оказывается «слово» митрополита Иова к царю Петру. Хотя этот текст и не имеет точной датировки, однако он содержит указание на то, когда начались занятия в школе, сколько было учеников и что они изучали. При этом митрополит вписывает организацию своей школы в контекст внутренней политики царя: «аз смиренный богомолец, царю тишайший и монарше державнейший, желая всегда стопам святого твоего царствия последовати писмянно училище и мудрости исполнено сотворити восхотех и Духа всесвятого благодатию утвердися учителями Иоанникием и Софронием Лихудиевыми вашего самодержавнаго величества богомолцами и до ныне пятиюдесятью ученики прилежнейшими. И чесо ради к чину и славе, и возвышению, и вечней памяти самодержавнаго твоего величества в мае месяце, великий государю и монарше многомилостивейший, ученицы учиться начаша. Всесветаго же Духа благодатию не токмо еллински право читают, но и совершенно пишут, и еллинския граммматики начало сотвориша» (сборник В. Л. 39 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 33).

Здесь возникает несколько вопросов. Во-первых, почему занятия в школе начались в мае, когда учебный год уже близился к концу, а не в начале учебного года, в сентябре. Означает ли это, что обучение в школе не планировалось как обучение цикличное, структурированное учебными годами, или это лишь следствие того, что основателю школы было важным, чтобы школа как можно раньше начала функционировать? Во-вторых, каким образом удалось собрать в школу 50 учеников с уровнем подготовки, достаточным для того, чтобы они уже в скором времени после начала занятий приступили к изучению греческой грамматики?

Из корреспонденции митрополита мы видим, что с учениками занимался также монах Савватий, который до того находился в Переяславском Николаевском монастыре, и, судя по письму Федора Поликарпова от 10 мая 1706 г., был отправлен в Новгород (сборник В. Л. 117–117 об.; список Н. Л. 147–149).

Е. М. Прилежаев пишет, что «на первых порах в школу поступило до 100 учеников» (Прилежаев, 1877. С. 333). При этом он не ссылается на свой источник, и остается непонятным, к какому времени относится эта цифра. В известных нам документах цифра 100 по отношению к числу учеников встречается только в письме митрополита Иова царю Петру от 20 ноября 1706 г. (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Л. 575 об.–576 об.)⁴. И. А. Вознесенская по сводной ведомости об учениках Новгородской школы, представленной в Синод 11 апреля 1728 г., но составленной, по-видимому, во второй половине 1727 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 126–185), подсчитала всех, у кого указана дата поступления в

---

⁴ Фрагменты этого письма цитирует П. Пекарский. Е. М. Прилежаев пользуется этими цитатами.

школу 1706 г. и приводит цифру «119», которую, конечно, надо рассматривать как приблизительную (Вознесенская, 2005. С. 210).

В историографии встречается мнение о том, что митрополит Иов планировал открыть школу в Новгороде еще до приезда Лихудов. В своем письме Лихудам, датированным апрелем 1702 г., владыка просит их написать письмо некоему образованному греку, который был учителем в Бухаресте, с приглашением приехать в Новгород (сборник S1. Л. 10–10 об.). М. Н. Сменцовский в связи с этим письмом пишет, что еще в 1702 г. митрополит «думал основать у себя в Новгороде греко-славянское училище» (Сменцовский, 1899. С. 332). И. А. Вознесенская, следуя этой трактовке, полагает, что Иов планировал завести «не просто школу, а высшее учебное заведение» и подбирал в нее учителя; в упомянутом греке она видит Севаста Киминитиса (Вознесенская, 2005. С. 206–207)⁵. Однако текст указанного письма о планах открытия школы в Новгороде прямо не говорит и, возможно, Иову был нужен только переводчик или образованный богослов⁶. Поэтому мы не рассматриваем это письмо митрополита, как относящееся к организации будущей школы.

В письмах 1706 г., где встречается тема школы, обнаруживается особенность, с которой мы сталкиваемся и в других письмах митрополита: текст писем или частей писем, отправленных разным адресатам, очень близок или даже почти полностью совпадает. Один такого рода блок образуют следующие письма (Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 37–39 и 59–63):

– Сильвестру, архимандриту Троице-Сергеевой лавры, от 26 июня 1706 г. (сборник S1. Л. 46–46 об.)⁷;

– Матвею Петровичу Апраксину от 17 ноября 1706 г. (сборник S1. Л. 50–51);

– Анисиму Яковлевичу Щукину (сборник S5. Л. 215–216);

– Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину (сборник S5. Л. 215–216)⁸;

---

⁵ Вслед за И. А. Вознесенской эту же точку зрения приводит Е. В. Анисимов (Анисимов, 2009. С. 14).

⁶ После слов о большой образованности грека митрополит Иов пишет: «Желаю его от тамошня страны умолити к себе пользы ради Христовы церкви. И аще преподобию вашему той человек знаем и ведом, прошу молительне богоподражательную любовь вашу дати ми к нему увещательное писание: да изволит прийти к нашей худости...» (сборник S1; Куприянов, 1857. С. 63–64; Чистович, 1861. С. 75). Е. В. Анисимов публикует это письмо полностью, но по более позднему списку (ОР РНБ. Ф. 865 (Собр. И. А. Шляпкина) № 122) и вместо чтения «молительне богоподражательную» дает чтение «молительно богоподражательную» («Москва и Новгород...», 2009. С. 38).

⁷ В случае наличия публикации указывается последняя по времени. Анисимов публикует это письмо по позднему списку (ОР РНБ. Ф. 865. № 122. Л. 2–2 об.).

⁸ В сборнике S5 почерком переписчика написано письмо, адресованное А. Я. Щукину, а затем рукой митрополита Иова между строк внесена правка, на основании которой можно судить, что такое же письмо с незначительными отличиями было адресовано

– Никите Моисеевичу Зотову⁹ (сборник S5. Л. 62–63); датировка последних трех не указана, но не позднее 20 ноября.

Хотя письма эти написаны по разным поводам и о разном, однако среди прочего во всех в них идет речь о недавно заведенной в Новгороде школе, и этот рассказ в разных письмах очень близок:

Архимандриту Сильвестру	Щукину/Мусину- Пушкину	Апраксину/Зотову ¹⁰
Слава блаженному промыслу самопремудрости Бога – вся у нас ныне право и богоугодно преходят и со успехом немалым, из разных чинов учеником укрепляемым мудростию и благодатию, во славу трисолнечнаго Света и в вечное Церкви спасение. Словеснейшии учителя, честнейшии иеромонаси, Иоанникий и Софроний Лихудиевы, обретающиеся по указу монаршескому в доме Софийском, воистинну высокоучени суть, добри же и верни, трезви, и бодри, и во учении усердни: непрестанно на кийждо день учеников греческим, славенским и латинским писмянном, без всякаго сокращения вседушно обучают, при них же и	Слава блаженному промыслу самопремудрости Бога – вся у нас доселе право и богоугодно в церкви преходят и со успехом немалым, из разных чинов учеником укрепляемым мудростию и благодатию, во славу триипостаснаго божества и в вечное спасение Церкви. Словеснейшии учителя, честнейшии иеромонаси Иоанникий и Софроний Лихудиевы, обретающиеся по указу монаршескому в Доме Софийском, воистинну высокоучени суть, блази же и верни, трезви и бодри, и во учении ко учеником зело благодушни и усердни: непрестанно бо на кийждо день учеников греческим, славенским и латинским писмянном без всякаго сокращения	Слава блаженному промыслу самопремудрости Бога – вся у нас доселе право и богоугодно в церкви преходят и со успехом немалым из разных чинов многоим учеником, укрепляемым мудростию и благодатию во славу триипостаснаго Божества и в вечное спасение церкви, в похвалу же и безсмертную память самодержавнейшаго и святаго царствия Всероссийскаго, чрез мудрейших, воистинну, и весьма всеблажайших отцев и учителей изящнейших иеромонахов Лихудиевых. Непрестанно бо на кийждо день учеников греческим, славенским и латинским писмянном, в граммматице сущим, без всякаго сокращения вседушно обучают, и мнози от наших новых учеников не токмо

И. А. Мусину-Пушкину. Так, написанный первоначально текст начинается словами: «Честнейшему и разумнейшему господину мне же о Христе сыну любезному и благодетелю благоутробнейшему Анисиму Яковлевичу». С учетом правки митрополита он начинается так (правка выделена курсивом): *«Великолепнейшему и многоразумнейшему царскаго пресветлейшаго величества боярину мне же о Христе сыну любезному и благодетелю благоутробнейшему Иоанну Алексиевичу»*. И. Чистович опубликовал фрагмент этого письма как письмо Мусину-Пушкину (Чистович, 1861. С. 133–134), этот же фрагмент переиздал Е. В. Анисимов, который датирует это письмо временем до декабря 1707 г. («Москва и Новград...», 2009. С. 59).

⁹ Е. В. Анисимов датирует это письмо 1707 г. («Москва и Новград...», 2009. С. 61).

¹⁰ Здесь текст этих двух писем совпадает полностью.

старии их нецьи ученики, для учения и преводу книг греколатинских с радостию у нас трудятся. И сего иуния, дне 24, мнози от учеников латино-славенскую грамматику¹¹ начали, в том же учении обретаются и сутол горбат со архидьяконом.

вседушно обучают. При них же нецьи и старии от монахов и мирских, прежде бывшии при них на Москве ученики, для учения и преводу книг греколатинских с радостию у нас трудятся. И мнози уже от новых наших учеников греко-славенно-латинскую грамматику добре изучиша.

греко-славено-латинскую грамматику добре изучиша, но и в разглаголствах, и в писании литер попремному искусни суть¹². При них же нецьи и старии от монахов и мирских, прежде бывшии на Москве ученики для учения и преводу книг греколатинских с радостию у нас трудятся.

Это был первый год, когда открылась школа, и указанные письма Иова производят впечатление отчетов или рапортов разным представителям светской элиты о том, сколь успешно функционирует новая школа¹³.

М. Н. Сменцовский со ссылкой на опубликованные И. Чистовичем и приведенные выше фрагменты писем митрополита Иова архимандриту Сильвестру, И. А. Мусину-Пушкину, Н. М. Зотову пишет, что «школьники эллинского класса назывались первой станицей, или первостатейными, ученики славянской школы малостатейными» (Сменцовский, 1899. С. 341). Почти дословно это же утверждение мы находим в статье Е. М. Прилежаева: «Школьники эллинского класса были названы “первой станицей”, или первостатейными, ученики славянской школы – малостатейными», – который еще добавляет, что первым выдавалось в день «по хлебу на человека», а вторым – «по полухлебу». При этом исследователь не указывает свой источник (Прилежаев, 1877. С. 333). Однако известная нам корреспонденция митрополита Иова и другие документы до 1716 г. не дают оснований предполагать, что существовало такое деление учеников. Возможно, на школьников здесь было перенесено деление, которое применялось к подьякам.

¹¹ Не вполне понятно, что имеется в виду, поскольку до 1724/25 учебного года, помимо данного места свидетельств преподавания латинского языка в Новгородской школе, кажется, неизвестно. В списке Костромской греческой грамматики Лихудов, сделанном учениками Новгородской школы, как можно предполагать, в 1712 г., слова на латинском языке написаны не переписчиками, учениками школы, а другим почерком (ОР РНБ. Ф. 522. № 72), что, вроде бы, может указывать на то, что ученики латыни не знали.

¹² И. А. Вознесенская рассматривает это место как свидетельство того, что митрополит в своих письмах не забывал отмечать успехи лихудовских учеников (Вознесенская, 2001. С. 73), однако, на наш взгляд, сказанное здесь было частью пропагандистской кампании, которую митрополит проводил в 1706 г. с целью показать важность и эффективность своего образовательного проекта.

¹³ Е. В. Анисимов также обратил внимание на эту особенность писем данного времени («Москва и Новград...», 2009. С. 213. № 21; С. 217).

Другую группу составляют письма, отправленные в октябре 1706 г. (Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 43–50):

– Федору Матвеевичу Апраксину (сборник В. Л. 109–109 об.; список N. Л. 136 об.–138);

– Автоному Ивановичу Иванову (сборник S5. Л. 132–132 об.);

– царевичу Алексею Петровичу (сборник S1. Л. 56–57)¹⁴;

– царевне Наталье Алексеевне (сборник S1. Л. 58–59).

Текст этих писем и вообще очень близок, и полностью почти совпадает та часть их, где говорится о новозаведенной школе:

«Но понеже Богу, яко общему отцу, явися, имиже Сам весть судьбами, свое создание многожды и наказовати, и различно утешати, и мне, смиренному и грешному архиерею, в толиких сущу немощех, и ныне в находящих утеснениях, дарова и всему сему Нову граду, к малу некоему нашему утешению, и к славе блаженныя Троицы, и к¹⁵ похвале святаго нашего великаго царствия новое училище с велиим тщанием учителей Иоанникия и Софрония Лихудиевых и самых сущих учеников многих числом на еллинском диалекте ныне, в будущее же и латинскому хотящим учение преподастся.

Благословно сему делу учения явися и мне вседушне в сей моей епархии состоятися. Вем бо, яко три крепчайшыя вины христианское царство утверждающыя имать¹⁶: царь мужествен и благочестив, архиерейское началство и училище православное. Благодатию Божию сия вся три сияют ныне в сем святем нашем Росийском царствии.

Сию училищную силу разумеая и селевкийский учитель, Василий святой, глаголаше: яко Христос, по малу приближающуся учению, из учеников соверши учителя, яко чрез них чудеса же, и поученми, яко крилами, воскрилив ум человеческий, яко взыти им на крайность небеснаго учителства».

Здесь нельзя не обратить внимание на то, насколько большое значение старается придать своему образовательному проекту митрополит Иов: когда он пишет о том, что «три суть крепчайшыя вины, христианское царство утверждающыя», то ставит школу («училище православное») в один ряд с личностью монарха и властью епископов. Далее, словно чувствуя, что важность школьного образования далеко не очевидна его адресатам, митрополит ссылается на авторитет Василия Селевкийского. Такое стремление митрополита оправдать основание им школы можно понять. Действительно, для великороссийской епархии

---

¹⁴ Известен более поздний список этого письма (ОР РНБ. Ф. 865. № 122. Л. 3–4; «Москва и Новгород...», 2009. С. 47–49).

¹⁵ Это слово опущено в письмах Алексею Петровичу и Наталье Алексеевне.

¹⁶ В письмах Алексею Петровичу и Наталье Алексеевне вместо *три крепчайшыя вины христианское царство утверждающыя имать* – *три суть крепчайшыя вины, христианское царство утверждающыя*.

школа была делом неслыханным не только по своим функциям, но даже и как отдельная статья расходов в епархиальном бюджете.

Третью группу образуют следующие письма, отправленные осенью 1706 г. (Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 51–57 и 63–65):

– царю Петру (сборник S5. Л. 182–183);

– Дарье Михайловне Меншиковой, супруге А. Д. Меншикова (сборник S5. Л. 86–86 об.; сборник В. Л. 152–152 об.; список N. Л. 204 об.–207)¹⁷;

– царю Петру от 20 ноября 1706 г. (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Л. 575 об.–576)¹⁸.

Эти три письма объединяет то, что школа ставится в них в один ряд с благотворительными учреждениями, которые при митрополите Иове возникли в Новгороде (больницы и приют). Первое письмо было написано в связи с тем, что в октябре 1706 г. обсуждался проект лишить Новгородскую кафедру некоторых вотчин. Иов обращается к царю с просьбой оставить ему эти вотчины и ссылается на то, что они служат источником благоденствия для больниц, приюта и школы. Здесь обращает на себя внимание то, что в письме автор не приводит обоснования важности школы, но, наоборот, апелляция к благополучию школы и благотворительных учреждений используются как аргумент для защиты экономических интересов митрополии. В письме Д. М. Меншиковой митрополит выражает благодарность за ходатайство по этому делу.

Хотя в письме царю Петру от 20 ноября 1706 г. тема вотчин не затрагивается – митрополит просит, чтобы царь приказал Иоанникию и Софронию Лихудам исправить перевод Ветхого Завета и отправил в Новгород хранящиеся в Москве книги, полученные от иерусалимского патриарха Досифея, а также типографское оборудование Симеона Полоцкого – однако здесь также благотворительные учреждения и школа ставятся в один ряд. При этом митрополит выстраивает параллель между своими социальным и образовательным проектами, с одной стороны, и тем, что по инициативе «перваго Петра царя на Москве училища различных ведений и диалектов возсияша устремляющыяся, больницы ради убогих и требующых и иная сицевая многообразная и богоугодная дела сущаго к Богу багочестия изявляюща». В обоих письмах царю используется образ миноры, семь свечей которой символизируют четыре больницы, приют и две школы (славянскую и греческую).

---

¹⁷ Список письма из сборника S5 содержит правку, которая не отражена в сборнике В. Это заставляет предположить, что в сборнике В содержится текст, действительно отправленный Д. А. Меншиковой, а письмо из сборника S5 содержит правку более позднего времени.

¹⁸ Это письмо было известно П. Пекарскому (Пекарский, 1862. С. 216–217), цитатами из которого пользовался Е. М. Прилежаев (Прилежаев, 1877. С. 335).

...седмосвешный светилник, непрестанно горящ пред страшным престолом его создателя моего, пред тобою, великий государю, состроиш... Сей предреченный седмосвешный мой светилник, непрестанно горящий пред страшным престолом Создателя моего, есть, Великий государю, четыре больницы, едино старнноприятелище и два училища, едино убо еллиннославенское, уже в грамматике состоящееся, второе же точию на славенском общем диалекте. Сей есть седмосвешный светилник, имущий многия души всякаго возраста, днем же и нощию управляемая душевне и телесне и молящаяся всещедрому Богу непрестанно о здравии и долгоденствии и победе на враги и сопостаты твоего самодержавнаго и царского величества.

...понеже глаголют философи, яко ad exemplum regis totus componitur orbis, сиречь прикладом царя весь мир составляется и аз, смиренный и грешный архиерей... создал zde в Новеграде о Вашем здравии и спасении и благом состоянии един седмосветилничный светилник, непрестанно горящий пред божественнейшим престолом блаженныя и триипостасныя Троицы, се есть четыре больницы и едино странноприятелище убогих и требующих толико здешних, елико и преходящих рабов с службы, собирающихся отсюду и оттуду полумертвых, лежащих на разпутиих града и за градом в далности. Между сими и две школы на славенском и еллинском диалектах, в них же учеников донныне, яко сто, и мало что еще. В будущее же и латински преподадутся науки хотящим. Питаются же вси милостию Божиею и твоею царскою, ею же Ты, Великий государю, помиловал мя еси.

В письме княгине Дарье Меншиковой упоминаются уже пять больниц и о светильнике не говорится.

Далее в известной нам переписке митрополита Иова и его корреспондентов на протяжении почти целого года мы не находим упоминаний о Новгородской школе. Исключение составляет письмо неустановленному духовному лицу от 4 февраля 1707 г., в котором митрополит просит своего адресата «о деле же сущей zde новыя школы еллинословено-латинской Великаго Нова града прошу паки и множицею пречестность твою со всяким усердием порадеи, еже бы спорее быти сему благому совершению» (сборник В. Л. 188 об.; список Н. Л. 255 об.–256; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 69).

Снова мы встречаем тему школы уже в корреспонденции конца 1707 – начала 1708 г. Большую группу писем, которые можно рассматривать как свидетельство истории школы, представляют отправленные в декабре 1707 г. разным лицам письма, где говорится о том, что с разрешения царя один из учителей Софроний Лихуд был направлен митрополитом Иовом в Москву за оборудованием типографии, которой руководил некогда Симеон Полоцкий («верхняя типография»). Школа не упоминается здесь эксплицитно, однако это событие впоследствии сущест-

венно повлияло на ее преподавательский состав. К этой группе относятся следующие письма (Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 75–86):

– царю Петру (сборник S1. Л. 87–87 об.; сборник В. Л. 15–16; список N. Л. 13 об.–16);

– Федору Матвеевичу Апраксину (сборник S5. Л. 29–29 об.; сборник В. Л. 16 об.; список N. Л. 16–17);

– царевичу Алексею Петровичу (сборник S1. Л. 91; сборник В. Л. 18 об.; список N. Л. 19–20);

– митрополиту Стефану (Яворскому) (сборник S1. Л. 92–92 об.; сборник В. Л. 18; список N. Л. 18–19);

– Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину (сборник S1. Л. 93; сборник S5. Л. 28; сборник В. Л. 17 об.; список N. Л. 18, 25–25 об.);

– Матвеем Петровичем Апраксиным (сборник S1. Л. 94; сборник В. Л. 17; список N. Л. 17–17 об., 25);

– Автоному Ивановичу Иванову (сборник S1. Л. 95–95 об.; сборник В. Л. 20; список N. Л. 20 об.–21 об.).

Эти письма не имеют точной датировки, но, с одной стороны, во всех этих письмах упоминается о приближении Рождества, а с другой стороны, в конце письма царю Петру в сборнике S1, правда, почерком, отличным от почерка, которым написан сам текст письма, указано: «1707 году декабря в... дне». Текст этих писем очень близок.

Софроний не вернулся в Новгород. 4 января 1708 г. Пётр распорядился: «Иеромонахов греческих Иоаникия и Сафрония Лихудьевых, которые ныне в Великом Нове Городе и при них будущих людей, которые с ними посланы с Москвы, взять по прежнему к Москве и учить им в школах греческого языка» (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 8. Л. 208; Великий Новгород в эпоху петровских преобразований, 2007. С. 121). Это привело к продолжению в начале 1708 г. переписки об учителях школы. К этой группе писем относятся (Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 92–103):

– письмо самого Софрония от 14 января 1708 г., в котором он пишет, что не просил царя о том, чтобы остаться в Москве (сборник В. Л. 167–167 об.; список N. Л. 227–228 об.);

– письмо Федора Поликарпова от 24 января 1708 г., в котором он старается утешить митрополита Иова из-за того, что Лихудов забирают в Москву, и как бы извиняется за то, что должен оказывать им помощь как своим наставникам (сборник В. Л. 200–200 об.; список N. Л. 278–279)¹⁹;

– письмо митрополита Стефана (Яворского) 26 января 1708 г., в котором он просит не думать, что он «аки бы виновен возврата в Москву учителей греков Лихудиев. Ни, удержаны бо онии некими нуждами

---

¹⁹ Известен еще один более поздний список этого письма (ОР РНБ. Ф. 905 (Новое собрание рукописной книги). Оп 1. (F). № 22. Л. 192).

церковными, школными и типографскими, кроме Москвы инде управитися не могущими», и просит «отпустить и Иоанникиа к Софронию, един бо без другаго мало может» (сборник В. Л. 162–163; список N. Л. 220 об.–222 об.);

– письмо митрополита Иова царю Петру не позднее 30 января 1708 г., в котором митрополит по поводу указа об отправке Лихудов в Москву среди прочего пишет: «А учеников, государь, в грамматике греческаго и славено-российскаго диалектов вящше седмидесят человек с два лета обретається, денги, платье, пища и питье учителем и переводчиком и писцем такожде и учеником вышеписанному числу школы дрова, пища и питье и другое удовление труда ради учения в ползу святыя церкви и во славу самодержавнаго твоего царствия идет все домовое и естли сие учения дело остановится, и от того будет великая тшета церкви, и умножение расколов, и дому убытков самопремудрости Бога. А учитель Иоанникий от всея души желание имеет для учения в Новеграде быти, о чем у тебя, великаго государя, милости и повеления паки просит» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 756. Л. 26–26 об.);

– письмо Федора Поликарпова от 6 февраля 1708 г., в котором он пишет, что получил письмо от митрополита, где тот выражает свою печаль в связи с тем, что у него забрали Софрония, и сообщает, что Софроний живет у него в доме (сборник В. Л. 166–166 об.; список N. Л. 225 об.–226 об.);

– письмо митрополита Иова А. М. Апраксину без точной датировки, в котором митрополит, возможно, полагая, что если школа лишится Иоанникия, то деятельность ее может прекратиться, несмотря на то, что при кафедре находились иеромонахи Савватий и Филимон, которые впоследствии тоже были учителями школы, обращается через А. М. Апраксина с просьбой к Ф. М. Апраксину, чтобы Иоанникия Лихуда оставили в Новгороде, и прибавляет: «А Резанский архиерей говорил мне, что они на Москве и оба не нужны» (сборник S5. Л. 136–136 об.);

– письмо митрополита Иова неустановленному лицу от 25 марта 1708 г., в котором он благодарит свой адресат за то, что тот обратился с просьбой к царю, чтобы Иоанникий Лихуд по прежнему находился при Новгородском архиерейском доме (сборник S1. Л. 113–113 об.).

Затем на протяжении полутора лет в известной нам корреспонденции митрополита Иова не встречается тема Новгородской школы. Только в конце 1709 г. мы вновь находим письма, где обсуждаются вопросы преподавательского состава. 27 декабря 1709 г. датированы два письма: одно царю Петру (сборник S1. Л. 193–193 об.), а другое А. Д. Меншикову (сборник S1. Л. 194–194 об.; сборник S5. Л. 72 об.–73 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 105–107). В обоих письмах имеются «цыдулки», в которых митрополит просит не забирать у него

Иоанникия Лихуда, а в письме Меншикову он просит еще и Софрония вернуть в Новгород²⁰. Текст цыдулек очень близок между собой:

Царю Петру

Молю ибо аз, смиренный архиерей и дненощный царскаго твоего величества богомолец ради всепремудраго царя славы Иисуса Христа и ради приснодевы истиннейшия Богоматере благодатныя Марии не взятися от мене к Москве старику учителю иеромонаху Иоанникию, пользы ради Христовы Церкви. Много бо суть на Москве царским твоим богопросвещенным тшанием учителей, у мене же един точию. Молю паки. Ибо Москва и Новгород едина держава Божия, и твоя царская.

Меншикову

Молю ибо аз, смиренный архиерей, и дненощный ваш богомолец ваше боголюбивое подражателство ради всепремудраго царя славы Иисуса Христа и ради приснодевы истиннейшия Богоматере его благодатныя Марии не взятися от мене к Москве учителю иеромонаху Иоанникию, пользы ради Христовы Церкви. Много бо на Москве суть учителей, у мене же един точию. Молю паки, аще возможно, и брату его учителю иеромонаху Софронию при нем Иоанникие у нас быти, сотворите и заступите, пожалуйста. А он, Иоанникий, по премногу его брата своего к нам желает и просит. Подобне и брат его сего не отречется. Ибо Москва и Новгород едина держава Божия, и купная слава царскаго самодержавнаго Величества и Ваша неугасимая похвала в роды родов.

Возможно, это оживление переписки было связано с тем, что Софроний стал хлопотать о том, чтобы Иоанникия перевели в Москву. Об этом свидетельствует письмо И. А. Мусина-Пушкина от 3 мая 1709 г. Федору Поликарпову, где он пишет: «Софронию скажи: уповаю по милости Божией брату его быти к Москве, понеже аз просих милости у царскаго величества и указ будет скоро» (Брюханова, 1996. С. 226. № 17).

Также и в письме от 23 февраля 1710 г. новгородскому ландрихтеру Я. Н. Римскому-Корсакову митрополит Иов просит ходатайствовать перед А. Д. Меншиковым о том, чтобы Иоанникия Лихуда не забирали из Новгорода (сборник S1. Л. 214–214 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 110–113). Рукой митрополита здесь внесена позднейшая правка. Сверху над текстом, написанным рукой переписчика, написано: «...и указом паки имянным, за подписанием руки его сиятельства вновь ныне подкреплён был, аще возможно»²¹. Митрополит также, видимо, ждал решения по своему ходатайству о том, чтобы Соф-

²⁰ И. А. Вознесенская, видимо, на основании того, что в сборнике S5 данная «цыдулка» идет после письма супруге Меншикова Дарье Михайловне, пишет, что данный фрагмент относится к письму Д. М. Меншиковой (Вознесенская, 2001. С. 73).

²¹ И. Куприянов и И. Чистович, а вслед за ним также Е. В. Анисимов, включают правку митрополита в текст, но не оговаривают этого.

рония вернули в Новгород, поскольку далее идет фраза: «О прислании же паки к нам брата его, иеромонаха Софрония, не вем, каковый указ состоялся».

К этому же времени, кажется, надо отнести письмо Иоанникия Лихуда Феофилакту (Лопатинскому) без точной датировки, в котором Иоанникий пишет, что хочет услышать известие о том, что Софроний возвратится в Новгород: «Молю твою благолюбивую и сострадательнейшую душу, еже возболезновати моя старости и нечто веселых и утешительных преподати ми. Яковое утешение? Глаголеши ми, яко да кир Софроний мудрейшим твоим светом и увещанием к нам возвратится» (сборник В. Л. 197–198 об.; список Н. Л. 273–275 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 107–109).

Однако Софроний не только, видимо, не собирался возвращаться в Новгород, но и хлопотал о том, чтобы его старшего брата Иоанникия также перевели в Москву. Об этом свидетельствуют его письма от 31 июля 1710 г.: митрополиту Иову, с трогательной просьбой: «Свободи беднаго старика Иоанникия, не даждь нам сицевыя последния и не-сносныя скорби отидти от сея жизни и еже не видетися нам обоим в последний час жизни нашея», а также казначею Новгородского архиерейского дома Феодосию, архимандриту Вяжищского монастыря Аркадию и архидиакону Новгородской митрополии Илариону с просьбой похотайствовать перед митрополитом в этом деле. Эти письма известны в двух вариантах: первые три – на церковнославянском (сборник В. Л. 168–170 об.; список Н. Л. 229–233; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 116–121), последние три – на греческом – хранятся в Копенгагенской королевской библиотеке, шифр NKS 212 d kvart (Svane, 1993. P. 93–99; публ. – Яламас, 2001. С. 230–238). Церковнославянский текст в сборнике В написан почерком Федора Герасимова, переводчика Новгородского архиерейского дома. Это, возможно, говорит о том, что или Софроний не владел церковнославянским в достаточной степени, чтобы написать письма, или митрополиту Иову было комфортнее читать / слушать письма на церковнославянском, а не на греческом, если же учесть, что в письмах митрополита мы не встречаем цитат на греческом языке, хотя и встречаются на латинском, то это вызывает вопрос, знал ли митрополит греческий.

Последнее упоминание о школах в корреспонденции 1710 г. мы находим в письме митрополита Иова новгородскому ландрихтеру Я. Н. Римскому-Корсакову от 16 октября, где в большой «цыдулке» высказываются жалобы на превышение полномочий, которое допускали чиновники во время переписи 1710 г., в частности говорится, что переписчики «священников безсрочно неволят на всяком погосте строити школы и велят учити разным наукам», после чего сделана другим почерком позднейшая вставка «А у нас и своих издавна много обретається школников, и пици указныя требуют» (сборник S1. Л. 293–302 об.; Чистович, 1861. С. 88–90; «Москва и Новград...», 2009. С. 84–86. № 58).

После этого вновь на протяжении более чем двух лет в корреспонденции митрополита мы не встречаем упоминаний о школе. Только в письмах за октябрь 1712 г. находятся два, которые можно связать с историей школы: письмо архимандриту Феодосию (Яновскому) от 9 октября (сборник S2. Л. 208–208 об.), где «на цыдулке» говорится об иеромонахе Иове, будущем учителе школы (о нем речь пойдет ниже) и в письме иерею Георгию Зиновьевичу от 31 октября (сборник S2. Л. 220; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 142–144), которое посвящено одному частному вопросу налогообложения («о спрашиванье мостовых и решеточных и с подклетов жилых накладных денег»), отвечая на который митрополит пишет: «...получили мы из Санкт-Петербурга повеление сие: долженствует с того нашего двора с жилых подклетов те накладные денги платить тем, кто на тот двор школников поставил».

В следующем 1713 г. тему школы мы встречаем в корреспонденции митрополита Иова в двух схожих контекстах – от Новгородской кафедры требовалось направить в столицу группу подготовленных юношей для использования их в разных государственных службах. В первом случае 17 марта митрополит получил указ царя прислать в Санкт-Петербург десять певчих (такие вызовы случались и раньше). В ответ на этот указ Иов доносит царю (в тот же день или на следующий, дата в письме не указана), что у него самого певчих мало, потому что одни из них умерли, другие отправлены к псковскому архиерею, а третьи отправлены в школу, так что послать в Санкт-Петербург ему некого (сборник S2. Л. 284 об.–285). Письмо такого же содержания Иов отправил 18 марта 1713 г. уставщику Степану Ивановичу Беляеву (сборник S2. Л. 285 об.–286; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 156–158). В нем он также сообщал, что послал в Петербург семь певчих, и просил способствовать их возвращению в Новгород «для святых церковных службы и учения»²². К письму был приложен именной список посланным. Обращает на себя внимание то, что вторая половина письма царю содержит значительную правку, сделанную рукой Иова, так что место, где говорится о школе, оказывается представленным в двух редакциях: первой, написанной рукой писца, второй, написанной рукой митрополита. Поскольку мы не можем сказать, какой именно из двух вариантов был получен в канцелярии царя, приводим здесь оба:

«А у меня богомолца твоего певчих самое малое число, понеже иные из них померли, а другие после бывшего во Пскове мороваго поветрия посланы на умерших места к тамошнему архиерею,

---

²² В этом же сборнике S2 имеется письмо С. Я. Беляеву от 2 декабря 1713 г., где Иов благодарит его за помощь в деле о певчих (Л. 381 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 162).

[первоначальный вариант текста]

а досталние ползы ради святыа Христовы церкви определены в эллиногреческую школу, в которой упражняются всегда в научении грамматического художества, а иные изучася таковаго художества учатся ныне риторики и за то мне богомолцу твоему в Санкт-Питер-бурх из певчих послать некого. И о сем тебе великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя России самодержцу буди известно».

[правленный вариант]

а иные из средней и из меньшей статей ползы ради святыа Христовы церкви определены в эллиногреческую школу, в которой упражняются всегда уже седмое лето в научении грамматического и литорического художества. И ис того числа ис певчих и ис подьяков избрав с нуждею послах семь человек, а для святыа церкви оставих у себе подьяков средни<x> и менщих станиц робят малое число. А отписку сию подать и им посланным певчим и подьяком явится велех вашему царскаго величества господину уставщику Стефану Яковичу Беляеву».

Отсюда видно, что кафедральные певчие младшего возраста были одновременно также и учениками архиерейской школы. Свидетельство того, что между школой и подготовкой низшего клира существовала, возможно, некая нам пока не вполне понятная связь, можно видеть, как кажется, в письме Ульяну Иоакимовичу Синявину от 11 февраля 1713 г., где в «цыдулке» митрополит Иов сообщал: «...присланные два дьячка для научения пения в школу определены и запас им в потребу пищи дан, и повелено им ко всякому церковному служению обучения ради и навыкновения церковнаго чина ходити в дом наш неленостно, и за помощь Божию по нашему грешному повелению ныне прияшася за учение» (сборник S2. Л. 252 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 153).

Приведенные фрагменты важны еще и тем, что они свидетельствуют о преподавании риторики в Новгородской школе весной 1713 г. Возможно, это был 1712/13 учебный год, так как мы пока не можем с уверенностью утверждать, что учебный процесс в школе членился на учебные годы. До сих пор о преподавании риторики в Новгородской школе можно было судить с некоторой долей предположения на основании рукописей с греческим текстом риторики (ОР РГБ. Ф. 173.1. № 329 (автограф Иоанникия Лихуда); ОР РНБ. Ф. 522. № 61 и ТГОМ. КП-1891) и двух рукописей с переводом на церковнославянский (ОР РНБ. Соф. собр. № 1557 и № 1558). Данные этих рукописей кажутся не вполне согласованными. Часть рукописи № 329 – двуязычная (до стр. 72²³): на развороте слева – греческий текст, справа – латинский. На л. 1 заглавие всего курса указано: Τὸ τῆς βασιλικῆς εὐλογητίας παλάτιον εἶτε γυμνασία, θεωρία τε καὶ ῥητορικᾶ

²³ В рукописи рукой Иоанникия Лихуда пронумерованы страницы.

μελετήματα, ἐξήγησις τε τηλαυγεστάτη ἀπάσης τῆς ῥητορικῆς δυνάμεως παρὰ Ἰωαννικίου ἱερομονάχου Λειχοῦδου τοῦ ἁμαρτωλοῦ ποιηθεῖσα, – на л. 2: *Reginae palatium eloquentiae sive exercitationes oratoriae. Expositio lucidissima universae rhetoricae facultatis ab Ioannicio sacromonacho Lichudae peccatore facta.* На следующем развороте на верхнем поле указана дата: на л. 3 – αψιβ^ω β^α σεπτεμβρίου, на л. 4 – 1712 2^a Septembris. В списках же перевода этого курса риторики заглавие звучит так: «Палата царскаго благоязычия или обучения зрения и риторическая размышления. Толкование светлейшее вся риторическия силы от грешнаго иеромонаха Иоанникиа Лихудиева издавшееся. В Нове граде 1712 года септемвриа во 2 день» (ОР РНБ. Соф. собр. № 1558. Л. II; № 1557. Л. III). Однако в рукописи № 1558 в конце курса на л. 221 почерком, правда, отличающимся от почерка переписчика, приписано: «Лета Господня 1716 месяца февруария в 9 день по благословению преосвященного Иова митрополита Великаго Нова града и Великих Лук совершися сия риторика в Великом Нове граде в доме архиерейском в школе от словеснейшаго учителя иеромонаха Иоанникиа грека Лихудиева Кефалонитяна», – и на поле слева приписано: «Написася 1716 года маиа 28 д.» Показания этих рукописей можно было бы понять так, что в 1712 г. данный курс риторики был составлен, а в 1716 г. (1716/17 учебном году) он был закончен. Письмо же митрополита, отправленное царю в марте 1713 г., свидетельствует о том, что риторика в это время в Новгородской школе уже преподавалась.

Однако не вполне пока понятно, на что указывает дата 1716 г.: на время ли окончания курса риторики первыми учениками школы, или на время, когда был сделан перевод на церковнославянский. При первом предположении кажется, что курс риторики выходит слишком продолжительным – три с половиной года, между тем как в Московской академии этого же времени он составляет два года. Впрочем, и время, которое было потрачено первыми учениками на курс грамматики – они начали учиться в 1706 г., а до риторики добрались только в 1712 г. – кажется каким-то слишком большим по сравнению с тем, сколько времени уходило на освоение греческой грамматики в Новгородской школе в начале 1720-х гг. – около трех лет (Салоникиев, Суториус, 2020). При втором предположении смущают слова «совершися сия риторика... от словеснейшаго учителя иеромонаха Иоанникиа», поскольку не вполне понятно, достаточно ли знал Иоанникий церковнославянский для того, чтобы переводить даже свои собственные сочинения.

Второй эпизод связан с тем, что от Новгородского архиерея потребовалось прислать в Санкт-Петербург 30 грамотных человек для обучения артиллерийскому делу. Этот эпизод отразился в двух письмах, датированных 1 апреля 1713 г., Я. Н. Римскому-Корсакову (список S2. Л. 295–295 об.) и Феодосию Семеновичу Манукову (список S2. Л. 296–296 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 158–160). В них Иов сообщает о том, что ему удалось собрать для этой цели 12 человек.

После письма Манукову приводится их именной список. Хотя в этих двух письмах школа эксплицитно не упоминается, но привлекая данные других источников мы видим, что в списке тех, кто был отправлен в Петербург, есть имена учеников архиерейской школы. Оба эти случая, как кажется, показывают, что как митрополит, так и светская власть рассматривали архиерейскую школу в качестве некоего кадрового резерва. Возможно, в связи с тем, что митрополиту Иову удалось создать образ архиерейской школы как успешного образовательного проекта, в 1715–1716 гг. в Новгородскую школу были отправлены для обучения грамоты дворянские недоросли из разных российских губерний (Базарова, 2008. С. 40–45; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 169–295). Удивительно, но этот эпизод не отразился в известных нам сборниках с корреспонденцией митрополита Иова.

Письма митрополита Иова за 1714 г. содержались в третьем томе из пятитомного собрания писем митрополита, представленного тремя сборниками ОР РНБ (сборники S1, S2, S5) и одним сборником РГАДА (сборник S4). К сожалению, местонахождение этого сборника нам установить не удалось, поэтому судить о корреспонденции за этот год мы не можем.

В известной нам корреспонденции 1715 г. мы находим пару писем, которые можно рассматривать как источники по истории Новгородской школы. Хотя в этих письмах прямо о школе речь не идет, однако они позволяют составить представление о том, в каком состоянии находилась «преподавательская корпорация» школы в это время. Одно из них написано 20 сентября и адресовано И. А. Мусину-Пушкину (сборник S4. Л. 118 об.–119) и посвящено иеромонаху Иову (о нем речь пойдет ниже), второе же письмо датировано 14 апреля и адресовано Алексею Васильевичу Макарову (сборник S4. Л. 64–64 об.; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 24. Л. 185; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 162–163), и в нем речь идет, в частности, об Иоаннии Лихуде. На «цыдулке» к этому письму митрополит Иов сообщает своему адресату, что старший Лихуд «ныне при совершенной старости уже за осьмьдесят лет начал быть малодушен» и имеющиеся у него на разных языках книги по богословию, философии и древней истории «инья отсылает к Москве, а овья отдаёт приезжающим греком, инья же продает за малую цену». Книги эти – очень нужны, однако, по словам митрополита, он «зазирается» запретить Иоанникию делать это, в связи с чем просит испросить у царя указа сделать опись книгам Иоанникия и не пускать к нему иностранцев или же написать указ и забрать из Москвы в Новгород «брата его иеромонаха Софрония с книгами к нему Иоанникию в помощь учения ради». Цитаты из этого письма приводят как М. Н. Сменцовский, так Е. М. Прилежаев (Сменцовский, 1899. С. 371; Прилежаев, 1877. С. 340). Ссылаются они при этом на труд П. Пекарского (Пекарский, 1862. С. 218), который в свою очередь цитирует это письмо по другому делу РГАДА (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 24. Л. 175–187).

Е. М. Прилежаев и М. Н. Сменцовский упоминают также о некоем письме митрополита Иова царю Петру, отправленном в начале 1716 г., в котором он просит не переводить из Новгорода Иоанникия Лихуда «доколе данные ему ученики потребнаго святой Церкви учения совершенство постигнут, дабы то учение во общую христианскую пользу еще вкореняющееся, не истребилось и иждивение, на то употребляемое, туне не погибло» (Сменцовский, 1899. С. 371; Прилежаев, 1877. С. 341). При этом оба ученых ссылаются на статью Григория Мирковича, который в свою очередь ссылается на сборник S2 (Миркович, 1878. С. 59). В этой рукописи, однако, упомянутого письма нам пока найти не удалось. Но благодаря четкой работе канцелярии Новгородского архиерейского дома мы можем удостовериться в том, что такое письмо действительно было. Викарный архиерей Новгородской епархии Аарон (Еропкин), епископ Корельский и Ладожский, в доношении Петру об архиерейской школе от 29 января 1720 г. среди прочего сообщал: «В том 716-м году... предложено было его архиерейское Вашему царскому величеству прошение, чтоб его, учителя, к Москве не отпускать, доколе данные ему ученики...» (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 57. Л. 3–6; Новгородский архиерейский дом, 2016. С. 290), – и далее следует текст, как у Г. Мирковича.

Из числа учителей школы в известной нам корреспонденции митрополита Иова братья Лихуды упоминаются чаще других. Однако далеко не все такого рода упоминания можно связать с историей школы. Часть писем оказывается безусловно важным и интересным источником для биографии Лихудов, но они не являются источниками по истории архиерейской школы (например, письма о судьбе Анастасия, сына Иоанникия Лихуда). Кроме Лихудов, мы находим также в переписке Иова упоминания и о других учителях.

В том же 1706 г., когда в Новгород прибыли Лихуды, митрополит Иов вел переписку о том, чтобы в Новгород был отправлен монах Савватий, о чем свидетельствует его письмо справщику московской типографии Федору Поликарпову (о переписке митрополита Иова с Ф. Поликарповым см.: Десятков, 2023), в котором митрополит просит: «...благоволи пожаловать повелети, любве ради Божий и ползы Христовы Церкви, по приказу боярина Ивана Алексиевича и по писму к твоей милости мудрейших и словеснейших учителей, преподобнейших иеромонахов, Иоаникия и Софрония Лихудиевых, ис Переславля Николаевского монастыря, иже на Болоте, господину строителю монаху Питириму, прислати к нам в Великий Новгород монаха Савватиа» (сборник S5. Л. 220; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 31). В письме не указана дата, но его можно датировать по ответу на эту просьбу 10 мая 1706 г., в котором Федор Поликарпов сообщал, что он отправил монаха Савватиа к митрополиту Иову, а вместе с ним – «книг разноязычных 85 к словеснейшим моим отцем учителям» (сборник В. Л. 117–117 об.; список N. Л. 147–149; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 32).

В упомянутом выше письме Лихудов патриаршему ризничему Филарету от 20 июня 1706 г. сообщается, что «монах Савватий здравствует и благоугождает Богу и человеком, трудясь право и благочестиво» (сборник S1. Л. 44–45; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 34–36). Еще раз мы встречаем упоминание о Савватии в письме митрополита Иова новгородскому ландрихтеру Я. Н. Римскому-Корсакову от 3 января 1710 г., где «на цыдулке» в конце митрополит сообщал: «Савватий же за учениками в своем труде обдержится» (сборник S1. Л. 199–199 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 109–110).

Митрополит Иов неоднократно просил о том, чтобы из Соловецкого монастыря освободили и прислали к нему грека архимандрита Филимона. В письме Ф. М. Апраксину, которое надо датировать, по всей видимости, 1706 г., митрополит просит освободить Филимона и приводит обоснование своей просьбы: «во еже бы быти тому при мне утешения ради частых моих телесных немощей» (сборник S5. Л. 263–263 об.). Здесь же он пишет, что уже обращался к адресату с такой просьбой. В письме тому же Ф. М. Апраксину, датированном сентябрем 1706 г., митрополит снова напоминает о своей просьбе: «О игумене Филимоне, лекаре обретающемся в Соловецком монастыре, яко же молих тя прежде о свобождении его, и ныне такожду молю Ваше изящество, еже не забыти» (сборник В. Л. 52–52 об.; список N. Л. 59 об.–61; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 41–42). В сборнике В содержится еще одно письмо неустановленному лицу, датированное 4 февраля 1706 г., в котором митрополит просит: «Не забуди мене о архимандрите Филимоне гресе и лекаре обретающемся ныне в Соловецком монастыре, о нем же многиоци докучах тебе» (сборник В. Л. 188; список N. Л. 254 об.–255 об.). Здесь также, указывая причину своей просьбы, митрополит объясняет: «ко облегчению немощей моих чрез онаго лекарства художество же и прирадение».

Митрополиту удалось добиться своего, и с 1709 г. Филимон находился уже при Новгородском архиерейском доме, как он сам в январе 1726 г. показал о себе в архиерейском разряде (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 124. Л. 17–17 об.; Новгородский архиерейский дом, 2016. С. 299). В марте 1710 г. Филимон упоминается в письме Николая Семенова-Головина митрополиту Иову (сборник В. Л. 67–68 об.; список N. Л. 79–83; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 113–116). В этом письме Филимон предстает неким доверенным лицом митрополита: с одной стороны, «по писанию от преподобнаго архимандрита Филимона» Николай Семенов-Головин отправил новгородскому архиерею некие книги, с другой стороны, через Филимона «в писании к нему писанном» он объясняет митрополиту причины, которые препятствуют ему перебраться в Новгород. Хотя в корреспонденции митрополита Иова архимандрит Филимон не называется учителем, однако в его показаниях, данных в январе 1726 г., записано, что с сентября 1723 г. он был «определен в грекославенскую школу профессором» и оставался в этой должности на

момент расспроса. Филимон также подписал «Реэстр учеником греческия школы», составленный в это же время (НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 12; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 419–420).

Из людей, которые были связаны со школой, в известной корреспонденции митрополита Иова значительное место занимает персона иеромонаха Иова, который был одним из первых учеников Лихудов в Московской академии²⁴ и который затем был учителем Новгородской школы. Отношения митрополита с этим человеком остаются для нас пока загадочными и малопонятными. М. Д. Каган высказывает предположение, что митрополит Иов мог быть духовным отцом иеромонаха Иова, что «объяснило бы его постоянные заботы об этом способном, но доставлявшем ему немало огорчений монахе» (Каган, 1993. С. 83). Не исключено, что они были знакомы еще с конца 1680-х гг. Мы обнаружили небольшой текст с наставлениями духовного отца духовному чаду, к которому автор обращается словами: «Брате любезне и сыне по Духу, господине Иове». В конце же текста имеется приписка: «Пострижесе монах Иов лета 7195 июня 28 дне в второк седмици» (ОР РНБ. Соф. собр. № 1179. Л. 47–48), т. е. в 1687 г. Если здесь идет речь о нашем монахе Иове, то, возможно, при пострижении он взял имя своего духовного отца. Известно также небольшое сочинение под названием «Беседа молебная» (ОР РНБ. Соф. собр. № 1514), датированное 1695 г. и посвященное монахом Иовом будущему митрополиту Иову, который тогда еще был архимандритом Троице-Сергиевого монастыря.

Об особой значимости иеромонаха Иова для митрополита Иова и о том, что окружение митрополита эту значимость осознавало, может говорить то, что в сборники с корреспонденцией митрополита было включено прошение тогда еще просто монаха Иова на имя царей Иоанна и Петра Алексеевичей освободить его из Спасского монастыря, куда он был сослан «под начала» (сборник S5. Л. 252 об.; сборник В. Л. 192–192 об.; список N. Л. 263–265 об.; Чистович, 1861. С. 143–145). М. Д. Каган датирует это прошение временем не позднее января 1696 г., когда умер Иоанн Алексеевич (Каган, 1993. С. 84). В начале письма Иов называет себя «учителей Иоанникиа и Софрониа первый ученик», а в конце сохранившейся части говорит: «грамматики, и пиитики, и риторики, и логики, и естественныя философии на грекоеллинском и латинском учихся диалекте». Это письмо даже косвенным образом не связано с будущим митрополитом Иовом.

Благодаря включенным в сборники с корреспонденцией митрополита Иова письмам, в которых упоминается иеродьякон / иеромонах

---

²⁴ О. В. Панченко отождествляет монаха Иова с учеником Богоявленской школы Иваном Никитиным, который жил в Чудовом монастыре. Он упоминается в документах за январь, ноябрь и декабрь 1686 г. (Панченко, 2020. С. 382–383). Исследователь предполагает, что пострижение Иова состоялось в 1687 г.

Иов, мы получаем новые сведения о жизни этого интеллектуала петровского времени. К сожалению, у части относящихся сюда писем в известных нам сборниках не указана дата. Так, нам известно, что в 1701 г. иеродиакон Иов оказался в ссылке в Соловецком монастыре и, будучи там, обращался к Новгородскому митрополиту с просьбой вызволить его оттуда, однако письмо это не датировано (сборник В. Л. 193; список N. Л. 266–267). Видимо, к тому же времени относится важное с биографической точки зрения письмо иеродиакона Иова казначею Новгородского архиерейского дома Феодосию, где Иов пишет, что он вместе с митрополитом Иовом отправился из Москвы в Новгород и был здесь посвящен в иеродиакона, а затем послан для покупки книг в Москву, но «по злобе и зависти неких человек» отправлен в ссылку в Соловецкий монастырь (сборник В. Л. 193 об.; список N. Л. 267–267 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 70–73). Неизвестно, когда иеродьякон Иов покинул Соловецкий монастырь. О. В. Панченко предполагает, что Иов пробыл в ссылке не более двух-трех лет, о чем косвенно свидетельствует отсутствие его имени в описи соловецкой братии 1705 г. (Панченко, 2023. С. 98). Вышеупомянутое письмо Лихудов из Москвы митрополиту Иову от 3 июня 1703 г. также, кажется, может свидетельствовать в пользу того, что иеродиакон Иов уже был в Москве в то время; в частности, здесь говорится: «Спудея zde, желаемаго тебе нет, а иеродиакон Филарет о иеродиаконе Иове все тебе явлена сотворит» (сборник В. Л. 10–11 об.; список N. Л. 7–9 об.). К сожалению, также не указана дата в письме, в котором митрополит Иов приглашает иеродиакона Иова посетить его в Новгороде (сборник S5. Л. 143; сборник В. Л. 133; список N. Л. 175–176; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 73–74)²⁵. Возможно, это было приглашение перебраться из Москвы в Новгород, однако сам текст письма, в частности слова: «прошу твое о Христе любезное братолюбие о посещении, еже сподобити мя, грешника, равноангелское лице твое видети и беседу богоглаголивых уст твоих слышати», – не позволяют, кажется, понять это однозначно (о новгородском периоде жизни иеромонаха Иова см.: Салоников, Суториус, 2023).

Следующий раз мы встречаемся с иеродьяконом / иеромонахом Иовом уже в письме новгородского ландрихтера Я. Н. Римского-Корсакова митрополиту Иову от 28 июля 1709 г., где, в частности, ландрихтер докладывал: «Когда мы съехали с двора своего и ехали мимо твоего дому, у соборные церкви стоит оный господин Иов и стал нас просить, чтоб мы его довели до Хутыня монастыря, и лег в судно и проснулся на Высоком и оттоле возжелал на Тихвину и о сем пожалуй государь на нас гневу не поддержи не нашим желанием и прозбою, но своим изволением» (сборник S1. Л. 177), – на что митрополит в письме

---

²⁵ Е. В. Анисимов датирует это письмо временем до марта 1713 г. («Москва и Новгород...», 2009. С. 111–112).

от 31 июля отвечал: «О Иове писать не леть ми есть, тако бо ему извещено бысть» (сборник S1. Л. 179; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 103–104). Если «господин Иов», о котором здесь идет речь, и иеромонах Иов, ученик Лихудов, а впоследствии учитель Новгородской школы – одно лицо, то получается, что летом 1709 г. он уже был в Новгороде. Это позволяет скорректировать распространенное в историографии мнение о том, что иеромонах Иов приехал в Новгород в 1713 г. (Прилежаев, 1877. С. 338; Сменцовский, 1899. С. 352; Вознесенская, 2005. С. 210).

Далее мы находим в корреспонденции митрополита череду кратких и похожих упоминаний об иеромонахе Иове, в которых он предстает перед читателем в очень невыгодном свете, как человек непостоянный и лживый. Так, в «цыдулке» из письма митрополита архимандриту Феодосию (Яновскому) от 9 октября 1712 г. (сборник S2. Л. 208–208 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 142–143) говорится о том, что «господин учитель иеромонах Иов», не спросив благословения у митрополита, отправился к Феодосию, однако митрополит пишет, что готов принять его обратно.

Не вполне понятно, что здесь означает слово «учитель». На первый взгляд кажется, что оно обозначает должность и, соответственно, можно предположить, что в это время иеромонах Иов был уже учителем Новгородской школы. Однако он назван «учителем» также и в упомянутом выше письме митрополита Иова с приглашением посетить Новгород, хотя Иов был тогда еще иеродиакон и неизвестно, чтобы после короткого периода учительства в Московской академии в 1700 г. он был где-либо учителем до приезда в Новгород, если только не предположить, что приглашение митрополита относится к этому времени. Кроме того, учителя иеромонаха Иова, брата Лихуды, именовались учителями даже тогда, когда они нигде учителями не были. Также и в благодарственном, но к сожалению недатированном, письме митрополиту Иову греческий архимандрит Кирилл пишет: «Яковым и коликим сподобихомся даром возписа мне посланный от нас иеромонах учитель Пётр греченин мой купнородный, который, приметаяся в дому премудрости Божия и до днесь питаяся от твоея отеческия сугубья трапезы, прославляет юже к нему и к нашему роду твою святую любовь» (сборник В. Л. 175–175 об.; список N. Л. 241–242), однако у нас нет сведений об учителе Новгородской школы греке по имени Пётр. Соответственно, возможно и другое предположение – слово «учитель» обозначает здесь не должность, а звание, которое сохранилось за иеромонахом Иовом после того, как он руководил Московской академией, что-то наподобие *magister*.

Следующее упоминание об иеромонахе Иове мы встречаем в краткой «цыдулке» из письма митрополита Иова новгородскому ландрихтеру Я. Н. Римскому-Корсакову 22 февраля 1713 г., весь текст которой состоит только из одной фразы: «Господин учитель, отец иеромонах

Иов, в чем забавляется и чим кого пользует, неизвестен есм» (сборник S2. Л. 258 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 153–154)²⁶. Эта «цыдулка» была, вероятно, ответом на вопрос, который ландрихтер в своем письме задал митрополиту и который, видимо, говорит о том, что или сам ландрихтер, или люди, которые за ним стояли, интересовались судьбой иеромонаха Иова, поскольку последний был им не безызвестен. На этом фоне выглядит необычным то, что митрополит не имел сведений о деятельности человека, в судьбе которого он принимал столь большое участие. С другой стороны, то, что иеромонах Иов назван здесь «учителем», говорит, кажется, в пользу предположения, что слово это обозначает здесь не должность, а звание, поскольку письма митрополита Иова показывают его большую личную заинтересованность в судьбе школы и ее учителей, так что трудно представить, что митрополит не знал о том, чем занимается один из учителей его школы.

В не менее неожиданных выражениях пишет митрополит Иов Римскому-Корсакову об иеромонахе Иове «на цыдулке» к письму, отправленному неделю спустя, 2 марта 1713 г. (сборник S2. Л. 279 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 154–155). Здесь говорится о том, что иеромонах Иов прибыл в Новгород 1 марта и сообщил митрополиту «много вестей». Заканчивается, однако, «цыдулка» словами: «Мне видится, воистинну все лжет и неправедно вещает неведомое и нелепое, яко же обыче». Отзыв, конечно, нелестный и нельзя не заметить некоего сходства между интонацией, с которой митрополит говорит об иеромонахе Иове во всех трех указанных письмах²⁷.

Можно было бы заподозрить митрополита в пристрастном отношении к иеромонаху Иову, в особенности в связи с тем, что текст его писем нередко мотивируется топикой отношений к врагам и друзьям. Однако схожие характеристики иеромонаху Иову можно найти и у других его современников. Так, в 1700 г., тогда еще иеродиакон, Иов направлялся в ссылку в Соловецкий монастырь и архиепископ Афанасий Холмогорский предложил ему проверить перевод греческого Хронографы, но Иов, как писал в августе 1701 г. Афанасий соловецкому архимандриту Фирсу, «по злонравию и жестокосердию своему никакого благопотребства не учинил, и в житии своем непослушанием, презорством, леностию и прекословием весьма непотребен явился». В том же послании архиепископ Афанасий ссылается на указ патриарха Адриана, полученный в октябре 1700 г., в котором говорится, что иеродиакон Иов

---

²⁶ В изданиях И. Чистовича и Е. В. Анисимова (Чистович, 1861. С. 106; «Москва и Новгород...», 2009. С. 110) слово «иеромонах» пропущено, а вместо «неизвестен есм» у Анисимова – «неизвестно есть».

²⁷ Помимо указанных нам, известно еще одно включенное в сборник с корреспонденцией митрополита Иова письмо иеромонаха Иова Я. Н. Римскому-Корсакову от 17 июня 1713 г. (сборник S2. Л. 320; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 161–162).

отправлен в ссылку «за его непослушание и упрямство и крамолы и за иные вины» (Панченко, 2020. С. 400). Позже, после смерти митрополита Иова, Федор Поликарпов, предлагая И. А. Мусину-Пушкину привлечь к работе над исправлением славянского перевода Библии иеромонаха Иова, в письме от 30 октября 1716 г. писал: «Не позволите ли прислать к нам указом из Великаго Нова града монаха Иова (быть може он, хотя и шален) да писца Федора Герасимова и прочих доброписцев ради письма, которых тамо больше шести человек, а ныне все без дела» (Черты из истории, 1868. Колл. 1049. № 5)²⁸. О непростых отношениях самого митрополита и иеромонаха Иова могут также свидетельствовать слова из письма Федора Поликарпова И. А. Мусину-Пушкину от 23 декабря 1716 г., в котором он об иеромонахе Иове пишет: «И взять его, только будет в деле спона. Видех бо я великаго Иова плачуща от сего старца Иова» (Чистович, 1868. С. 404, прим.)²⁹.

Чрезвычайно интересным свидетельством об иеромонахе Иове оказывается письмо митрополита Иова И. А. Мусину-Пушкину от 20 сентября 1715 г., написанное в ответ на просьбу «о освобождении из подначалства иеромонаха Иова» (сборник S4. Л. 118 об.–119; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 166–167). Из письма митрополита мы узнаем, что иеромонах «послан был под начал на время во Отенский монастырь за вины благословныя и хулы на Христову Церковь и на тайны святыя, будто и в первых ничто есть священство и прочия тайны кроме единого крещения не пользуют во спасение. В сей де токмо в единой тайне заключается человеку спасение и освобождается от первородного греха, и дается благодать человеку, священство и царство. И другой де может крестити инаго». Здесь же приводился список лиц, которые были свидетелями того, что говорил иеромонах Иов: викарный епископ Аарон (Еропкин), учитель Иоанникий Лихуд, судья духовных дел, архимандрит Серапион (Аничков), архимандрит Филимон, казначей архиерейского дома иеромонах Феодосий, а также ландрат князь Путятин.

Допрошенный по этому делу иеромонах Иов, по словам митрополита, заявил: «Говорил де или не говорил, не помню, понеже безмерно пьян был. А вперед де обещаюся живым Богом и клянуся святою Церковию сия чуждая святыя восточныя Церкви мудрования не токмо глаголати, но ниже имам когда мыслию возмечтатися». По этой причине он

---

²⁸ В отечественной историографии встречается мнение, что Федор Герасимов мог быть учителем в славянском классе Новгородской школы (Страхова, 1988. С. 113). Однако на чем основано это предположение – непонятно, в известных нам документах Федор Герасимов учителем не называется.

²⁹ И. Чистович ссылается на письма Федора Поликарпова И. А. Мусину-Пушкину о работе над исправлением славянского текста Библии, которые хранятся в «Государственном архиве», и приводит многочисленные цитаты из них. К сожалению, он не указывает номера архивного дела.

был освобожден и снова находится в архиерейском доме; ему была отведена отдельная келья, слуга и питание наравне с другими учителями «дабы душа его во спасении и во благих делах и богоугодных трудах обреталася».

Однако планы и ожидания митрополита не сбылись, и, заканчивая свое письмо, он пишет, что иеромонах Иов «обаче обещает много на словах в переводе книг, а на деле нимало, назирая и посещая дома, пира и ряды купецкия, иде же говорит много, а слушать нечего. Называет себе быти богослов, но весьма вредослов. Прочее же умолчеваю, и чрез всесильную и непобедимую благость Божию снизходя его немощи, моляся, оставляю. Его же нрав и обычай, поступки и заговорки безделныя, и высокоумие безумное не невесть и Ваше господское благородство». Слова эти очень созвучны тому, что митрополит писал в упомянутой выше «цыдулке» из письма Я. Н. Римскому-Корсакову от 2 марта 1713 г. Письмо же митрополита 20 сентября 1715 г. также может свидетельствовать в пользу предположения, что у иеромонаха Иова, возможно, были покровители или связи в высшей администрации, если столь высокопоставленное лицо как И. А. Мусин-Пушкин обращается к митрополиту Иову с предложением освободить иеромонаха Иова «из подначалства».

Это письмо митрополита Иова – новый и интересный документ по истории «реформационного» брожения в России в начале XVIII в. Оно относится ко времени, когда шло следствие по делу о Дмитрие Тверитинове и его «кружке». Некоторые из учений, которые ассоциируются с именем этого врача-богослова, кажутся очень схожими с теми, которые инкриминируются иеромонаху Иову, в частности учение о том, что каждый верующий может «быти в чину иерейства», учение об исключительной роли таинства крещения в деле спасения (Смилянская, 2003. С. 289). Тверитинов и его последователи критиковали также почитание икон и святых, однако мы не знаем, каково было мнение по этому поводу иеромонаха Иова.

Возникает вопрос, как иеромонах Иов познакомился с реформационными идеями: сам ли он к ним пришел или эти взгляды сформировались у него под воздействием кого-то другого. Второй вариант не исключен. Леонтий Магницкий в записке по делу Тверитинова доносил в 1715 г., что М. М. Самарин, один из членов Сената, – друг Тверитинову и «того же духа наполнен», а в 1726 г. капитан Максим Аничков и комиссар Пётр Крекшин донесли, что Самарин насмеялся над чудесами Варлаама Хутынского, Антония Римлянина и Иакова Боровичского (Смилянская, 2003. С. 273), святых, которые были особенно чтимы в Новгородской епархии. Эти основания, конечно, очень слабы, но интересным представляется, во-первых, что те, кто придерживались взглядов, схожих с позицией Тверитинова, находились не только в Москве, но и в Новгороде, а во-вторых, что не только миряне разделяли эти воззрения, но и отдельные представители духовного сословия.

Кроме идейной и хронологической близости иеромонаха Иова с «кружком» Тверитинова, их сближает также и поведение при аресте: Иов сразу почти отрекается от своих слов. Также, по замечанию Е. Б. Смилянской, и последователи Тверитинова сразу отрекались от своих взглядов. Напротив, представителям другой раскрытой в Москве в 1717 г. «реформационной» группы, во главе которой стояла Настасья Зима, оказалась не чужда идея «постоять за веру» (Смилянская, 2003. С. 297).

Однако далеко не все старания митрополита Иова обеспечить свою школу педагогическими кадрами заканчивались успехом. Отдельная группа писем отражает безуспешные попытки выхлопотать разрешения отпустить в Новгород еще одного из бывших учеников Лихудов – справщика Московского печатного двора Николая Семенова-Головина, которого митрополит мог использовать как в качестве переводчика, так и в качестве учителя для школы. В упомянутом выше письме Ф. М. Апраксину, за декабрь 1707 г. (сборник S5. Л. 29–29 об.; сборник В. Л. 16 об.; список Н. Л. 16–17), митрополит писал: «Великий государь пожаловал мне³⁰ на время лексикон Епифаньевской с Печатнаго двора и иныя книги, яже суть нуждныя к делу, печать, станки, мастеров и в споможения превода, справщика Николаа Семенова»³¹. Также и в первой, по нашему предположению, редакции письма царю Петру того же времени митрополит упоминает указ об отправке в Новгород вместе с типографским оборудованием справщика Николая Семенова (сборник S1. Л. 87–87 об.; сборник В. Л. 15–16; список Н. Л. 13 об.–16; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 75–78). Однако как типографское оборудование, так и справщик остались в Москве.

Спустя два года, 3 января 1710 г. на упомянутой выше «цыдулке» к письму, которое было адресовано новгородскому ландрихтеру Я. Н. Римскому-Корсакову, митрополит Иов вновь пишет о том, что хотел бы привлечь к своим проектам Николая Семенова: «Еще моляще прошу, да непостыдны явимся чрез ваше господское прошение о учителеве у нас присутствии. Еще бо книга не вся в переводе «О право-

---

³⁰ В сборнике S5 между словами «Великий государь» и «пожаловал мне» над строкой сверху рукой митрополита Иова вписано: «в Санкт-Петербурхе, по доношению вашему и мне самолично присутствующу в Нове граде». Сборник В данную правку не содержит. Это, по всей видимости, означает, во-первых, что он восходит не к тексту софийского сборника, а, во-вторых, что Апраксиным был получен текст без этой, очевидно позднейшей, вставки. Поэтому мы его приводим без правки. В существующих публикациях фрагмента этого письма вставка внесена в текст, но как вставка не помечена (Чистович, 1861. С. 118; «Москва и Новград...», 2009. С. 58–59).

³¹ Митрополит хлопотал о том, чтобы ему разрешили забрать типографское оборудование еще в 1706 г. Например, в упомянутом выше письме Н. М. Зотову (сборник S5. Л. 62 об.).

славии», точию вся на греческом диалекте написая, и другая начая. Зело бы аз желал Николая переводчика, сицевых ради нужд, аще пожалуют. А у меня ему тож де имат быти воздаяние яко же и на Москве еще и с награждением» (сборник S1. Л. 199–199 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 109–110). Здесь обращает на себя внимание то, что митрополит сулит переводчику Николаю не только «воздаяние яко же и на Москве», но добавляет: «еще и с награждением», что говорит не только о том, сколь высоко Иов ценил этого человека, но и о том, сколь значительными ресурсами располагал Новгородский митрополит.

Известный нам корпус писем отражает настойчивое, по видимому, стремление митрополита Иова достичь своей цели. 23 февраля 1710 г. в упомянутом выше письме Я. Н. Римскому-Корсакову митрополит среди прочего вновь пишет о Николае Семенове. Он просит своего адресата доложить А. Д. Меншикову о его просьбе: «Еще же и о сем молю доложити его сиятельства... о некоем, обретающемся при Печатном дворе Николае Симеонове, искусном переводчике греческаго и латинскаго диалектов. Просит бо он нас, дабы ему прибыти до смиренных нас и желает чина священническаго чрез наше рукоположение³², и в школе при других учителях послушным управителем быти» (сборник S1. Л. 214–214 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 110–113). Насколько было важным для митрополита добиться положительного решения по этому делу, может говорить то, что он писал о Николае Семенове также и другим влиятельным лицам, о чем свидетельствует приписка, сделанная в конце письма рукой Иова, правда, затем вычеркнутая: «о нем же с прошением писах к рязанскому архиерею и к боярину Ивану Алексиевичу», – после чего другим почерком дописано: «и к дьяку и справшику первому Феодору Поликарпову». Однако усилия митрополита не увенчались успехом, и в марте 1710 г. Николай Семенов в вышеупомянутом письме писал митрополиту: «при Вашем иераршестве мне малейшему быти суть некая препятія поныне» (сборник В. Л. 67–68 об.; список N. Л. 79–83; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 113–116).

Последнее письмо Николая Семенова представляет интерес еще в одном отношении. В нем он пишет, что отправил митрополиту Иову книги: «лексикон елино-латинский, да три книги святаго Григория Нискаго, книгу Дамаскина, разная поучения на некия праздники избранныя». Сама по себе отправка книг кажется не связанной со школой, однако пояснения, которые делает автор письма по поводу некоторых из книг, показывают, что, возможно, предполагалось их какое-то использование в учебных целях. Так, о словаре он пишет, что тот «изряднейший

---

³² Слова «прибыти до смиренных нас и желает чина священническаго чрез наше рукоположение» исправлены рукой митрополита Иова на «быти у нас, желая чина священническаго чрез наше рукоположение получитьи».

и совершеннейший и ученым и учащимся нужнейший ради всяких переводов на славенский диалект». Далее Николай Семенов пишет, что, помимо отправленных, у него имеется еще из «книг греческих октай или осмогласник, триодь посная, триодь цветная. И сия учащим и учащимся ради повсядневнаго чтения и ради присматривания старых переводников с еллинскаго на славенский не непотребны», а кроме того имеются у него еще две грамматики греческого языка «зовомыя Ласкаревы» и греческо-латинско-итальянский словарь Герасима Влаха, «без котораго учеником в сочинении елиногреческом быти невозможно». Все это Николай Семенов был готов продать митрополиту Иову. На основании этого письма складывается впечатление, что митрополит стремился обеспечить свою школу необходимой литературой.

Известные нам письма митрополита позволяют предположить, что для него не было жестких границ между греческой культурой и образованностью, с одной стороны, и латинской – с другой. Яркий пример тому – упомянутое выше письмо Я. Н. Римскому-Корсакову от 23 февраля 1710 г., в котором митрополит говорит о своей готовности принять по предложению А. Д. Меншикова к себе в епархию на служение Феофана (Прокоповича): «Понеже обещал его светлейшество прислати ко мне онаго киевскаго учителя, по реклу господина Прокоповича, о нем же твоя милость чрез писание возвестил ми еси, яко весьма человек есть учительный и состояния изряднаго, и многих языков искусный сказатель, и толкователь изрядный. Его же за толикое искусство и доброе в православии состояние аз от души прियाи желателен есмь и в определенный оный монастырь молитвословне, по законом Божиим и по его князюму повелению готовейший ко произведению имам быти». Феофан (Прокопович), однако, тогда в Новгород не попал.

Наконец, крайне интересную группу писем, которые мы находим в корреспонденции митрополита Иова, представляют письма, адресованные ему от имени учеников школы. Известные нам сегодня письма такого рода находятся в сборнике В. Согласно описанию Гуннара Сване, большая подборка ученических писем находится также в сборнике Копенгагенской королевской библиотеки, шифр NKS 212 d kvart, лл. 209–248 (Svane, 1993. P. 97). Однако в современных условиях изоляции российской науки этот сборник остался нам недоступен. Д. А. Яламас считал письма из этого сборника ученическими опытами, которые никогда не были отправлены своим высокопоставленным адресатам (Яламас, 2001. С. 164).

В письмах учеников из сборника В не указана дата, и датировать их приходится по содержанию. Два письма содержат просьбу о покупке книг для учеников. В первом из них, в котором даже не указан отправитель, ученики просят купить «святых отец книги» и, обращаясь к митрополиту, пишут: «...возвел еси нас непросвещенных на истинный путь еллинския грамматики познания» (сборник В. Л. 95; список N. Л. 117 об.–118; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 149–150).

Можно предположить, что письмо это написано еще до начала преподавания риторики осенью 1712 г. и, возможно, оно относится к тому времени, когда митрополит озаботился покупкой книг через Николая Семенова-Головина.

Второе письмо, в котором также высказывается просьба купить «святых отец книги», подписано именем Евстафия (сборник В. Л. 95–95 об.; список Н. Л. 118–119; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 150–151). Среди учеников того времени мы находим только одного с таким именем – Евстафия Григорьева. Он в числе пяти учеников подписал 13 мая 1717 г. показания о преподавании в школе учителя Иова (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 3–4; Новгородские школы, 2022. С. 306–307), и, по-видимому, он подписался «ὁ Εὐστάθιος» среди тех, кто переписывал Костромскую греческую грамматику Лихудов (ОР РНБ. Ф. 522. № 72. С. 186 по второй пагинации).

Третий текст содержит только похвалу, адресованную митрополиту, и не содержит внутренних указаний на то, что автор его – ученик школы (сборник В. Л. 94 об.; список Н. Л. 116 об.–117 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 152–153). Об этом говорит только аннотация: «Ко архиерею похваление от школьника». Этот текст больше похож на упражнение в риторике, чем на собственно письмо: у него отсутствуют этикетные формулы в начале и в конце. В пользу предположения о том, что данный документ может оказаться школьным упражнением, говорит также фраза, которой документ завершается: «Парадигма похвалительного характера». Если перед нами текст, относящийся уже ко времени, когда в архиерейской школе преподавалась риторика, то датировать мы его можем временем не ранее осени 1712 г.

Еще два письма содержат просьбу о переводе учеников, которые, помимо обучения в архиерейской школе, служили также, по-видимому, в канцелярии митрополита (были подьячими), на более высокие должности. Первое из них (сборник В. Л. 88–88 об.; список Н. Л. 106 об.–107 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 145–146) подписал: «подьяк, школьный ученик Димитрий Феодоров», который подписал показания о преподавании учителя Иова в 1717 г. и подписался как «подьяк Димитрий Феодоров» среди тех, кто переписывал Костромскую грамматику Лихудов (ОР РНБ. Ф. 522. № 72. С. 87 по первой пагинации). Дмитрий Федоров просит митрополита перевести его во «вторую станицу» на место подьяка Федора Кулбаса (Иванова), который был повышен в должности и переведен в первую «станицу». Федор тоже был учеником школы. Он значится как Θεόδωρος Κοῦμβος среди тех, кто получили задания по курсу риторики (РГБ. Ф. 173.1. № 329. Л. 244), а также подписался сигнатурой «П.П.Θ.Ι.» («писавый подьяк Θεодор Иоаннов») среди тех, кто переписывали грамматику Лихудов (ОР РНБ. Ф. 522. № 72. С. 281, 349, 365, 381 по первой пагинации, а также 7 и 22 по второй).

Второе письмо подписали «меншия станицы подьяки Дмитрий Федоров, Василий Михайлов, упражняющиеся о риторичесей хитрости» (сборник В. Л. 89; список N. Л. 107 об.–109 об.; Новгородские архиерейские школы, 2022. С. 146–149). Они пишут, что получают как подьяки «жалованье» по два рубля в год и что этих денег им недостаточно не только на одежду, но и «на школния потребы на бумагу, на книги, яже приличествуют к переводу». Ученики просили перевести их на место «бывших подьяков первья станицы Георгия Карпова да Федора Иоаннова Кулбоса», последний из которых был уже в должности «певчего». Георгий Карпов тоже был учеником школы и значился как в сводной ведомости 1727 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 233. Л. 131 об. № 136), так и среди тех, кто переписывал Костромскую грамматику Лихудов (ОР РНБ. Ф. 522. № 72. С. 181 и 197 по первой пагинации, и С. 99 по второй). В поданной в январе 1738 г. сводной ведомости о доходах и расходах Новгородского архиерейского дома за время правления митрополита Иова, Феодосия (Яновского) и Феофана (Прокоповича) указано, что при митрополите Иове подьяк 1-й станицы Федор Иванов (Кулбос) получал 6 рублей в год, а подьяк «Егор Карпов» – 5 рублей (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318. Л. 589 об. № 81, 85).

Дмитрий Федоров и Василий Михайлов пишут, что после изучения грамматики и эпистографии они «со иподиаконом Феодором Максимовым да с певчим Феодором Кулбосом и с прочими синтрофами в равенстве» изучают под руководством Иоанникия Лихуда риторику, на основании чего их прошение можно датировать временем не ранее осени 1712 г. Это письмо оказывается важным свидетельством того, как проходил учебный процесс при митрополите: перед изучением риторики изучалась, помимо грамматики греческого языка, также и эпистография. Это отчасти объясняет, почему от начала изучения греческого языка в 1706 г. и до начала изучения риторики в 1712 г. прошло столь много времени, в то время как в 1720-е гг. в Новгородской школе, как сказано выше, на изучение греческой грамматики уходило только три года.

Кроме того, в данном письме мы, как кажется, можем видеть свидетельство того, что среди учеников было отличие как по своим академическим успехам, так и по расположению к ним со стороны учителя. На это могут указывать следующие слова, сказанные про иподиакона Федора Максимова: «Многажды бо слышахом, яко иподиакон хвалим бывает учителем, и се несть диво, яко оный иподиакон изобилие имать от книг». В сводной ведомости о доходах и расходах архиерейского дома значится, что подьяку Федору Максиму при митрополите Иове выдавалось в год 4 рубля (РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318. Л. 589 об. № 87).

Историки Новгородской архиерейской школы нередко связывают с историей школы также литературную и переводческую деятельность учителей. Мы, однако, смотрим на школу прежде всего как на образова-

тельное учреждение и поэтому ту часть корреспонденции митрополита Иова, где речь идет о такого рода занятиях учителей, в этой работе не рассматриваем.

Корреспонденция митрополита Иова – это наиболее ранний источник наших сведений о Новгородской архиерейской школе и один из важнейших источников по истории самого первого периода ее существования. В известных нам сборниках писем митрополита Иова тема школы встречается не постоянно. Не исключено, что такая особенность – не следствие сохранности источников, а отражение того, что, хотя школа и была для митрополита важным проектом, однако в силу его занятости другими делами ее проблемы периодически отступали на второй план. Можно выделить несколько периодов, когда владыка писал о школе чаще, чем в другое время. Обычно это было связано с необходимостью решения каких-то важных вопросов. В этих случаях отправлялось обычно несколько писем схожего или даже одного содержания к разным лицам.

Благодаря содержанию писем митрополита Иова мы можем сказать, что уже в мае 1706 г. в архиерейской школе занималось 50 человек, что весной 1713 г. уже изучалась риторика, что ученики школы состояли одновременно на службе в канцелярии архиерейского дома. Корреспонденция митрополита Иова отражает его заботы о подборе учителей для школы. Так, митрополит не только добился того, чтобы к нему отпустили из Ипатьевского монастыря братьев Лихудов, но и после того, как Софроний был переведен в Москву, ему удалось удержать в Новгороде Иоанникия. По просьбе митрополита Иова к нему перевели иеромонаха Савватия из Переяславского монастыря. После неоднократных попыток митрополит выхлопотал разрешение перевести в Новгород из заключения в Соловецком монастыре архимандрита Филимона, который стал учителем школы уже после смерти владыки. Однако старания митрополита не всегда заканчивались успехом, и добиться того, чтобы в Новгород прибыл Николай Семенов-Головин, ему не удалось.

Отдельную группу писем составляют письма, в которых упоминается учитель школы иеромонах Иов. Мы видим, что митрополит нередко весьма нелестно отзывался об этом человеке. Однако иеромонах Иов по-прежнему оставался учителем школы. Это может указывать, как на долготерпение митрополита, так и на то, что он испытывал столь большую нужду в преподавательских кадрах, что даже такие отталкивающие черты характера, как лживость и лень, не были препятствием к тому, чтобы иеромонах Иов продолжал учительствовать в школе. Данная группа писем интересна и важна еще и тем, что в ней находится документ, который показывает, что в России в начале XVIII столетия не только среди мирян находились те, кто симпатизировали идеям западноевропейской Реформации (кружок Дмитрия Тверитинова), но и среди духовенства.

Несмотря на то, что известные нам сборники писем митрополита Иова содержат около 40 документов – как письма самого митрополита, так и письма, ему адресованные, – в которых с той или иной стороны освещается деятельность Новгородской архиерейской школы, однако эта переписка дает возможность составить только общее представление о внешней истории школы: о значимости школы для самого митрополита, о том, как школа приобретала авторитет, как формировалось осознание ее полезности у представителей светской власти, как комплектовался штат учителей. К сожалению, письма не дают возможности судить о внутренней истории школы: о том, что, как и в какой последовательности в ней преподавалось, как ученики переходили от изучения одного предмета к другому, сколько было в школе учеников и как происходило их поступление и отчисление. В письмах почти не затрагиваются вопросы экономики школы, а очевидно, что вопросы материального обеспечения школ в этот период стояли очень остро.

Переписка митрополита Иова показывает теснейшую связь школы с епархиальным архиереем, от которого зависели не только подбор учителей, а также репутация школы среди правящей элиты, но и само существование школы. В чем нас убеждает история Новгородской архиерейской школы в 20-е гг. XVIII столетия.

Литература и источники

Анисимов Е. В. Митрополит Иов, Пётр Великий и Новгород // «Москва и Новгород едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII – начала XVIII в. Великий Новгород, 2009. С. 3–26.

Базарова Т. А. «Петербургский класс» Новгородской епархиальной школы 1715–1717 гг. // Петровское время в лицах – 2008. Материалы научной конференции. Труды Государственного Эрмитажа XLIII. СПб., 2008. С. 40–45.

Брюханова Г. В. «Управляй, не мешкав, о печати книг...» (Переписка И. А. Мусина-Пушкина с Ф. П. Поликарповым) // Книга. Исследования и материалы. Сборник 73. М.: Терра, 1996. С. 219–233.

Великий Новгород в эпоху петровских преобразований: конец XVII – начало XVIII в.: сб. документов / сост.: Е. В. Анисимов, Т. А. Базарова, Н. Ю. Болотина. Великий Новгород, 2007. 384 с.

Вознесенская И. А. История Новгородской школы в письмах митрополита Иова // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 72–76.

Вознесенская И. А. Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 205–235.

Десятков К. С. Переписка новгородского митрополита Иова с Федором Поликарповым-Орловым // Лихудовские чтения – 2022: материалы науч. конф. «Пятые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 14–15 апреля 2022 г. / отв. ред. Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2023. С. 118–131.

Каган М. Д. Иов, монах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 2. СПб., 1993. С. 82–85.

Куприянов И. Материалы для истории училищ в России // Журнал для воспитания. 1857. Т. 2. № 7. С. 61–74.

Миркович Г. О школах и просвещении в патриарший период // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Т. 198. Отд. 2. С. 1–62.

«Москва и Новгород единая держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII – начала XVIII в. / сост., вступ. ст., комм. Е. В. Анисимова. Великий Новгород, 2009. 231 с.

Новгородские архиерейские школы: сб. документов. Т. 1: 1706–1727 гг. / сост.: Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2022. 788 с.

Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области): сб. документов / сост. Н. В. Салоников, О. В. Снытко. Великий Новгород, 2016. 360 с.

Панченко О. В. О чудовском иеродьяконе Иове, авторе книги «Сад спасения» // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 376–429.

Панченко О. В. О литературной деятельности чудовского дьякона Иова, ученика братьев Лихудов, во время его ссылки на Соловки в 1701–1703 гг. // Лихудовские чтения – 2022: материалы науч. конф. «Пятые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 14–15 апреля 2022 г. / отв. ред. Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2023. С. 80–101.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб.: Общественная польза, 1862. 579 с.

Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 331–370.

Салоников Н. В., Суториус К. В. Преподавание грамматики в Новгородских архиерейских школах в 20–30-е гг. XVIII в. (на материале ведомостей учащихся) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 5 (30). 2020. URL: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.5\(30\).13](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.5(30).13).

Салоников Н. В., Суториус К. В. Учитель Новгородской архиерейской школы иеромонах Иов и его библиотека // Лихудовские чтения – 2022: материалы науч. конф. «Пятые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 14–15 апреля 2022 г. / отв. ред. Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2023. С. 102–117.

Сменцовский М. Н. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1899. [2], 460, LIV с.

Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 462 с.

Страхова О. Б. Новгородская школа братьев Лихудов // Cyrillometyodiamum XII. Thessaloniki, 1998. С. 109–123.

Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником монастырского приказа. 1715–1717 // Русский архив. 1868. Вып. 7–8. Колл. 1041–1057.

Чистович И. Новгородский митрополит Иов. Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Февраль. С. 61–145.

Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. [2], X, 752 с.

Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 387 с.

Svane Gunnar. Slavonic Manuscripts in The Royal Library: a catalogue. Славянские рукописи в Копенгагенской королевской библиотеке. The Royal Library Copenhagen. 1993. P. 131.

Архивные материалы

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Дело о снятии с работы и отсылки в Александро-Невский монастырь учителя иеромонаха Иова.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 57. Дело об обучении детей служащих Новгородского архиерейского дома цифири, геометрии и географии.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 124. Копия указа архиепископа Феофана и сказки служащих архиерейского дома, состоящих на хлебном довольствии.

НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Рапорты и ведомости о школьниках и подкидышах.

ОР ГИМ. Барс. 505. Корреспонденция митрополита Иова.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 329. Лихуд, Иоанникий. Риторика.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1179. Сборник.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1514. Иов, иеромонах. Беседа молебная.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1557. Лихуд, Иоанникий. Риторика.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1558. Лихуд, Иоанникий. Риторика.

ОР РНБ. Ф. 522. № 61. Лихуд, Иоанникий. Риторика.

ОР РНБ. Ф. 522. № 72. Лихуды. Костромская грамматика греческого языка.

ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Ф. 865. № 122. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 1. (F). № 22. Письма митрополита Иова.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Входящие в кабинет письма и ведомости в 1706 году писанные от разных персон.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 8. Входящие в кабинет письма от разных персон, а также ведомости и челобитные и прочие дела 1708 г.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 24. Отписки Новгородского митрополита Иова о разных епархии его делах.

РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Письма митрополита Иова.

РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 756. Дело по указу Монастырского приказа о принятии в Ипацкий монастырь старцев Иоанникия и Софрония.

РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Дело о составлении ведомостей о числе школ и учеников в епархиях со времени существования Св. Синода и об источниках их содержания.

РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318. Ведомость о доходах и расходах Новгородского архиерейского дома.

ТГОМ. КП-1891. Лихуд Иоанникий. Риторика.

УДК 336.71:364.054(083.77)(47.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.06

Я. А. Васильев

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ БАНКОВ И ГОРОДСКИХ ЛОМБАРДОВ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Статья посвящена благотворительной деятельности провинциальных кредитных учреждений: городских общественных банков и городских общественных ломбардов Новгородской губернии. Автор рассматривает цели и задачи подобной деятельности, особенно обязательные отчисления из прибыли городских общественных банков на потребности городского населения. Рассматриваются наиболее важные направления финансовой помощи городам и нуждающимся жителям. Отмечается, что даже городские общественные ломбарды, несмотря на свою финансовую слабость и малую доходность, все же находили возможность для осуществления благотворительности. Подчеркивается постоянный характер этой помощи, несмотря на определенные сложности в работе банков и ломбардов, например, во время кризисов. Автор оценивает размер подобных отчислений на протяжении длительного периода. Приводятся конкретные примеры помощи городским обществам.

Ключевые слова: благотворительность, городские общественные банки, городские общественные ломбарды, ростовщики, Новгородская губерния.

Abstract. The article is devoted to the charitable activities of provincial credit institutions: city public banks and city public pawnshops of the Novgorod province. The author examines the goals and objectives of such activities, especially mandatory deductions from the profits of urban public banks for the needs of the urban population. The most important areas of financial assistance to cities and residents in need are considered. It is noted that even the city's public pawnshops, despite their financial weakness and low profitability, still found an opportunity to carry out charity. The permanent nature of this assistance is emphasized, despite certain difficulties in the work of banks and pawnshops, for example, during crises. The author estimates the amount of such deductions over a long period. Specific examples of assistance to urban societies are given.

Keywords: charity, city public banks, city public pawnshops, loan sharks, Novgorod province.

По Городовому положению 1785 г., городским обществам предоставлялось право создавать собственные банки, причем источником

средств для этого должны были служить остатки от городских расходов (ПСЗ. 1 собр. Т. XXII. № 16187. С. 382, п. 153). Однако уже первые общественные банки – Анфилатовский, Ларинский, Осташковский (Савина) – были образованы на благотворительные пожертвования частных лиц и только позднее переходят под городское управление. В этот период общественные банки часто учреждаются на средства благотворителей – из 22 городских банков, действовавших в России к 1862 г., семь были открыты именно таким образом (ПСЗ. 2 собр. Т. XI, XVIII, XIX, XXII, XXXV, XXXVI).

Городские общественные банки задумывались и создавались как заведения исключительно муниципальные, которые должны были приносить пользу, прежде всего, городскому обществу. Они заполняли лакуну в отечественной кредитной системе, так как государственные и крупные коммерческие банки не спешили открывать свои отделения в небогатой российской провинции. Услугами общественных банков могли воспользоваться практически все категории городских жителей – и предприниматели (по учету векселей и ссудам под залог), и обыватели (по вкладам), и даже беднейшие горожане, которым банк должен был оказывать помощь благотворительного характера из своей прибыли.

Характерно, что такие филантропические пункты в их уставах проявлялись как по инициативе отдельных учредителей, жертвовавших большие суммы на составление основного капитала банков, так и по постановлениям самих городских обществ и городских дум (например, в их приговорах и ходатайствах об учреждении местного городского общественного банка). Однако если благотворительные порывы жертвователей являлись проявлением индивидуальных черт их характера, то инициатива городских обществ имела, скорее, практическую направленность.

С одной стороны, это помогало в уплате налогов с неимущих горожан, например, как в случае с распределением прибыли в Тихвинском городском общественном Чаплиных банке (Земский. С. 53), а с другой – несколько снижало социальную напряженность в населенном пункте и являлось источником дополнительных доходов города. Кроме того, такие благотворительные действия играли на руку не только городскому управлению, укрепляя его авторитет в плане заботы о горожанах, так и лишний раз оправдывали существование самих городских общественных банков, опровергая критические утверждения о том, что они учреждаются исключительно для оказания услуг городской верхушке и местным предпринимателям, а простое население остается вне сферы их деятельности.

Тем не менее эта помощь не носила отвлеченного, расплывчатого или, более того, голословного характера. Напротив, ею, как правило, могли воспользоваться далеко не все беднейшие жители города, а, главным образом, те из них, которые попали в такое положение в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств.

Так, фактический учредитель Тихвинского городского общественного банка С. Ф. Чаплин, поставил при перечислении денег на его основной капитал обязательное условие, чтобы половина из выделенной им по завещанию суммы – 200 тыс. руб. – была направлена на учреждение банка, а вторая – «в пособие беднейших граждан Тихвинского городского общества, нуждающихся в оном от несчастных каких-либо случаев, а не от праздности...» (Земский. С. 49–53).

Так же и часть от прибыли, полученной в течение операционного года, Новгородским городским общественным банком направлялась на пособия беднейшим жителям города, которых разыскивал специально для этого учрежденный при банке комитет из шести домовладельцев. Причем не все беднейшие горожане смогли воспользоваться этой помощью, а только те, которые «впали в это состояние вследствие болезни или иных обстоятельств» (ГАНУ. Ф. 104. Д. 310. Л. 56 об.).

Таким образом, бросать общественные, заработанные банком, деньги на ветер городская верхушка не собиралась, и данная помощь оказывалась, как правило, людям, не потерявшим надежды подняться из нищеты. Однако имелись и суммы, направляемые из банковских прибылей на содержание какого-либо объекта независимо от его состояния, например, на нужды богадельни, больницы, школы и т. п. Эта черта являлась характерной для большинства городских общественных банков России, возникших еще до 1861 г. (Боровой, 1958. С. 242–243).

Всего в Новгородской губернии было учреждено 7 городских общественных банков: в Тихвине и Старой Руссе – в 1863 г., в Новгороде – в 1866 г., в Череповце – в 1864 г., в Белозерске – в 1870 г., в Боровичах – в 1873 г., в Кириллове – в 1881 г.

Чем крупнее был городской банк, тем больше он мог содержать подобных учреждений, направляя на них средства своих прибылей. Например, директор печально известного Скопинского городского банка И. Рыков широко рекламировал благотворительную деятельность руководимого им учреждения. Так, образованный в 1863 г. банк уже в 1868 г. из своих прибылей содержал детский приют на 50 человек, богадельню на 25 чел., публичную библиотеку, ежегодно выдавал пособие на приданое 30 бедным невестам по 100 руб. каждой, участвовал в содержании училищ. С его помощью в г. Скопин (Рязанской губ.) были открыты телеграфная станция и ежедневное почтовое сообщение, строилась на городском кладбище церковь, устраивались городские мостовые и сад. Для небольшого провинциального города (в 1897 г. – 14 тыс. чел.) такая помощь была очень ощутимой.

Правда, второй в России (после Харьковского) по размеру операций городской общественный банк, имевший в 1878 г. оборот в 44,7 млн руб. (Правительственный вестник. 1880. № 132), в 1882 г. неожиданно обанкротился из-за чрезмерного развития рискованных операций. Имелись сведения о растрате директором 4 млн руб. (Новое время. 1882. № 2341). Хотя, возможно, такие расходы на городские и благотвори-

тельные цели могли быть чрезмерными для банка (Гиндин, 1948. С. 45, сноски). Крах Скопинского банка и последовавший громкий судебный процесс над его руководством (Чехов, 1979. С. 179–219) стали серьезным ударом для всей системы городских общественных банков, потерю ими авторитета и репутации, оттоку вкладов и закрытию многих из них (Сведения о городских общественных банках. СПб., 1898. С. 145).

Кроме направления части своей прибыли на благотворительные цели, городские общественные банки предоставляли определенные отчисления и непосредственно на городские нужды, не оговаривая заранее цель такого отчисления, что зависело от решения гласных городских дум. Как правило, в общественных банках Новгородской губернии вопрос об отчислении части чистой годовой прибыли на благотворительные цели решался еще заранее, при обсуждении вопроса об учреждении самих банков и официально закреплялся в разрешении министра финансов на открытие того или иного банка. Вот как это выглядело в случае с образованием общественного банка в Череповце:

«...из прибылей банка, за покрытием необходимых на содержание одного расходов и за отчислением известной суммы на составление резервного капитала, две части причисляются к общим, городским суммам для употребления на городские надобности и на предметы общественного призрения и воспитания по усмотрению городского общества, а оставшаяся третья часть присоединяется к основному капиталу банка» (РГИА. Ф. 1287. Оп. 17. Д. 1303. Л. 17 об.–18).

Иногда размер данной помощи не оговаривался, как, например, в циркуляре министра финансов об учреждении Старорусского городского общественного банка: «...из чистых годовых прибылей от оборотов за отчислением суммы, потребной на составление резервного капитала и за удовлетворением необходимых по содержанию банка расходов, содержатся в Старой Руссе богадельня и больница, а могущий быть за тем остаток причисляется к основному капиталу банка» (НГВ. 1863. № 363. 7 сентября).

Новгородский городской общественный банк имел более четкое распределение чистой прибыли в их количественном отношении: 25% на городские богадельни, 5% на городские и общественные надобности, 10% на городские училища и 5% на беднейших жителей. Оставшиеся средства отчислялись в основной – 45% и запасной – 10% капиталы банка до достижения ими размеров, при которых операции банка могли бы осуществляться безопасно и стабильно, например, запасной капитал должен был увеличиться путем таких отчислений в два раза – 10 тыс. руб. из 5 тыс. (РГИА. Ф. 1341. Оп. 116. Д. 699. Л. 1–4).

Впоследствии, по достижении вышеуказанных размеров, отчисления в собственные капиталы банка уменьшались и направлялись на общественные цели. Поэтому распределение чистой прибыли Новгородского городского общественного банка в разные годы выглядело по-разному, см. табл. 1 (РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 564. Л. 200–235; 25-летие..., 1891. С. 2).

Таблица 1. Распределение чистой прибыли Новгородского городского общественного банка

Статьи расхода	Размер отчислений (в % от чистой прибыли банка)	
	1866 г.	1913 г.
На городские богадельни	25	25
На городские училища	10	15
На городские надобности	5	25
Помощь бедным горожанам	5	7
Пособие на приданое бедным девицам, выходящим замуж (с 1873 г.)	–	3
В резервный капитал	10	20
В основной капитал	45	5

Из таблицы следует, что количество чистой прибыли, переданной на городские и благотворительные цели к началу XX в., значительно увеличилось, в то время как аналогичные отчисления в собственные капиталы банка уменьшились.

Так как успех банковских операций был переменным, прибыли не всегда были ощутимы, а иногда даже приходилось погашать убытки, то выплаты на благотворительность городскими общественными банками значительно уменьшались, а иногда могли и вовсе отсутствовать. Так, например, Тихвинский городской общественный банк не производил выплат ни в запасной капитал, ни на благотворительные цели в течение 1883–1901 гг. – почти 20 лет, так как вся его прибыль уходила на погашение последствий от крупных убытков. Такие же периоды имелись и в других городских банках губернии. Например, в Новгородском городском общественном банке – в 1888–1890 гг., а в Череповецком в 1876–1884 гг. Однако такие продолжительные периоды были все же редкостью, чаще прибыли и отчисления на городские цели не наблюдались в отдельные неблагоприятные годы.

Тем не менее общий для всех городских общественных банков Новгородской губернии (и России вообще) неблагоприятный период, когда такие выплаты значительно снизились, все же имел место – в годы затяжной депрессии 1880-х годов. Вот как выглядело это уменьшение более подробно, см. табл. 2 (РГИА. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 1414. Л. 17–314; Д. 1415. Л. 110).

Таблица 2. Отчисления городских общественных банков Новгородской губернии на городские и благотворительные цели в 1878–1889 гг. (в тыс. руб.)

Банки	1878	1882	1883	1884	1885	1886	1888	1889
Новгородский	7,6	7,8	4,4	4,2	4,0	н/с	–	5,6
Боровичский	3,2	3,5	3,9	2,9	2,9	2,5	2,8	2,3
Белозерский	3,2	3,2	2,5	1,0	2,0	2,3	2,7	2,3
Старорусский	4,0	6,5	0,2	2,1	2,2	1,4	6,0	н/с
Тихвинский	2,1	–	–	–	–	–	–	–
Череповецкий	2,1	–	–	–	2,5	н/с	2,7	н/с
ВСЕГО	26,1	28,8	11,1	10,2	13,6	6,2	14,2	10,2
По империи (в млн руб.)	1 млн 463 тыс.	1 млн 560 тыс.	1 млн 143 тыс.	820 тыс.	851 тыс.	н/с	488 тыс.	1 млн 21 тыс.

н/с – нет сведений

Таким образом, период наибольшего уменьшения отчислений в городских общественных банках Новгородской губ., в общем, совпадает с аналогичными явлениями, происходившими в стране в целом.

Периоды падения отчислений на благотворительность могли и не совпадать с общей тенденцией, причем они имели место как в ведущих городских общественных банках губернии (Старорусский), так и в небольших учреждениях, в Кирилловском (РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 834–836. Ч. 1–3; Д. 377–379. Ч. 1–3):

Старорусский (в руб.)

1894 г. – 14 773
1899 г. – 15 167
1904 г. – 19 393
1913 г. – 7953

Кирилловский (в руб.)

1882 г. – 982
1883 г. – 476
1887 г. – 496
1892 г. – 377
1897 г. – 1127
1902 г. – 440
1907 г. – 262
1913 г. – нет

Тем не менее даже в годы тяжелых финансовых испытаний некоторые банки все же старались отчислить на городские надобности достаточные суммы, как, например, Череповецкий, см. табл. 3 (РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 980. Л. 10–52).

Таблица 3. Отчисления на городские и благотворительные цели Череповецкого городского банка в 1897–1899 гг. (в руб.)

Год	Чистая прибыль	Отчислено
1897	32	24
1898	256	192
1899	1982	1480

В это время такие крупные банки, как, например, Воронежский городской общественный (первый по размеру оборотов) в период 1882–1888 гг. вообще прекратили выплаты на благотворительные цели.

С увеличением оборотов и доходности городских банков в начале XX в. увеличиваются и отчисления на городские и благотворительные цели, особенно в крупных банках губернии, например, в Новгородском городском общественном банке, см. табл. 4 (РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 564. Л. 52–230).

Таблица 4. Отчисления на благотворительные цели Новгородского городского банка в 1906 и 1913 г. (в руб.)

Статьи расхода	1906 г.	1913 г.
На городские богадельни	1783	4223
На городские училища	1070	2234
Помощь бедным горожанам	499	1182
Бедным девицам в приданое	213	506
На городские надобности	535	1276
Всего	4100	9721

Таким образом, городские общественные банки Новгородской губ. перечислили в итоге достаточно крупные деньги на благотворительность, уже к 1890 году эта сумма превысила полмиллиона рублей (Сведения..., 1898. С. 145):

Новгородский	149 411
Боровичский	46 713
Белозерский	50 314
Кирилловский	3221
Старорусский	71 245
Тихвинский	67 737
Череповецкий	142 054
Всего	529 695

К 1913 г. эти суммы еще более увеличились, например, в Белозерском городском банке до 92 624 руб., Боровичском – до 106 817 руб.,

Тихвинском – до 122 637 руб. (из них 38 тыс. ушло на покупку дома для городских учреждений и самого банка), в Новгородском – свыше 262 тыс. руб. и т. д.

Отчисления на благотворительные цели находились в том же соотношении, что и остальные статьи баланса городских общественных банков Новгородской губернии в сравнении с общероссийскими показателями. Так, в 1878 г. они составили 1,7%, то есть 26,1 тыс. против 1 млн 463 тыс. руб., а в 1889 г. – 0,98%, то есть 10,2 тыс. руб. против 1 млн 21 тыс. по империи (РГИА. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 1414. Ч. 1. Л. 17–20; Д. 1415. Ч. 2. Л. 274–280).

В 1882 г. Новгородский городской банк оказался в числе первых 170 банков по этому показателю, в то время как в 35 банках выплаты составили менее 1 тыс. руб., а 64 банка их не производили совсем (отчисления размером от 80 до 50 тыс. руб. имелись в пяти банках, а от 20 до 50 тыс. руб. – в 13-ти городских банках России).

В 1913 г. суммарные выплаты городских общественных банков Новгородской губ. на благотворительные и городские цели составили 18 400 руб. (ГАНУ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2024. Л. 110 об.–111).

В подсчете количества таких отчислений основную трудность составляет анализ публикаций о таких выплатах, так как, например, в опубликованных отчетах не всегда указывалась причина их отсутствия. С другой стороны, постановления о перечислениях на благотворительные цели выносились на заседаниях гласных городских дум, на которых рассматривались и утверждались отчеты банков за прошлый год, иногда через несколько месяцев спустя после его окончания. Таким образом, могли возникать неизбежные пробелы в предоставляемых для отчетов сведениях, а иногда и накладки. Имелись и другие сложности в перечислении указанных сумм.

Однако в городах достаточно широкий круг жителей оставался вне рамок деятельности городских общественных банков и других кредитных учреждений: рабочие и другие наемные работники, мелкие ремесленники, семьи отставных или умерших небогатых чиновников и военных, лица свободных профессий, студенты и проч. Банковский кредит под векселя (заемные письма) им не мог быть открыт, так как они не занимались предпринимательством и не имели авторитета в деловых кругах. Не обладая каким-либо значимым в банковском понимании имуществом (недвижимость, ювелирные изделия, ценные бумаги), которое могло бы послужить надежным залогом для получения ссуды, они также не могли рассчитывать и на ее получение. Не состоя на государственной или общественной службе, эти категории городских жителей не являлись, следовательно, и членами ведомственных ссудосберегательных касс взаимопомощи.

Не имея возможности пользоваться услугами упомянутых кредитных учреждений, они, таким образом, неизбежно оказывались втянутыми в сферу ростовщического кредита, где обеспечением ссуды

могли служить не только, например, драгоценности, но и предметы домашнего обихода, носильные вещи и проч., что, как раз, устраивало малоимущих горожан. Однако за пользование такой ссудой приходилось платить достаточно высокие проценты. Так, в 1870-х гг. новгородский ростовщик М. А. Поляк получал с клиентов до 6% в мес. – 72% в год (РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Л. 4 об.). Подобные дельцы, имевшие разрешение на свою деятельность (ибо правительство вынуждено было мириться с этим чрезвычайно живучим промыслом, пытаясь, тем не менее, ограничивать его крайние проявления), взимали по ссудам, в среднем, от 48 до 60% годовых, а нелегальные ростовщики – и до 120%. (Кириллов, 1992. С. 48).

Таким образом, государство имело все предпосылки к ограничению их деятельности – и морального плана, и материальные (например, создать, с учетом опыта ростовщиков, альтернативные им кредитные учреждения с более мягкими условиями выдачи ссуд под недрагоценные вещи и перетянуть туда хотя бы часть их клиентуры). Однако на деле правительство столкнулось с рядом достаточно серьезных трудностей, не позволивших, в конечном счете, создать государственную систему благотворительного кредита в России. Во-первых, отсутствие опыта работы подобных учреждений: до 1890-х гг. в стране функционировал только один городской ломбард в Варшаве (с 1796 г.) и два государственных ломбарда – ссудные казны в С.-Петербурге и Москве (с 1772 г.), которые принимали в залог лишь драгоценные вещи. С 1840 г. начинают возникать немногочисленные акционерные и частные ломбарды, имевшие коммерческий, а не благотворительный характер деятельности. К 1914 г. их насчитывалось всего 22 в 13-ти губернских городах из 97, а в уездных центрах их не было вообще (Кириллов. С. 10; Серебряков, 1907. С. 3–4).

С другой стороны, правительство могло бы воспользоваться опытом многочисленных зарубежных ломбардов (государственных, частных, акционерных, муниципальных, общественных и др.), первые из них появились в XV в. в Италии, откуда и получили общее наименование. К началу XIX в. эти учреждения широко распространились практически во всех странах Европы и Америки и накопили богатейший опыт работы.

Во-вторых, правительство в 1860–90-х гг. уделяло внимание только производительному кредиту (как сельскохозяйственному, так и промышленному), оставляя за пределами своих интересов остальные его разновидности. В-третьих, благотворительная направленность таких кредитных учреждений предопределила бы их малую доходность или даже полную убыточность при одновременных денежных субсидиях на начало оборотов и дальнейшее их развитие, на что у казны просто не хватило бы никаких средств.

Таким образом, решать данную проблему пришлось самому городскому населению без всякой помощи со стороны государства.

С конца 1880-х гг. городские думы начинают на собственные деньги образовывать общественные кредитные учреждения благотворительного характера – городские ломбарды. В социальном плане они дополнили деятельность ранее созданных городских общественных банков, которые обслуживали, в основном, местных предпринимателей и не имели возможности оказывать действенную помощь всем малоимущим горожанам. Первый городской ломбард в России был учрежден в Вологде (устав утвержден в 1886 г., обороты открыты в 1888 г.).

Недостаточная финансовая обеспеченность провинциальных российских городов предопределила значительные трудности в осуществлении данного проекта. Так, из 669 уездных городов ломбарды сумели учредить только 109 (к 1916 г.). Это отразилось и на собственных оборотных средствах ломбардов, например, к 1914 г. два государственных ломбарда имели суммарный капитал в 8,5 млн руб., 20 акционерных ломбардов – почти 26 млн руб., а 106 городских ломбардов – только 12,5 млн руб. (Кириллов. С. 10, 12).

Характерно, что 18 городских ломбардов были образованы целиком на деньги частных жертвователей, так как, зачастую, города не могли собрать на эти цели даже 2–3 тыс. руб.

Следствием такого положения явилось и взимание ими ссудного процента, размер которого сложно было назвать благотворительным. Если в подобных учреждениях за рубежом он составлял 3–4%, в ссудных казнах – около 6%, то в некоторых городских ломбардах – до 30% (например, в Полтавском). Ломбарды, действовавшие в Новгородской губернии, взимали одни из самых маленьких процентов среди учреждений своего типа – 18%. Меньше взимали только Петербургский – 14–18% и Московский – 15%.

Обусловлено это было не только слабостью данных учреждений в финансовом отношении, но и большими затратами на аренду или строительство складских помещений для хранения залогов, поддержание в них особого микроклимата во избежание порчи вещей (в связи с этим банки выдавали ссуды, практически только под заклад драгоценностей и бумаг). Городские же ломбарды в России вынуждены были принимать любую вещь, имеющую стоимость около 2 руб., включая орудия труда ремесленников, рыбаков, полуфабрикаты, например, отрезки материи и др.

Основной и, по сути, единственной операцией городских ломбардов являлась оценка залогов и выдача под них ссуд, кроме того, они осуществляли их перезалог на новые сроки и продажу с торгов в случае невыкупа. Уставы городских ломбардов были практически идентичны, отличаясь мелочной регламентацией некоторых неосновных сторон их деятельности, например, отношений с полицией в случае залога краденной вещи, правила устройства аукционов и т. д.

Рассмотрим некоторые особенности работы городских ломбардов России на примере Новгородской губ., которая может также считаться

пионером в деле организации ломбардного кредита под залог сельскохозяйственной продукции. В 1866 г., задолго до образования ломбардов, земские органы Крестецкого уезда стали практиковать выдачу ссуд под залог зерна, которое принималось от крестьян осенью, во избежание продажи за бесценок, а весной возвращалось для посева или продажи по более высокой цене, по ссуде взималось от 8 до 10% с оборотной суммы. Операция развивалась, в общем, успешно, и 25 лет спустя, к 1891 г. в уезде уже действовало 80 хлебных складов подобного рода (Новгородский листок. 1882. С. 5).

Хотя данный почин не получил широкого распространения среди земских органов, однако позднее активно осуществлялся Государственным банком.

Первым в Новгородской губ. и одним из первых в России являлся Тихвинский городской ломбард, открывший свои операции в 1889 г. (на следующий год после Вологодского) с капиталом в 3 тыс. руб. В 1891 г. был учрежден Старорусский, а 1894 г. – Новгородский ломбарды с капиталами по 5 тыс. руб. В 1912 г. открылся ломбард в г. Белозерске с капиталом в 10 тыс. руб. (РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3086, 3224, 3225, 3252, 3253).

Эти ломбарды сильно отличались друг от друга не только по обеспеченности капиталами, размерам оборотов, числу клиентов, но и по постановке дела. Явным лидером по всем операциям, безусловно, считался Новгородский ломбард. Уже в первый год работы он произвел оборот на общую сумму ок. 60 тыс. руб., получив чистой прибыли до 900 рублей. В дальнейшем операции продолжали развиваться, хотя и достаточно неровно и в 1913 г. составили почти 100 тыс. руб. по обороту. Успешно работал и Старорусский ломбард, который начал с оборота в 30 тыс. руб. в 1893 г., а в 1913 г. произвел их более чем на 60 тыс. руб., получив чистой прибыли свыше 1 тыс. руб. В Тихвинском ломбарде дела находились в совершенно противоположном состоянии. Оборотов в 25 тыс. руб. он достиг только в 1894 г., через 5 лет после открытия, после чего идет их постоянное снижение до 8 тыс. руб. в 1913 г. Вообще, практически на всем протяжении своей работы, он считался убыточным заведением (за исключением нескольких отдельных лет). Например, операционные убытки 1913 г. составили 669 руб., а суммарный убыток прежних лет достиг 2 тыс. руб. (РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3086, 3224, 3225, 3252, 3253).

Частично это может быть объяснено разницей в количестве посетителей. Так, за 1912 г. Тихвинский ломбард за 174 рабочих дня принял 1428 закладов или, в среднем, около 8 в день. В 1913 г. Новгородский ломбард за 254 рабочих дня оценил 10 373 залога, около 40 в день (РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3171, 3225, 3253).

Вообще постановка дел в Тихвинском ломбарде характеризовалась местной городской думой и управой, скорее, отрицательно, особенно в плане организации. Работал он нерегулярно, часто без расписа-

ния, документация велась небрежно, имели место «потери» заложенных вещей и денежных сумм. Аукционы невыкупленных залогов проводились крайне редко – 1–2 раза в год (в Старорусском – 6–8 раз в год), что перегружало склад и лишало ломбард прибыли от торгов. Последние не приносили ему ощутимой прибыли – в 1913 г. убыток от них составил 30 руб., тогда как Новгородский получил от них прибыль в 2,5 тыс. руб., а Старорусский – 2,3 тыс. руб. (на торги поступало, в общем, небольшое количество залогов – до 10% от общего количества).

Новгородский и Старорусский ломбарды, кроме того, от прибыли с торгов 2% перечисляли на городские потребности. К 1914 г. эти суммы составили 967 руб. и 690 руб. соответственно. Старорусский ломбард ежегодно производил выдачу беднейшим горожанам некоторых невыкупленных залогов и небольших денежных сумм – к 1914 г. это составило 1 тыс. 383 руб. (РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3171, 3225, 3253).

Тихвинский ломбард не имел возможности производить такие отчисления. Для этого, однако, имелись и объективные предпосылки. Так, например, ссуды размером до 10 руб. не приносили ломбардам никакой прибыли, так как расходы от их хранения перекрывали поступления по процентам. Но в провинциальных ломбардах абсолютное большинство составляли именно выдачи в 1–5 руб. Таким образом, Новгородский ломбард более чем на треть работал в убыток, в Старорусском и Тихвинском этот показатель был еще выше.

Тем не менее, несмотря на все недостатки в своей деятельности, городские ломбарды России и, в частности, Новгородской губернии, продолжали активно работать до 1917 г., оказывая посильную материальную поддержку малоимущим горожанам.

Литература и источники

25-летие существования в Новгороде городского общественного банка. Новгород, 1891. 12 с.

Боровой С. Я. Кредит и банки России. (Середина XVII в. – 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958. 288 с.

Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М.: Госфиниздат, 1948. 454 с.

Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXII, 1784–1788, № 16187. С. 358–384.

Земский Н. Д. Тихвинский городской Чаплиных банк // Тихвинец. 1914. № 2. С. 49–53.

Кириллов И. А. Ломбарды в России. М.: Страх. о-во «Анкил», 1992. 68 с. Новгородские губернские ведомости. 1863. № 363. 7 сентября.

Новгородский листок. 1882. № 32. 13 июня.

Новое время. 1882. № 2341.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830–1885 гг. Т. I–LV.

Правительственный вестник. 1880. № 132.

Сведения о городских общественных банках. СПб.: Особенная канцелярия по кредитной части, 1898. 243 с.

Серебряков Я. А. Городские ломбарды в России. СПб.: Гор. тип., 1907. 29 с.

Чехов А. П. Дело Рыкова и комп.: (От нашего корреспондента) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1982. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. М.: Наука, 1979. С. 179–219.

Архивные материалы

Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО). Ф. 104. Д. 310. Сведения для всеподданнейшего отчета за 1879 г.

ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2024. Статистический сборник Новгородского губернского земства за 1913 г. Новгород: Тип. Л. С. Селивановой. 326 с.

Российский государственный исторический архив (далее – РГИА) Ф. 583. Оп. 2. Д. 377–379. Отчеты о деятельности Кирилловского городского общественного банка. Ч. 1–3. 1882–1913 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 564. Отчеты о деятельности Новгородского городского общественного банка. Ч. 4. 1904–1913 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 834–836. Отчеты о деятельности Старорусского городского общественного банка. Ч. 1–3. 1864–1913 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 980. Отчеты о деятельности Череповецкого городского общественного банка. Ч. 4. 1895–1903 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3086. Отчеты и сопроводительные записки Белозерского городского ломбарда. 1913–1914 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3170. Дело отчетов Новгородского городского ломбарда. 1894–1903 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3171. Дело отчетов и препроводительных записок Новгородского городского ломбарда. 1904–1913 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3225. Дело отчетов и препроводительных записок Старорусского городского ломбарда. 1904–1913 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3224. Дело отчетов Старорусского городского ломбарда. 1893–1903 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3252. Дело отчетов Тихвинского городского ломбарда. 1889–1903 гг.

РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3253. Дело отчетов Тихвинского городского ломбарда. 1904–1912 гг.

РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд под залог вещей. 1872–1876 гг.

РГИА. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 1414. Газетные статьи о городских общественных банках Ч. 1. 1881–1891 гг.

РГИА. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 1415. Газетные статьи о городских общественных банках. Ч. 2. 1891 гг.

РГИА. Ф. 1287. Оп. 17 Д. 1303. Об учреждении в г. Череповце Новгородской губернии общественного банка. 1864 г.

РГИА. Ф. 1341. Оп. 116. Д. 699. Об учреждении общественного банка в Новгороде. 1866 г.

УДК 351.852:341.322.6(470.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.07

Б. Н. Ковалёв

ИСТОРИК АЛЕКСЕЙ МАЛОВ: ДО И ПОСЛЕ «АКАДЕМИЧЕСКОГО ДЕЛА»¹

Аннотация. По так называемому «Академическому делу» оказались привлечены к уголовной ответственности десятки людей, в большинстве своем проживавших в Ленинграде. Они работали в различных структурных подразделениях Академии наук. Сотрудниками советских органов государственной безопасности было заявлено, что все они вступили «в разное время в состав контрреволюционной организации – “Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России”». Одним из них оказался уроженец Новгорода историк и библиотечарь Алексей Малов. Поскольку он являлся бывшим офицером, награжденным в годы Первой мировой войны орденами, его обвинили в участии в военной группе этой организации. Алексей Малов был приговорен к смертной казни, замененной 10 годами лагерей. Дальнейшая судьба пока не известна. Реабилитирован в 1992 году.

Ключевые слова: Академия наук, «Академическое дело», органы государственной безопасности, политические репрессии, Алексей Малов.

Abstract. Dozens of people, most of whom lived in Leningrad, were prosecuted in the so-called Academician Case. They worked in various structural subdivisions of the Academy of Sciences. The Soviet state security agency stated that they all were involved in the activities of “the counter-revolutionary organization – All-People’s Union of Struggle for the Revival of Free Russia”. One of them was Alexei Malov, a Novgorod historian and librarian. Since he was a former officer who was awarded orders during the First World War, he was accused of participating in the military group of this organization. Alexei Malov was sentenced to death, but the penalty was commuted to 10 years in the camps. His further fate is not yet known. The historian was rehabilitated in 1992.

Keywords: Academy of Sciences, “Academician Case”, state security agency, political repressions, Alexei Malov.

---

¹ Автор благодарит сотрудников архивной службы Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области за предоставленные документы и доктора исторических наук А. В. Сиренова за консультативную поддержку.

Начало 30-х годов XX столетия в нашей стране – это не просто «эпоха великого перелома». Резкое усиление государственного принуждения с отказом от НЭПа и переходом к форсированному развитию экономики, применение в массовом масштабе внесудебных репрессий привели к широкому проникновению в широкие слои общества (в том числе и в правящую партию) настроений, характерных для гражданской войны. Немалую роль в этом играла и весьма невысокая политическая и правовая культура.

Конечно, в условиях проведения в жизнь планов первой пятилетки, индустриализации и коллективизации, экономические изменения затрагивали интересы миллионов людей. Но не менее важной тогда являлась идеологическая составляющая.

После Октябрьского переворота прошло уже более 10 лет. В этих условиях представители советско-партийной элиты всё с большим раздражением воспринимали так называемых «попутчиков». Это были представители «бывших эксплуататорских классов», интеллигенты, которые, не поддерживая Советскую власть, отказались от активных форм борьбы с нею. Во многом не принимая реалии сегодняшнего дня, эти люди пытались найти, своего рода, отдушину в древней истории, изучении различных письменных источников.

По так называемому «Академическому делу»² оказались привлечены к уголовной ответственности десятки людей, в большинстве своем проживавших в Ленинграде. Их обвинили в борьбе против Советской власти как идеологической, так и вооруженной.

Сотрудниками советских органов государственной безопасности особо подчеркивалось, что все они вступили «в разное время в состав контрреволюционной организации – “Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России”, ставившей себе целью – свержение советской власти путём иностранной военной интервенции и вооружённого восстания» (Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – АУФСБ СПб и ЛО). Д. П-82333. Т. 8. Л. 84).

По сути имевшихся формулировок, фигурантов дела обвиняли в особо опасных государственных преступлениях, так как они, по мнению следователей, «приняли участие в контрреволюционной деятельности этой организации, выражавшейся в систематической агитации и пропаганде программно-политических установок “Всенародного союза”, содержащих призыв к реставрации помещичье-капиталистического строя и установления монархического строя правления» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 85).

---

² Уголовное дело по обвинению Платонова С. Ф., Рождественского С. В. и других «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» в 19 томах. 1929–1931 гг.

Работа на государство трактовалась как изощренная попытка его разложения изнутри, причинения стране рабочих и крестьян максимального урона: «Находясь на советской службе, занимая различные ответственные посты в научных и учебных заведениях, они использовали своё пребывание там для борьбы и противодействия политике и мероприятиям советского правительства в направлении реорганизации и перестройки деятельности данных учреждений на социалистических началах» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 85).

При этом в список арестованных по делу № 1803 вошли в основном библиотекари и хранители. Их обвиняли в том, что они скрывали от представителей советской власти важные архивные документы. Среди них были:

«1. Покровский Фёдор Иванович³ – старший библиотекарь, Библиотека А. Н.

2. Мартинсон Фёдор Андреевич⁴ – бывший учёный секретарь Библиотеки.

3. Андреев Александр Игнатьевич⁵ – учёный секретарь Археографической Комиссии.

4. Сокольский Григорий Николаевич⁶ – помощник заведующего Секретариатом.

---

³ Покровский Фёдор Иванович (1871–1942). 1899–1925 гг. – учёный хранитель Рукописного отдела РАН. 1929 г. – Арестован и обвинен в принадлежности к «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России». Был приговорен к 10 годам заключения в концентрационном лагере и сослан на Соловки. Постановлением от 14.04.1934 г. обвинения были сняты. В феврале 1935 г. вернулся в Ленинград. 1938–1941 гг. – научный сотрудник Ленинградского института языка и мышления.

⁴ Мартинсон Фёдор Андреевич (1879 – не ранее 1933). С 1924 г. работал в БАН, специализировался на истории древнерусской литературы. С 1925 г. – учёный секретарь БАН. В 1929 г. сотрудник библиотеки ЛГУ. Арестован 23.10.1929 г. Приговорён к 10 годам ИТЛ. Отправлен на Соловки. Скончался во время заключения.

⁵ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959). С 1913 г. работал в Постоянной исторической комиссии при Академии наук, а после 1926 г. учёный секретарь Постоянной историко-археографической комиссии АН СССР. В 1919–1927 гг. преподавал в Археологическом институте. В августе 1929 г. был арестован по «Академическому делу» и осуждён на 5 лет ссылки в Сибирь. В 1935–1941 гг. – старший научный сотрудник Института народов Севера и института этнографии АН СССР. В 1936–1942 гг. работал в в Ленинградском отделении Института истории. В 1943–1949 гг. возглавлял кафедру вспомогательных исторических дисциплин в Московском историко-архивном институте. В 1947 г. обвинялся в «преклонении перед западом» и «лапподанилевщине». В 1953–1956 гг. работал в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники. В 1956–1959 гг. возглавлял архив Ленинградского отделения Института истории.

⁶ Ошибка в фамилии. Правильно – Соколовский Григорий Николаевич (1883 – после 1933). В постановлении по следственному делу о продлении срока содержания под стражей применительно ему идут следующие данные: бывший дворянин, надворный советник, женатый, беспартийный, с высшим образованием, научный сотрудник Академии наук СССР. Проживал ул. Союза Печатников д. 20, кв. 27. (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203. дело. 1929–1931. Вып. 9. Часть 1. СПб., 2015. С. 11). Осужден 10.05.1931 коллегией ОГПУ на 10 лет ИТЛ.

5. Фетисов Иван Иванович⁷ – библиотекарь Библиотеки.
6. Ерёмин Степан Андреевич⁸ – библиотекарь Библиотеки.
7. Малов Алексей Фёдорович⁹ – библиотекарь Библиотеки.
8. Измайлов Николай Васильевич¹⁰ – Учёный хранитель Пушкинского Дома.
9. Беляев Михаил Дмитриевич¹¹ – ст. учёный хранитель Пушкинского Дома.
10. Рождественский Сергей Васильевич¹² – Учёный хранитель Библиотеки.

---

⁷ Иван Иванович Фетисов (1892–1950-е?) в 1918 г. окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петроградского университета. 1 марта 1923 г. стал научным сотрудником II разряда Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете. 20 июня 1924 г. был принят на работу в Рукописное отделение на должность библиотекаря. В ноябре 1929 года был уволен с формулировкой: «Снять с работы в Академии наук по первой категории».

⁸ Ерёмин Степан Антонович (1886 – не ранее 1935) – филолог-славист. В 1917 г. окончил Петроградский университет. Вёл научно-исследовательскую работу в разных советских учреждениях. В Библиотеке АН с 1920 г.: научный сотрудник Рукописного отделения. Участвовал в составлении и исследовании Словаря русской этнографической диалектологии. Арестован в 1929. Приговорен 10 февраля 1931. Отбыл наказание и в 1935 г. вернулся в Ленинград. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 г.

⁹ Документы, связанные с ним, имеются в 3, 8 и 9 томе данного дела.

¹⁰ Измайлов Николай Васильевич (1893–1981). В 1918 г. окончил Петроградский университет, оставлен при кафедре русской литературы для подготовки к профессорскому званию. С 1921 работал в Пушкинском Доме в должности учёного хранителя. В 1929 г. арестован. В 1931 г. осуждён на 5 лет трудовых лагерей. В 1941–1953 гг. – в Оренбурге, изучает работу Пушкина по собиранию материалов для истории Пугачёвского бунта. С 1953 г. вернулся в Ленинград, с 1955 г. – с. н. с. Пушкинского Дома. С 1957 г. – зав. рукописным отделом.

¹¹ Беляев Михаил Дмитриевич (1884–1955), кандидат филологических наук, теоретик музейного дела, организатор и заведующий Литературным музеем Пушкинского Дома, создатель Музея-квартиры А. С. Пушкина. Закончил юридический факультет Петербургского университета (1910), но также прослушал курс лекций на историко-филологическом факультете, а осенью 1917 г. поступил на курсы при Главархиве, получив специальность «архивное и музейное дело». С 1921 по 1929 г. – учёный хранитель Литературного музея Пушкинского Дома РАН. В мае 1931 г. приговорен к десяти годам лагерей с конфискацией имущества. Отбывал срок в Соловецком лагере. О его освобождении хлопотал перед Сталиным художник М. В. Нестеров, дочь которого, Наталья Михайловна Нестерова (1903–2004), была первой женой М. Д. Беляева. Досрочно освобожден в феврале 1933 г. без права проживания до завершения срока приговора в двенадцати городах. Умер М. Д. Беляев 5 октября 1955 года в г. Серпухове. Полностью реабилитирован посмертно 30 июня 1989 года.

¹² Рождественский Сергей Васильевич (1868–1934). В 1895 г. стал работать в Министерстве народного просвещения, привлекался к работе в Министерстве внутренних дел, был инспектором Александровского лицея. С 1897 г. преподавал в Санкт-Петербургском университете. В 1920 г. избран членом-корреспондентом РАН, в 1924–1929 гг. был сотрудником Публичной библиотеки в Ленинграде, с 1925 г. работал в

11. Малас Борис Николаевич¹³ – Зав. Секретариатом.
12. Раевский Николай Владимирович¹⁴ – Учёный секретарь КЕП¹⁵.
13. Коплан Борис Иванович¹⁶ – Учёный хранитель Пушкинского Дома.
Привлекаются к ответственности, но не содержатся под стражей.
1. Дружинин Василий Георгиевич¹⁷ – Помощник Директора Академии Наук.

Библиотеке Академии наук. В 1929 г. арестован, приговорён к высылке сроком на пять лет, жил в Томске.

¹³ Ошибка в фамилии. Правильно: Молас Борис Николаевич (1874–1938). Камергер, статский советник, чиновник особых поручений VI класса при Государственном Контролере, заведующий секретариатом АН СССР в Ленинграде (1923–1929). Сын известной певицы Александры Николаевны Молас-Пургольд, двоюродный брат А. Н. Римского-Корсакова. В 1923–1929 гг. заведующий Секретариатом АН СССР. 30 ноября 1929 г. арестован. 10 мая 1931 г. приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 15 ноября 1934 г. освобожден досрочно и отправлен на 2 года ссылки в Северный край. 30 декабря 1937 г. вновь арестован за «контрреволюционную агитацию». 13 января 1938 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 14 июня 1989 г.

¹⁴ Раевский Николай Владимирович (1862–1931?). До революции проживал в Курской губернии, работал в земстве, затем городским головой в Баку. Левый либеральный земский деятель. В середине 1920-х секретарь Комиссии экспедиционных исследований Академии наук, ближайший сотрудник академика А. Е. Ферсмана; в середине 1920-х уволен из Академии наук по 2-му разряду Комиссией по чистке. В ноябре 1930 г. был арестован. Приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В ноябре 1931 г. находился в лагере, был к тому времени неизлечимо больным.

¹⁵ Так в тексте документа.

¹⁶ Коплан Борис Иванович (1898 – зима 1941–1942 гг.). Окончил в 1921 г. историко-филологический факультет Петроградского университета и был оставлен при кафедре русского языка и литературы. С 1919 по 1929 работал в Пушкинском Доме в качестве ученого хранителя и ученого секретаря. С 1931 по 1933 гг. находился в административной высылке в Ульяновске и Мелекесе. В ноябре 1933 вернулся в Ленинград. С 1939 г. – штатный редактор, в 1940 г. – главный редактор Древнерусского словаря. В июле–августе 1941 г. был на оборонных работах. В ноябре 1941 года арестован по обвинению в ведении антисоветской пораженческой пропаганды. Умер в заключении в блокадную зиму 1941–1942 гг.

¹⁷ Дружинин Василий Григорьевич (1859–1936). В 1883 г. окончил Петербургский университет со степенью кандидата русской истории. В 1896 г. он избирается членом Археографической комиссии, а с 1903 г. назначается правителем ее дел. Член-корреспондент РАН по разряду историко-политических наук (русская история), избран в 1920 г. В течение 25 лет был заместителем председателя Археографической комиссии АН. В ноябре 1929 г. уволен из Археографической комиссии на основании постановления Правительственной комиссии по проверке аппарата АН СССР, а в июне 1930 г. арестован. В феврале 1931 г. приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет и помещён в Соловецкий лагерь. С мая 1932 г., после отмены заключения и лишения права проживания в 12 населенных пунктах СССР и Уральском регионе сроком на 3 года, поселился в г. Ростове-Ярославском. В июне 1935 г. освобожден. В конце 1935 г. вернулся в Ленинград.

2. Срезневский Всеволод Измайлович¹⁸ – Зав. Рукописным отделением» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 1).

Одним из фигурантов этого дела стал Алексей Фёдорович Малов, научный сотрудник Библиотеки Академии наук, сын священника, бывший офицер.

Рис. 1. А. Ф. Малов – фотография из следственного дела

Постановление о производстве обыска и задержании подозреваемого было подготовлено 13 ноября 1929 года. Из данного документа следовало: «Я, старший уполномоченный 2 отдела СО СОУ ПП ОГПУ в ЛВО Стромин, усматривая из обстоятельств дела, что гр. Малов Алексей Фёдорович (сотрудник Академии Наук), подозревается в том, что он состоял в контрреволюционной организации. И руководствуясь статьями 74, 99 и 100 УПК¹⁹ постановил:

1. Провести обыск в квартире № 18-а дома № 27 по ул. Надеждинской.

2. Подвергнуть задержанию гр. Малова Алексея Фёдоровича, проживающего по вышеуказанной улице» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333.

¹⁸ Срезневский Всеволод Измайлович (1869–1936). В 1890 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1893 г. перешел на службу в Библиотеку Императорской Академии наук, с которой была связана почти вся последующая его деятельность (до 1931 г.). При содействии директора Библиотеки А. А. Шахматова создал фонд запрещенных и нелегальных изданий. В 1931 г., в связи с перестройкой Рукописного отделения, подал в отставку, после чего в качестве сотрудника Института языка и мышления Академии наук работал над словарем древнерусского языка.

¹⁹ Эта строчка в бланке постановления уже вставлена типографским способом.

Т. 3, С. 194). Данное постановление было согласовано с начальником СО Степановым²⁰.

А. Ф. Малова арестовали по месту проживания 14 ноября 1929 года. Он обвинялся по ст. 58-11 УК РСФСР²¹. Во время обыска у него в качестве вещественных доказательств были изъяты «переписка, офиц. знаки (неразборчиво – Б. К.), фотоснимки» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 196).

Эти материалы в 1938–1939 гг. были переданы в Государственную публичную библиотеку. Ныне они составляют личный фонд А. Ф. Малова (РНБ. Ф. 463).

Он собственноручно заполнил «Анкету для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ». Первой её строкой шло предупреждение: «Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 197).

Допросы проводил старший следователь 2-го секретно-оперативного управления Ленинградского ОГПУ Альберт Стромин²².

Из протокола допроса Малова в качестве обвиняемого от 16 ноября 1929 года следует: «Фамилия – Малов.

Имя, отчество – Алексей Фёдорович.

---

²⁰ Степанов Михаил Архипович (1900–1940). В органах ГПУ с 1928 года: начальник III отделения Особого отдела, Секретного отдела, помощник начальника Секретно-оперативного управления, начальник Секретно-политического отдела, заместитель начальника Особого отдела Полномочного представительства ОГПУ по Ленинградскому военному округу. Арестован 31 января 1938 года. Приговорен по ст. 58-7, 17-58-11 УК РСФСР к 12 годам лишения свободы. 17 октября 1940 года умер в Севжелдорлаге Коми АССР. Не реабилитирован.

²¹ Уголовный кодекс РСФСР был опубликован в ноябре 1926 года и вступил в силу 1 января 1927 года. 58-11 УК РСФСР – организационная контрреволюционная деятельность. Из нее следовало: «Всякого рода организационная деятельность, направления к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы». [6 июня 1927 года (СУ № 49, ст. 330)].

²² Альберт (Альбрехт) Робертович Стромин-Строев (1902–1939) – ответственный сотрудник ОГПУ – НКВД СССР. Настоящая фамилия Геллер. Родился в 1902 году в Лейпциге, в немецкой семье. Отец – социал-демократ, погибший в 1919 году во время Гражданской войны в России. Псевдоним Стромин взял в честь погибшего в боях товарища. С марта 1920 г. в ЧК – ГПУ – ОГПУ. С апреля 1925 года по апрель 1935 года на различных должностях в Ленинграде. С 7 августа 1937 года по 14 декабря 1938 года начальник Управления НКВД по Саратовской области. Был одним из передовиков в проведении приказов НКВД СССР по развертыванию массовых политических репрессий в области, ставился в пример Н. И. Ежовым другим начальникам УНКВД. 14 декабря 1938 года арестован. 22 февраля 1939 г. приговорён к высшей мере наказания. В ночь на 23 февраля 1939 года Альберта Робертовича Стромин-Строева расстреляли. Как человек, признанный в совершении незаконных политических репрессий, не реабилитирован.

Происхождение – сын протоиерея г. Ленинграда²³ и преподавателя Новгородской Духовной семинарии.

Жительство – Ленинград, ул. Надеждинская, д. 27²⁴, кв. 19²⁵.

Род занятий – научный сотрудник Академии Наук (библиотекарь Рукописного отдела и Гос. Ак. Ист. Мат. Культ.

Семейное положение – женат, жена Наталия Петровна²⁶ 30 лет, детей нет.

Имущественное положение – у родителей была дача в Финляндии и полторы десятины земли.

Партийность – беспартийный.

Отношение к военной службе – демобилизован из Красной Армии²⁷.

Политические убеждения – до революции был монархистом, в настоящее время политикой не интересуется²⁸.

Образование – общее высшее, специальное – историко-филологический факультет университета и факультет общественных наук при Ленинградском Государственном университете в 1922 г.» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 202).

Особое внимание в советском уголовном праве 20–30-х годов при обвинении в государственных преступлениях уделялось социальному происхождению. Принадлежность к бывшим эксплуататорским классам считалась отягчающим вину обстоятельством. Из протокола допроса Малова: «Чем занимался до революции – до войны 1914 года был студентом Петроградского университета и Археологического института, а до 1917 года находился на военной службе и в плену в Австрии» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 202 об.).

---

²³ Его отец проживал на Малоохтинском проспекте в доме 53. Являлся настоятелем Малоохтинской кладбищенской церкви св. Марии Магдалины. («Алфавитный указатель жителей Петрограда, Гатчины, Колпина, Красного Села, Ораниенбаума, Павловска, Петергофа, Сестрорецка и Царского Села на 1917 год». Пг., 1917. С. 426).

²⁴ Дом П. Лесникова (Дом Комитета попечительства о русской иконописи). В справочнике «Весь Ленинград. 1927 год» значится на 276 странице: «Малов Ал-лей Фед. Ассист. “ГАИМК”».

²⁵ В ордере на арест указан номер квартиры 18-а (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 195).

²⁶ В анкете для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ А. Ф. Маловым собственноручно заполнено в соответствующей графе: «Жена. Наталия Петровна Малова (девичья фамилия – Акимова. Тесть Петр Васильевич Акимов – сотрудник археографической комиссии – Б. К.). 30 лет. Безработная. Член сорабиса (Союз работников искусств – Б. К.). Проживает Надеждинская 27, кв. 19. (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 197).

²⁷ В анкете для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ А. Ф. Маловым собственноручно заполнено в соответствующей графе: «Комвзвода пехоты» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 197 об.).

²⁸ В протоколе допроса эти слова подчеркнуты красным карандашом.

Первое знакомство с работой чекистов для Малова закончилось без каких-либо негативных последствий. «Сведения о прежней судимости – не судился. В 1924 г. у меня в квартире был произведен обыск Ленинградским ГПУ, но никаких объяснений по этому поводу я не имел» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 202 об.).

В уголовном деле содержатся два экземпляра показаний А. Ф. Малова. Один из них заполнен собственноручно, другой является незаверенной им машинописью.

«Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по существу показываю. Родился в г. Новгороде²⁹ в семье новгородского священника. Позже мой отец, как окончивший Петроградскую Духовную Академию, был в Новгороде преподавателем Духовной семинарии³⁰.

Среднее образование получил в Петрограде в гимназии Человеколюбивого общества³¹, а в 1909 году поступил в Петроградский университет по историко-филологическому факультету» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203 об.).

С началом Первой мировой войны Алексей Фёдорович Малов, как военнообязанный, сменил студенческую тужурку на военную шинель. «В 1914 году, прослушав курс, был по мобилизации призван на военную службу, определён в 317 пехотный полк и отправлен на австрийский фронт. 23 августа того же года был ранен и эвакуирован для лечения в Петроград.

Поправившись, я вновь вернулся на фронт, и 27 июля 1915 года был взят в плен австрийцами. В Австрии находился в Рейхенбергском лагере³² до августа 1918 года, когда я был обменян и отправлен в Россию» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 202 об.).

Алексей Малов – смелый офицер, награжденный боевыми наградами. Этот факт он не скрывает от следователя, более того, утверждает, что, вполне вероятно, у него есть и другие знаки отличия. «Мой последний чин – прапорщик, за боевые заслуги награждён орденом св. Анны, и был представлен к Станиславу 3 степени. Были слухи, что я был, кроме этого, представлен ещё к одной награде, но подробности не знаю» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 202 об.).

«В общественном движении я активного участия не принимал. В первые студенческие годы я был членом Петроградского национального студенческого союза³³. Несколько месяцев я был секретарём Петроградского отделения союза. Из этой организации я ушёл после того,

---

²⁹ В других анкетах указывается Петербург – Ленинград.

³⁰ Среднее духовное учебное заведение, существовавшее в 1740–1918 годах.

³¹ Санкт-Петербургская гимназия Императорского человеколюбивого общества.

³² Сейчас Либерец (Чехия). В XIX–XX веках Либерец (Райхенберг) являлся центром Судетской Германии.

³³ В протоколе допроса эти слова подчеркнуты красным карандашом.

как я узнал, что она субсидируется правительством. Всего в союзе находилось около одного года³⁴.

После этого союза, я посещал клуб «Общества славянской взаимности»³⁵» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 202 об.).

Таким образом, Малов по своим политическим взглядам до 1917 года придерживался, скорее, консервативно-монархической позиции. Однако он утверждает, что разделял точку зрения Партии народной свободы: «По своим политическим убеждениям я придерживался до революции примерно кадетских взглядов. После революции по возвращении на родину я занялся изучением событий, имевших место в России в моё отсутствие» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 202 об.).

Вернувшись из австрийского плена, он попал в совершенно другую страну. «В первое время я был проникнут известной обидой по отношению советской власти, вернее, к отдельным её представителям, разорившим моих родителей. Они были выселены из квартиры и лишены самого необходимого, различные события тревожного характера, аресты офицеров ставили меня в неопределённое положение» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 202 об. –203).

Убийство Соломона Урицкого 30 августа 1918 года стало началом Красного террора. Только за первые два дня после этого трагического события было расстреляно 512 человек³⁶. Малов чудом избежал ареста. Его спасла тяжёлая и долгая болезнь: «Меня даже хотели арестовать в связи с убийством председателя Петроградского ЧК только потому, что я бывший офицер. Избавился я от этой неприятности только потому,

---

³⁴ Студенческая монархическая организация, действовавшая в учебных заведениях России в 1901–1917 гг. Выступала против забастовок революционного студенчества, за «академический порядок». Она финансировалась в основном за счет членских взносов и государственных субсидий, перечисляемых через В. М. Пуришкевича. Из её программы:

а) содействовать пробуждению и развитию в среде русского студенчества национального сознания;

б) готовить будущих защитников русской государственности и народности и преданных родине работников на всех поприщах общественной деятельности;

в) способствовать ознакомлению русского студенчества с культурой, задачами и нуждами своего отечества;

г) объединять своих членов в тесную товарищескую семью и оказывать нравственную и материальную поддержку». (Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 321).

³⁵ Оно возникло в 1909 г. с целью объединения лиц, признающих необходимость взаимного сближения всех славянских народностей при полном уважении особенностей каждой, а также содействия «взаимному ознакомлению славянских народностей, возможно большему их культурному развитию и экономическому преуспеванию». Председателями общества последовательно избирались Н. А. Хомяков, В. М. Бехтерев, А. А. Столыпин (Шевцова Г. И. Деятельность общества славянской взаимности в помощь славянским народам в период балканских войн (1912–1913) // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 44).

³⁶ Ратковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017. С. 75.

что я находился в это время в лечебном учреждении» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203).

После этого вся оставшаяся жизнь Алексея Малова оказалась неразрывно связана с изучением древнерусской истории и культуры. «1 января 1919 года, выйдя из больницы, я сразу устроился по рекомендации профессора Спицина³⁷ в Российскую Государственную Археологическую комиссию в качестве научного сотрудника. По преобразовании комиссии в Академию Истории Материальной Культуры, я был избран ассистентом по разряду древнерусского искусства» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203).

Для многих русских интеллигентов-гуманитариев 20-х годов прошлого века, оставшихся жить в Советской России, было характерно стремление уйти в некую внутреннюю эмиграцию. Это могло проявляться, в том числе, погружением в древнюю историю. Но для Алексея Малова это было связано с его искренним интересом, который проявился еще во время учебы. Он и в университете специализировался по древнерусской истории.

«Затем в 1921 году, чтобы получить законченное образование и диплом, я поступил вновь в Петроградский Археологический институт, где в течение около 2-х лет был курсовым старостой. В 1921 году, приблизительно в ноябре–декабре, по инициативе моей и Журавлёва Николая Павловича³⁸, был организован кружок по изучению русской старины» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203).

Реалии наступившей Новой экономической политики способствовали определенной либерализации общественных отношений, особенно заметных после эпохи «военного коммунизма». Однако никакого фрондерства по отношению к действующей Советской власти студенты и преподаватели не допускали.

«Кружок собирался в стенах Института один раз в неделю по средам. Он преследовал научные цели, чтобы дать возможность начинаю-

---

³⁷ Спицын Александр Андреевич (1858–1931). Русский и советский археолог, профессор, член-корреспондент АН СССР (1927). С 1892 года – сотрудник Императорской Археологической комиссии. Читал лекции по археологии в Новгородской мужской учительской семинарии. Был избран почетным членом Новгородского общества любителей древности

³⁸ Журавлёв Николай Павлович (1891–1942). В 1901 г. поступил и в 1911 г. окончил С.-Петербургскую 3-ю гимназию. В этом же году был принят в С.-Петербургский университет на юридический факультет, но в связи с войной закончил только три курса. В университете восстановился в 1921 г. и в 1924 г. окончил историко-археологический факультет. Начиная с 1922, в течение 14 лет работал делопроизводителем в военных частях. В 1938–1939 гг. работал архивистом в Архиве АН СССР, с сентября 1939 года переведен в Институт востоковедения на должность младшего научного сотрудника Рукописного отдела с обязанностями по архиву. С начала Великой Отечественной войны активно участвует в оборонных работах. 6 ноября 1941 г. вместе со многими другими сотрудниками переводится на казарменное положение и участвует в круглосуточных дежурствах. 15 января 1942 года погиб в блокадном Ленинграде.

щим работникам института выступать с докладами. В этом кружке принимали участие как студенты, так и профессора, окончившие Археологический институт, и другие научные работники, формально с институтом не связанные. Припоминаю, что кроме строго научных тем, разбирали вопросы, относящиеся также и к современности в области архивоведения, музейного дела и охраны памятников старины» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203).

С большой натяжкой, как проявление некой оппозиционности можно было расценить лишь это выступление: «Был один доклад члена кружка Георгия Соломоновича Габаева³⁹ (бывший полковник) о происхождении Георгиевского креста» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203).

В обвинительном заключении по следственному делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (январь 1930 г.) этому собранию посвящено всего три строчки: «Чистосердечно и откровенно признаю, что кружок “Новый Арзамас”, членом которого я являюсь, был действительно нелегальным (неофициальным) антисоветским кружком (показания А. П. Глаголевой 12 июля 1930 г.)» (Академическое дело. 1929–1931. Вып. 9. Часть 1. СПб., 2015. С. 185). При этом сам Алексей Фёдорович антисоветский характер этого кружка никогда не признавал.

В рассказе Малова следователю мы видим несколько другую картину: «Кроме этого кружка, существовал другой студенческий кружок, вернее, дружеская компания, собиравшаяся в квартире Веры Константиновны Касперовской⁴⁰, называвшаяся “Новый Арзамас”. Группа эта собиралась по вторникам и высказывалась по различным вопросам. Подробности не знаю. Членами группы были: Творогов Леонид⁴¹, быв-

---

³⁹ Габаев Георгий Соломонович (1877–1956) – русский военный историк, писатель и археограф. Полковник Русской императорской армии, участник Первой мировой войны, последний командир Гвардейского сапёрного полка. В Советское время сотрудник ряда архивов и музеев. В 1926 году репрессирован, с 1931 по 1937 год в заключении на Соловках и в Дмитлагге. 5 июля 1937 года досрочно освобождён «в связи с окончанием строительства канала Москва – Волга за ударную работу». Реабилитирован в 1989 г.

⁴⁰ Научный сотрудник ИАЭ. Хотя по всем показаниям именно она являлась организатором этого кружка, для неё все закончилось хорошо. Среди освобожденных согласно постановлению от 7 февраля 1931 г. сотрудников Академии наук, Центрархива и университета всего было 24 человека. Под № 8 значился известный историк Б. Д. Греков, а под № 24 – Вера Константиновна Касперовская, которая «в ходе следствия не установлена». Постановлялось: «1. Следственный материал в отношении перечисленных лиц из настоящего дела выделить, производством прекратить и сдать в архив. 2. Подписки, отобранные у всех о невыезде из гор. Ленинграда, – аннулировать. 3. Личную переписку, изъятую при обысках, – вернуть». (Академическое дело 1929–1931 г. Вып. 9 (1): Обвинение. Приговор. Реабилитация. СПб., 2015. С. 247–349).

⁴¹ Творогов Леонид Алексеевич (1900–1978). В 1924 году окончил Петроградский университет (факультет общественных наук, архивно-археографический курс). 10 февраля 1931 г. осуждён к трем годам концлагеря с конфискацией имущества (реабилити-

ший научный сотрудник Института Книговедения; Глаголева Александра Петровна⁴², архивариус губернского архива, около 30 лет; Луканов Николай Иванович⁴³, служащий архива Откомхоза; Баранова Мария Ивановна⁴⁴, Педотти Георгий Александрович⁴⁵, сотрудник Русского Музея» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203–203 об.).

Следует отметить, что все эти встречи Алексея Малова проходили более чем пять лет назад до его ареста. «Я относился к этой группе как к членам частного салона Касперовской и, побывав несколько раз (один или два раза), прекратил дальнейшее посещение» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203 об.).

Мирная работа Малова никак не связана с его военным прошлым. Тем более, что он смог получить высшее гуманитарное образование лишь через 15 лет после поступления на первый курс университета. «По окончании института, 1 января 1925 года, я поступил в Государственную Археографическую Комиссию, где проработал до сентября 1927 года, когда перешёл в Рукописное Отделение Библиотеки Академии Наук» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203 об.).

Арестованный библиотекарь не скрывал, что знал о некоторых документах, которые хранились в Археографической Комиссии. Однако он отрицал факт, что когда-нибудь он имел с ними непосредственное дело.

рован в 1974 г.). Отбывал срок в Беломорско-Балтийских лагерях ОГПУ, в городах Кемь, Медвежьегорск, Повенец Карельской АССР. Будучи инвалидом, получил грамоту за самоотверженную ударную работу на Беломорско-Балтийском канале. После окончания срока ссылки был оставлен вольнонаемным рабочим в Повенце, а в годы войны был эвакуирован в Новосибирск. В 1944 г. Псковский областной исполком по восстановлению музеев пригласил его в Псков. Работал в Псковском музее заместителем директора по науке, старшим научным сотрудником отдела истории края и более 25 лет заведующим научной библиотекой и созданным им Древлехранилищем. Являлся автором многочисленных краеведческих публикаций.

⁴² Глаголева Александра Петровна (1897–1977). Историк и археограф. В 1922 г. окончила теоретический курс Петроградского педагогического института по разряду исторических наук. Была арестована 30 ноября 1929 г. В материалах следствия сохранились упоминания о её допросах, о продлении срока пребывания под стражей до 25 сентября 1930 г. Осуждена не была, поскольку в обвинительном заключении и приговорах А. П. Глаголева не упоминается. Сама она эти факты своего прошлого не афишировала. С 1934 г. проживала в Москве. Принимала участие в подготовке к изданию «Писем и бумаг Петра Великого». (См. более подробно: Е. Н. Груздева. Александра Петровна Глаголева: историк и археограф // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 317–330).

⁴³ Не установлен.

⁴⁴ Не установлена.

⁴⁵ Правильно – Пидотти Г. А. (1903–1942). Выпускник Археологического института. Сотрудник Русского музея. Участник этнографических экспедиций в Карелии, Мурманской и Ленинградской областях. Был членом Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН). Арестован в 1929–1930 гг., обвинения выдвинуты не были. Умер в блокадном Ленинграде.

«О том, что в Археографической Комиссии хранится архив Арсения Стадницкого, мне было известно, но содержания его я не знал. Со слов Дружинина я также знал, что он был доставлен монахинями и что затем он был передан в Рукописное отделение АН⁴⁶.

О том, что в Рукописном Отделении хранились важные политические документы в таком большом масштабе, не знал. Кое-что, например, о нахождении архива Департамента полиции я услышал весной 1929 года, когда приезжала Комиссия из Центрархива.

В правильности своих показаний расписуюсь. А. Малов» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 203 об.).

По итогам этого допроса Алексей Малов был сфотографирован в профиль и анфас. Далее шла следующая резолюция: «Я, уполномоченный 2 СО ПП ОГПУ в ЛВО Стромин, допросив Малова Алексея Фёдоровича и рассмотрев следственный материал на него, по коему гр. Малов Алекс. Фёд. достаточно изобличается в том, что он принадлежал к нелегальной контрреволюционной организации» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 204).

Малову ещё нет 40 лет. Но состояние его здоровья желает лучшего: «Акт медицинского обследования Малова Алексея Фёдоровича.

Урожд. Новгорода 38 лет.

Жалующ.: кашель, боль в груди, боль в сердце.

Перенесённые болезни: бронхит.

Общий вид: удовлетворительный.

Телосложение слабое.

Питание плохое.

Кожные покровы и слизистые оболочки бледноваты.

Физические недостатки: косоглазие.

Сердечно-сосудистая система без особых изменений.

Органы дыхания: резкий выдох в правой верхушке и над правой лопаткой.

Мочеполовая и нервная системы без особых изменений.

Диагноз: хронический катар правой верхушки (неразборчиво – Б. К.) при общем упадке питания.

27 декабря 1929 г.» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 206).

Он находился в заключении уже почти полтора месяца. Перед тюремными медиками стоял больной человек. Специалисты это признали, однако их заключение не повлияло на изменение меры пресечения. Он был оставлен под стражей в ДПЗ до окончания следствия. При этом данное решение было принято почти за месяц до его медицинского освидетельствования⁴⁷.

---

⁴⁶ Эти слова в показаниях Малова подчеркнуты следователем.

⁴⁷ «Постановление по делу № 1803. 1929 года, декабря месяца, 1 дня, я, Уполномоченный 2 СО ПП ОГПУ в ЛВО, рассмотрев дело о гр. Малове Алексее Фёдоровиче по обвинению его в преступлении, предусмотренном ст. 58-11 УК, обсудив вопрос в по-

Параллельно с допросами подозреваемых чекисты готовили «Меморандум о создании в Академии наук СССР нелегального хранилища, скрытых от Советского Правительства историко-политических материалов государственного значения» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 1–3). Он был окончательно оформлен 28 ноября 1929 г. Согласно ему, «в течение последних двух лет в Секретный Отдел ПП ОГПУ ЛВО стали поступать агентурные сведения о том, что в некоторых учреждениях Академии Наук незаконно хранятся в большом количестве различные архивы особых органов царского правительства (Охран. Отдел., Жандарм. Отд.), некоторых министерств и враждебных Советской власти партий.

Предпринятой проверкой было выявлено, что с момента Октябрьской Революции группа контрреволюционно настроенных академиков, приняв установление власти Советов – “как захват власти кучкой насильников, великое бедствие, измену союзников и позор России», начала собирать под своё покровительство всех бывших людей, выбитых из колеи Октябрьской Революцией, и оказывать приют и материальную поддержку прямым врагам советской власти”.

Некоторые академики, отказавшись от научных работ, поставили своей целью “на время смуты” спасти своих людей, которым угрожала опасность от Советской власти. Маскируясь интересами науки и пользуясь неограниченной самостоятельностью, они заполнили Академию Наук целой сетью бывших князей, камергеров, камер-пажей, помещиков и губернаторов» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 1).

Большевики относились к документам, связанным с деятельностью полиции, жандармов, оппозиционных ВКП(б) партий, с особым интересом и даже опасением. На долгие годы все они были засекречены. Контроль над ними являлся самым жёстким. «Вместе с этим, некоторые учреждения Академии наук в 1917 году превратились в своеобразные секретные хранилища архивов государственных учреждений старого режима, Временного правительства, различных контрреволюционных партий и отдельных лиц, которых важно было скрыть от Советского правительства.

К помощи Академии прибегал целый ряд людей, во всех случаях, даже и тогда, если кому-либо и нужно было сохранить от конфискации свои драгоценности» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 1).

Главным противником Советской власти в этом вопросе назывался академик С. Ф. Платонов: «Три учреждения Академии Наук: Руко-

---

рядке ст.ст. 144, 147, 149 и 158 Уголовно-Процессуального Кодекса, об избрании меры пресечения уклонения от суда и следствия и приняв во внимание, что освобождение его из-под стражи может повлиять на дальнейший ход следствия, Постановил: мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия в отношении обвиняемого гр. Малова Алексея Фёдоровича избрать содержание в ДПЗ до окончания следствия» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 205–205 об.).

писное Отделение Библиотеки, Археографическая Комиссия и Пушкинский Дом, существующие под руководством академика – монархиста, убеждённого врага советской власти Платонова Сергея Фёдоровича, не только скрывали в своих стенах политические, чрезвычайно важные для Советского Правительства архивы, но по предложению из заграницы отдельных белоэмигрантов выдавали также архивы неизвестным лицам на руки (Сватиков, Богучарский) или их вовсе уничтожали (Саркисов, Савич).

До последнего времени работники упомянутых трёх академических учреждений по распоряжению Платонова С. Ф., С. Ф. Ольденбурга и других принимали на хранение различные контрреволюционные материалы от лиц, активно боровшихся с Советской властью или эмигрировавших за границу (Ляцкий, Тимирязева, Бем, Волгарь, Гофман и др.)» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 1–1 об.).

Сотрудников Академии наук обвиняли в том, что они оказывают содействие бывшим офицерам Русской императорской армии, скрывали от Советской власти сам факт подобной деятельности. «Принятые таким образом материалы не инвентаризовались, записывались в особые списки, составляли особый секрет определённой группы ответственных работников А. Н.

Материалы поступали с соблюдением конспирации и различными путями до самого последнего времени. По агентурным данным, стало известно о следующих материалах, поступивших в различные периоды, начиная с 1917 г.

Помимо этих материалов, в Пушкинском Доме в таком же порядке хранилась переписка Трепова с Николаем II, архив шефа Корпуса Жандармов, 11 ящиков с ценностями Измайловского полка и др.

В отношении ценностей измайловцев, из сведений, поступивших от агентуры, видно, что они попали в Пушкинский Дом через Платонова, обязавшегося перед группой офицеров-измайловцев хранить их до первого требования. Ценности эти были перевезены в Пушкинский Дом под видом книг в наглухо заколоченных ящиках» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 1 об.).

В советском художественном фильме «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» (1971 г.) возможность коронации нового императора связывалась с похищением Большой императорской короны. В чекистском меморандуме это становилось вполне возможным при использовании соответствующих бумаг: «Последним агентурным выяснением было установлено, что среди историко-политических документов, находящихся в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук, в особом секрете хранится пакет за № 607 под вымышленным именем Старицкой Г. Е., в котором лежат оригиналы актов отречения от престола Николая и Михаила Романовых.

Этим актам академические верхи придают большое значение. Их рассматривают в том смысле, что они могут спасти династию Романо-

вых, причём нахождение их в Рукописном Отделении известно ещё более ограниченному кругу лиц, состоящему из С. Ф. Платонова С. Ф. Ольденбурга, В. И. Срезневского, Н. К. Никольского, С. В. Рождественского, Ф. И. Покровского и Б. Н. Моласа» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 1 об.–2).

К проверке была подключена «тяжелая артиллерия» – Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б): «Изложенные агентурные данные ПП ОГПУ в ЛВО 21-Х сего года передало Председателю Правительственной Комиссии, по проверке аппарата Академии Наук – тов. Фигатнеру⁴⁸, приступившему по заранее подготовленному плану к изъятию всех архивов с одновременным обследованием помещения Рукописного Отделения, Археографической Комиссии и Пушкинского Дома» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 2).

Из наиболее ценных историко-политических архивов изъяты были следующие:

- «1. Архив Департамента Полиции.
2. Материалы Охранного Отделения. /о провокаторах/.
3. Архив Корпуса Жандармов.
4. Архив Военно-контрразведки, с 1914–1917 гг.
5. Архив Шефа Корпуса Жандармов – Джунковского.
6. Материалы охранника Статковского.
7. Материалы Сватикова (обследовавшего по предложению Временного Правительства заграничные агентуры).
8. Архив С. Р. протоколы ЦК ПСР. Протоколы фракции ПСР в Учредительном Собрании.
9. Архив ЦК кадетов. Печати Петроградской организации и бланки.
10. Архив митрополита Стадницкого (бывшего члена Госсовета).
11. Материалы нелегального съезда меньшевиков октябрь–ноябрь 1918 г.
12. Доклады Николаю II за весь период войны.
13. Материалы по военному министерству, финансов и путей сообщ.
14. Переписка Николая II с Треповым по поводу 9 января 1905 г. (В Пушкинском Доме).
15. Докладные записки и обзоры Департамента Полиции по революционному движению до 1910 года.

---

⁴⁸ Фигатнер Юрий Петрович (Яков Исаакович Фигатнер) (1889–1937) – советский государственный деятель, член ВЦИК и ЦИК СССР. С 19 декабря 1927 года по 26 июня 1930 года – член Президиума Центральной Комиссии ВКП(б). 29 мая 1937 года арестован по обвинению в террористической деятельности. 20 сентября 1937 года расстрелян. 28 декабря 1955 года реабилитирован посмертно военной коллегией Верховного суда СССР.

16. Дневники заключённых революционеров в Петропавловской крепости. (Кропоткин и др.).
17. Секретные карты Соловецкого острова, одновёрстки в кол. 500 штук.
18. Материалы Киевского Комитета Защиты Учредительного Собрания.
19. Переписка Корнилова – материалы по партии КД (родственник Ольденбурга).
20. Карточный каталог Охранного Отделения.
21. Оригиналы отречения Николая II и Михаила Романовых.
22. Материалы Охранного Отделения. Отпечатки пальцев, фотографии и т. д.
23. Дневник Великого Князя Константина Константиновича.
24. Архив Гос. Казначейства.
25. Шифры Охранного Отделения и Корпуса Жандармов.
26. Материал Охранного Отделения с указанием персональной выплаты денег за особые заслуги, оказанные в борьбе с революционным движением.
27. Списки членов Союза Русского Народа.
28. Материалы о провокаторах.
29. Материалы комиссии по разгону Учредительного Собрания, архив уполномоченных фабрично-заводских комитетов в 1918 году.
30. Часть архива рабочей группы Военно-Промышленного Комитета.
31. Материалы Особого Совещания по обороне при Николае II.
32. Архивы Петропавловской Крепости, Шлиссельбургской крепости и карательных экспедиций 1905 года.
33. Военный архив Керенского.
34. Архив наместника Польши, графа Берга.
35. Архив герцога Макленбург-Стрелецкого» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 2).

В этих условиях сотрудники спецслужб перешли к «гласному предварительному расследованию»: «В процессе изъятия архивов, с целью выяснения подлинных причин хранения и роли каждого “хранителя” в отдельности, ПП ОГПУ и ДВО приступило к гласному предварительному расследованию. Показаниями ряда лиц, причастных к незаконному хранению архивов, устанавливается: некоторые работники Рукописного Отделения, Археографической Комиссии и Пушкинского Дома начали принимать на временное хранение перечисленные материалы после 1917 года. Поступление материалов санкционировалось директорами учреждений в первые годы после революции академиками – Шахматовым и Котляревским, а затем Платоновым. О хранении и содержании архивов знали только те, которые непосредственно были прикомандированы к делу хранения» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 2).

Начались допросы. Сложно сказать, чем была вызвана данная позиция сотрудников Академии наук. Не исключено, что они не афишировали нахождение подобных документов, опасаясь, что те могут быть проданы за границу (как это происходило тогда в Эрмитаже и других ведущих музеях страны) или просто уничтожены. «Допрошенный по вопросу о хранении архивов и актов отречений Зав. Рукописным Отделением Библиотеки Срезневский Всеволод Измайлович, сознавшись в конспиративном их хранении, сообщает, что он сознательно не доводил до сведения Советских органов о нахождении в Академии Наук этих материалов, так как он был связан словом – хранить всё в абсолютной тайне вместе с некоторыми ответственными работниками Академии Наук.

Нахождение архивов в Академии было известно ограниченной группе лиц, причём по заявлению Срезневского, он относился к условиям конспирации настолько серьёзно, что даже не говорил об этом самым близким своим родственникам.

Аналогичные показания по вопросу о хранении архивов дают допрошенные ответственные сотрудники Академии Наук: профессора – Андреев А. И., Дружинин В. Г. и другие, заявившие, что о наличии материалов в Академии Наук они никому никогда не говорили, и это являлось секретом определённой группы лиц» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 3).

В качестве главного обвиняемого назывался академик Платонов. Его аргументы, объясняющие особое отношение специалистов к данным документам, следователями категорически отвергались. Они видели в этом настоящий контрреволюционный заговор. «Не отрицая сознательного и организованного нелегального хранения историко-политических государственных документов, допрошенные не отвечают на вопросы – для какой цели эти документы хранились. Некоторые (Мартинсон, Фетисов, Ерёмин, Соколовский) заявляют, что они в работе выполняли только “волю начальства”, академика Платонова.

Нелегальное хранение важнейших государственных архивов в учреждениях, возглавляемых С. Ф. Платоновым, совершенно опровергает наспех придуманную версию Платоновым и другими, что материалы хранились в Академии Наук по вине самого Советского Правительства, не создавшего до сего времени Главархива СССР, и даёт основание думать, что строго конспиративное хранение перечисленных материалов было предпринято из чисто политических антисоветских соображений» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 3).

Самому Платонову давалась крайне негативная характеристика: «Данные, имеющиеся об академике Платонове – монархисте, бывшем тайном советнике, являвшегося после 1913 года постоянным членом Романовского Комитета, личным осведомителем великого князя Константина Константиновича и кандидатом в министры по личному предложению Николая II, ставшего при Советской власти знаменем всей

антисоветски настроенной профессуры, рисует его человеком, ничем не брезгующим в борьбе с Советской властью.

Агентурными сведениями вполне установлено, что Платонов, окружив себя хорошо проверенными своими людьми, ведёт большую, направленную в ущерб Советской власти, работу.

Не занимаясь совершенно научными трудами, Платонов различными интригами старательно захватывал всё новые и новые командные должности как в Академии Наук, так и в других учреждениях. Будучи назначенным в качестве эксперта в Советско-Польской Комиссии по реорганизации Рижского Мирного Договора в 1921 году, Платонов секретно поддерживал польскую делегацию, не возражал против польских претензий и проваливал советские контрпретензии.

Приехавший в Ленинград из Польши, член Польской Комиссии и видный государственный деятель Польской Республики, бывший ученик Платонова Николай Грацианович Пяотровский, за время пребывания в Ленинграде, поддерживал с Платоновым самую тесную связь, отзывался о нём как о друге Польши и в тесном кругу многозначительно подчёркивал, что «Платонов и возглавляемый им Пушкинский Дом после освобождения России от большевиков явятся членами будущего русского правительства». Кроме того, имеются точные сведения о неофициальной связи Платонова с некоторыми дипломатическими миссиями иностранных государств» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 3 об.).

Данный меморандум был составлен для того, чтобы получить разрешение на привлечение к ответственности ещё более широкого круга лиц. «Так как до сего времени не решён вопрос о возможности привлечения к допросу действительных членов Академии – следствие находится в неопределённом положении и не выходит из узких рамок. Причём, если судить по агентурным материалам, группа Платонова, «платоновцы», являлись не только создателями нелегального хранилища политических материалов, но и чрезвычайно вредным контрреволюционным объединением, с глубоко разветвлёнными корнями среди научных работников г. Ленинграда и других городов.

Начальник СО Степанов. Помощник начальника 2 Отд. СО Стромин. 28 ноября 1929 г.» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 8. Л. 3 об.).

Все это время Алексей Малов находился в заключении. Вновь его допросили только через шесть месяцев – в конце мая 1930 года. Из протокола допроса, произведённого в ПП ОГПУ и ЛВО Уполномоченным СО А. М. Алексеевым 29 мая 1930 г.: «Будучи предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по существу дела показываю: в 1925 году от заместителя Археографической комиссии Академии Наук Дружинина Василия Петровича я слышал, что в Археографической комиссии хранится личный архив митрополита Новгородского Арсения, доставленный туда монахинями. По чьему распоряжению архив был

привезён и знал ли о хранении этого архива академик Платонов, бывший в то время председателем Археографической комиссии, я не знаю.

На собрании кружка “Новый Арзамас” я был только один раз 7 или 6 января 1926 года. На этом собрании были Касперовские (мать и сын), Творогов, Глаголева и Пидотти. О том, что я на собрании кружка “Новый Арзамас” был только один раз, заявляю категорически. На это собрание я попал совершенно случайно, придя к Касперовским с рождественским визитом. Малов.» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 207 об.).

Через два дня, 31 мая его допросили вновь. На этот раз оперуполномоченный А. К. Холевинский. Его интересовал кружок по изучению русской старины и темы выступлений Малова и его знакомых. То есть здесь речь шла о событиях 1921–1923 гг.: «Габаев в наш кружок был принят как специалист по военной археологии.

На кружке у нас делались следующие доклады: “Византия и первые страницы русской летописи” (ак. Успенский⁴⁹); “Убранство старинной русской иконы. Подделки⁵⁰ из жемчуга” (Романченко⁵¹. Доклад не состоялся); “Новгородский художник XVII века” (Малов – я); “Исчезнувший памятник древнерусской живописи XVI века” (тоже я); “Памятник Московской живописи XIV века” (Жидков⁵²); “Архив и библиотека именитых гостей Строгановых” (Введенский⁵³); “Строгановские живописцы” (он же); “Историография вопроса о т. н. Строгановской школе” (Каргер⁵⁴); “О составе Лаврентьевской летописи” (Приселков⁵⁵); “Генеологические заметки к начальной летописи” (Труханов); “О происхождении Георгиевского креста” (Габаев); “Мольбища и заповедные роц”и (Репников⁵⁶); “Рукописи Псковского музея; ближайшие задачи архивного дела в СССР” (Творогов); “Охрана памятников искусства и старины Владимирской губернии” (Воронин⁵⁷). То же в Новгородской губернии (Семёнов⁵⁸). “Военные поселения на русском Севере XVII в.” и т. д.

Доклады не делались по марксистскому методу, ибо мы познакомились с марксизмом при окончании учебного курса. Малов» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 208 об.).

---

⁴⁹ Фёдор Иванович Успенский (1845–1928), академик, византист.

⁵⁰ Так в тексте.

⁵¹ Николай Филиппович Романченко (1869–1923), историк архитектуры, коллекционер.

⁵² Герман Васильевич Жидков (1903–1953), искусствовед.

⁵³ Андрей Александрович Введенский (1891–1965), историк и источниковед.

⁵⁴ Михаил Константинович Каргер (1903–1976), историк архитектуры и археолог.

⁵⁵ Михаил Дмитриевич Приселков (1881–1941), историк и источниковед.

⁵⁶ Николай Иванович Репников (1882–1940), археолог.

⁵⁷ Николай Николаевич Воронин (1904–1976), археолог и историк архитектуры.

⁵⁸ Не установлен.

Последний допрос состоялся 2 июня 1930 года. Он помечен как «продолжение» предыдущего. Вызывают определенные вопросы нумерация. Она идет не по порядку. «Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по существу дела показываю:

3. В Археологическом институте определенно антисоветски настроен был Пётр Львович Гусев, как человек крайне правых убеждений» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 210 об.).

Если учесть, что известный специалист в новгородской археологии, профессор Петербургского университета Пётр Гусев скончался еще в 1925 году, обвинение Малова ему ничем не грозило.

«5. По слухам мне известно, что у академика Ольденбурга и Вернадского сыновья в белой эмиграции. Это же известно мне и по газетам. У академика Платонова дочь в эмиграции» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 210 об.).

Понятно, что эта информация была хорошо известна советским чекистам, поскольку никаким секретом не являлась.

«7. К делу получения книг из-за границы ни в Археографической комиссии, ни в библиотеке никакого отношения не имел, потому не могу дать никаких сведений. Слышал, например, что книга Г. В. Вернадского рассылалась им самим знакомым ему историкам в Ленинграде. Так она была, например, по слухам, получена А. И. Заозерским. Этот отдел, например, в рукописном отделении был секретным, и я к нему абсолютно не имел доступа. В Археографической комиссии при мне такой литературы я не помню» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 210 об.).

Любую связь с зарубежными коллегами, даже в таком вопросе, как комплектование библиотеки, Малов категорически отрицает.

Весьма скептически он относится к самой мысли, что в стенах Академии Наук могла появиться какая-либо серьезная антигосударственная организация. «8. Разбитая на ряд отдельных учреждений, институтов, лабораторий и т. д., Академия Наук в отношении своей живой силы (людей) отличалась чрезвычайной пестротой состава, наблюдаемой во всех отношениях. Не было в А. Н. никакого единства в решении самых насущных житейских вопросов. Общее собрание посещалось частью. Людской спайки не было и в более мелких учреждениях, чтобы оказывать поддержку кому-либо, нужны единство и сплочённость, которых и не было.

Всякого рода спортивные и стрелковые организации в самой Академии были в зародыше.

Не представляю себе, какую техническую помощь могла бы Академия сделать интервентам, будучи сама плохо оборудована со стороны техники.

Самый характер академических занятий, теоретичность научных подходов в значительной степени удаляли академическую науку от жизни» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 210 об.–211).

Алексей Малов признает, что с идеологической точки зрения Академия наук весьма неоднородна. Но делать ставку на врагов Советской власти, в частности, интервентов, считает крайне вредным: «Не было в Академии и единства идеологического. Что особенно важно отметить, это то, что Академия в СССР была поставлена в исключительно благоприятные материальные условия и имела теснейшую увязку и контакт с различными окраинами СССР. Как высший учёный орган, изучающий и наблюдающий за огромными природными богатствами страны, Академия не могла бы не видеть, что интервенция в своём конечном результате поведёт их к расхищению. Интервенция неизбежно повела бы и к неизбежному умалению нашей науки» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 211).

Следователя Холевинского также интересовала деятельность различных структур, действовавших в стенах академических учреждений. Следует отметить, что эта информация, по своей сути, была хорошо известна и не являлась в 20-е годы какой-то предосудительной: «Кружок социологии и истории искусства⁵⁹ помещался одно время в здании Главнауки. Научно-художественный кружок в 1921–1923 г. в Археологическом Отделении ЛГУ. А. Малов» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 3. Л. 211).

Таким образом, за семь месяцев заключения Алексей Малов был допрошен всего четыре раза. Но это не помешало приговорить его к расстрелу. В обвинительном заключении по следственному делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России (январь 1931 г.): «Исследуемые материалы о деятельности, в той или иной степени связанные с “Всенародным союзом”, кружки, как например кружок “Молодых историков”, руководитель Тарле, т. н. “Новый Арзамас” Малова... дают основание утверждать, крайне антисоветский характер содержания и направления их работ и занятий» (Академическое дело. 1929–1931. Вып. 9. Часть 1. С. 182).

Из показаний Н. В. Измайлова: «...на военно-политические темы в том же духе, но с меньшей определенностью я говорил с... Маловым А. Ф. ... и другими, которых сейчас не вспомнить.

Должен отметить, что из перечисленных мною лиц в смысле активного сотрудничества, порученной мне организацией работе я рассчитывал особенно на... Малова...» (Академическое дело. 1929–1931. Вып. 9. Часть 1. С. 283).

---

⁵⁹ Общество социологии и теории искусства (ОСТИ) образовано в 1925 г. В задачу общества входило объединение в Ленинграде научных сил, работающих в области социологии и теории искусства с целью коллективной разработки вопросов как теоретического, так и прикладного характера, а также популяризации социологии и теории искусства в широких массах. Общество имело секции изобразительного искусства, музееведения, литературы, изучения искусства массами. Ликвидировано 25 июля 1929 г. Располагалось в Ленинграде по адресу: площадь Воровского (Исаакиевская), д. 5.

Далее Малов фигурирует как человек, входящий в «военную группу».

10 февраля 1931 года его фамилия значится в списке из 28 человек, которым Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО вынесен смертный приговор: «Расстрелять. Имущество конфисковать. Дело сдать в архив» (Академическое дело. 1929–1931. Вып. 9. Часть 1. С. 357–358).

Алексей Фёдорович Малов ждал смертной казни на протяжении трёх месяцев. Сложно представить, что он пережил за все эти дни и недели.

Лишь 10 мая 1931 г. вышло Постановление Коллегии ОГПУ об утверждении смертного приговора 6 обвиняемым и о замене его заключением в концлагерь 17 обвиняемым, о заключении в концлагерь 11 обвиняемых и о замене его высылкой 3 обвиняемым в принадлежности к «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России».

В нём Малова Алексея Фёдоровича «Приговорить к расстрелу, с заменой постановления Президиума... ЦИК СССР от 9/6-27 г. заключением в концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, считая срок: МАЛОВУ с 14/XI-29 г.» (Академическое дело. 1929–1931. Вып. 9. Часть 1. С. 361–362).

Следы Алексея Малова теряются в пересыльном лагере Кемьлаг. Он находился в поселке Рабочеостровск на берегу Белого моря. Здесь находилась так называемая «пересылка», откуда затем направляли в СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

Реабилитировали Алексея Малова только в 1989 году. «Постановлением Коллегии ОГПУ от 10 мая 1931 года определена ВМН с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет с конфискацией имущества. Направлен в СЛАГ ОГПУ (г. Кемь).

Малов Алексей Фёдорович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40 и начала 50-х годов”.

23 июня 1989 г.» (АУФСБ СПб и ЛО. Д. П-82333. Т. 9. Л. 150–150 об.).

Трагическая судьба русского историка, историка новгородской земли Алексея Фёдоровича Малова, стала относительно известной только в последнее время. Изучение средневековой Руси в реалиях начавшегося тогда социалистического строительства являлось, в определённой степени, гражданской позицией. Но он и его коллеги, пострадавшие по «Академическому делу», попытались сделать очень важное: не разорвать поступательный ход отечественной исторической науки.

Литература и источники

Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 9 (1): Обвинение. Приговор. Реабилитация. СПб., 2015.

Весь Ленинград на 1927 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л.: Орг. отдел Ленинградского губисполкома, 1927. 1082 с.

Груздева Е. Н. Александра Петровна Глаголева: историк и археограф // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 317–330.

Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М.: Яуза, 2017. 319 с.

Столыпин П. А. Переписка / под общ. ред. П. А. Пожигайло; Фонд изучения наследия П. А. Столыпина и др. М.: РОССПЭН, 2004 (ППП Тип. Наука). 703 с.

Уголовный кодекс РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. № 49, ст. 330.

Шевцова Г. И. Деятельность Общества славянской взаимности в помощь славянским народам в период балканских войн (1912–1913) // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 44.

Архивные материалы

Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-82333. Т. 3, 8, 9. Уголовное дело по обвинению Платонова С. Ф., Рождественского С. В. и других «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» в 19 томах. 1929–1931 гг.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ТИХВИНСКИЙ КРАЙ В XII–XX ВВ.»

КОНФЕРЕНЦИЯ «ТИХВИНСКИЙ КРАЙ В XII–XX ВВ.»

26–27 сентября 2022 г. в Тихвине, старинном городе Новгородской земли, в библиотеке Тэффи состоялась региональная научная конференция «Тихвинский край в XII–XX вв.», организованная Санкт-Петербургским институтом истории РАН совместно с Тихвинским историко-мемориальным и архитектурно-художественным музеем. Конференция посвящена истории Тихвинского края, в особенности Успенскому Тихвинскому монастырю.

Документальную основу истории Тихвина составляет богатый фонд Тихвинского Успенского монастыря. Роль этого монастыря, основанного в XVI в., можно без преувеличения назвать «градообразующим» по отношению к Тихвину. Долгое время город был монастырским посадом, и его жизнью управляли монастырские старцы. Подробная документация, отразившая жизнь монастыря и посада в XVII в., сохранилась в богатом монастырском архиве.

Так случилось, что архив Тихвинского Успенского монастыря в настоящее время хранится в Санкт-Петербургском институте истории РАН. После революции монастырь был упразднен, а его архив оказался в бесхозном состоянии. Благодаря подвижнической деятельности тихвинского просветителя и краеведа И. П. Мордвинова архив удалось сохранить. Только единичные документы пропали или были перемещены. Исаакий Петрович Мордвинов, основатель и Тихвинского музея, и Тихвинского отделения Новгородского общества древностей, сохранил документы монастырского архива в основанном им музее. После кончины Мордвинова в 1925 г. архив монастыря вместе с личным архивом исследователя был перевезен в Новгород, а оттуда сотрудник Археографической комиссии Б. Д. Греков перевез эти материалы в Ленинград. Здесь они были распределены по разным хранилищам. Так, документы Тихвинского Успенского монастыря поступили в Археографическую

комиссию и теперь составляют фонд № 132 Русской секции Научно-исторического архива СПбИИ РАН. Рукописные книги из библиотеки Тихвинского Успенского монастыря были переданы в Библиотеку Академии наук (ныне БАН, Собрание Тихвинского Большого Успенского монастыря). Личные документы И. П. Мордвинова, а также изготовленные им рукописные копии монастырских документов также остались в Археографической комиссии (ныне фонд № 89 Русской секции НИИ СПбИИ РАН). Дневники И. П. Мордвинова, в которых он фиксировал разорение тихвинских храмов и монастырей в революционное время, в настоящее время хранятся в ЦГИА СПб (Ф. 2253). Приобретенные некогда Мордвиновым в Тихвине материалы личного архива одного из основателей Археографической комиссии Я. И. Бередникова поступили на хранение в Архив Академии наук (ныне СПФ АРАН. Ф. 345). Еще в 1920-е годы сотрудник Археографической комиссии А. Ф. Малов взял домой для работы часть материалов И. П. Мордвинова и некоторые документы монастырского архива. После ареста Малова по так называемому «Академическому делу» в 1930 г. эти материалы хранились в НКВД и в 1938–1939 гг. оказались в Отделе рукописей Публичной библиотеки (ныне РНБ. Ф. 463). Из этих рассредоточенных архивных комплексов наиболее ценным является фонд Тихвинского Успенского монастыря в СПбИИ РАН. Он насчитывает более 20 000 единиц хранения XVI – начала XX в. Особенно важным является комплекс источников с 1623 г. и до конца XVIII в. Благодаря исключительной сохранности документов повседневную жизнь монастыря и города Тихвина можно проследить с редкой степенью детализации. Следует иметь в виду, что не все документы этого фонда происходят из Тихвинского Успенского монастыря. Так, в составе этого документального комплекса хранятся отдельные документы из архивов других тихвинских монастырей (Введенского и Антониева-Дымского), а также материалы новгородского происхождения и бытования. Последние попали сюда, вероятно, в период кратковременного пребывания архива в Новгороде после смерти Мордвинова. Отдельные документы этого комплекса уже публиковались на страницах Новгородского исторического сборника (См.: НИС. Вып. 18 (28). С. 299–393).

Сотрудники института описывали и изучали документы Тихвинского Успенского монастыря. Результатом такой работы стали монография К. Н. Сербиной (Сербина, 1951), документальные публикации О. А. Абеленцевой (Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря, 2015, 2020), статьи других сотрудников. Эта работа продолжается и сейчас. Познакомить музейную общественность Тихвина и краеведов с ее результатами – основная задача состоявшейся конференции, на которой прозвучали доклады и сотрудников Тихвинского музея, раскрывающие музейные фонды и посвященные сюжетам тихвинской истории XVIII – начала XX в.

Литература и источники

Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / Санкт-Петербургский ин-т истории РАН; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; Институт археологии РАН. Вып. 18 (28). Великий Новгород, 2019. С. 299–393.

Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-е.; М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 488 с.

Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / сост. О. А. Абеленцева; отв. ред. З. В. Дмитриева; отв. ред. серии А. В. Сиринов. Сер. Тихвинский архив. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. 336 с.

Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 2. 1644–1675 гг. / сост. О. А. Абеленцева; отв. ред. серии А. В. Сиринов. Сер. Тихвинский архив. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.

А. В. Сиринов

УДК 94(47.24).04
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.08

Т. В. Сазонова

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЦАРИЦЫ ИНОКИНИ ДАРЬИ КОЛТОВСКОЙ

Аннотация. В статье на основании всех доступных материалов рассмотрена биография четвертой жены Ивана IV – царицы Анны Колтовской, в монашестве инокини Дарьи. Автор показывает, что царица инокиня была активной женщиной, чья монашеская жизнь была наполнена событиями. Рассмотрены обстоятельства ее пребывания в Горицком Воскресенском и Тихвинском Введенском монастырях. Обращено внимание на ее особый статус «царицы инокини», предполагавший ее принадлежность к царской семье.

Ключевые слова: Анна Колтовская, Иван IV, царица, монашество, Суздальский Покровский женский монастырь, Горицкий Воскресенский женский монастырь, Тихвинский Введенский женский монастырь, Тихвин, Устюжна Железопольская.

Abstract. Based on all available materials, the article examines the biography of Ivan IV's fourth wife, Tsarina Anna Koltovskaya, then nun Daria. The author shows that the Tsarina-nun was an active woman whose monastic life was filled with events. The circumstances of her stay in the Goritsky Resurrection and Tikhvin Vvedensky nunneries are considered. Attention is drawn to her special status as the “Tsarina-nun”, which assumed her belonging to the Tsar family.

Keywords: Anna Koltovskaya, Ivan the Terrible, Tsarina, monasticism, Suzdal Pokrovsky nunnery, Goritsky Resurrection nunnery, Tikhvin Vvedensky nunnery, Tikhvin, Ustyuzhna Zhelezopolskaya.

Жизнь царицы Анны Колтовской, четвертой жены Ивана IV Грозного, недостаточно отражена в исторических источниках. Причинами тому являются, в первую очередь, необычный характер ее брака – в обход церковного правила о недопущении четвертого венчания, во вторую – его кратковременный характер – менее полугода. В результате ничего не известно о жизни царицы Анны до брака (неясен даже примерный год ее рождения), неизвестны дата и обстоятельства важнейшего события ее жизни – бракосочетания с Иваном IV, обойдены молчанием причины и обстоятельства прекращения брака и пострижения Анны в монашеский чин. Даже изданная в 2021 г. крайне добросовестно

написанная ее биография, учитывающая все обнаруженные на данный момент источники, в этой части ограничивается предположениями (Иванова, 2021; Иванова, 2022).

В историографии со времен Н. М. Карамзина традицией стало видеть в Анне Колтовской жертву то ли подозрительности, то ли любопытства Ивана Грозного: «...сия злосчастливая, как некогда Соломония, должна была отказаться от света, заключилась в монастыре Тихвинском и, названная в монашестве или в схиме Дариею, жила там до 1626 года» (Карамзин, 1845. Кн. III. Т. IX. С. 162). То есть монашеский постриг в глазах Карамзина и его последователей означал «злосчастие», то есть крах, едва ли не окончание жизни, по крайней мере, предполагал отсутствие в дальнейшем значимых событий: якобы постриженная царица тихо увядает в назначенном ей монастыре. Между тем о царице инокине Дарье известно гораздо больше, чем о царице Анне. И, несмотря на крайнюю фрагментарность имеющихся сведений, видно, что ее монашеская жизнь не только была насыщена событиями – источники показывают Дарью как весьма активную и деятельную женщину.

Нельзя не отметить то необычное обстоятельство, что она, вопреки мнению Н. М. Карамзина, была связана с не менее чем тремя монастырями – Суздальским Покровским, Горицким Воскресенским и Тихвинским Введенским, кроме того, после разорения последнего в период боевых действий ей пришлось длительное время провести в Устюжне Железопольской, где она проживала близ бывшего мужского монастыря.

Благодаря указной грамоте царя Федора Ивановича, которую А. В. Маштафаров датировал 1584–1585 гг., выясняется, что в это время царица инокиня Дарья находилась в Покровском Суздальском монастыре. Подробностей о ее жизни там выявленные документы не дают (Государственный архив Владимирской области. Ф. 575. Оп. 1. Д. 18. Л. 9а). Логично предположить, что туда она была направлена не по своей воле. Ее пребывание там – следствие сложившейся практики размещения жен и дочерей государей и их родственников, начиная с первой супруги Василия III Соломонии Сабуровой. В конце царствования Ивана Грозного в Покровском Суздальском монастыре, помимо Дарьи Колтовской, проживали Евдокия Сабурова и Феодосия Соловая, первая и вторая супруги царевича Ивана Ивановича, и Евдокия Нагая, первая жена князя Владимира Андреевича (Акты, 2019. С. 5–8).

Судя по той же указной грамоте царя Федора Ивановича, царица инокиня Дарья сознательно добивалась перевода в Горицкий Воскресенский монастырь, расположенный недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде в современной Вологодской области. Эта обитель в 1563–1569 гг. служила местом пребывания опальной княгини Евфросиньи Старицкой. Евфросинья, ставшая инокиней Евдокией, в течение шести лет занималась ее благоустройством. Наиболее известный аспект деятельности княгини-инокини – организация золотошвейной мастерской, благодаря которой Горицы стали одним из центров

женского рукоделия. В 1569 г. княгиня инокиня Евдокия вместе со своими приближенными была убита по приказу Ивана Грозного (Сазонова, 2022. С. 377–383).

Отметим, что статус инокини Евдокии в Горицком монастыре не может быть определен однозначно. Она не была игуменьей, при этом представляется маловероятным, чтобы царская родственница, пусть и опальная, находилась бы «в послушании» у лица с более низким статусом. Наличие в монастыре царских приставов и возможность организовать золотошвейную мастерскую указывают на особое положение княгини. В реконструированном Р. Г. Скрынниковым «Синодике опальных» упомянуты поименно шесть инокинь, «которые с нею были». Вероятно, они составляли свиту княгини, разделившую с ней и иночество, и смерть (Синодик, 2005. С. 490).

Возможно, что царица инокиня Дарья решила занять опустевшее место покровительницы Горицкой обители. Очевидно, что в 1584–1586 гг. ей удалось получить разрешение на переезд в Горицы. Об этом свидетельствует данная в мае 1586 г. жалованная грамота царя Федора Ивановича Горицкому монастырю на земли на реке Шексне – сельцо Никольское с пустошами. Это пожалование дало возможность Горицкому монастырю получить стабильный, пусть и не самый значительный, источник дохода. Возможность получить Никольское обеспечила именно царица инокиня Дарья, что подчеркивается в тексте грамоты: «а пожаловали есмя тем старицу царицу и великую княгиню Дарью для отца своего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси» (в XIX в. документ был опубликован дважды: 1) Бередников, 1830. С. 157–162 (публикация с лакунами); 2) АИ, 1841. Т. 1. С. 411–413).

Следует отметить, что, как и ее предшественница княгиня инокиня Евдокия, царица инокиня Дарья не являлась игуменьей. Адресатом царской грамоты являлись «старица царица и великая княгиня Дарья да игуменья Дарья с сестрами», то есть царица названа ранее игуменьи. Можно было бы предположить, что, прибыв в монастырь при действующей игуменье, царица инокиня Дарья должна была ждать освобождения должности. Но подтверждение этой грамоты, сделанное в 1598 г. царем Борисом Годуновым, адресовано по той же схеме, причем игуменья указана уже другая: «Воскресения Христова девича монастыря из Гор, что на Белоозере, старицу царицу и великую княгиню Дарью да игуменью Еуфимью с сестрами пожаловал» (АИ, 1841. Т. 1. С. 411–413).

Пребывание царицы инокини Дарьи помогало Горицкому монастырю в обеспечении своих материальных нужд. В 1604 г. царь Борис Годунов своей грамотой передал Горицкому монастырю сельцо Маурино с пустошами, принадлежавшее Кирилло-Белозерскому монастырю. Сразу после отъезда Дарьи из Гориц Кирилло-Белозерский монастырь обратился к государю с просьбой вернуть часть земель, а именно Мар-

темьянов луг, который, по их мнению, не относился к Маурину, а был куплен отдельно (РНБ. Отдел рукописей. ДА. А1/16. № 26). В 1606 г. царь Василий Шуйский вернул Кирилло-Белозерскому монастырю уже и само Маурино. Эти действия стали возможны только после отъезда царицы инокини Дарьи (РНБ. Отдел рукописей. ДА. А1/16. № 28).

Известно о другом конфликте вокруг земель Горицкого монастыря, который произошел в 1611 г. и был связан с тем, что монах Кирилло-Белозерского монастыря князь Дионисий Голицын объявил ряд соседних починков также принадлежавшими царице инокине Дарье и на этом основании конфисковал пасшихся там коз. По мнению владельца коз посадского человека Томилки Терентиева сына Шухтовцева, «в жаловальной грамоте у царицы те починки и деревьненишко не написаны, а повладела ими самоволством». В 1613 г. царь Михаил Федорович приказал «старцу Деонисью Голицыну, чтоб в те починки, будет в жаловальных грамотах нет, не вступался и козы велел отдати и козла назад» (СПБНИИ РАН. Колл. 194. К. 1. Ед. хр. 5).

С переездом царицы инокини Дарьи из Горицкого монастыря связаны три документа, датированные 22 июля 1604 г. Это грамоты царя Бориса Годунова, являющиеся ответом на челобитную царицы. Две из них адресованы тихвинскому воеводе Роману Андреевичу Тушину (АИ, 1841. Т. 2. С. 59–60). Из текста одной из них ясно, что царицу инокиню Дарью «пожаловали, велели ей быти по ее обещанию в Новгородском уезде у Введения Пречистые Богородицы, <чтобы> в девичье монастыре в Тифине общину устроить». Представляется важным подчеркнуть, что, согласно тексту грамоты, царица инокиня Дарья прибыла из Гориц в Тихвин не как опальная, поднадзорная и тем более не заключенная, а с целью «общину устроить» (АИ, 1841. Т. 2. С. 60).

Из текста этой грамоты следует, что благодаря Дарье Тихвинский женский монастырь, как и Горицкий двадцатью годами ранее, получил земельное пожалование. Царица инокиня Дарья писала царю Борису, что «в том монастыре 45 стариц», но им «прокормитись нечем – вотчинки к монастырю нет», хотя «наперед-де сего была у того монастыря вотчинка», но она, по ее утверждению, перешла во владение Тихвинского Успенского мужского монастыря. По ее просьбе Борис Годунов «царицу старицу Дарью Олексеевну пожаловали, велели ту пашню и деревни <...> дати в дом Введения Пречистые Богородицы в девичь монастырь», а успенскому «игумну с братьею велели есмь дати против того земли, где приищут». Подчеркнем, что Борис Годунов пожаловал не игуменью Тихвинского монастыря с сестрами, а именно «царицу старицу Дарью Олексеевну» (АИ, 1841. Т. 2. С. 60).

Вторая из грамот Бориса Годунова на имя воеводы Р. А. Тушина распространила пожалованную прежде ругу на всех 45 насельниц Введенского монастыря из расчета 11 алтын денег, пять четей ржи и пяти чети овса на каждую, а также на трех священников, включая духовника царицы инокини Дарьи, дьякона и двух сторожей: «Старому попу пол-

тора рубля денег, десять четей ржи, десять четей овса. Другому попу, которого прибрали, полтора ж рубли и восемь четей ржи, восемь четей овса. Царицы старицы Дарьи отцу духовному черному попу Данилу три рубли денег, десять четей ржи, десять четей овса. Дьякону полтора рубли денег, шесть четей ржи, шесть четей овса. Сторожакам монастырским, двум человекам, по три чети ржи, по три чети овса». Кроме того, «на воск, и на темьян, и на вино церковное по-прежнему три рубли и пятнадцать алтын полчетверты денги, да на просфоры шесть четей без третника ржи». Кроме того, согласно этой грамоте, царице инокине Дарье были доведены «запасы, которые недосланы» (Бередников, 1830. С. 162–165).

Третья грамота, составленная 22 июля 1604 г., была адресована не воеводе, а непосредственно в Тихвинский женский монастырь. О ней известно по цитированию в более поздней грамоте царя Алексея Михайловича. Если в рассмотренной выше грамоте был указан расчет, по которому формировалась государева денежная и хлебная руга монахиным, священникам, дьякону и сторожам, то в этой грамоте руга указывалась итоговой суммой: «на Тихвину в девичь монастырь игуменье с сестрами и с церковники по окладу хлебного и денежного жалованья дватцать пять рублей дватцать семь алтын полторы денги, да хлеба двесте семдесят одна четверть без третника ржи, двесте шездесят пять чети овса» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 2. Д. 276).

В 1607 г., судя по сохранившейся подорожной, выданной царем Василием Шуйским, царица инокиня Дарья совершила поездку из Тихвина в Москву (Иванова, 2021. С. 17). Возможно, с этой поездкой было связано подтверждение жалованной грамоты царя Федора Ивановича 1586 г., сделанное 16 февраля 1608 г. Так как царица инокиня Дарья к этому времени подвизалась уже в Тихвинском монастыре, пожалование земли на реке Шексне – сельца Никольского с пустошами относилось уже к этой обители, а не к Горицкой: «Ведения Пречистые Богородицы девича монастыря, что в Новгородском уезде у Пречистые Богородицы на Тихвине, царицу старицу Дарью да игуменью Еупраксею с сестрами пожаловал, велел им сю грамоту подписати на свое цареве и великого князя Василья Ивановича всеа Русии имя» (АИ, 1841. С. 413–414).

В 1608 и 1609 г. царица инокиня Дарья полностью получила причитавшееся ей годовое жалованье: «И в прошлом во 117-м году в расходных книгах за приписьми дьяков Ефима Телепнева да Ивана Тимофеева написано: в Веденской в девич к царице старице Дарье Олексеевне за государево хлебное жалование против 116-го году по торговой цене в житничную меру за дватцать за семь четей пшеницы четырнатцать рублей и восемь денег, за четь по семинатцати алтын по две денги. Да за шестнатцать чети ржи три рубли и два алтыны четыре денги, за четь по шти алтын по полутретье денги. Да за дватцать пять четей овса два рубли и дватцать алтын пять денег, за четь по три алтына по три денги. Да за десять чети солоду ячново два рубли и семнатцать алтын

три денги, за четь по осми алтын по полутретьи денги. За пять чети солоду ржаного рубль пять алтын пять денег, за четь по семи алтын по пяти денег. За пяти чети конопля два рубли полтреть денги, за четь по тринадцати алтын по полутретьи денги. За пять чети гороху два рубли и три алтына две денги, за четь по четырнадцати алтын. И всего за государево за хлебное годовое жалованье, за пшеницу, и за рожь, и за овес, и за солод, и за конопля, и за горох дватцать семь рублей и осмьнатцать алтын полчетверты денги. Да за рыбу за две бочки щучины два рубли, за бочку по рублю. За бочку сигаины полтора рубли. Да за две бочки селдей немецких пять рублей, за бочку два рубли с полтиною. И обоего за государево за хлебное жалование и за рыбу по торговой цене тридцать шесть рублей и пол-одиннатцаты денги. В Введенской же девичь на Тихвину на ладан и на вино церковное и на мед царице старице Дарье, отцу духовному и игумень с сестрами и попом и дьякону и сторожем против 116 году по окладу годовые руги дватцать шесть рублей и десять алтын полчетверты денги. И всего за запасы, и за рыбу, и на церковный обиход шестьдесят два рубли и двенатцать алтын две денги. И тое денги на 117-й год даны сполна» (Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2:351. Л. 92–95).

В 1610 г. регулярность выплат была нарушена: «На 118-й <год> те денги не даны. Да в тот же Введенской в девичь монастырь царице старице Дарье, отцу духовному и игумень с сестрами и церковником по окладу годовые руги двесте восьмьдесят одна четь бес третника ржи, двесте семдесят пять четей овса, и на 118-й год тот хлеб дан им сполна. А на 119-й год тот хлеб не дан. Да на 119-й год по Владиславове грамоте за приписью дьяка Анфиногена Голянищева царице старице Дарье за запасы и за рыбу в пол-оклада дано денгами против прошлого 117-го году осмнатцать рублей полшесты денги, а другия половины за запасы, и за рыбу, и на церковной обиход по окладу 119-го году денег не дано» (Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2:351. Л. 95).

В 1612 г., несмотря на шведскую оккупацию, «приходили на Тифин литовские люди и наше богомолье Тифин монастырь разорили, в церкви Божии милосердие образы окладные, и приклады, и всякое церковное строение пограбили и ее, старицу Дарью, и игуменью и сестер ограбили» (Иванова, 2021. С. 16). В связи с этим царица инокиня Дарья была челом к «королевского величества великому боярину и воеводе Якову Пунтосовичу <Делагарди> да московского и новгородского государства великому боярину и воеводе к Ивану Никитичю» Одоевскому, являвшемуся с 1610 г. новгородским воеводой, с просьбой о денежной выплате в связи с литовском разорением: «Государи великия бояре, пожалуйста меня для моего разоренья от Литвы, велите мне дати денежно...». Далее документ обрывается. На обороте челобитной в связи с этим указано: «Августа в 6 день. По сей челобитной бояре приказали царице старице Дарье с сестрами дать для нынешнего их разорения чет-

верть их годового жалованья...» (Riksarkivet, Stockholm. Ockupation-sarkivet från Novgorod. Serie 2:366. Л. 13).

Также по просьбе царицы инокини Дарьи боярин И. Н. Одоевский дал ей в вотчину «на животиной выпуск и на монастырской обиход в Новгородском уезде в Обонежской пятине в Тихвинском погосте Рогодовицкого монастыря вотчины: пустошь Бурково да пустошь Селище и иные пустоши на девяносто четей», так как «те пустоши к Тихвинскому девичью монастырю близко» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 88. Ст. 1).

В 1613 г. Тихвин оказался в эпицентре русско-шведского вооруженного противостояния, в результате которого Введенский монастырь был сожжен (Курбатов, 2006. С. 25–44; Рабинович, 2013. С. 246–274). И. П. Мордвинов высказал мнение, что царица инокиня Дарья могла вдохновить тихвинцев на восстание против шведских оккупантов. В источниках нет сведений, которые могли бы послужить основой для этого мнения. В челобитной вновь избранному царю Михаилу Федоровичу царица инокиня Дарья ни словом не намекает на причастность к политическим и военным событиям. Описав разорение монастыря, царица инокиня Дарья просила царя Михаила разрешить ей перебраться в Устюжну Железопольскую – ближайший город, контролировавшийся русскими войсками (Иванова, 2021. С. 16).

О ее дальнейшей судьбе рассказывает первое из ее двух писем главе приказа Большого двorca боярину Борису Михайловичу Салтыкову, датированное 1614/1615 г. В нем, в частности, говорится: «Во прошлом во 122 году после тихвинскаго осаду пожаловал государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси и государыня великая старица инокиня Марфа Ивановна по своему государеву указу, велено мне быти на Устюжне <...> и велено дати мне на Устюжне кельи и двory на мой обиход, колько мне надобе». Далее в письме Дарья жалуется государю, что воевода Устюжны Железопольской выделил ей и старикам три «кельишки», причем в двух разных местах, отчего она «утеснение терпит великое», а ее «людишкам» и «скотинишке» выделили две избы на двух разных дворах, причем места для размещения «рухлядишки» недостаточно (Бередников, 1829б. С. 334–337).

В этом документе под «кельями» подразумеваются жилые помещения для монахинь, которые четко противопоставляются ее «людишкам», то есть состоящими при ней как царице лицам недуховного чина. Наличие «людишек» со «скотинишкой» и «рухлядишкой» указывает на особый статус Дарьи как царицы.

В 1613/1614 г. по просьбе Дарьи от имени царя Михаила Федоровича и государыни инокини Марфы Ивановны была дана грамота «на Устюжну» с распоряжением выплачивать ей ежегодное царское жалованье, «деньги и запасы» из устюженских таможенных и кабацких доходов, «что останется от пищалей и от стрельцов» (Бередников, 1829б. С. 334–335). В письме боярину Борису Михайловичу Салтыкову

царица инокиня жаловалась на неполучение полагавшегося ей за 1614/1615 г. жалованья (Бередников, 1829б. С. 334).

Кроме того, царица инокиня Дарья просила царя Михаила Фёдоровича обменять ее земли в Белозерском уезде на равноценные земли в Устюженском уезде. Михаил Федорович жалованной несудимой тарханной грамотой от 26 августа 1614 г. предоставил Дарье взамен изъятого у нее сельца Никольского село Никифорово Устюженского уезда с 22 деревнями и 18 пустошами. В грамоте оговаривалось, что «владети царице старице Дарье тою своею вотчиною по сей нашей жалованной грамоте до своего живота, а роду своему и племени и по души не отдать» (АИ, 1841. Т. 1. С. 37–38). В письме боярину Борису Михайловичу Салтыкову от 1616/1617 г. Дарья называет жителей полученной в 1614 г. деревни Сошнево «царского жалованья мои крестьянишки» (Бередников, 1829б. С. 338).

Постепенно царица инокиня наладила хозяйство, о чем говорит известие от октября 1616 г., согласно которому монах Тихвинского Воскресенского монастыря Антоний продал царице Дарье свой огород в Устюжне за рекой Ворожей, «что смежен был с <...> царицыным огородом» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 81а).

Царица инокиня Дарья вернулась во Введенский Тихвинский монастырь не позднее 1620 г. (Иванов, 2021. С. 20–21). Государево жалованье она использовала для восстановления разоренной обители: «Что мне шло царского жалованья за годовыя запасы денег, и что доходишка имала с вотчинишка, и мы тем питалися, и после разоренья литовскаго и неметцкого в монастыре в храмах устроено и кельи, и житницы, и мельница, и на дворце конюшенной двор, и коровей, и поповские и служебником дворы, и всякое монастырьское устроенье устроено теми денгами» (Бередников, 1829а. С. 266–267. Сейчас документ хранится в: Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 90).

Царь Михаил Федорович оказывал царице знаки внимания, подчеркивая свою связь с прежней династией. 11 января 1624 г. он отправил в Устюжну Железопольскую стольника князя Данила Григорьевича Гагарина, чтобы «царицу старицу Дарью Олексеевну с Устюжны проводить на Тифину». С ним было отправлено государево жалованье для Дарьи – тысяча свежих сельдей переяславской поледной ловли (Бередников, 1829б. С. 341–342. Сейчас документ хранится в: Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 89). Как подчеркивал А. В. Сиренов, переяславские сельди являлись особым даром, который указывал на принадлежность к московским Рюриковичам (Сиренов, 2017. С. 348). 18 сентября 1624 г. в Москве состоялась свадьба царя Михаила Федоровича и княжны Марии Долгорукой. Стольник Дмитрий Колтовский (по всей видимости, Дмитрий Федорович Колтовский приходился двоюродным племянником царице Дарье. Известны две отпускные челобитные Дмитрия Колтовского, 8 сентября 1626 г. и 15 сентября 1628 г., с просьбой к царю Михаилу Федоровичу «отпустить на Тихвину у царицы Дарьи

Олексеевны у гроба проститца». Оба раза он был «отпущен» на месяц (См.: Горбатов, 2013. С. 324–325 (благодарю А. П. Павлова за информацию)), прислал царице иноке Дарье «государской радости <...> жалованье» – убрus, ширинку, сыр и каравай. В октябре Дарья благодарила государя и его жену, обещая молить Бога об их здоровье (Собрание, 1822. С. 274).

В 1626 г. царица Дарья подала челобитную царю Михаилу Федоровичу с просьбой о пожаловании земли, фактически полученной монастырем от воеводы И. Н. Одоевского в 1611–1612 гг. Соответствующая жалованная грамота была написана 13 января 1626 г. Она была адресована царице Дарье и «которым по ней впредь в том монастыре будут», чтобы «тою вотчиною впредь владеть».

5 февраля 1626 г. состоялась вторая свадьба царя Михаила Федоровича. Вновь, как и в 1624 г., царица инокиня Дарья получила со стольником князем Даниилом Гагариным гостинец – убрus, ширинку, сыр и каравай (Бередников, 1830. С. 165–167).

31 марта 1626 г. была составлена «изустная память», то есть духовное завещание, а 6 апреля царица Дарья умерла, «а кости свои грешные приказала положить в своем обещанье у Введенья Пречистые Богородицы в девичье монастыре на Тихвине». По «изустной памяти» она, вопреки царской жалованной грамоте, завещала полученную в 1614 г. вотчину монастырю, а «что в монастыре и в вотчине оставаецца после меня живота, лошадей, и коров, и овец, и хлеба, и всякого монастырьского запаса и я то все приказываю в дом Введению Пречистые Богородицы» (Бередников, 1829а. С. 263–268).

После ее смерти игуменя Агафья и племянницы отправили челобитную с просьбой уважить последнюю волю царицы. 29 июня 1626 г. государь Михаил Федорович «пожаловали, велели им дать в монастырь <...> по царице иноке Дарье в вечной поминок вотчину ее в Углецком уезде под Устюжной Железополскою 20 деревень и 19 пустошей, и рыбную ловлю на реке Волхове», а также подтвердил несудимую тарханную грамоту (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 91).

После смерти царицы монастырь продолжал получать государеву ругу, причем в 1646 г. добился права получать хлеб не из Великого Новгорода, который «теперь отдалел», а из ближайших к Тихвинскому монастырю «погостов Ладожского, Михайловского и Спасского» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 2. Д. 276). Все грамоты были подтверждены Алексеем Михайловичем и царями Иваном и Петром Алексеевичами. К 1670-м гг. количество монахинь увеличилось почти в два раза: стариц и крылошанок было не 45 (в расчете на это число с 1604 г. выдавалась руга), а 80 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 2. Д. 222). Таким образом, можно сказать, что царица инокиня Дарья выполнила свое обещание – в Тихвинском монастыре «общину устроить».

Литература и источники

- АИ, 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1, 2. СПб., 1841.
- Акты Покровского, 2019 – Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века: сб. документов / сост. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М.: Фонд «Связь эпох», 2019. 461, [1] с.
- Бередников, 1829а – Бередников Я. И. Духовное завещание четвертой супруги царя Иоанна Васильевича Грозного // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. I. № 5. С. 266–267. Сейчас документ хранится в: Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 90.
- Бередников, 1829б – Бередников Я. И. Письма четвертой супруги царя Иоанна Васильевича Грозного к боярину Салтыкову // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. V. № 32. С. 334–342.
- Бередников, 1830 – Бередников Я. И. Еще материалы для биографии четвертой супруги царя Иоанна Васильевича Грозного // Сын отечества и Северный архив. 1830. Т. XVI. № 49. С. 157–162.
- Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 гг. // Очерки феодальной России. Т. 17. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 324–325.
- Иванова М. А. Благоверная царица, схимонахиня Дария (Анна Алексеевна Колтовская). <Тихвин>: Введенский женский монастырь города Тихвина, 2021.
- Иванова М. А. От рождения до возрождения. История Тихвинского Введенского женского монастыря в ликах и лицах. СПб., 2022.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1845. Книга III. Т. IX.
- Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006.
- Мордвинов И. П. Шведское разорение в Тихвине // София. 2013. № 3.
- Сазонова Т. В. Княгиня Евфросинья Старицкая – основательница Горицкого монастыря // Российское государство в XVI – начале XVIII века: сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН, вып. 7 (23)). СПб., 2022. С. 377–383.
- Синодик, 2005 – Синодик опальных царя Ивана Грозного (7091 года) (реконструкция текста) // Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2005.
- Сиренов А. В. Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. // Древняя Русь после Древней Руси: курс восточнославянского (не)единства / отв. сост. А. В. Доронин. М., 2017.
- Собрание, 1822 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822.
- Рабинович Я. Н. Малые города Новгородской земли в смутное время. Новгород, 2013.

Архивные материалы

- Государственный архив Владимирской области. Ф. 575. Оп. 1. Д. 18. Л. 9а.
- РНБ. Отдел рукописей. ДА. АИ/16. № 26.
- РНБ. Отдел рукописей. ДА. АИ/16. № 28.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 88.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 81а.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 89.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 90.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 1. Д. 91.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 2. Д. 222.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. К. 2. Д. 276.
- СПбИИ РАН. Кол. 194. К. 1. Ед. хр. 5.
- Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2:351.
- Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2:366.

УДК 271.2:27-526.62(47.24):75.046
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.09

И. А. Шалина

ДРАГОЦЕННЫЙ УБОР ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ТИХВИНСКОЙ В XVI–XVII ВЕКАХ

Аннотация. Несмотря на утрату древнего многосоставного убранства чудотворной иконы Богоматери Тихвинской и полностью измененный облик окружающего ее в Успенском соборе сакрального пространства, включающего фрески, иконы, резьбу, предметы из драгоценных металлов и камней, благодаря подробным приходо-расходным и переписным книгам монастыря удается реконструировать историю ее украшения на протяжении всего XVII века и отчасти восстановить отдельные части убора предыдущего столетия. Обширный комплекс документов позволяет идентифицировать уцелевшую драгоценную утварь и шитые пелены, оказавшиеся разрозненными в разных отечественных и зарубежных музейных собраниях. Тихвинский архив содержит ценнейший материал о мастерах, исполнявших многочисленные части иконного убранства и именах вкладчиков, жертвовавших к образу Богоматери Одигитрии драгоценные украшения и предметы благочестия. В статье впервые в отечественном искусствознании предпринимается попытка осмысления всех выявленных художественных элементов убора.

Ключевые слова: икона, прикладное искусство, драгоценный убор, фреска, XVII в., иконописцы, Тихвин, монастыри, вкладчики, архив, переписные и приходо-расходные книги.

Abstract. Despite the loss of the old multi-piece decoration of the miraculous icon of the Mother of God of Tikhvin and the completely changed appearance of the sacral space surrounding it in the Assumption Cathedral, including frescoes, icons, carvings, objects made of precious metals and stones, thanks to the detailed monastery's registry lists and account books, private acts, it is possible to reconstruct the history of its decoration throughout the 17th century and partly restore individual parts of the previous century. An extensive set of documents makes it possible to identify the surviving precious things and embroidered podesas, which turned out to be scattered in various domestic and foreign museum collections. The Tikhvin archive contains the most valuable material about the masters who made numerous parts of the icon decoration and the names of the contributors who donated precious jewelry and objects of piety to the image of the Mother of God Hodegetria. In the article, for the first time in Russian art history, an attempt is made to comprehend all the identified artistic elements.

Keywords: russian icon painting, applied art, decoration of the finery fresco, 17th century, icon painters, Tikhvin, monasteries, ktitors, archive, registry lists, account books.

О первоначальном декоративном убранстве чудотворной иконы Одигитрии первых столетий ее пребывания в Успенском соборе Тихвина сведения отсутствуют. Очевидно, что характер окружающего ее сакрального пространства постепенно усложнялся и менялся в соответствии со вкусами каждой эпохи. По мере прославления образа число украшающих его драгоценных элементов – киотов, шитых тканей, серебряной и золотой кузни – увеличивалось, ими заменяли прежние приклады и дары вкладчиков, старые и ветхие переделывали или отправляли в ризницу, переносили на другие иконы и списки в меру и подобие, число которых со временем также возрастало.

Для понимания характера экспозиции святыни следует вспомнить, что Успенский собор изначально мыслился как ее реликварий, как и расположение иконы на западной грани юго-западного столпа. Этим объясняется необычное архитектурное решение – широко «расставленное» пятиглавие с сильно сдвинутыми к западу боковыми главами, необходимыми для дополнительного освещения пространства перед образом (Седов, 2001. С. 41–42); а также большая ширина западного нефа, предназначенного как для его богатого обрамления, так и для проведения здесь посвященных иконе служб (рис. 1–2). К тому же напротив Одигитрии в западной стене храма с паперти изначально было устроено окно, позволявшее паломникам поклоняться ей в любое время суток.

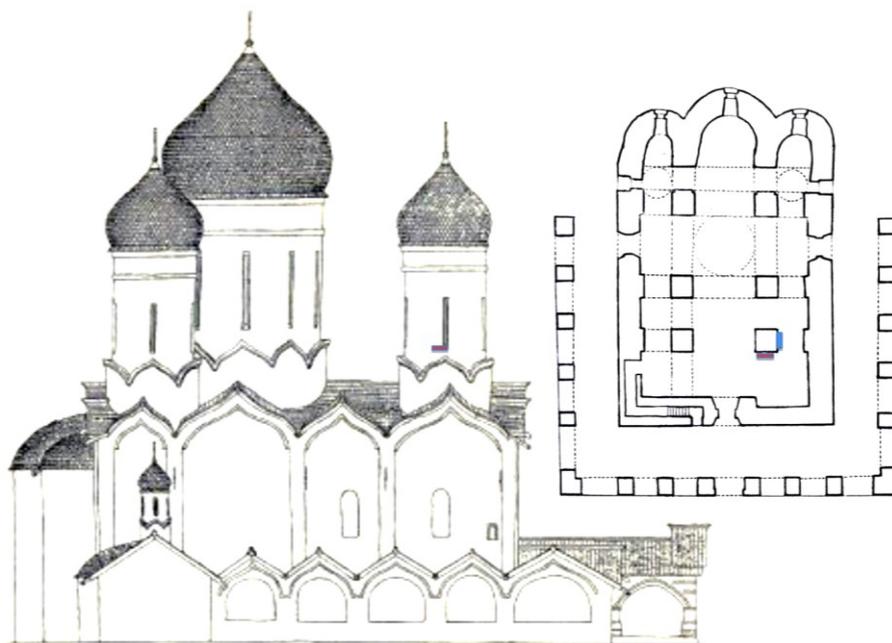

Рис. 1. Боковой фасад и план Успенского собора.
Реконструкция А. Н. Милорадовича

Рис. 2. Юго-западный компартимент Успенского собора Тихвинского монастыря. Вид на киот с чудотворной иконой Богородицы

Поскольку храм возводился по воле Василия III, естественно полагать, что и убранство чудотворной иконы «устраивалось» великокняжеской казной. От него уцелела лишь крупная («в меру и подобие») шитая пелена с образом Богородицы Тихвинской, в древности окружен-

ная фигурами святых, исполненная в светлицах Соломонии Сабуровой и, видимо, к моменту освящения собора в 1515 г.¹ Это самая ранняя русская лицевая пелена богородичного образа, тип которой был чрезвычайно редок даже у самых прославленных святынь (рис. 3).

Рис. 3. Богоматерь Одигитрия Тихвинская.
Шитая пелена. Около 1515 года. Мастерская Соломонии Сабуровой.
Из Успенского собора Тихвинского монастыря. ГРМ

¹ ГРМ. Инв. № ДРТ 35. Размеры: 80,2 × 61 см. Подр. см.: Шалина, 2020.

Большую часть своих древних украшений икона утратила во время разорения монастыря в июле 1612 г. «польскими, литовскими и русскими воровскими» людьми: «и у чудотворного образа Пречистые Богородицы и у иных у многих образов оклад ободрали» (РА, NOA, Serie 1. № 136. Л. 767–768. Цит. по: Селин, 2010. С. 30). За этим событием последовала долгая осада Тихвина от шведских войск, и лишь после Столбовского мира или даже крупного монастырского пожара 1623 г. приступили к восстановлению иконного убора. Надо думать, этой причиной объясняется поновление живописи в 1636 г. игуменом Тихвинского монастыря Герасимом Кремлевым (Черницыным) (уп. 1632–†16.07.1650), о чем имеется особое Сказание, как принято считать, написанное Родионом Сергиевым в конце 1640-х гг. и вошедшее затем в Книгу о явлении и чудесах Богоматери Тихвинской 1658 г. (Поздний список: ОР РНБ. ОЛДП. Ф. 38. Л. 121–122 об.).

Действительно, судя по описи 1640 г., к этому времени драгоценная риза уже отличалась выдающейся полнотой и в главных своих частях являлась вкладом царя Михаила Феодоровича и его отца патриарха Филарета Никитича². Надо думать, ее исполняли в Москве и прислали в монастырь в качестве благодарности «государевой двоицы» за заступничество иконы во время осады 1613 г. и последующего освобождения новгородских земель, что в конечном счете предрешило и само восхождение на трон Романовых. При этом некоторые из перечисленных элементов убора были вполне традиционными для таких памятников, но другие можно рассматривать как уникальные, не известные нам по описаниям и дошедшим частям декора других прославленных богородичных икон.

Как отмечалось, икона Одигитрии висела на западной грани юго-западного столба с правой стороны от главного входа и была размещена в деревянном, обложенном чеканным золотом киоте, внутри оббитом «отласом участочным золотным», увенчанном крестом с литым Распятием. На самом образе был чрезвычайно богатый серебряный чеканный с позолотой оклад. Над главой возвышался золотой сканый венец с коруной, камнями в репьях, обнизанный жемчугом: «сем каменев болших, а около четырех каменев кругом сажено жемчюгом болшим, а три камени в репидах. Около трех каменев двенатцать вставок невеликих. А венец по верху и внизу сажено жемчюгом болшим» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 6). Главу под венцом полностью скрывал жемчужный убрус: «поднись сажена жемчюгом болшим промеж среднего и мелкого жемчюгу. А того болшого жемчюгу на спнях девяносто пять зерен. Да в той же поднизы вставок камень вареник да бирюза и винис, и зеленых и лазоревых тритцать восм камешков. Да под поднизью в подвеске на спнях болшого скатного жемчюгу сорок восм зерен»

---

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 6–19. Характер убранства иконы впервые был кратко рассмотрен на основании наших архивных данных (Стерлигова, 2001).

(Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 6–6 об.). Ниже на шее Богородицы, как обычно на дорогих окладах, жемчугом вышито «ожерелье» – «сажено жемчугом болшим промеж середнего и мелково жемчюгу. А того болшого жемчюгу на спнях дватцать четыре зерна да три зерна бурминских» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 6 об.). Ниже была подвешена серебряная позолоченная чеканная цата, названная в описи «меншая» с камнями в кастах. Под ней видели три серебряных чеканных подвески, «на главах» которых размещались резные вкладные подписи: на первой «повелением великого государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всея Руси самодержца», на второй «повелением великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Руси зделан сий оклад», а на третьей «К чудотворному образу Пречистые Богородицы Одигитрию на Тихвину» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 7). Содержание обетных надписей подтверждает, что драгоценная риза была исполнена по воле «царственной двоицей», причем это должно было случиться не позднее 1 октября 1633 года, времени смерти патриарха.

Одновременно или чуть раньше к иконе была приложена большая серебряная цата «чеканным делом с жемчюги болшим и с камнем». Она упомянута в описи ризницы того же 1640 г. среди «прибывших» при игумене Герасиме «строений» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 67. Л. 11 об.). Видимо, ее как подвешенную на цепочках к иконе, а до того лежавшую «в коробьи в олтаре» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 12), называет переписная книга 1640 г. Она именуется «большой», по сравнению с упомянутой «меньшей» новой с вкладным царским текстом. На ней помещались резные изображения Ветхозаветной Троицы и Одигитрии, обнизанные жемчугом. «Да на той же цате сорок шесть гнезд себрых позолочены, а в них бирюз и виниз, да зеленых сорок шесть камешков невеликих. Да на той же цате в верхней строки подпись “Спаси от бед рабы своя”. Да кругом около той цате в строке «О Тебе радуется», слова болшие резные» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 12 об.). Голову Младенца также украшал золотой сканый венец с камнями, а шею – жемчужное ожерелье и чеканная позолоченная серебряная цата.

Обильно приложенная к иконе «кузнь» – ювелирные женские украшения, соответствовавшие образу Царицы Небесной, включала драгоценные, разнообразные по форме и декору серьги (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 10–10 об.). Впоследствии число их постоянно увеличивалось, более богатые и связанные с именами важных ктиторов, сменяли прошлые подвески. Забегая вперед, отметим ценный вклад боярина М. Я. Черкасского, записанного во вкладной книге в феврале 1683 г.: «прислал в дом Пресвятыя Богородицы к чудотворному образу в приклад с келарем иеромонахом Феодосием серги односторонние с корунами алмазные з гранеными лалами в золоте. А те серги два лала в гнездах шесть алмазов болших 16 средних 32 менших в се-

редках по лалу на обе стороны граненые вислые да по сторонь по два алмаза вислых болших. По цене серги восемьсот рублей» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. I. Д. 75. Л. 9 об.–10).

К тому же типу драгоценных женских украшений относились жемчужные рясны, свисающие по сторонам венца на золотых кольцах и подвешенные к очелью: по три витых плети с каждой, с камением и пронизками, с золотыми скаными пуговицами и подвесками на концах; «да другие рясы по четыре плети на стороны». Как выглядела эта часть, как и ряд других упоминаемых здесь элементов многосоставного средневекового иконного убранства, можно отчасти судить по старой фотографии, с редкой подробностью запечатлевшей облик почитаемой в Покровском суздальском монастыре иконы Богоматери Одигитрии (Георгиевский, 1927. Табл. XVII) (рис. 4). Она меньше по размерам (68 × 46 см) Тихвинского образа, но характер крепления рясен схож: они также симметрично подвешены за кольца слева и справа от жемчужного очелья, свисая длинными жемчужными нитями по 7 плетей с каждой, и имеют драгоценные прониски и камни.

Кроме того, к окладу крепился на специальных цепочках приклад из множества небольших каменных и деревянных крестов, обложенных серебром и жемчугом, наперсных икон (панагий) (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 9 об.–11) и драгоценностей, связанных с личными вкладами богомольцев. Имена некоторых из них, например, князя и стольника М. П. Пронского, особо отмечается описью³. К образу были подвешены еще и многочисленные золотые монеты (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 7), число которых тоже постепенно росло, а имена жертвователей неизменно вносились во вкладные книги. Этот традиционный тип прикладов издавна считался своеобразным знаком попечения о благообразии хранившей святыню церкви.

На всю высоту древней иконы (88,5 × 66 × 2,4 см) (рис. 5) с двух сторон крепились двусторонние створы с живописными образами: архангелов Михаила и Гавриила на внутренней, Богоматери Одигитрии (справа) и Николая Чудотворца (слева) – на лицевой. Их украшали резные позолоченные венцы и «гривенки», а поля были обложены басменным серебром и оббиты золотным бархатом с дробницами и наугольниками серебряными (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 15 об.–16). Тем самым, в раскрытом виде складня святыню окружали по сторонам архангелы, а когда боковые крыльца ее закрывали, изображения Бого-

---

³ «И тот камень приложен ко Пречистой Богородицы чюдотворной образ в ожерельце. А дача тот камень князя Михайла Петровича Пронского» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 53). В описи 1648 г. этот вклад описан подробнее: «А вставок в том ожерелье камень яхонт в золотом гнезде, а около его два камешка зеленых да два камешка червчатые, дача князя Михайла Петровича Пронского, да дватцеть вставок камешков бирюз и винис и зеленых и червчатых» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 102. Л. 6 об.–7).

родицы и святителя Николая предстательствовали за самые прославленные монастырские святыни (о последней см. ниже). Эта уникальная особенность убора явленной Тихвинской иконы, напоминающая о характере ее небесного шествия, выделяет памятник Успенского собора среди остальных богородичных образов.

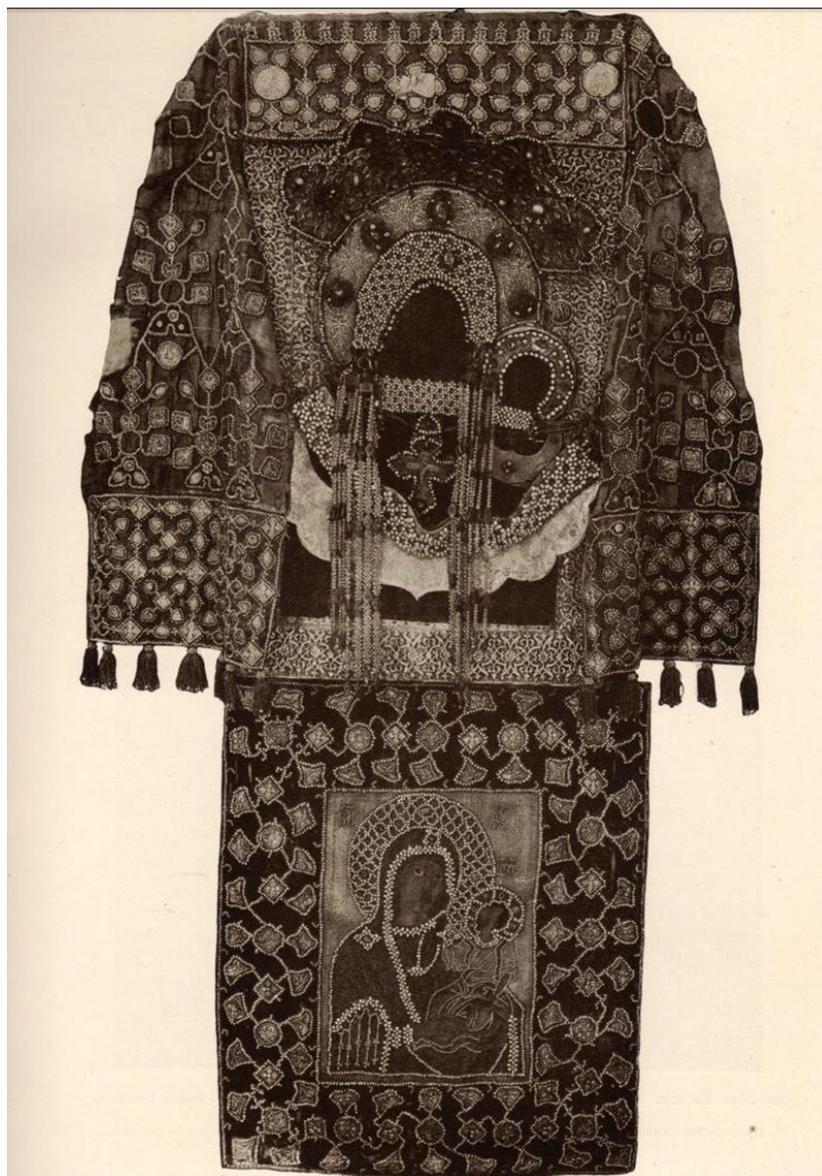

Рис. 4. Икона Богоматери Одигитрии и ее убор.
Покровский суздальский монастырь.
По: Георгиевский, 1927. Табл. XVII

Рис. 5. Икона Богоматери Одигитрии Тихвинской.
Конец XIV – начало XV века. Успенский монастырь в Тихвине

Правда, в Сказании нет упоминаний о перенесении Одигитрии ангелами, и сложно сказать, когда впервые появились створы с их изображениями. Несмотря на отсутствие литературного источника, в сценах чудесного явления Тихвинской иконы в разных местах Обонежской земли небесные вестники сопровождают ее в самом раннем произведении, написанном около 1547 г. для Благовещенского собора Московского Кремля (ГММК) (Качалова, Маясова, Щенникова, 1990. С. 64–65, 78). Описанные в 1640 г. боковые крыльца явно были созданы вместе с царским окладом 1630-х гг., а вскоре и сам вид чудотворной иконы в виде тройного складня был зафиксирован миниатюрами рукописей и клеймами, иллюстрирующими историю Тихвинского образа (подр. об этом см. ниже) (рис. 6).

Рис. 6. Родилон Сергиев. Чудеса от иконы Богоматери Тихвинской. Деталь четырехчастной иконы. 1660. Тихвин. Записи XIX века. Стояла на западной паперти Успенского собора Большого Тихвинского монастыря. ГРМ

Особенным богатством и разнообразием отличалось шитое убранство святыни. Под металлическими частями оклада («под всю кузнь прикладную») были подложены полностью им скрытые и тем не менее исполненные золотом пелены, предохранявшие живописную поверхность от царапин. Одна из них вышита по красному атласу и украшена серебряными надписями со словами песнопения «О Тебе радуется» в честь Богородицы. Другая новая красная камка «опушена отласом золотным по зеленой земли с кистми» подложена под цатой «и под прикладом, и под кресты, и под панагеи под всю кузнь прикладную» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 13 об.).

Во главе образа внутри киота, обложенного в этом месте басменным серебром, размещался покров червчатого атласа с шитым золотом пятифигурным Деисусом с херувимами над ним и прикрепленными к ткани серебряными позолоченными басменными дробницами: 9-тью большими и 4-мя малыми. Описание этой ткани живо напоминает новгородский поясной деисусный чин 1430-х гг. (ГТГ), считающийся фрагментом походной церкви владыки Евфимия⁴, однако, как видно из этого отрывка, первоначально он мог иметь аналогичное назначение, служить убранством почитаемой иконы или раки с мощами. В качестве еще одного примера подобного дополнения образа можем назвать фрагмент (?) пелены конца XVI в. с изображением семифигурного поясного Деисуса на красной камке, поступившей в Государственный Эрмитаж из собрания И. А. Гальнбека (Синай. Византия. Русь, 2000. С. 289. Кат. № R-45).

Упомянутую описью драгоценную ткань вложил в Тихвинский монастырь в январе 1631 г. известный военачальник и государственный деятель С. В. Прозоровский, герой обороны Тихвина 1613 г., впоследствии ставший главным благодетелем монастыря, в конце жизни принявший в нем постриг с именем Сергия и с почестями похороненный на паперти Успенского собора (Бередников, 1888. С. 172–173, 187). Об этом даре есть запись в приходо-расходной книге: «Прислал ко Пречистые Богородицы государев околничий князь Семен Василевич Прозоровской <...> две кисти болшие червчатого шолку з золотом <...> да покров над чудотворную икону пречистые Богородицы по червчатому атласу шит деисус золотом и серебром. И тот покров игумен Герасим устроил над чудотворную иконою пречистые Богородицы в киоте вверху и обложил серебром тот киот» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 33. Л. 129). Таким образом, и убранство самого киота было исполнено на средства того же князя.

Через два года его дополнил длинный убрус со свисающими, богато орнаментированными концами, «дороги чрвчаты по концам низано

---

⁴ ГТГ. Инв. № 20938. Размеры: 25 × 184. Опубл.: Свириц, 1926. С. 3–15.

жемчюгом по черной земле да золотом», присланным «к чудотворному образу Тихвинские в приклад» в сентябре 1642 г. царицей Евдокией Лукьяновной⁵. Близкий по замыслу и исполнению убрус, свисающий с верхнего торца иконы, демонстрирует упомянутая фотография суздальской иконы Одигитрии (рис. 4).

Тканый убор дополняли четыре крупные пелены, подвешиваемые под киотом по разным случаям. Первой называется праздничная, крупная по размерам – «в меру и подобие» явленной с древним лицевым образом Одигитрии, окруженной фигурами святых (ГРМ), вышитым в мастерских Соломонии Сабуровой еще к освящению собора в 1515 г. (рис. 3). Другие три относились к повседневным и представляли собой типичные орнаментальные ткани с Голгофским крестом и литургическими надписями (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 14–15).

Упомянем еще ряд «старых» покровцов, возможно, служивших завесами затворенного киота (в этом случае надо признать его более раннее происхождение); поскольку их сюжеты – образы Одигитрии и архангелов Михаила и Гавриила – повторяли изображения на створах. В момент составления описи они, как и другие четыре пядничные убрусцы, функции которых не вполне понятны, лежали в алтаре и были на грани исчезновения («истлели»): «Да другой покровец тафта лазорева, на нем вышит крест золотом. А около креста архангели Михаил и Гаврил шиты золотом, по концом дороги полосатые. И те оба покровца истлели» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 15); «да четыре пелены невеликие мерою в пядницу. Пелена камка желта узорчата, а на ней крест сажан жемчюшком мелким. Другая пелена камка зелена, а на ней образ Пречистые Богородицы Одигитрие шит шолком багровым, венцы золотом. Третья пелена черлена, а на ней шит крест золотом. Четвертая пелена тафта зелена, а на ней крест шит золотом, а подпись серебром. И те четыре пелены лежат в олтаре все изотлели» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 16 об.).

Одна из этих тканей, возможно, из зеленой тафты с золотым Голгофским крестом и серебряными надписями, должна была служить шторкой и – как особую святыню – прикрывать обнаженную стопу Младенца (Стерлигова, 2001). Эта завеса, как характерная особенность Тихвинской иконы, закрывающая ее нижнюю часть с телом Иисуса, известна по целому ряду живописных изображений и прорисей второй половины XVII в. Слегка отдернутой завеса показана во время целования святыни – обнаженной пяточки Христа в сцене царского посещения Тихвина и установления общежительного монастыря на четырехчаст-

---

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 74. Л. 3. В описи 1648 г. описан так: «У Пречистые Богородицы убрус дороги червчатый, а по концом сажено жемчюгом по черной земли з дробницами. Пожаловала блаженные памяти государыня царица и великая княгиня Евдокея Лукияновна» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 102. Л. 10 об.).

ной иконе Родиона Сергиева 1660 г. (рис. 6)⁶. Можно думать, что образ, потаенный энхерионом в обычное время, приоткрывали в отдельных случаях – специально для поклонения и лобзания, а потом его вновь задергивали тканью.

Наконец, вверху киота возвышалась небольшая, меньше пядницы икона Отечество, обложенная сканым серебром и эмалями.

Исходя из самой ранней описи 1612 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 2. Л. 1 об.), в которой нет первой тетради и поэтому отсутствует описание чудотворной Одигитрии, а также всех последующих переписных книг, рядом с Тихвинской Богородицей на соседней – южной грани столпа – размещался еще один местнотимый образ – поясного Николая Чудотворца, имевший свой богатый убор, приклады и подвесные пелены. Экспозиционно обе иконы были объединены, так как над ними возвышался широкий и длинный киот, охватывающий обе грани столпа, где в трех рядах стояли 26 пядниц (следовательно, около метра в высоту). Этот своеобразный «Г»-образный иконостас, где под нижними иконками подвешивались небольшие пелены, появился в соборе еще в XVI в. и был упомянут на уцелевшем первом листе переписной книги 1612 г.

Почти забытая к XIX столетию древняя икона свят. Николая пользовалась не меньшим почитанием и воспринималась в паре с чудотворной Одигитрией. Этим объясняется их соседство на одном столбе, а также эпизоды Сказания, прежде всего явление чудотворца вместе с Богородицей пономарю Юрышу, одновременное создание Большого и Никольского Беседного монастырей, устройство верхнего придела в честь святителя в самом Успенском соборе. Главные вкладчики одаривали обе иконы драгоценными прикладами. Так, 30 мая 1641 г. царица Евдокия Лукьяновна «прислала ко пречистые Богородицы чудотворные образы Тивинские в приклад золотой, да к Николиному образу, что подле чудотворного образа, в приклад золотой же» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 74. Л. 3 об.). Молитвенные обращения к ним часто следовали друг за другом и сочетались в поминаниях: 8 марта 1640 г. «дал вкладу в дом пречистые Богородицы государев боярин князь Борис Михайлович Лыков денег двесте рублей и за сто рублей велел поминати князя Михайла Юрьевича на рати убиенного да кнгиню Ефимию иноку Евросинию схимницу. А за другие сто рублей велел Бога молити и Пречистую Богородицу и великого чудотворца Николая о зравии князей Емельяна, и о княгине Анастасии и от них чадородия» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 75. Л. 65).

---

⁶ ГРМ. Инв. № ДРЖ 2664. Размеры: 152 × 115. Воспр.: Пречистому образу, 1995. Кат. № 131. С. 208–209.

Последующие описи неизменно фиксировали одновременное появление на гранях столпа над обеими почитаемыми иконами новых образов. Так в 1648 г. Одигитрию венчало изображение Явления Богоматери Сергию Радонежскому, в пандан которому над «Николою Чудотворцем на столпе же образ преподобной чудотворец Александр Сверский», оба обложенные басменными окладами (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 114. Л. 14 об.).

Богато оформлялось и пространство перед ними. Около киота с чудотворной Тихвинской, видимо, на отдельной полке с подвесной пеленой стояла оловянная кружка для пожертвований. У обеих граней столпа возвышались три восковые свечи с оловянными надсвечниками – так называемые «тощие» свечи, полые деревянные туловища которых расписывали разноцветными орнаментами⁷. Перед Одигитрией на медном светильнике была установлена драгоценная серебряная чаша – лампада с вырезанными словами летописца 1638 г. «дачи» боярина князя Ивана Ивановича Шуйского (рис. 7, 8), о чем свидетельствует и опись⁸, и надпись на дошедшей до нас нижней чаше, исполненная вязью и широкой золоченой лентой опоясывающая венец⁹: *«Лета 7146 (1637, 1638) г[о] го(ду) устроена сия ла(м)пада во преч[е](с)тную великую обите(л) Преч[и](с)т[и]я Б[огороди]цы че(с)тна(го) и славна(го) Ея У(с)пения и честнаго и славнаго Е(я) Одиги(т)рия чудотво(р)ныя иконы Ти(х)фи(н)ски(и) м[о]н[а](с)т[ы]рь при г[о](с)[у]д[а]ре ц[а]ре и велико(м) кн[я]зе Михаиле Фёдоровиче всеа Руси при е(го) бл[а]гове(р)но(и) ц[а]р[и]цы и велико(и) кн[я]з[и]ниЕ(в)докеи и при и(х) Бл[а]горо(д)ны(х) чаде(х) повелениемъ раба Божия кн[я]зя Ивана Ивановича Шуй(с)ко(го) во [и]ноце(х) Ионы при настоятели То[я] же че(с)тныя и великия обители игумене Герасиме з бра(т)ею». Исполненная московскими серебряниками по заказу И. И. Шуйского лампада была вложена в монастырь в память о нем его племянником князем С. В. Прозоровским, приславшим ее в марте 1639 г. уже после смерти дяди: «прислал князь Семен Васильевич Прозоровской в монастырь ко Пречистые Богородице пред чудотворным образом Пречистые Богородицы лампаду серебряную с подносом. Около лампы летописец и*

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 18 об. Таких памятников сохранилось сравнительно много, например, близкий по времени подсвечник середины XVII в. из Климентовской церкви посада Уна Архангельской губернии (ГРМ. Инв. № ДРД-440). Осень русского Средневековья, 2018. Кат. № 155. С. 161.

⁸ «Да перед чудотворным же образом прежней медной лампы стоит подсвешник, а на том подсвешнике поставлена лампада серебряна резная золочена, а подпись на той лампаде слова болшие резные “Дача боярина князя Ивана ивановича Шуйского”. А под лампадою золочено по местам» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 19).

⁹ ГРМ. Инв. № БК-3015. Серебро; чеканка, гравировка, золочение. В. – 36,5; дм – 50,5. Пост. в 1928 из Успенского Тихвинского монастыря через ГМФ. (Осень русского Средневековья, 2018. Кат. № 44. С. 52).

поддон по местам золочен. А поставлена та лампада по государеве боярине князе Иване Ивановиче Шуйском во иноце Ионе и по его сродниках» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 61. Л. 8 об.). До нас дошла лишь нижняя часть произведения – чаша на стояне без упомянутого подноса и верхней крышки со светильниками, облик которых можно восстановить по фотографии начала XX в.¹⁰ (рис. 8). Согласно монастырским описаниям, в эту чашу наливался воск и «в середине его зажигалось несколько светилен» (Бередников, 1888. С. 133).

Рис. 7. Лампада. 1638 год. Москва. Вклад Ивана Ивановича Шуйского в Большой Успенский Тихвинский монастырь. ГРМ

Здесь же около столпа с иконой стоял еще один обложенный серебром басменным, деревянный светильник, а сверху свисало медное паникадило (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Л. 19).

---

¹⁰ Фотоархив ИИМК РАН. Инв. № III-9986. Подпись: «Подсвечник из Успенского собора. XVI в. Фото начала XX в.».

Рис. 8. Лампада. 1638 год. Москва. Вклад Ивана Ивановича Шуйского в Большой Успенский Тихвинский монастырь. Фото начала XX века. Архив ИИМК РАН III-9986

С середины XVII в. убор чудотворной иконы активно развивался, а зона поклонения ей усложнялась и увеличивалась за счет новых вкладов. Одним из них стала подвесная праздничная лицевая пелена, вложенная главным жертвователем монастыря, героем осады 1613 г. князем С. В. Прозоровским, впервые упомянутая в переписной книге 1653 г.: «В середине вышит образ Пречистые Богородицы Одигитрие же с Превечным Младенцем золотом и серебром по зеленой камки. Около слова тропарь и кондак шито серебром» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 151. Л. 8 об.). В последующих книгах описание уточняется: «Ризы и венцы и середина шито золотом, лица от шелков, на полях шит тропарь и кондак по зеленой камке серебром, подложена камкою зеленою» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 720. Л. 47); «опушена вокруг камкою зеленою с вышивными серебром словами тропаря “К Богородице прилежно”, подложено камкою зеленою» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 4. Д. 15. Л. 107 об.). Следовательно, вторая (после древней) праздничная лицевая пелена с образом Тихвинской иконы была вложена между 1650 и 1653 гг., что вполне согласуется со стилем дошедшего до нас памятника из собрания П. Д. Корина (ГТГ)¹¹ (рис. 9), до сих пор

¹¹ ГТГ. Инв. № ДР 413. Размеры: 100 × 95. (Антонова, 1966. Кат. № 46. С. 65. Ил. 60; см. также: Преображенский, 2010. С. 255–262).

не связываемого с убранством Успенского собора. Идентифицировать его как вклад С. В. Прозоровского (Шалина, 2022. С. 186–190) позволяет не только подробное описание переписных книг и авторов XIX в. (Бередников, 1859. С. 94–95), но и фотография 1911 г. (рис. 10)¹², сделанная для выставки 15 Археологического съезда в Новгороде (Каталог, 1911. № 159–160. С. 36), где пелена демонстрировалась наряду с другими тихвинскими произведениями.

Рис. 9. Богоматерь Тихвинская, с текстом тропаря и кондака.
Шитая пелена. Москва, 1651–1653.
Из собрания П. Д. Корина. ГТГ

¹² РЭМ. Инв. № 2792-3. По данным инвентарной книги музея: «Пелена церковная с изображением Божией Матери из Тихвинского Успенского монастыря».

Рис. 10. Богоматерь Тихвинская. Шитая пелена.
Фотография 1911 г. РЭМ

Опись 1660 г. свидетельствует о креплении над чудотворной иконой нового бруса, оббитого «белым железом басменным через место изнавожено красками» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 187. Л. 15). Из текста не вполне ясно его назначение; по всей вероятности, он служил подставкой для верхнего яруса икон. Тогда же в зоне реликвария, помимо упомянутых ранее светильников, появляется небольшой покрытый тканями «столец, а на нем покров выбойка розных цветов травчатая» с рукописным Евангелием, обложенным серебряным басменным окладом с резными изображениями Распятия и евангелистов и благословляющим медным резным крестом, свечами, на которых «писан» тропарь и кондак Одигитрии. «Покров над тем столом средина объярь мишурная опушена бархатею зеленою по червчатой земле» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 187. Л. 15). Этот аналой – как

важнейший элемент оформления иконы изображается на многочисленных миниатюрах со сценами исцеления и моления у чудотворного образа¹³ (рис. 11).

Рис. 11. Исцеление слепого у иконы Богоматери Тихвинской.
Миниатюра рукописи Сказания о чудесах иконы Богоматери Одигитрии.
1780-е гг. РНБ. ОЛДП. Ф. 38. Л. 126

¹³ РНБ. ОЛДП. Ф. 38. (Воспр. см.: Сказание, 1892; факс. воспр. рукописи: Книга об иконе Богоматери, 2004).

Приходо-расходные книги за 1655 г. сообщают о создании серебряного позолоченного креста, который венчал киот с иконой¹⁴. Еще один вклад князя И. С. Прозоровского, привезенный в монастырь 28 января 1660 г., насчитывал 403 зерна жемчуга, которым «обсажен у пречистые Богородицы у чудотворной иконы у цаты по нижнему краю» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 177. Л. 11).

Крупные работы, связанные с убранством вокруг самой Одигитрии, до того помещенной лишь в обложенный серебром створчатый киот с живописными фигурами ангелов, начались в 1663–1665 гг., когда по приказу архимандрита Иосифа III был существенно изменен облик всей юго-западной зоны. Сначала появилась живописная рама со сценами чудес и явлений образа: «Около киота Пречистые Богородицы чудотворные иконы по странам иверху писано Явление Пречистые Богородицы и чудеса на золоте. По странам у Явления Пречистые Богородицы около чудес поставлены столбцы, а на них поместом написаны святые на золоте» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 213. Л. 17). Размеры этой рамы, были довольно крупными, поскольку она «П»-образно («по странам иверху») обрамляла новый резной киот, включающий икону со створками. Учитывая размеры святыни (89 × 66 см) и ширину досок с архангелами (около 66 см), которые в сложенном виде должны были полностью закрывать изображение Одигитрии, ширина киота не могла быть менее 140 см. если прибавить к этому величину двух клейм по сторонам (не менее 30 см) и столбиков со святыми (не мене 10–15 см каждый), придется признать, что конструкция занимала всю поверхность грани столпа (200 см). Живописная рама была исполнена в 1664 – начале 1665 г. Родионом Сергиевым «с товарищи» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 206. Л. 105) и, видимо, по составу сюжетов и стилю повторяла число (23–24) композиций шести четырехчастных икон того же мастера (ГРМ), в 1660 г. поставленных на паперти по сторонам окна, выходящего на саму святыню, визуальное также обрамлявших образ Одигитрии (рис. 6). Нет сомнений, что иконография обоих памятников восходила к лицевой рукописи новой редакции Сказания о чудесах (Книги о Тихвинской), составленного и украшенного миниатюрами в 1658 г. тем же Родионом Сергиевым¹⁵.

---

¹⁴ Запись помещена под 26 апреля 1655 г.: «делан в соборную церковь пречистые Богородицы к чудотворному образу Одигитрии на киот крест серебряной весом 28 золотников, а числом 4 ефимка, да на золочение изошло пол золотово» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 154. Л. 98; Д. 155. Л. 99).

¹⁵ Рукопись не сохранилась, описана: Башуцкий, 2014. С. 70–71; Бередников, 1859. С. 104. № 18. Строев. 1882. С. 118–119. В какой-то степени судить об утраченной богато иллюстрированной миниатюрами рукописи можно по наиболее полному ее позднему иллюминированному списку 1780-х гг. (РНБ. ОЛДП. Ф. 38).

Как свидетельствует опись, сцены явлений фланкировали два вертикальных столбца с образами святых, возможно, соименных членам царского дома.

Возвышавшийся над иконой в 1640 г. шитый деисус, вложенный С. В. Прозоровским, был снят и перенесен в алтарь, а на его месте поставлена вновь написанная Родионом Сергиевым икона Живоначальной Троицы¹⁶ и упомянутый выше обложенный в 1655 г. серебром крест с Распятием и святыми, обрамленными херувимами.

Над всей этой сложной живописной конструкцией распростерлась монументальная многосоставная деревянная сень «в трех поясах с главками», украшенная позолотой и просечным золоченым железом. Автором этой «коруны»-реликвария стал келарь Кирилло-Белозерского монастыря Павел Ремезов (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 182. Л. 517–517 об.), глава мастерской резного дела, работавший по заказам Строгановых и над убранством храмов северных городов, а до пострижения – Петр, знаменщик Царицыной Мастерской палаты и «резец первой руки» в Оружейной палате Московского Кремля (Словарь русских иконописцев, 2009. С. 523), выполнявший работы в столичных дворцах, резавший царские врата и иконные киоты для Чудова и Высоко-Петровского монастырей, строящихся церковей в Измайлове (Мальцев, 2001. С. 44–45). О создании этого грандиозного сооружения архимандрит Иосиф и келарь Иона Баранов «сговорились» с Павлом Ремезовым еще в феврале 1662 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 182. Л. 516 об.), и по этому «уговору» сень резали в течение двух лет в Кирилло-Белозерском монастыре. Затем в разобранном виде ее перевезли в Тихвинский монастырь, где во время летнего сезона 1664 г. мастер вместе с кирилловскими резчиками, токарями, плотниками и кузнецами устанавливал ее на месте и доводил до совершенства, освятив на праздник Успения. Получив за работу огромные по тем временам деньги (100 рублей), Павел Ремезов активно распространял списки с чудотворного образа: размещенные в резных киотах собственной работы они стояли в Кирилло-Новоезерском и Соловецком монастырях, Успенского собора Устюга и др.

Резная трехъярусная сень шириной 2 м сложной конфигурации с тринадцатью главами, завершенными «яблоками» и крестами, опиралась на столбцы с живописными изображениями святых и занимала всю

---

¹⁶ «Да в прежних переписных книгах написано над киотом Пречистые Богородицы во главе вышит деисус золотом впятером <...> а в то место над киотом Пречистые Богородицы чудотворные иконы написана вновь Живоначальная Троица. На Троицею крест обложен серебром басменным золоченым, по концам четыре камешка з жемчюги. В середине креста Распятие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа серебряное вольяшное. На ручках святые серебряные вольячные же. Вверху у Троицы и около креста по сторонам четыре херувима серебряные же чеканные золочены» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 213. Л. 16–17).

западную грань юго-западного столпа. Между регистрами размещались резные золоченые херувимы и серафимы. С конструкции свисали крупные шелковые с жемчугом кисти с серебряными решетчатыми яблоками и четыремя страусовыми яйцами¹⁷. Между херувимами в круглых резных клеймах были вставлены небольшие живописные образы письма Родиона Сергиева (СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 206. Л. 44): по центральной оси над чудотворным образом возвышалось Отечество, ниже Спас Нерукотворный, под ним Господь Саваоф; в нижнем поясе – Деисус и святые (видимо, восемь фигур, названных при расплате «малыми»), а «в ысподе» «писан литописец слова золоченые». Скорее всего, для снятия размеров и формы этих живописных вставок иконописец специально ездил в феврале 1663 г. «на Белоозеро в Кириллов монастырь» (СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 182. Л. 413–413 об.).

Единственной аналогией облику не дошедшей до нас монументальной пирамидальной сени Павла Ремезова является навершие киота, вырезанного в те же годы в виде часовни для статуи Николая Можайского для Воскресенского собора Романова-Борисоглебска¹⁸. По размерам она почти в два раза уступает тихвинскому сооружению, но также является многоярусным «храмовым» строением с главками, башнями, прорезными деталями и живописными вставками (рис. 12).

Примечательно, что над всей конструкцией реликвария, которая в высоту должна была занимать не менее 3,5 метров, на той же грани столпа в отдельном киоте была установлена еще одна крупная местная икона Похвалы Богородицы, написанная еще в 1655 г. Родионом Сергиевым (Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 154. Л. 79 об.; Д. 155. Л. 80 об.) и позднее замененная образом «Достойно есть». Симметричная композиция располагалась на южной грани над изображением мирликийского святителя: среднюю по размерам икону Знамения со святыми (Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 245. Л. 22 об.–23) заменили большим образом: «на правой стороне подле сени пречистые Богородицы чудотворные иконы над месною иконою Николы Чюдотворца в киоте образ пречистые Богородицы Коневския» (Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 297. Л. 19).

---

¹⁷ Этот распространенный элемент подвески в виде оплетенных драгоценными металлами «строфокамиловых» яиц (диам. 11–12 см, выс. 14–15 см) в убранстве интерьера чаще крепился к светильникам. Редкий случай сохранения его *in situ* – на четырех паникадилах (XVII и XVIII вв.) Рождественского собора Суздальского кремля. Конструкция оправы состояла из круглых металлических дисков, расположенных на верхнем и нижнем концах яйца и изогнутых в соответствии с его формой, которые соединяются между собой узкой оплеткой, закрепленной при помощи петель. К каждому из дисков крепится кольцо: на нижнее – подвешивается кисть из шелковых и золотных нитей, а верхнее – служит для крепления к паникадилу.

¹⁸ ГРМ. Инв. № ДРД-458. Оpubл.: Осень русского Средневековья, 2018. Кат. № 109. С. 113.

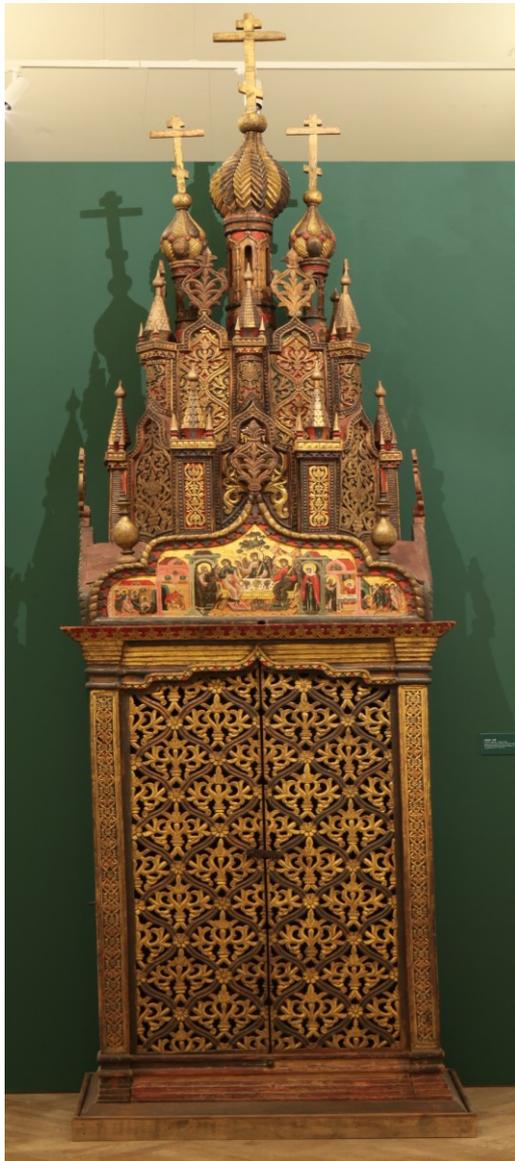

Рис. 12. Киот-сень для статуи
свят. Николая из Воскресенского собора
Романова-Борисоглебска.
Около 1654 года. ГРМ

денца подпись низано жемчугом, а около слов в середине и по краем поясов шит серебром, а около образа Пречистые Богородицы и Превечнаго Младенца, низано жемчугом в одну неть, а около пелены шит тропарь и кондак серебром по червчатому отласу, подложена киндяком таусинным. Дача боярина князя Якова Куденетовича Черкасского. Другая пелена по зеленому отласу шита золотом и серебром, образ Ни-

Эти перестановки подтверждают, что комплекс по-прежнему состоял из двух икон, чем объясняется и парный характер целого ряда одновременных вкладов. Важнейший из них явно был инициирован крупными работами, связанными с обновленным убранством вокруг чудотворной иконы. Речь идет о появлении между 1660 и 1665 гг., и скорее всего, после создания новой сени, двух драгоценных лицевых пелен, вложенных в Успенский собор главным ктиторм монастыря князем Я. К. Черкасским. Судя по описанию, они имели не только одинаковые композиции: шитые золотом и серебром лицевые изображения Богоматери Тихвинской и Николая Чудотворца в средниках, окруженных широкими каймами с молитвенными надписями тропарей и кондаков (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 213. Л. 92 об. – 93), – но и размеры, и явно представляли собой единый ансамбль, исполненный в одной мастерской. «Пелена Пречистые Богородицы Одигитрия Тихфинские шита золотом, венцы и ризы низаны жемчугом, около слова. У Пречистые Богородицы и у Превечнаго мла-

колы Чюдотворца, подпись около слова тропарь и кондак шито серебром, в середине и по сторонам около слов плетенок шит серебром, подложена киндяком темно-вешневым. Дача боярина князя Якова Куденетовича Черкасского» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 213. Л. 92 об.–93).

Обе шитые пелены, начиная с описи 1665 г., прослеживаются по всем переписным книгам и сохранялись в монастыре вплоть до начала XX в. В 1697 г. уточняется цвет каймы второго памятника: «Пелена образ Николая Чюдотворца шито золотом и серебром по зеленому отласу, около тропарь и кондак шит золотом и серебром по тому же зеленому отласу» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 775. Л. 47), а в 1795 г. указан другой оттенок подкладки: «Пелена отласная зеленая на ней вышит золотом и серебром и шелками образ святителя Николая чудотворца. Вокруг шито в серебром тропарь и кондак, подложена киндяком синим» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 4. Д. 15. Л. 107 об.). Я. И. Бередников, составитель историко-статистического описания Тихвинского монастыря, выделял этот убрис наряду с двумя упомянутыми пеленами с Тихвинским образом среди других шитых изделий: «Пелена зеленого атласа с вышитым золотом, серебром и шелками образом Св. Николая Чюдотворца, по опушке коей вышиты серебряною вязью тропарь и кондак Свяителю: “Правило вере и образ кротости воздержанию учителя яви тя стаду твоему яже вещей истиннаго сего ради стяжал смирением высокая нищетою богатая отче Николае моли Христа Бога спастися душам нашим. В мирех Святе Николае Святитель явился Христово бо днесь Преподобне Евангелие исполнив положил еси душу свою за люди и спасл еси неповинныя от смерти сего ради освятился еси яко великий таинник Божия благодати”» (Бередников, 1859. С. 95). Обе пелены были отобраны на выставку XV Археологического съезда в Новгороде¹⁹, а о поди с изображением свят. Николая мы можем судить по сделанной тогда же и уцелевшей черно-белой фотографии²⁰ (рис. 13). Запечатленный на ней образ чудотворца позволяет идентифицировать его с произведением из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника, поступившим туда во время войны²¹ (рис. 14). Скорее всего, это было связано с наступлением Советской Армии и возвращением какой-то части награбленного фашистами имущества, в том числе Тихвинского монастыря.

¹⁹ Каталог выставки, 1911. Кат. № 157. С. 35. Приведены ошибочные сведения о вкладчике произведения.

²⁰ РЭМ. Отдел фотографий Инв. № 2792-1/1 и № 2792-1/2. Пелена церковная с изображением Божьей Матери. 1913 г. Вторая – Инв. № 2792-2/1. Поступила в 1919 г. В инвентаре музея записана как: «Пелена церковная из Тихвинского Успенского монастыря».

²¹ СПМЗ. Инв. 4919-ИХО, КП ИХО 10041. Размеры: 70 × 55. Атлас, шитье шелковыми, золотными и серебряными прядеными нитями. Поступила из Управления по делам искусств при Совнарком РСФСР в 1944 г. (См.: Русское искусство, 2000. С. 270. Кат. № 42. Ил. 39).

Рис. 13. Свят. Николай Чудотворец, с текстами молитв.
Шитая пелена. Фотография 1911 г. РЭМ

Памятник дошел до нас фрагментарно в виде средника с изображением святителя Николая, кайма с надписью и подкладка оказались утраченными. Однако значительные размеры уцелевшей части (70 × 55 см) свидетельствуют, что задумывался он как большая праздничная пелена к местной иконе. Судя по пропорциям каймы, первоначально она составляла около 103 × 88 см и была аналогичной парному образу Богоматери Тихвинской, которая подвешивалась в это время под икону, уже окруженную рамой с клеймами. На утраченных полях рассматриваемого убруса были вышиты тропарь и кондак святителю, верно прочитанные Я. И. Бердниковым.

Рис. 14. Святитель Николай Чудотворец.
Шитая пелена. Москва, 1664. Вклад М. Я. Черкасского
в Успенский собор Тихвинского монастыря. СПМЗ

Опись 1665 г. запечатлела и новые приклады в виде женских украшений к чудотворному образу Одигитрии: «положены вновь серьги серебряные камене бечета, кольца и бубеньчики золочено. На серьгах четыре жемчюжины. Положил те серьги в дом Пречистые Богородицы Софейского дому сын боярской Никита Тютрюмов. Вновь же положены

другие серешки маленькие двойчатки с камешки. На серьгах восемь жемчюшков круглых» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 213. Л. 16).

Декорация пространства вокруг иконы, явно спланированная изначально как целый комплекс работ, растянувшихся почти на четыре года, завершилась созданием фрескового убранства, которое в 1666 г. исполнил Родион Сергеев, расписавший лишь этот юго-западный компартимент. Роспись не сохранилась, ее заменили в 1795–1797 гг., позднебарочной живописью ярославских мастеров под руководством Логгина Шустова (Сиренов, Шалина, 2019), но иконографическую программу можно реконструировать по описанию выполненных работ в приходо-расходной книге от 7 октября: «По приказу архимандрита Корнилия с братьею дано иконнику Родиону Сергиеву от иконного настенного письма, что писал вновь Пречистые Богородицы в соборной церкви у чудотворного образа. Написан во главе Эммануилов образ во облаце, а облак держат ангели, и от всей той главе и от шеи и от сводов дано от писма 7 рублей. Да на полуденной стране написано Что ти принесем, Христе²², а пониже того Иоанн Дамаскин и преподобный Козма канонотворец, да тут же над окном херувим, а в окне на стороне написан преподобный Давид иже в Селуне, и от всей той стране дано от писма 5 рублей. Да на западной стране написано Неопалимая купина, како виде Моисей на горе, а пониже того пророк Илья в пещере, враном питаем, да на той же стране против чудотворной иконы написан ангел стоящей, да пониже того великомученик Федор Стратилат, да на той же стране внизу написаны святители Никита, Иоанн, Евфимей, Иона, Серапион новгородские чудотворцы, и от всей той стране дано от писма 5 рублей. Да над чудотворною иконою на столпе написаны два ангела, держат пелену над чудотворною иконою. А пелена написана на своде, а на той пелене крест, да на том же столпе на другой стране написал Похвала Пречистые Богородицы со пророки, аверху херувим, и от всего того столпа и от свода дано пять рублей» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 229. Л. 16–17 об.). Состав и расположение композиций подтверждает, что все они создавались как своеобразное живописное сопровождение главной монастырской святыни. Богородичные песнопения и образы гимнографов сочетались с ветхозаветными прообразовательными сюжетами и фигурами Ильи Пророка – предтечи христианского отшельничества, а также новгородских святителей, олицетворявших славу кафедры Святой Софии, в юрисдикции которой находился Тихвинский монастырь. Редкое изображение преподобного Давида

---

²² В описи 1668 г. она названа Собором Богоматери и указано ее местоположение над окном: «Да у чудотворного же образа вверху настенного писма во главе Превечный Младенец, по правой стороне над окном Собор пречистыя Богородицы, Неопалимая Купина. А по стенам и по столпам разных лики святых» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 297. Л. 19–19 об).

Солунского явно было вызвано тем, что его память приходится на один день с самой чудотворной иконой Одигитрии, а образ Феодора Стратилата мог напоминать о юном царевиче, сыне Алексея Михайловича (род. в 1661).

В следующем 1668 г. убранство было дополнено новой серебряной лампадой: «Перед чудотворным же образом лампада малая серебряная привешена на четырех цепочках же вновь при архимандрите Ионе» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 297. Л. 18 об.), – и резным на серебре образом Богоматери Владимирской, установленным прямо на киоте: «Да вновь у чудотворного образа пречистые Богородицы над коруной поставлен образ пречистые Богородицы Владимирские резной на серебряном листу золочен при архимандрите Ионе» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 297. Л. 18 об.). Столь редкое по технике исполнения произведение легко идентифицируется с вкладом главы Оружейной палаты Московского Кремля, о чем имеется запись во вкладной книге от марта (после 23 числа) 1667/68 г.: «Пожаловал в дом Пречистые Богородицы к чудотворному ея образу по своей праведной вере и по обещанию боярин Богдан Матфеевич Хитрово образ Пречистые Богородицы Владимирские на серебряном листе». К тому же в более поздней приписке уточняется: «икона что на киоте у чудотворного образа Хитрова» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115.1. Д. 75. Л. 31). Статус боярина окольничий получил в 1667 г., что соответствует именованию его в этой записи. Иконография московской святыни и особенности вкладной иконы «на рези» вполне вписываются в характер деятельности Б. М. Хитрово, вплоть до своей смерти возглавлявшего Оружейный приказ, в который входили приказы Иконный, Золотых и Серебряных дел. Боярин много сил прилагал к процветанию художеств, особенно созданию икон и драгоценной утвари, вкладывая их в различные храмы и монастыри, стал видным коллекционером произведений искусства. Примечательно, что монастырские власти при ежегодных поездках в Москву в числе наиболее важных лиц неизменно подносили Б. М. Хитрово украшенные окладами пядницы с образом Богоматери Тихвинской.

Еще одним нововведением этой зоны стало появление в юго-западном углу собора – вверху, возможно, на упомянутом ранее бруске, написанной на больших досках и установленной в самостоятельном киоте сцены Распятия с отдельно стоящими Богородицей, Иоанном Богословом, пророками Моисеем и Исайей. Сведений об авторе этой композиции обнаружить не удалось, возможно, речь идет об иконе, которую в 1655 г писал Родион Сергиев специально для Успенского собора (от 22 февраля: «дано <... > за писмо иконное денег 4 рубля писал в соборную церковь две иконы большие образ Воскресение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да образ Распятие Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 159. Л. 71 об.)). Отчасти это подтверждается изменением его местоположе-

ния: в 1660 г. Распятие в киоте стояло на юго-восточном столпе над келарским местом (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 187 Л. 56 об.–57), но в описи 1665 г. его уже нет, а в 1668 – композиция на отдельных досках появляется рядом с чудотворной иконой. Примечательно, что в тихвинском соборе вплоть до конца XVII в. главный иконостас не имел традиционного для эпохи завершения описанной сцены с предстоящими, но был дополнением зоны поклонения чудотворной иконе. Здесь оно простояло вплоть до конца XVIII в., причем в 1742 г. получило даже обрамление в виде резной позолоченной сени, которая прежде возвышалась над местным храмовым образом Спаса Вседержителя с правой стороны от царских врат (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 4. Д. 2. Л. 3, 7).

Не исключено, что установленное Распятие напоминало о сюжете Сказания о Богоматери Тихвинской, посвященного истории явления Богоматери и Николы пономарю Юрышу, повелевших поставить деревянный крест на новой церкви Успения, и чуду с церковным мастером, пытавшемся вопреки божественной воле поставить железный крест. Известно, что на месте видения была построена часовня, в которой хранилась эта реликвия, сделанная из «клади», на которой сидела «жена святая». В Сказании трижды описывается чудо спасения иконы Одигитрии и креста в время пожаров церкви и часовни. Впоследствии на месте последней был основан Николо-Беседный монастырь где на том же месте Распятие хранилось как почитаемая святыня (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 805. Л. 27).

Среди новых прикладов к убору иконы следует отметить появление драгоценных резных икон с Богородичными образами – московских и новгородских покровительниц, в глазах молящихся, множивших и усиливавших цельбоносные свойства тихвинской святыни. Помимо отмеченной Владимирской на серебряной пластине, к 1678 г. появилось изображение Одигитрии «на золотой цке»²³, присланное в монастырь известным протопопом Успенского собора Московского Кремля Кондратом Ильиным²⁴ – иконописцем, уроженцем Балахны, щедрым вкладчиком в ее городские храмы (Писцовая книга города Балахны 1674–1676, 1913. С. 19–20).

---

²³ Это приношение отмечает как опись 1678 г., называющая имя вкладчика (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 312. Л. 15), так и вкладная книга под тем же годом: «Да у чудотворного образа пречистые Богородицы приложено внов образ пречистые Богородицы Одигитрии на золотой цке положенье с Москвы успенского протопопа Кондрата» (СПбИИ РАН. Ф. 115. I. Д. 75. Л. 38 об.).

²⁴ «Настоятель богородицкий протопоп Кондратий упоминается в приписках к царским грамотам 1613 и 1625 гг. (Акты, 1998. С. 25). В 1652 г. он назван ключарём Успенского собора (Холмогоровы, 1884. Ч. 1. С. 138). Как иконописец Кондрат Ильин упомянут в «Повести о новоявленных чудесех» от образа Богоматери Владимирской (Оранской), написанной в 1662 г., содержится рассказ его участия в создании этой иконы (Шмидт, 1964; Словарь иконописцев, 2009. С. 350).

В том же году к киоту с иконой была подвешена панагия с изображением новгородской святыни – Богоматери Знамения («Да вновь же у чудотворного образа панагия, в середине под камнем хрусталем Знамение Пресвятей Богородицы в серебре со вставочки жемчужными») (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 312. Л. 15). Можно думать, это был вклад новгородского дворянина Семена Клеопина, отмеченного во вкладной книге того же 1678 г.: «Положил в дом Пречистые Богородицы к чудотворному ея образу по своей праведной вере и по обещанию обонежские пятины Семен Савинов сын Клеопин прикладу понагею серебряную с верхней стороне скань позолочена в середине камень хрустал около понагея мо местам 13 жемчужин болших и малых» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 75. Л. 38). Имя Семена Клеопина, встречается среди тихвинских вкладчиков (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 182. Л. 49), а также неоднократно в обыскных речах обонежских жильцов во время разбирательства монастыря с помещиком П. Арцыбашевым в 1673 г. (Шереметов, 2018; Шереметов, 2019). Послан он был туда в качестве сыщика по приказу новгородского воеводы боярина П. В. Шереметева и по поручению митрополита Иоакима. С. Клеопин занимал сторону монастыря и поддерживал тесные связи с его администрацией, и, видимо, пожертвование его было отнюдь не случайным.

Последний по времени крупный вклад к чудотворной иконе приходится на годы расцвета монастырской жизни и активного украшения интерьера Успенского храма при новом архимандрите Варсонофии (1678–1680). По его повелению был обновлен состав местного ряда главного иконостаса, для которого Родион Сергиев написал храмовую икону Богоматери Тихвинской, окруженную клеймами с чудесами (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 352. Л. 241 об.; Мильчик, Шалина, 1996), следовавшую иконографии лицевой Книги об Одигитрии 1658 г. и созданным после этого изображениям на раме вокруг чудотворного образа. Тем самым единообразие подверглись все памятники с историей явлений и чудес тихвинской святыни.

Тогда же в монастыре появилась крупная подвесная пелена с ее лицевым образом и двумя архангелами, пожертвованная в монастырь московским стольником С. Г. Дохтуровым. Запись об этом содержится во Вкладной книге: «1681 генваря 4 пожаловал в дом Пречистые Богородицы к чудотворному ея образу Одигитрия по своей рачительной вере и по предваршему обещанию столник Стефан Герасимов Дохтуров пелену, а на ней образ пречистые Богородицы Одигитрия с предвечным младенцем, шит золотом и серебром и шелки по червчатому атласу. Около Спаса и Богородицыны лица низана жемчугом мелким в одну нить опушена отласом зеленым. По сторонам шиты два архангела золотом и серебром шелки около венцы низаны жемчугом, мелким же в две нити. Вверху и внизу шит тропарь золотом по зеленому отласу. Тритцать три кисти с ворворки разных шелков с золотом и серебром.

Подложена тафтою червчатою, ценою за 50 рублей. И против того вкладная дана» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 75. Л. 49).

Имея большую веру к чудотворной иконе Богородицы, «в нынешнем во 194 (1685/1686) году генваря <...> приезжал в дом Успения пречистые Богородицы молитися столник Степан Герасимович Дохтуров с матерю и з братом и подания их <...> на стол братии денег четыре рубля 33 алтын, а как в Олександров монастырь ездил на конюшен, да <...> кормил 22 лошадей да людей четырех» (ОР РНБ. Ф. 463. Д. 164. Ст. 1). Еще задолго до вклада пелены, в приходо-расходных записях 1671–1673 гг. успенские старцы отмечают поднесение ему в Москве «в почесть» окладных богородичных образов и рыбы (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 14. Д. 240. Ст. 8; Картон 15. Д. 2; Картон 16. Д. 2. Ст. 4), что обычно было связано как с высоким статусом и полезностью чиновника для монастырских нужд, так и с почитанием важных ктиторов.

Запись во Вкладной книге была сделана не сразу, поскольку пелена зафиксирована в более ранней церковной описи, составленной в июне 1680 г., и по содержанию чрезвычайно схожей с предыдущим источником: «Пелена образ Пречистые Богородицы шит золотом по червчатому отласу, по сторонам архангели шиты золотом и серебром по зеленому отласу, лица шолки, у Богородицы и у Превечнаго Младенца кругом лиц низано жемчюшком, у архангелов около лиц и венцов низано жемчюшком же в одну нить, над главою и внизу тропарь “К Богородице прилежно ныне притецем” шито золотом по зеленому отласу, по нижнему краю тритцать три кисти разных шолков з золотом и серебром, подложена тафтою червчатою» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 404. Л. 46 об.). Переписная книга 1770-х гг. упоминает появление боковых полей из красной камки, не существующих ныне, видимо, ставших результатом приспособления пелены к новой системе подвески: «и у архангелов же з двух сторон нашита камка красная» (РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 662. Л. 81–81 об.).

Убрус с архангелами выделен среди шитых лицевых изображений Богородицы Тихвинской в книге Я. И. Бередникова, с неточной датой 1682 г. и именем вкладчика (Бередников, 1859. С. 95–96); с теми же сведениями он был опубликован в каталоге выставки XV Археологического съезда в Новгороде (Каталог, 1911. Кат. № 158. С. 35). В процессе ее подготовки осуществлялась черно-белая фотосъемка важнейших экспонатов, в том числе и рассматриваемого памятника, уцелевшая в архиве РЭМ²⁵ (рис. 15). Она позволяет идентифицировать его с шитой

---

²⁵ Судя по изображению, к этому моменту уже не было жемчужной обниси вокруг ликом и нимбов.

пеленой из Музея икон в Реклингхаузене (рис. 16)²⁶. Надо думать, в Германии памятник оказался во время войны и вывезен из монастыря одновременно с чудотворной иконой Богоматери, поскольку есть свидетельства о пребывании по пути туда во Пскове не только самого образа, но и «серебряных створок киота и шитых золотом пелен» (Колесникова, Гарклавс, 2004. С. 49).

Рис. 15. Богоматерь Тихвинская. Шитая пелена. Москва, 1680.
Вклад Степана Герасимовича Дохтурова в Успенский собор
Тихвинского монастыря. Фотография 1911 г. РЭМ

---

²⁶ Инв. № 902. Размеры: 118 × 105. Приобретена у частного лица в 1986 г. Министерством культуры земли Северный Рейн-Вестфалия (Хауштайн-Бартш, Бенчев, 2008. С. 183, ил. 167). Впервые пелена отождествлена на основании сведений в литературе XIX в. (Преображенский, 2010).

Рис. 16. Богоматерь Тихвинская. Шитая пелена. Москва, 1680.
Вклад Степана Герасимовича Дохтурова в Успенский собор Тихвинского
монастыря. Музей икон в Реклингхаузене (Германия)

Иконография и крупные размеры ткани (118 × 105), заметно превышающие габариты древнего образа, отражают новый монументальный облик реликвария. Пелена подвешивалась под киот, который включал боковые створки с изображениями архангелов. Надо сказать, что такой иконографический тип Тихвинского образа активно складывается со второй половины XVII в., когда их фигуры воспринимаются не только как часть обрамления, но и как важнейшая составляющая святыни, ее небесный кортеж, охраняющий Царицу небесную, превращающий икону в вечно длящееся чудесное явление «на воздухе». Это корреспондирует с известной иконографической формулой изображения Спаса Нерукотворного на убрусе, где ангелы поддерживают и демонстрируют священный отпечаток Лица как реликвию. Напомню, что

аналогичная схема также была вторичной по отношению к самому Мандилиону и сложилась далеко не сразу (Шалина, 2017. С. 141–156). По той же формуле Родион Сергиев изображает несомый по небу ангелами чудотворный образ в миниатюрах его рукописи лицевого Сказания (1658), и здесь же впервые появляется изображение иконы со створами, композиционно закрепленное в иллюстрирующих это сочинение сценах шести крупных четырехчастных икон 1660 г. (ГРМ) (рис. 6). Также представлено явление образа на воздухе в клеймах происходящей из Тихвина иконы «Богоматерь Одигитрия со Сказанием» последней трети XVII в. (ГИМ) (Хотеенкова, 2007. С. 244. Кат. № 115. Ил. 115.16), и на одноименном образе 1679/1680 г. из Одигитриевской церкви в Калуге (ЦМиАР) (Салтыков, 1981. Табл. 180–182), созданном в один год с вкладом С. Г. Дохтурова.

К концу XVII столетия можно отметить еще одну редкую черту оформления юго-западного компартамента: Тихвинская икона получила свое зеркальное отражение на западной стене, где поставили украшенный серебряным окладом с венцами образ «в ее меру и подобие», к тому же повторяющий трехстворчатую конструкцию киота: «з затворы писаны архангелы Михаил и Гавриил», а на каруне писана Троица и иные святые (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 720. Л. 23).

Судя по описи 1695 г., к этому времени на иконе насчитывалось более 100 прикрепленных драгоценных прикладов, вместе с чеканной ризой скрывающих всю ее живописную поверхность, в какой-то мере даже личное, перед которым свисали длинные нити рясен и прикрепленные к коруне «серебряные золоченые чашки с кистями». Последние были вкладом Михаила Яковлевича Черкасского, который прислал их в феврале 1689 г. «по своей праведной вере <...> с келарем иеромонахом Феодосием 8 чашек серебряных водворки низаны жемчугом. Привески четыре чашки Пречистые Богородицы в соборной церкви у чудотворного образа в коруне, а другие четыре чашки у паликадила» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. I. Д. 75. Л. 11–11 об.).

Таким образом, торжественное и богатое окружение Тихвинского образа, в отличие от подавляющего большинства почитаемых богородичных икон, всегда остававшегося на своем месте в далеком от Москвы «новгородском пределе», на протяжении всего XVII в. было достойно украшению государственного палладиума. Анализируя отдельные части убранства чудотворной иконы, следует признать, что многие из них, например, шитые пелены, были уникальными как по числу, так и по традиции лицевых изображений, что также не знало себе равных среди других прославленных образов. По облику самого реликвария с золоченой резной многосоставной сенью, дожившей вплоть до конца XVIII в., когда ее сменила не менее редкая металлическая конструкция, а также по числу приложенных драгоценных приношений, кузни и тканей, оно также выгодно отличалось от других русских святынь, даже самых главных, подобно Владимирскому образу в Успенском соборе.

Литература и источники

Акты Российского государства: архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. / РАН, Ин-т рос. истории и др.; подгот. Т. Н. Алексинская и др. М.: Ладомир, 1998. 733 с.

Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М.: Искусство, 1966. 187 с.

Башуцкий А. П. Тихвинские монастыри: Большой Богородицкий, Дымский Антониев, Беседный Николаевский, Введенский девичий. СПб.: Тип. К. Винтебера, 1854. Переизд.: СПб.: Тихвинский Успенский монастырь, 2014. 128 с.

[Бередников Я. И.] Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в городе Тихвине. Издание Тихвинского Большого Монастыря. СПб.: Тип. Деп. внешней торговли, 1859. [4], 135, [1], XLI с.

[Бередников Я. И.] Историко-статистическое описание Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в городе Тихвине. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1888. 219, 3, XL, 2 с.

Георгиевский В. Т. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М.: Главнаука, 1927. 77 с.

Каталог выставки XV Всероссийского Археологического съезда в Новгороде. Отдел II Церковный. Дополнение к каталогу выставки Всероссийского археологического съезда в Новгороде отдел II (Церковный) / сост. А. И. Анисимов, Новгород: Тип. М. О. Селиванова, 1911. 5, 47, [1] с.

Качалова И. А., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. М.: Искусство, 1990. 388 с.

Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской: сказание о явлении и чудесах православной святыни / РНБ; предисл., пер. и комм. Е. В. Крушельницкой. СПб.: Рус. Симфония: РНБ, 2004. 252, [1] с.

Колесникова Л. А., Гарклавс А., протоиерей. Возвращение. Тихвинская икона Божией матери. СПб.: АРС, 2004. 76 с.

Мальцев Н. В. Мастер резного киота иконы Тихвинской Богоматери Пётр (Павел) Ремезов // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание: тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург – Тихвин, 24–27 октября 2001 года / ред.-сост. И. А. Шалина. СПб.: Открытое общество, 2001. С. 44–45.

Мильчик М. И., Шалина И. А. Икона «Богоматерь Тихвинская» с 24 клеймами чудес и ее автор Родион Сергиев // ПКНО. 1994. М.: АН СССР, 1996. С. 181–196.

Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье: исторический очерк. Тихвин: Тихвинский уисполком, 1925. [2], 72 с.

Осень русского Средневековья. Искусство XVII века в собрании Русского музея. Каталог выставки. Альманах. Вып. 535. СПб.: Palace-Edition, 2018. 216 с.

Писцовая книга города Балахны 1674–1676 годов // Действия Нижегородской Губернской Учёной Архивной Комиссии Т. XV. Вып I. Материалы для истории нижегородского края. Н. Новгород: Б. м., 1913.

Преображенский А. С. Пелена чудотворной Тихвинской иконы Богоматери 1681 года // Церковное шитье в Древней Руси. Сборник статей памяти

Людмилы Дмитриевны Лихачёвой (1937–2001) / ред.-сост. Э. С. Смирнова. М.: Галарт, 2010. С. 255–262.

Пречистому образу Твоему поклоняемся. Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб.: ГРМ, 1995. 350 с.

Русское искусство из собраний музеев Центральной России / Шедевры музеев Центральной России. Каталог выставки. М.: Красная площадь, 2000. 311 с.

Салтыков А. А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Л.: Художник РСФСР, 1981. 264 с.

Свирин А. Н. Памятник живописного стиля шитья («чин») XV века в Сергиевском историко-художественном музее (бывш. Троице-Сергиевой лавре). Комиссия. Сергиев Посад, 1926. 15 с.

Седов Вл. В. Успенский собор Тихвинского монастыря – реликварий чудотворной иконы: Особенности архитектурного типа // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание: тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург – Тихвин, 24–27 октября 2001 года / ред.-сост. И. А. Шалина. СПб.: Открытое общество, 2001. С. 41–42.

Селин А. А. Тихвинский монастырь накануне осады 1613 года // История и развитие церковно-государственных отношений на примере Тихвинского Успенского монастыря. Материалы круглого стола (к 450-летию со дня основания обители). СПб.: Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, 2010. С. 28–35.

Синай. Византия. Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века. Каталог выставки / под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. СПб.: ГЭ, 2000. 488 с.

Сиренов А. В., Шалина И. А. Росписи Тихвинского Успенского собора по архивным документам // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / Санкт-Петербургский ин-т истории РАН; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; Институт археологии РАН. Вып. 18 (28). Великий Новгород, 2019. С. 349–386.

Сказание о Тихвинской иконе Богородицы: Воспроизведение части рукописи. Ф. XXXVIII. СПб., 1892 / ОЛДП № 70. № 101.

Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / ред.-сост. И. А. Кочетков. М.: Индрик, 2009. 1102 с.

Стерлигова И. А. Драгоценный убор Тихвинской иконы Богоматери // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание: тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург – Тихвин, 24–27 октября 2001 года / ред.-сост. И. А. Шалина. СПб.: Открытое общество, 2001. С. 42–44.

Строев М. П. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. [2], 532 с.

Хауштайн-Бартш Е., Бенчев И. Музей икон в Реклингхаузене, Германия: альбом / пер. с нем. С. К. Дмитриев. М.: Интербук-бизнес, 2008. 310, [1] с.

Холмогоровы В. И. и Г. И. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. В 2 ч. М.: Моск. гор. тип., 1884. Ч. 1.

Хотеев И. А. Иконы XIV–XIX веков в собрании Исторического музея. М.: Северный паломник, 2007. Т. 2. 407 с.

Шалина И. А. Икона «Спас Нерукотворный» из Смоленского музея и ее место в псковском искусстве XV века // Древнерусское искусство: Византий-

ский мир: региональные традиции в художественной культуре и проблемы их изучения. К юбилею Э. С. Смирновой / ред.-сост. М. А. Орлова. М.: Северный паломник, 2017. С. 141–156.

Шалина И. А. Древнейшая подвесная лицевая пелена чудотворной иконы Богоматери Тихвинской и прославление монастырской святыни // Вестник сектора древнерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства. Издание Гос. института искусствознания. Вып. 4. М., 2020. С. 129–145.

Шалина И. А. Лицевые пелены XVII века в убранстве Успенского собора Тихвинского монастыря // XXVI Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): сб. статей / Ярославский художественный музей. Ярославль, 2022. С. 183–204.

Шереметов Н. А. «Чтоб, государь, твоему царскому богомолью в разорении от них не быть. И нам, богомольцам твоим, и слушкам, и крестьянишкам нашим в напрасне и в конец не погибнуть»: Пётр Арцыбашев и Тихвинский Успенский монастырь // Петербургский исторический журнал. № 1 (17). СПб., 2018. С. 221–230.

Шереметов Н. А. К истории взаимоотношений Тихвинского Успенского монастыря и помещика Петра Арцыбашева: материалы конфликта 1673 г. // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / Санкт-Петербургский ин-т истории РАН; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; Институт археологии РАН. Вып. 18 (28). Великий Новгород, 2019. С. 329–348.

Шмидт С. О. К истории монастырской колонизации XVII в. // Вопросы религии и атеизма. Сб. 12. М., 1964. С. 297–309.

Архивные материалы

РГАДА Ф. 280. Оп. 3. Д. 662. Описи Тихвинского монастыря, 1764 г.

РА, NOA, Serie 1. № 136. Л. 767–768. Приходно-расходные книги государевых дворцовых сел за 7112–7120 гг.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 14. Д. 240. Роспись святыни, 1671–1672. Ст. 8;

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 15. Д. 2. Роспись образам и святыни на Москве, 1672.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 16. Д. 2. Роспись образам и святыни на Москве, 1673 г. Ст. 4.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 2. Переписная книга Успенского монастыря, 1612 г.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 33. Приходная книга казначея старца Авраамия, 1631 г.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 61. Книга прихода-расходная казначея старца Гавриила, 1639 г.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 67. Опись ризницы Тихвинского монастыря, 1640 г.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. Переписная книга Успенского монастыря, 1640 г.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 74. Книги жалованные царицы Евдокии Лукьяновны в Тихвинской монастырь при игумене Сергии и при казначее старце Гаврииле. 1641 г.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 102. Переписная книга Успенского монастыря, 1648.

- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 114. Переписная книга Успенского монастыря, 1648.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 151. Переписная книга Успенского монастыря, 1653.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 154. Книги прихода-расходные казначея, старца Стефана, 1654–1655 гг.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 155. Книги прихода-расходные казначея, старца Стефана, 1654–1655 гг.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 159. Книги прихода-расходные казначея, старца Стефана, 1655–1656 гг.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 177. Книги прихода-расходные казначея, старца Александра, 1659–1660 г.г.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 182. Прихода-расходная книга, 1660–1664 гг.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 187. Переписная книга Успенского монастыря, 1660.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 206. Книга прихода-расходная казначея, старца Дионисия Путятина.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 213. Переписная книга Успенского монастыря, 1665.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 229. Книга расходная казначея, старца Дионисия Путятина, 1666–1667 гг.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 245. Переписная книга Успенского монастыря, 1668.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 297. Переписная книга Успенского монастыря, 1668.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 312. Переписная книга Успенского монастыря, 1678.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 404. Переписная книга Успенского монастыря, 1680.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 720. Переписная книга Успенского монастыря, 1695.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 775. Переписная книга Успенского монастыря, 1697.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 805. Книги переписные Николаевского Беседного монастыря, 1699 г.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 4. Д. 2. Переписная книга Успенского монастыря, 1742.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 4. Д. 15. Описи церковным и разным вещам Тихвинского монастыря, 1795.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. I. Д. 75. Вкладная книга Тихвинского Большого монастыря, 1668–1809 гг.
- Фотоархив ИИМК РАН. Инв. № III-9986. Фотография подсвечника из Успенского собора. XVI в. Фото начала XX в.
- ОР РНБ. Ф. 463. Д. 164. О приезде в Тихвинский Успенский монастырь стольника С. Г. Дохтурова с матерью и братом.
- ОР НРБ. ОЛДП. Ф. 38. Сборник повестей о Тихвинской иконе Богоматери, XVIII в.

УДК 82-97:27-526.62(47.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.10

П. В. Седов

**«СКАЗАНИЕ О ТИХВИНСКОЙ ИКОНЕ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ».
РЕДАКЦИИ И БЫТОВАНИЕ ПАМЯТНИКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ**

Аннотация. Статья посвящена почитанию иконы Тихвинской Божьей матери во второй половине XVII в. На основе новых архивных данных уточняются время и обстоятельства составления редакций «Сказания» о ее чудесах. Автор приходит к выводу, что повышенное внимание к чудотворной иконе и к редактированию «Сказания» было связано с началом войн или с переломными моментами в ходе военных действий. Бытование этого памятника во второй половине XVII – начале XVIII в. отражает синкретический характер мирозерцания того времени: церковная практика и мирские события воспринимались как части целостной религиозной картины бытия.

Ключевые слова: икона Тихвинской Божьей матери, «Сказание о Тихвинской иконе Божьей матери», Успенский Тихвинский монастырь, монастырские вкладчики.

Abstract. The article deals with the veneration of the icon of the Tikhvin Mother of God in the second half of the 17th century. On the basis of new archival data, the time and circumstances of compiling the editions of the “Tale” about her miracles are specified. The author comes to the conclusion, that increased attention to the miraculous icon and to the editing of the “Tale” was associated with the outbreak of wars or turning points in the course of hostilities. The existence of this literary monument in the second half of the 17th – early 18th centuries reflects the syncretic nature of the worldview of that time: church practice and worldly events were perceived as parts of a holistic religious picture of being.

Keywords: icon of the Tikhvin Mother of God, “The Tale of the Tikhvin Icon of the Mother of God”, Uspensky Tikhvin Monastery, monastery contributors.

«Сказанию о Тихвинской иконе Божьей матери» (далее – «Сказание») посвящена значительная специальная литература. В работах В. М. Кириллина, Н. Л. Паниной, Е. С. Дилигул и других исследователей установлены основные редакции памятника (Кириллин, 2007; Панина, 2021. С. 119–124; Панина, 2013; Дилигул, 2018. С. 259–266; Дилигул, 2019, С. 72–78), И. А. Шалина исследовала бытование самой иконы

(см.: ее статью настоящего издания). Новые данные о подготовке редакций «Сказания», а также о бытовании данного памятника и самой иконы во второй половине XVII в. удалось обнаружить в фонде Успенского Тихвинского монастыря и других фондах Архива СПбИИ РАН.

В изучении почитания и бытования иконы Тихвинской Божьей матери, а также «Сказания» о ее чудесах, имеет место некоторая обособленность исследовательских усилий. При искусствоведческом анализе чудотворного образа, текстологических штудиях литературного памятника необходимо учитывать не только круг вкладчиков Успенского Тихвинского монастыря, но и индивидуальные особенности покровителей обители, а также политические события и придворную конъюнктуру, которые влияли на редактирование и бытование «Сказания». Поэтому важно проследить, как постепенно формировался и разрастался боярский клан, сложившийся вокруг Успенского Тихвинского монастыря (формирование подобных боярских кланов прослежено нами на материалах московского Знаменского и Антониева-Сийского монастырей: Седов, 2008. С. 93–97, 145–149, 277–279; Седов, 2022. С. 384–412). Многие влиятельные думные люди принимали личное участие в почитании чудотворной иконы и в редактировании «Сказания» о ее чудесах.

Как известно, после редакции 1658 г., выполненной иконописцем Родионом Сергеевым, следующая редакция была создана Симеоном Полоцким. Исследователи предполагали, что она появилась в начале 1670-х годов: Н. Л. Панина датировала редакцию старца Симеона 1671 г. (Панина, 2010. С. 120–121; ср.: Серебрякова, 2003. С. 259), Е. С. Дилигул – 1672 г. (Дилигул, 2018. С. 262).

Новые данные позволяют уточнить время и обстоятельства редактирования «Сказания», выполненного Симеоном Полоцким. В отписке из Москвы 25 октября 1672 г. стряпчий Успенского Тихвинского монастыря Агапит Савинов сообщил келарю Дионисию: «А что, государь, о Чюдесех Пречистые Богородицы, что дано справщику Симеону, и то дело за помощью божиею и ее, Пресвятыя Богородицы, строитца, и время ему ныне дал Бог благополучно то дело справливать» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 11. Д. 238. Ст. 1. Отписка 25 октября не имеет указание на год, который определяется по следующим отпискам из Москвы). В декабре 1672 г. тихвинский архимандрит Иона писал из Москвы в монастырь келарю Дионисию о близком завершении редактирования «Сказания»: «Да говорил нам справщик Симеон, что Богородицыно явление справливает, что-де о иных нужных речах надобно-де было спросить: отколе что взято. И мы про то подлинно сказать не ведаем: ведомо то дело все иконописцу Родиону Сергееву. И как со святынею к Москве отпустят, и вам бы и его, Родиона, для того дела к Москве отпустить. А у него, Симеона, то дело уже и набело переписывают» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 11. Д. 332. Ст. 1–2. Отписка архимандрита Иона также не имеет указания на год, но близкое к завершению редактирование «Сказания» позволяет отнести ее к

тому же 1672 г.). В приходе-расходной книге поездки архимандрита Ионы в Москву была сделана запись (между 14 и 26 января 1673 г.): «Справщику старцу Семиону дано от справы книги “Явления и чудеса Пресвятыя Богородицы чудотворные иконы Тихфинские” денег 12 рублей» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 189. Л. 52 об.–53). Таким образом, С. Полоцкий редактировал текст в октябре 1672 г., а в следующем месяце завершил свою работу.

О завершении работы над «Сказанием» и посылке нового текста в монастырь архимандрит Иона подробно сообщил в письме того же января 1673 г.: «В нынешнем во 181-м году генваря в день поехал от нас с Москвы к вам в монастырь нашего монастырского подворья дворник Кирьяшко Юрьев. А послал я к вам с ним новоисправную книгу в тетратех «Явление и чудеса Пречистые Богородицы чудотворные иконы Одигитрия Тихвинские», обверчены в черную бумагу и обвязано нитью накрепко. И вам бы та книга у него принять и отдать иконнику Родиону Сергеевичю, а он бы пожаловал потрудился написать с подщанием уседние, как ему Пресвятая Богородица помощи подаст и наставит. И со мною о том преж сего говорил, что хотел переписать ис тех тетратей в десть. А справщику от той книги дано преж и ныне денег семнатцать рублей и иная почесть ему была ж. Да с тою ж книгою послал с своей бумаги обвязано в черную ж бумагу, и вам бы пожаловать заставить своих монастырских писцов написать мне скорописью той книги Пречистые Богородицы явления. Да похвала то писано в той книге на низу за чудесами» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 16. Д. 19. Ст. 1).

В приходе-расходной книге архимандрита Ионы указано жалование Симеону Полоцкому «от справы» «Сказания» – 12 руб., а в письме архимандрита – 17 руб.: по-видимому, 5 руб. задатка было дано ранее. Об «иной почести» ему же узнаем из росписи раздачи святыни, рыбы и икры в Москве от имени тихвинских властей, начиная с 6 января 1673 г.: «Справщику Семиону образ, 5 сигов, 10 лодог, 2 тайменя свежие, 3 леща, блюдо икры» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 16. Д. 1. Ст. 4). Точно такое же подношение «справщику Симеону» находим в росписи раздачи святыни и рыбы в столице предыдущего 1671/1672 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 15. Д. 241. Ст. 2).

Примечательно, что среди вкладчиков монастыря более других прилагал старание и заботу о редактировании «Сказания» боярин князь Пётр Иванович Прозоровский. В декабре 1675 он писал архимандриту Макарию: «Известно тебе чиню, отче святой, о Чюдесех Пресвятыя Богородицы, что справливают на Москве в Пролог слово из больших Чюдес, на мере положено, и по указу великого государя и по благословению святейшаго патриарха в Пролог напечатать указано. А болшая Книга о чюдесех Пресвятыя Богородицы на мере не стала, доведетца паки поисправлять и посвидетельствовать и для того

свидетельства прикажи быть с тобою иконописцу Иродиону с старыми книгами, которые были на Москве. А без него и без свидетельства Большой книги о чудесех Пресвятыя Богородицы на мере поставить не можно, одноконешно б тебе, святой отец, велеть быть иконнику с собою» (ОР РНБ. Ф. 463. Д. 179. Л. 5–6). Данное письмо датировано декабрем, но не имеет указания на год, который без труда устанавливается: в письме упомянут царь Алексей Михайлович как живой, а Макарий при царе Алексее был архимандритом Успенского Тихвинского монастыря только в 1675 г. Следовательно, письмо было написано в декабре 1675 г. 17 декабря следующего 1676 г. тихвинский архимандрит Ефрем и келарь Иринарх получили письмо князя Петра Ивановича: «Да прошу у вас, честные отцы, пришлите старые книги О чудесех Пресвятыя Богородицы, которые были у меня на Москве для справки, а ведает про них иконописец Иродион» (ОР РНБ. Ф. 463 (А. Ф. Малов). Д. 179. Л. 1). (Благодарю А. В. Сиренова, который любезно обратил наше внимание на эти два документа).

Таким образом, книги «Сказания», которые в нескольких экземплярах находились в доме князя П. И. Прозоровского, и были взяты в Успенский Тихвинский монастырь для дальнейшего редактирования, по-прежнему находились в обители год спустя после просьбы боярина вернуть их назад. В данном случае и в дальнейшем князь П. И. Прозоровский брал на себя труд содействовать редактированию «Сказания». Другой важнейший вкладчик монастыря князь М. Я. Черкасский, как увидим далее, посвятил себя преимущественно заботе об украшении чудотворной иконы Тихвинского монастыря. Можно высказать предположение, что два самых видных вкладчика условились разделить свои заботы о почитаемой обители: один способствовал редактированию и изданию «Сказания», а другой опекал саму чудотворную икону.

К концу XVII в. относят еще две редакции «Сказания»: расширенную и вторую – под названием «Солнце умное» (Серебрякова, 2015). По-видимому, об одной из этих редакций упомянул тихвинский архимандрит Варсонофий в письме боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому. Письмо не датировано, но время его составления можно установить: в нем упомянуто о недавней кончине 31 октября 1678 г. жены князя П. И. Прозоровского – княгини Анны. 18 февраля 1679 г. князь П. И. Прозоровский отправил письмо в Успенский Тихвинский монастырь с перечислением вклада, сделанного «по княгине Анне в вечное поминовение»; в письме указаны дата ее кончины – 31 октября и день тезоименитства – 9 сентября (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. Д. 200. Сст. 1). Письмо архимандрита Варсонофия было отправлено до его перевода из Успенского Тихвинского в Воскресенский монастырь Новый Иерусалим 28 января 1680 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 28. Д. 42. Сст. 1). В письме также сообщалось: «надеемся...

нынешним летом быть строению» в монастыре. Следовательно, письмо было составлено между ноябрем 1678 г. и до наступления лета 1679 г.

Варсонофий писал князю: «Просим милости твоей о книге, что О чудесех Пречистые Богородицы, подщися, государь наш, с прилежанием понудить отца Симеона Полоцкого, чтоб пожаловал на мере поставил как его дух святой наставит по совету твоему государеву» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. Д. 97а. Ст. 1). Из письма архимандрита Варсонофия трудно сделать однозначный вывод о том, что именно просил «понудить» старца Симеона архимандрит Варсонофий. Возможно, речь шла об издании «Сказания» в типографии.

Если вопрос об издании «Сказания» остается открытым, то несомненно, что служба чудотворной иконе была издана. Среди книг Антониева-Дымского монастыря по описи сентября 1682 г. указаны: «две тетради печатные в полдесть, а в них службы чудотворной иконы тихвинской» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 448. Л. 10 об.). Дальнейшую судьбу таких печатных тетрадей помогают установить более поздние письма тихвинского архимандрита Макария из Москвы в свою обитель 13 января и 3 февраля 1686 г. В письме 13 января он писал: «Да ведомо вам чиним: святейший патриарх со властью генваря к 9-му числу сидели в Крестовой полате и приговорили: Пречистыя Богородицы службу, которая была напечатана при царе Алексее Михайловиче слогу Иродиона иконника и справы архимандрита Варсонофия отставить и не петь и не говорить нигде, а пети и праздновати в том же июня в 26-м числе Пречистыя Богородицы Одигитрии как и Смоленской поется июля в 28 день. А в той-де прежней печатной службе многая неистаправа и о честном кресте несогласие. И о сем нам многое было истязание, только мы говорили, что знали. Заступал за сие крепко князь Пётр Иванович Прозоровской, не послушали ево и в дело не поставили слов ево» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 257. Ст. 1). 3 февраля Макарий писал об этом же как о совершенно решенном деле: «А служба Пресвятыя Богородицы новосложная печатная вконец отставлена за многие справы, наипаче же что Варсонофий правил, в дело не поставили, указали праздновать по-старому, как преж того было. Пречистыя Богородицы Одигитрии и тропарь, и кондак указали говорить Одигитрии. И вам бы те печатные тетрати обрать в книгохранительную, а на молебнах велеть петь Одигитрии, что говорим на правиле во вторник вечера и праздновати как смоленской июля в 28 день. А будет упрямством и учнут хто говорить или праздновати новосложную службу слогу иконописца Родиона и правленую архимандритом Варсонофием, неприятно, занеже без архиерейского благословения и без царского повеления слагали и правили и сего ради церкви божию противно и Богу неприятно» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 158. Ст. 4). Из данного текста можно заключить, что Варсонофий подверг правке службу, составленную иконописцем Родионом Сергиевым и изданную на Печатном дворе. Можно предположить, что это

произошло не без участия Симеона Полоцкого, который при покровительстве царя Федора Алексеевича дерзал издавать в Верхней типографии тексты без благословения патриарха Иоакима. Этим можно объяснить негодование главы церкви самочинной публикацией службы тихвинской иконе. Главный вкладчик монастыря князь П. И. Прозоровский настойчиво пытался защищать изданный печатный текст как правверный, но ни патриарх, ни прочие присутствовавшие его не послушали и велели изъять опубликованные тетради.

После отказа от редакции «Сказания», выполненной по инициативе архимандрита Варсонофия, власти Успенского Тихвинского монастыря должны были использовать не запрещенные печатные тексты памятника, а их рукописные списки. В росписи расходов тихвинского слуги Герасима в Москве января 1688 г. находим следующую запись: «Подьячему Косьме Жукову дал я за работу за прежнюю и за нынешнюю Чюдеса Пресвятые Богородицы, а за те мне Чюдеса на Москве давали 40 алтын. А за те у меня Чюдеса денег дано рубль, а Чюдеса ему за прежнюю работу Аверкий Боранов хотел прислать, и за нынешнюю работу те Чюдеса даны ему, да ему же дано 5 сигов» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 36. Д. 230. Ст. 2).

Как видим, подьячий К. Жуков, по крайней мере, дважды переписал текст «Сказания». Тихвинский слуга не случайно указал, что обычная цена рукописного «Сказания» в столице составляла тогда 1 руб. 20 коп., а подьячий в данном случае был готов делать списки памятника дешевле – за 1 руб. В 1688 г. подьячий Кузьма (Козьма) Жуков служил в приказе Большой казны (Демидова, 2011. С. 198). В случае обнаружения его почерка среди приказных дел конца XVII в. возникает возможность проверить, нет ли среди сохранившихся списков «Сказания» текстов, переписанных его рукой.

Можно предположить, что в письме тихвинского архимандрита Евфимия боярину князю П. И. Прозоровскому 19 июня 1691 г. речь идет о еще одной редакции «Сказания»: «В нынешнем во 199-м году изволил, государь, прислать по вере своей и по обещанию Пречистые Богородицы службу с чюдесами (в ркп. *с чюдесами* написано другим почерком и более темными чернилами вместо зачеркнутого: *и житие*) новоисправную. И мы, недостойнии, то твое праведное даяние радостно приахом, а за тебя, государя, должны соборне и келейнее Бога молить и родителей твоих праведных поминать» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 41. Д. 338. Ст. 1).

Время появления новых редакций «Сказания» во второй половине XVII в. позволяет установить определенную закономерность: оно совпадает с началом военных кампаний русской армии или с переломными и драматичными событиями в ходе военных действий, когда власти призывали молиться о победе над врагами. В 1658 г. в ходе русско-польской войны произошли драматические перемены. Гетман Иван Выговский заключил с Речью Посполитой Гадячский мир и вернул Украи-

ну в состав Польско-Литовского государства. В результате русским войскам на Украине пришлось противостоять объединенным силам казаков и татар. В тот же год появилась редакция «Сказания», выполненная иконописцем Родионом Сергеевым.

Почитание иконы Тихвинской Божьей матери проявлялось не только в создании новых редакций «Сказания», но и в обращении властей к самому чудотворному образу и наиболее значимым его спискам. Один из самых известных списков иконы был специально создан для заключения договора со шведами в 1617 г.: перед ним был подписан Столбовский мир. С этой «споручницей мира» русские люди шли принимать у шведов Новгород, после чего новгородский митрополит Исидор поместил памятный образ в Софийский собор. В литературе дискутируется вопрос о дальнейшей судьбе этой иконы: существуют сведения о том, что во второй половине XVII в. ее отправили в Москву, и до сих пор было неизвестно, вернули ли ее обратно в Софийский собор (см.: Царевская, 2017. С. 163).

Запись в расходной книге Новгородского софийского дома позволяет надежно установить не только факт, но и время возвращения иконы из Москвы в Новгород: «Того же числа (30 октября 1661 г. – *Л. С.*) приходили к великому господину преосвященному Макарию митрополиту дворянин Иван Тимофеев сын Лопатин да стремянной конюх Иван Семенов благословитца. И митрополит дал в почесть дворянину Ивану десять рублей. Дано. Стремянному конюху Ивану пять рублей. Дано. Провожали с Москвы образ Пречистые Богородицы Тихфинские в Великий Новгород» (Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 35. Л. 137 об. – 138).

Логично предположить, что Тихвинская икона Божьей матери из Софийского собора сопровождала русских послов при заключении Кардисского мира 1661 г. Русскую делегацию возглавлял боярин князь И. С. Прозоровский – сын героя обороны обители от шведов в 1613 г. и главный вкладчик монастыря. Условия Кардисского мира возвращали русско-шведскую границу к рубежу, установленному Столбовским миром 1617 г. Эти обстоятельства делали уместным участие тихвинского образа из Софийского собора в заключении нового договора со шведами в 1661 г. Послы вернулись в Москву 21 июля 1661 г. (Дополнение. Стб. 279), а 30 октября того же года новгородский митрополит пожаловал дворянина и конюха, которые привезли образ из Москвы в Новгород.

Всеобщее моление о победе было предписано в самые тяжелые для властей недели восстания Степана Разина. В сентябре 1670 г. такую грамоту привезли в Успенский Тихвинский монастырь: царь и патриарх указали в Москве и в городах, и по соборам, и по всем церквям «перед святою литургиею или после петь молебны по уставу: в понедельник о соединении церквей, в среду Богородицы воду прошед, в пяток о побе-

де на сопостаты по прежнему указу по печатным каноником» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 13. Д. 214. Ст. 1).

В октябре 1672 г. Россия объявила войну Османской империи, о чем было оповещено по всей стране. В Великий Новгород указ о подготовке к войне пришел 15 октября. Стряпчий новгородского подворья Валдайского Иверского монастыря П. Марков сообщил об этом в свою обитель: «Да ныне ж пришла государева грамота опасная, чтоб на службу против турка салдаты пешие и конные и всякие служивые люди были в опасе, и тое грамоты прочитали октября в 15 день... посылают во все пятины о том» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2004. Ст. 80). Две недели спустя П. Марков добавил о военных приготовлениях в Новгороде: «служба будет всей земли болшая на турка и на Крым... а здешним всех монастырей властем скаска была, и памяти посланы и в уезды разослано, чтоб в опасении были и на службу готовы» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2004. Ст. 84). В том же октябре 1672 г. Симеон Полоцкий начал работу над новой редакцией «Сказания».

В редакции старца Симеона заметны слова в новых авторских названиях глав: «о победе», «о великих победах», «о преславных победах», – всего в названиях 6 из 13 глав и во всех, описывающих военные события. Тем самым подчеркивается, что нападения врага были отбиты благодаря заступничеству Богоматери (На это обратила внимания Н. Л. Панина: Панина, 2010. С. 121).

Распоряжения о молитвах такого рода о победе над врагом были разосланы по всей стране. Во время второго чигиринского похода, в июле 1678 г., патриарх «с советом великого государя повелел на книжном Печатном дворе напечатать последование молебного пения ко господу Богу нашему и ко Пресвятей Богородице за царя и за люди певаемого во время брани против сопостатов, находящихся на ны, и поучение ево, святейшаго патриарха, в нашествии варвар и в нахождении язык возбуждающие люди на молитвы и поста, и на покаяние». В Новгороде с таких печатных экземпляров был сделан список, посланный в Успенский Тихвинский монастырь с повелением молебствовать «в седмичные дни, в которые прилично... и на божественныя литургии в начале и по евангелие на сугубой ко обычным ектениям прилагати о победе на сопостаты ектенью, изображенную в том же списке» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 25. Д. 45. Ст. 1–2).

Упоминание о работе над следующей редакцией памятника (сделанной по инициативе архимандрита Варсонофия) относится к заключительным месяцам русско-турецкой войны – в период с ноября 1679 по январь 1680 г.

В феврале 1686 г. тихвинский архимандрит Макарий сообщил о царском и патриаршем отказе от редакции Варсонофия. В том же месяце в Москву приехали польские послы для заключения Вечного мира; целью союзного трактата было объединение сил России и Речи Поспо-

литой в преддверии объявленной в том же году войны с Османской империей.

Редактирование «Сказания» во время военных действий было вызвано тем, что текст памятника содержал в самом конце молитвенное обращение к Богородице с просьбой о победе над иноверцами: «Гордыню ж и шатание агаряном низложи и советы неправедных варяг разори, зачинающих рати погуби... Всегда теплая бое си предстатилнице и помощнице, противных полки отгоняющи» (Кириллин, 2007. С. 258). Эти слова «Сказания», произносимые в определенные дни богослужения не только в Успенском Тихвинском, но и в других обителях страны воспринимались как всенародное моление о даровании победы.

Накануне первого крымского похода церковные власти распорядились совершать такие молитвы по всей стране. Грамота новгородского митрополита Корнилия архимандриту Успенского Тихвинского монастыря извещала, что 20 мая 1687 г. по патриаршему указу в Новгород прислали «двадцать тетрадей печатных о ектенях как милостиваго Бога молить о сохранении христоролюбиваго воинства и о победе, и одолении на сопротивных сопостат, против того как в тех тетратех напечатано велено в нашей епархии роздать по монастырем и по соборам и по приходским церквам, и с тех тетрадей печатная тетрадь послана к тебе» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 36. Д. 18. Ст. 1).

Очередное обращение к заступничеству Тихвинской иконы Божьей матери случилось после «нарвской конфузии» 19 ноября 1700 г. Капитаны московских полков письменно свидетельствовали о явлении 22 января 1701 г иконы Тихвинской Богоматери стрельцу близь села Сары. Капитаны утверждали, что вышли из осажденного шведами села «помощею Божию и покровением Пресвятыя Богородицы чудотворные иконы Одигитрия» (Дилигул, 2019. С. 387–393).

Однако было бы неправильным видеть в обращении к тексту «Сказания» лишь утилитарное желание военных побед. Бытование памятника было куда более многоплановым. В той же заключительной молитве к Богородице содержалась и просьба о душевном и телесном исцелении: «Подаждь разрешение долгом согрешениях наших и исцеление душам и телесам поклоняющимся и целующим благоприятную твою икону» (Кириллин, 2007. С. 258).

В монастырской документации находим выразительные свидетельства того, как вкладчики и иные «боголюбцы» желали получить список этого чудотворного образа или текст «Сказания». Следует также учитывать заступничество влиятельных вкладчиков по делам монастыря, их просьбы о поминовении усопших родственников, которое должно было совершаться перед чудотворной иконой. Хлопоты вкладчиков в интересах монастыря тоже рассматривались как почитания чудотворной иконы: в таких случаях говорили, что заступники за обитель «образу Пресвятой Богородицы веру держат».

Главными покровителями Успенского Тихвинского монастыря в XVII в. были князья Прозоровские. Герой обороны тихвинской обители от шведов в 1614 г. боярин князь Семен Васильевич Прозоровский после Смуты превратился в главного вкладчика. Почитание иконы Одигитрии было для него личным и семейным делом. В 1624 г. царь пожаловал ему «за тихвинское осадное сиденье» из дворцовых волостей село Ивановское (в 74 верстах от Владимира). К 1654 г. князь С. В. Прозоровский выстроил там Троицкую церковь с приделами Одигитрия и Никольским (Историко-статистическое, 1897. С. 359). Кроме Успенского монастыря, князь С. В. Прозоровский стал вкладчиком и других обителей тихвинского края: 1 марта 1643 г. он вложил в Тихвинский Беседный монастырь служебник издания 1640 г. (Семенов, 1960. С. 487). 14 сентября 1659 г. он умер и на следующий день был похоронен в соборе Успенского Тихвинского монастыря в северо-западном углу папертной стены. В 1665 г. его дети князь Иван и князь Пётр Большой положили на его гроб покров (Историко-статистическое, 1888. С. 172–173, 187). Родственники князя С. В. Прозоровского поддерживали традицию его поминовения. В монастырском фонде сохранились «Книги раздаточные братии московские присылки милостыни по княгине и по князе Симеоне Васильевиче Прозоровском во иноцех Сергии схимонахе» марта 1679 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 384).

Источники позволяют проследить устойчивые связи тихвинских властей и князей Прозоровских, помогавших друг другу в столичных хлопотах и в обустройстве обители. В феврале 1676 г. тихвинский архимандрит Макарий велел прислать «вкладная в пятидесяти рублех князю Петру Семеновичю Прозоровскому на целом листу, а буки прописать велеть золотом» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 20. Д. 22. Л. 3). В том же месяце архимандрит Макарий писал в монастырь о заступничестве вкладчиков в важном для обители судебном деле: «ныне я бил челом святейшему патриарху речью, и он приказал мне, чтоб о том деле челобитная принести, и чтоб то дело слушать бояром. И после о том деле говорил вкладчиком князь Петру Ивановичю Прозоровскому и князь Ивану Борисовичю Репнину. И оне говорят так: как де станут бояре дела слушать, и без очной ставке дела вершит не станут» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 20. Д. 22. Л. 2). Князь И. Б. Репнин был пожалован в ближние бояре 13 февраля 1676 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 508. Ст. 122, 136) и примыкал к клану Милославских (Седов, 2008. С. 205–206).

В начале царствования Федора Алексеевича к тому же придворному клану принадлежали вкладчики тихвинской обители спальники князь П. И. Прозоровский (дядька царевича Ивана Алексеевича) и князь Ю. М. Одоевский. На царские именины 8 июня 1676 г. их пожаловали в бояре, и по обычаю спальники вошли в избранный круг ближних думцев (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 501. Ст. 287–

288). В письме из Москвы слуга Успенского монастыря доложил своим властям как о важном событии: «великий государь пожаловал князь Петра Ивановича Прозоровского боярством» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 21. Д. 41. Сст. 2).

С того времени князь П. И. Прозоровский стал главным вкладчиком Успенского монастыря. Здесь нет возможности учесть все многочисленные сведения о покровительстве князя тихвинской обители. Рассмотрим некоторые его наиболее значимые поступки для почитания тихвинских святых, которые были неотделимы от хлопот по обеспечению хозяйственных интересов монастыря. В июле 1676 г. тихвинские власти обратились к князю П. И. Прозоровскому за помощью. Новгородский митрополит посетовал в столице, что архимандрит и келарь Успенского монастыря не дали описать обитель в связи с очередной сменой настоятеля. Представитель монастыря в Москве «князь Петру Ивановичю бил челом, чтоб пожаловал к митрополиту доездил и побил челом, что переписки частые, а монастырю чинятца убытки великие, и он рекася доездить, только послан по указу великого государя в Савин монастырь для государского дела» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 21. Д. 43. Сст. 2). Князь П. И. Прозоровский выступал в столице главным покровителем и распорядителем по делам монастыря. Роспись раздачи икон вкладчикам в столице от имени обители 1676/1677 г. монастырский слуга озаглавил: «что кому отдано на Москве казенных икон по указу боярина князь Петра Ивановича Прозоровского» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 22. Д. 24. Сст. 1). На московском дворе князя хранился запас икон, предназначенных для раздачи: в октябре 1677 г. таковых оказалось на красном золоте 20, на двойном золоте 39, и на красках 37 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 23. Д. 179. Сст. 1).

Во время русско-турецкой войны из-за роста налогов, в том числе сбора экстраординарных «запросных денег» на военные нужды, от церковных властей потребовали отчета, сколько они тратят на ежегодные подношения членам царской семьи, своим вкладчикам и иным «нужным людям» в столице и в городах (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 24. Д. 207. Сст. 1; Д. 216. Сст. 1–2). В сказке на этот счет тихвинский архимандрит сообщил любопытные сведения о почитании чудотворной иконы: к царю и патриарху «из Тихвина монастыря отпускаютца гладкие, а не окладные (иконы. – П. С.) единою в год на праздник Пресвятыя Богородицы собора декабря в 26 день. А празнуют в тот день Пресвятой Богородице объявлении чудотворные ея иконы Одигитрия Тихвинские, и в тот день с теми святыми иконами и со святыми водами и отпуск бывает. А расходов в том отпуске по выписке из монастырских казенных расходных книг за писмо икон и на свои и конские кормы исходит десять рублей двенатцать алтын, кроме подвод» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 24. Д. 230. Сст. 1).

В апреле 1678 г. тихвинский келарь сообщил из Москвы, что доложил князю П. И. Прозоровскому о запросных деньгах, которые полагались с монастыря на военные нужды: «челобитную о том деле ему вручил, река у государя патриарха милости попросить». Князь действительно заступился в том деле перед патриархом, чтоб «хотя б с убавкою приказал взять» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 20. Д. 64. Ст. 1). В том же письме тихвинский келарь сообщил о помощи монастырю по монастырским делам боярина И. М. Милославского, который распорядился поймать крестьянина, бунтовавшего против монастыря «да и со князь Васильем Петровичем да со князь Алексеем Петровичем Прозоровскими ко мне о том же приказывал». Далее упомянуто о заступничестве в земельном деле другого вкладчика боярина князя И. Б. Репнина, которому келарь «на дворе ему боярину о том бил челом», а князь явил монастырю «милость» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 20. Д. 64. Ст. 1–2). С просьбой убавить запросные деньги с Успенского монастыря князь П. И. Прозоровский и боярин И. М. Милославский обратились и к боярину Р. М. Стрешневу, который, по-видимому, отвечал за сбор этого налога (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 24. Д. 159. Ст. 1). Боярин Р. М. Стрешнев обещал зачесть запросные деньги с монастыря в счет другого побора военного времени – полтинных денег, но тянул с решением, а князь П. И. Прозоровский о том «ему вспоминает» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 24. Д. 187).

В контексте неустанного заступничества князя П. И. Прозоровского по монастырским делам не удивительно, что очередное редактирование «Сказания» шло не без его участия. Осенью 1678 г. тихвинский архимандрит писал боярину, что исполнил обряд поминовения его усопшей жены Анны и добавил: «Просим милости твоей о книге, что о чудесех Пречистые Богородицы, подщися, государь наш, с прилежанием понудить отца Симеона Полоцкого, чтоб пожаловал на мере поставил как ево дух святой наставит по совету твоему государеву». Далее архимандрит просил князя П. И. Прозоровского прислать обещанные деньги «на строение тех больниц в помяновение души преставльшагося князя Матвея Васильевича (Прозоровского. – *П. С.*), прикажи по милости твоей к нам наипаче по вере к дому Пречистые Богородицы на то строение по ево завету и по вашему с князем Петром Семеновичем богоугодному душевному залогу» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. Д. 96а).

В письме в монастырь 18 февраля 1679 г. князь П. И. Прозоровский перечислил свои вклады в монастырь по душе умершей жены Анны. В перечне находим важные для вкладчика подробности, связанные с почитанием тихвинской чудотворной иконы. Он пожаловал «в вечное поминовение» 30 гривенок воска, с тем, чтобы «приказать в том воску сделать свечи и велеть ставить во время божественные литургии у жертвенника и у престола, и у образа Пресвятыя Богородицы или в

которое время понахиды по ней петы будут». Сверх того князь пожаловал в монастырь 26 руб. 90 коп. «на вино церковное и на ладон, и на иные церковные потребы», 20 руб. поручной милостыни, «а имя ее приказать написать во все синодики и в кормовую книгу». В конце письма находим собственноручную приписку князя, который смиренно назвал себя без титула: «Пётр Прозоровский, благословение прося, много челом бьет» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. Д. 200. Ст. 1).

В марте 1679 г. тихвинский келарь Иринарх Тарбеев писал архимандриту из Москвы, что он был в подмосковной вотчине князя Петра Семеновича Прозоровского «на мало время, отписку и писание, государь, от тебя, отца, ему вручил, в то время (он ее. – П. С.) не чол, того ради: завтреню говоря, велел к себе быть; то время жаловал малую речь – говорил о твоём отеческом в монастырь приезде» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 24. Д. 127. Л. 1–2).

В мае 1679 г. князь П. И. Прозоровский послал в Успенский Тихвинский монастырь 100 руб. «по приказу и по духовной деда своего князя Матвея Васильевича, во иноцех схимника Евсигнея на поминовение души ево и по жене ево княгине Гликерии и по прочих ево сродниках Александровы пустыни Свирского з диаконом... на монастырское строение и на иные церковные потребы». В том же письме князь извещал о смерти 1 мая 1679 г. его старшей дочери Прасковьи: он послал 3 руб. на сорокоуст по ней и напомнил, чтобы «имя и супруги моей княгини Анны забвенно не было» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 27. Д. 21. Ст. 1; Д. 54. Ст. 1).

Влияние князя Петра Ивановича на дела тихвинской обители было столь велико, что даже выбор новых настоятелей происходил с его участием. В марте 1680 г. тихвинский слуга писал из Москвы, что архимандрита Макария выбрали по отписке новгородского митрополита, «по заступлению» рязанского митрополита Иосифа и боярина князя П. И. Прозоровского (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 28. Д. 80. Ст. 1). В отписке из Москвы 8 января 1698 г. старец Герман сообщил архимандриту Боголепу, что он был у боярина с подношением и передал свой разговор с ним: «Боярину князю Петру Ивановичю поднес, и он спросил: архимандрит Боголеп каков, и я сказал доброй человек. И он сказал: благо я не обрался, добра выбрал, при многих боярах и при дяках в своей крестовой» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 50. Д. 234. Ст. 1). Письмо старца Германа датировано 8 января без указания года, который определяется по упоминанию в письме недавнего отъезда боярина князя М. Я. Черкасского на воеводство в Тобольск, имевшего место 25 декабря 1697 г.

Громкое судное дело о спорной земле тихвинских монастырей – мужского Успенского и женского Введенского – в 1681–1684 гг. мобилизовало в столице влиятельных заступников обеих обителей. Первое место среди вкладчиков Успенского монастыря занимал князь П. И. Прозоровский. «Промыслом» его и боярина князя Н. И. Одо-

евского дело было взято из Новгорода в Москву, и князь Пётр Иванович «взялся» его быстро закончить. Об этом деле «всякое попечение» имели бояре князя Н. И., Я. Н., Ю. М. Одоевские, П. И. Прозоровский и его братья князя Василий и Алексей Петровичи. «И ныне, государь, – сообщал из Москвы монастырский слуга, – то наше дело ведомо вверху у великого государя всему ево царскому синклиту», а также патриарху (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 29. Д. 165. Ст. 1–2).

Князя Прозоровские часто приезжали на Тихвину молиться в свой семейный монастырь. В 1681 г. князь Пётр Иванович выехал из Москвы 8 февраля и привез с собой в тихвинскую обитель «к престолу Богородицы чудотворному ея образу Одигитрия пелену, шиту серебром» – вклад Садовой слободы посадского столичного человека Терентия Ивановича Казанца. За вклад Т. И. Казанец просил написать ему «образ чудо Пресвятыя Богородицы чудотворные иконы тихвинские с Николаем чудотворцом» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 29. Д. 172. Ст. 3; Д. 175. Ст. 1; Д. 176. Ст. 1). Вслед за князем П. И. Прозоровским тихвинскую обитель посетили стольник князь Б. И. Прозоровский «с матерью княгинею Парасковьею Федоровною и з женою, и з детьми боярина князя Петра Ивановича», которые выехали из монастыря 6 марта и вернулись в столицу 24 марта 1681 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 29. Д. 202. Ст. 1; Д. 227. Ст. 2).

Князь П. И. Прозоровский надзирал за подготовкой к росписи Успенского собора. Об этом представитель монастыря в Москве писал своим властям в начале марта 1682 г.: велели вы «подрядить для стенного писма мастеров. И я боярина Петра Ивановича Прозоровского докладаю... Да докладаю я о том же иконописца Симона Ушакова, и он мне сказал: здешним-де московским мастером давать будет болши тысячи рублей да красок-де надобно рублей на триста с лишком. А краски-де дешевле купить у города Архангельского. Да здесь-де на Москве таких мастеров мало, подряживают-де из Ярославля да с Костромы. И ныне боярин князь Пётр Иванович послал досмотреть церкви и сметить сколько будет писма своего человека». Успенские власти рассчитывали занять деньги на роспись в Чудовом монастыре, но чудовские власти отговорились тем, что «у них ныне свое дело каменное в заводе есть» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 182. Ст. 1). Эту отписку из столицы в монастырь привез человек князя П. И. Прозоровского Евстафий. По-видимому, боярин ему и поручил «сметить» задуманную роспись собора.

10 мая 1683 г. умерла вторая жена князя Петра Ивановича Анна Федоровна, по ней боярин заказал сорокоуст, просил тихвинского архимандрита совершить поминание, «а наипаче ж прикажи во всех церквах во время божественные литургии о упокоения души ея на просви-рописании вынимать части... да на свечи послано... в литургию ставить у жертвенника и у образа Пресвятыя Богородицу в четыредесятницу» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 31. Д. 184. Ст. 2; Д. 186.

Сст. 1; Д. 205. Сст. 2). Кончина в короткое время двух жен и дочери неизбежно подводила главного патрона монастыря к поддержанию связей с родной обителью, где совершалась поминальная практика по ушедшим родственникам. В 1687 г. тихвинские власти благодарили князя Петра Ивановича за заступничество и в ответ обещали «паче ж к Богоматере пред святым ея и чудотворным образом соборне молебствовахом и впредь в приношении бескровных жертвы должны святого Бога молити и праведных ваших родителей поминати» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 36. Д. 97. Сст. 2).

В годы регентства боярин князь П. И. Прозоровский как дядька царя Ивана стал весьма влиятельным человеком при дворе. В 1689 г. представители Успенского монастыря в столице писали, что его трудно застать дома, поскольку подолгу живет во дворце: «И боярин князь Пётр Иванович сверху марта с 15-го числа и по 20-е число (1689 г. – П. С.) в дом свой не бывал», «боярин князь Пётр Иванович сверху от великих государей в доме своем мало бывает» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 39. Д. 32. Сст. 2; Д. 58. Сст. 1).

Дочь боярина князя Семена Васильевича Прозоровского – Евдокия вышла замуж за боярина князя Якова Куденетовича Черкасского, который стал вкладчиком Успенского монастыря. Боярина князя Я. К. Черкасского находим среди вкладчиков Успенского Тихвинского монастыря еще в ежегодных росписях 1664–1665 гг. раздачи в столице хлеба, икон и рыбы (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 8. Д. 11. Сст. 1; Д. 123. Сст. 1; Д. 140. Сст. 1). Е. Я. Черкасская (в иночестве старица Горицкого монастыря Досифея) желала молиться тихвинскому чудотворному образу. 25 ноября 1668 г. тихвинский архимандрит Иона писал «великой старице княжне Досифее Яковлевне Черкасской», которая через архимандрита Новоспасского монастыря просила написать для нее список с иконы Тихвинской Божьей матери: «...изволила ты, государыня, ему архимандриту говорить по своей рачительной и теплой вере к чудотворному образу Одигитрия, чтоб нам велеть написать образ в длину и поперег (далее в ркп. зачеркнуто: *против чудотворного образа*), да вокруг бы тое иконы велеть припустить поля в четверть, и на тех бы полях велеть написать чудеса Пресвятые Богородицы мелким добрым письмом. И, изготова б тое икону в совершенстве, мне, архимандриту привести к Москве с собою вместе к тебе, государыни. А у нас, государыня, ныне в монастыре иконник пишет иконы в поднос великому государю и пройдет до самого моего поезду. И тебе бы, государыня, пожаловать в том на нас гневу не подержать, ей-ей никак невозможно тое иконы написать, потому, государыни, что то дело великое и нескорое. А изволит Господь Бог и Пресвятая Богородица по твоей в дом Пречастыя Богородицы теплой вере, и мы, государыни, впредь велем ему иконнику конечно потружатися тое икону написать как она, Пресвятая Богородица, ему милости и помощи подаст» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 10. Д. 194. Сст. 2–3). В январе 1673 г. Доси-

фея Яковлевна среди других вкладчиков получила в Москве от Успенского монастыря образ (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 16. Д. 2. Ст. 1).

Щедрым вкладчиком и покровителем Успенского Тихвинского монастыря стал сын князя Якова Куденетовича Черкасского – стольник (с 1682 г. боярин) князь Михаил Яковлевич. 7 июля 1681 г. представитель Успенского Тихвинского монастыря в Москве сообщил своим властям, что князь М. Я. Черкасский сказал: «даровал-де ему Бог, супружница его княгиня Марфа Яковлевна (дочь боярина князя Я. Н. Одоевского – П. С.) роди ему сына князя Петра Михайловича и приказывал мне велеть отписать к вам в монастырь, чтобы пожаловал ты, государь святой отец архимандрит, со освещенным собором Пречистые Богородицы перед чудотворною иконою отпел молебен о их многолетном, Марфы Яковлевны и чада их князя Петра Михайловича. А князь Михайло Яковлевич рекся к дому Пресвятыя Богородицы веру держать и нам пожаловал запасцу не по оскуду. И которого, государь, числа изволишь отслужить молебен, прикажи, государь, о том для ведома х князю Михайлу Яковлевичю отписать» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 2. Ст. 1–2). В августе 1681 г. князь М. Я. Черкасский вознамерился вложить в Успенский монастырь благословящий крест. Об этом келарь подробно писал из Москвы: священник князя пришел на монастырское подворье и спросил, есть ли в монастыре «святых мощей части в крестах или в чем, чтоб прислать к нему к Москве, не мешкав, нарочно», чтобы поместить их в новый крест (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 19. Ст. 4).

В том же 1681 г., 13 декабря, князь М. Я. Черкасский выехал из Москвы в богомольное путешествие (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 100. Ст. 4). При приближении князя к Успенскому Тихвинскому монастырю архимандрит Макарий выслал навстречу «столовых запасов» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 148. Ст. 1–2). В дальнейшем князь Михаил Яковлевич намеревался посетить Александро-Свирский монастырь, о чем князь Я. Н. Одоевский сообщил тихвинскому архимандриту Макарию в письме 20 декабря 1681 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 110. Ст. 1–2).

Согласно житию, преподобный Александр Свирский, родился по горячей молитве родителей, которые долго не имели сына. Поэтому богомольцы прибегали к заступничеству святого в ожидании рождения детей. По-видимому, князь Михаил Яковлевич совершил обетное путешествие и к мощам Александра Свирского. По возвращении в Москву князь М. Я. Черкасский 26 января 1682 г. написал тихвинскому архимандриту Макарию благодарственное письмо «за вся ваша благодеяния ко мне во время приезда моего во обитель Пресвятой Богородицы» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 153. Ст. 1). В марте 1682 г. игумен Александро-Свирского монастыря Гермоген в письме архимандриту Успенского Тихвинского монастыря Макарию сообщил,

что в его монастырь были посланы «ризы отлас золотной, оплечье шитое золотом и серебром по черному бархату высоким швом жалованья государя князя Михайлы Яковлевича Черкасского» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 188. Ст. 1). Князь М. Я. Черкасский пожертвовал в монастырь 300 руб. «на церковную подписку», но эти деньги были изъяты в июне 1682 г. на жалование восставшим стрельцам (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 31. Д. 13. Ст. 1).

В следующем году представитель Успенского монастыря в столице сообщил о желании боярина украсить чудотворный образ: 13 февраля 1683 г. он «по усердному своему намерению в дом Пречистые Богородицы к чудотворному образу, соделав серьги алмазные, и отдал мне, убогому в ковшеце и с отпискою своею приказал мне сослать к вам, государем, в монастырь. И я те серьги в том ковчесье и отписку ево боярскую послал к вам, государем...» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 59. Д. 32. Ст. 4). Этот вклад детально описан во Вкладной книге Успенского Тихвинского монастыря под 21 февраля 1682 г. (СПбИИ РАН. Колл. 115. Ф. 132. Оп. 1. Д. 75. Л. 9 об.–10). В ответ успенские власти послали боярину святую воду и просвиры, врученные ему в середине марта 1683 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 59. Д. 32. Ст. 5).

Время от времени столичные вкладчики посещали Успенский монастырь. В ноябре 1684 г. монастырский слуга сообщил своим властям, что «по первому пути будут в дом Пресвятей Богородицы богомольцы князь Михайло Яковлевич Черкасской да боярин Иван Борисович Репнин, аз подлинно к вам, государи, писать не смею, сказывают, что-де будет боярин князь Яков Никитич Одоевской» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 33. Д. 112. Ст. 33). В декабре того же года по возвращении в Москву князь М. Я. Черкасский послал в монастырь «новопостроенный» стихарь, который подробно описал в сопроводительном письме (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 33. Д. 142. Ст. 1).

В 1685–1686 гг. князь М. Я. Черкасский служил воеводой в Новгороде, почему это время особо отмечено его вкладами и посещениями Успенского монастыря. В 1685 г. он распорядился петь панихиду по своему тесте боярине князе С. В. Прозоровском, во иноках схимнике Сергии, «в дни ангела ево» – 21 июля и «в дни преставления его» – 1 августа. Поминание сопровождалось щедрым подношением братии, «кормом» и «порушной милостыней» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 241. Ст. 1–2).

В августе 1685 г. князь Михаил Яковлевич выразил свое недовольство действиями монастырских властей. В ответном послании архимандрит Макарий подобострастно просил прощения: «Молю, государь, любовь твою, помилуй прости в чем тебя, государя прогневил, не подобает нам, недостойным, перед вами великими господами правиться, но токмо прощения просить, в нем же согрешихом... аща благово-

лит честность твоя изверзи меня от дому Богоматере, яко гниль и непотребный уд... наипаче ж о сем соборне молим, яко ж прежде сего и впредь не остави любви своея от дому Богоматере и веру, и любовь, и твердую надежду имей ко святому и чудотворному образу ея». Свое покаянное письмо архимандрит завершил обещанием молиться «соборне и келейне» за патрона и его семью (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 117. Ст. 1).

В январе 1686 г. боярин снова собирался заехать в монастырь по дороге из Новгорода в Москву. 15 января 1686 г. из монастыря писали в столицу, где тогда был тихвинский архимандрит, что князь М. Я. Черкасский «к нам в монастырь не бывал, а сказывают, что-де из Великого Новагорода выехал после Богоявления дни генваря в 10 день и поехал в Олександров монастырь. И келарь за тем, государь, в Великий Новгород не поехал, ожидая в дом Пречистыя Богородицы его боярского приезде. А как его боярина спроводя к Москве, что Господь благоволит» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 251. Ст. 1). Во вкладной книге посещение князем монастыря «с княгинею и з детьми» датировано 20 февраля 1686 г. (Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Ф. 132. Оп. 1. Д. 75. Л. 11). 20 января в монастыре стало известно, что князь М. Я. Черкасский «с Хутыня монастыря в Олександров монастырь выехал в 13 день и на Тихвину по се число еще не бывал» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 249. Ст. 1). Находившийся в Москве архимандрит Макарий беспокоился о грядущем посещении обители щедрым и влиятельным вкладчиком и в январе 1686 г. просил подробно сообщить ему о реакции боярина: «пишите к нам, что у вас делаетца и как был князь Михайло Яковлевич, и что его дачи, и все ли поздорову, и не навел ли кто какие кручины, и нет ли ево гневу, что церковь не подписана» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 257. Ст. 1). В ответном послании казначей иеромонах Марк с братией сообщили о пребывании князя в монастыре: «с Олександрова монастыря приезд его генваря в 24 день, а к 25-му числу Пресвятые Богородицы праздновал и того ж дне братию кормил и милостынею наделил. А в дом Пречистые Богородицы по своей рачительной вере пожаловал: дал в монастырскую казну денег двесте рублей да на стол братии 15 рублей, на понахиду» по своем деде князе С. В. Прозоровском – на стол братии 8 руб. Казначей писал, что от вкладчика «гневу никакова не было и о церковной подписке ничего не говорил» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 259. 1–1 об.). Во Вкладной книге есть запись об этом посещении князя М. Я. Черкасского: «Во 194-м году генваря в 25 день из Великого Новагорода с воеводства приезжал ко Пречистые Богородицы молиться, пожаловал дал в монастырскую казну денег двесте рублей да братии на стол пятнатцать рублей, да на панахиду и на стол деда своего блаженные памяти князя Симеона Васильевича Прозоровского, а во

иноцех Сергия схимника денег восемь рублей» (Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 75. Л. 10 об.).

В августе 1686 г. князь М. Я. Черкасский прислал «к коруне» чудотворной иконы «четыре чашки серебряные позолочены с кистями з золотом и серебром» (Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 75. Л. 10 об.) и в дальнейшем обещал на свои средства украсить чудотворную тихвинскую икону. 22 апреля 1687 г. представитель монастыря в столице писал в свою обитель: «А о строении к чудотворному образу против вашей, государь, отписки от князь Михайла Яковлевича никакой отповеди не слышали» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 35. Д. 312. Ст. 24). В том же апреле монастырский слуга снова писал, что получил отписку архимандрита князю «о строении к чудотворному образу, и я тое отписку ему подал, и по се число от него о том никакой отповеди не бывало» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 35. Д. 312. Ст. 25). 19 июля 1687 г. монастырский слуга приехал в Москву «со светою водою» для князя М. Я. Черкасского (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 36. Д. 98. Ст. 1).

Весной следующего 1688 г. князь Михаил Яковлевич вернулся к намерению украсить чудотворную тихвинскую икону. Об этом подробно упоминает архимандрит Макарий в черновике своей отписки к боярину: «В нынешнем, государь, во 196-м году в марте по твоему, государя нашего, словесному приказу говорил нам Афанасей Боранов, чтоб нам прислать к тебе, государю, назнаменов на листу, подобие святого и чудотворного образа Пресвятой Богородицы и мера (в ркп. далее зачеркнуто: *и мы, государь*) о венце святого ея лица и Превечнаго Младенца (в ркп. далее зачеркнуто: *чтоб тебе, государю нашему*) старое каменье из венцев вынять, а в то число чтоб тебе, государю нашему, приложить запоны. И начертание, государь, на листу левыя страны тебе, государю, и меру образа через Великий Новгород и через почту боярин князь Пётр Семенович Прозоровской послал. А о запонах к тебе, государю, не писали, потому что меня, недостойного, в тех числах дома не случилось (в ркп. далее зачеркнуто: *не писали*). А как я, недостойной (в ркп. *недостойной* над строкой теми же почерком и чернилами), приехал из Великого Новагорода, и по твоему, государя нашего, приказу Афанасей Боранов мне о всем сием вышеписанном вестно учинил (в ркп. фраза от слов *и по твоему* до *учинил* отредактирована, первоначальное чтение: *Афанасей Боранов мне о всем сием вышеписанном вестно учинил и по твоему, государя нашего приказу*). И (в ркп. далее зачеркнуто: *я*) мы, поговоря на соборе з братьею, положилися на волю твою, государя нашего, как ты, государь наш, о сем соблаговолишь. Пожалуй, государь, строй по своему праведному намерению, яко тя дух святыи наставит» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 36. Д. 260. Ст. 1–1 об.). В том же письме архимандрит Макарий поведал, как он исполнил поручение боярина и его супруги о вкладе в псковскую Никандрову пустынь: «А о чем,

государь, я, недостойный, милости просил у государыни моей княгине Марфе Яковлевны о покровах в Никандрову пустыню (в ркп. в *Никандрову пустыню* над строкой теми почерком и чернилами), и ныне я там был и твое, государя нашего, подаяние, что мне, недостойному, от твоея святыя десницы дано, в милостыню прежде и ныне, тамо недостаточества ради в казну положил и государя моего во блаженном успении отца твоего князя Якова и государыни моей матерь твою княгиню Евдокею в литию и в сенадик (в ркп. далее зачеркнуто: *написал*) в вечное поминание написал. А поминать, государь, там есть кому: игумен, четыре священники, дьякон и братии человек з дватцать есть, и о твоём многолетнем здравии молитися заповедал. Хотя, государь, и потряс тою пустынькою преосвященный Маркел митрополит Псковский и Изборский и возмутил святую душу святейшаго господина патриарха, но сим людей божиих от тое пустыньки не отвратил, наипаче веру несумненно держат и то святое место надзирают. Пожалуй, государь, подщися построить в тое пустыни во святую церковь на священные сосуды покровы ради многолетнаго своего здравия и праведных своих деток» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 36. Д. 260. Ст. 1 об.).

Внимание князя М. Я. Черкасского и архимандрита Макария к Никандровой пустыни было, по-видимому, вызвано обретением в 1687 г. мощей основателя обители преподобного Никандра. Тихвинский архимандрит Макарий посещал Никандрову пустынь и ранее: 5 июля 1685 г. он вернулся оттуда в Новгород, в сентябре того же года на средства Успенского монастыря в Новгороде купили «в Никандрову пустыню» тысячу кирпичей (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 509. Л. 4, 6 об.). Тихвинский настоятель принимал участие в строительстве этой обители. В 1687 г. казначей новгородского владыки Арсений писал Макарию: «А что твое намерение ехать в Никандрову пустынь, и я о том докладывал... митрополит указал тебе ехать по твоему обещанию помолитца и строения своего посмотреть». (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 35. Д. 300. Ст. 1).

Вокруг обретения мощей случился конфликт псковского митрополита Маркела, который «потряс» Никандрову пустынь, чем вызвал гнев патриарха Иоакима. Еще со времен царя Федора Алексеевича митрополит Маркел принадлежал к группе образованных архиереев, которые противостояли патриарху Иоакиму (См.: Седов, 2008. С. 393, 434, 441; Об образованности Маркела и поддержке его царем Петром см.: Морохин, Устинова, С. 61–70). Подаяние князя Михаила Яковлевича в небольшую псковскую обитель – свидетельство его личной вовлеченности в церковные распри.

В письме 18 ноября 1689 г. князь М. Я. Черкасский послал в Успенский монастырь «на молебен рубль, на свещу пред образ Пресвятыя Богородицы гривна, и тебе б, святой архимандрит, соборне совершить молебен с прошением ко Пресвятей Богородице». В сопроводительном

письме князь просил также снять мерку с венцов тихвинской иконы: «И прикажи с чудотворного Пресвятыя Богородицы образа, что под серебряным венцом, венец на бумаге обрезать, чтоб было во всем слово в слово как на образе и, запечатав тое бумагу в листу, безо всякого замотчания послать в Новгород к казначею Арсению с тем же человеком, будет от него кто нарочно с сею моею грамоткою прислан будет» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 39. Д. 50. Ст. 1).

В январе 1690 г. из Москвы в монастырь сообщили: «Пожаловал в дом Пресвятыя Богородицы в соборную церковь по своей праведной вере Михайло Яковлевич Черкаской паликадило медное болшое, а сколко весом будет, и о том от него, боярина князя Михаила Яковлевича, к вам, государем, в монастырь писано» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 39. Д. 97. Ст. 3). В следующем месяце он же дал средства на роспись соборного храма Успенского Тихвинского монастыря. В отписке представителя тихвинской обители из Москвы архимандриту Евфимию сообщали: «В нынешнем, государи, во 198-м году февраля в день по вашему, государи, указу против росписи золото и краски с иконописцом боярина князя Михаила Яковлевича Черкаского купили, а денег на золото заняли у него ж боярина семьдесят рублей, в том ему росписка дана» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 39. Д. 158. Ст. 1). В августе 1690 г. и в феврале 1691 г. князь М. Я. Черкасский покупал еще краски и посылал их в Успенский Тихвинский монастырь (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 40. Д. 3. Ст. 1; Картон 41. Д. 134. Ст. 1).

Князь Михаил Яковлевич Черкасский был женат на Марфе, дочери боярина Якова Никитича Одоевского, который таким образом вошел в число монастырских вкладчиков и пожелал иметь Книгу о чудесах иконы Тихвинской иконы. В письме 14 октября 1680 г. старец столичного подворья Успенского Тихвинского монастыря Аверкий Боранов сообщил об этом в свою обитель: боярин князь Я. Н. Одоевский поддерживал монастырь в приказных столичных хлопотах – «он в том деле за дом Пречистые Богородицы простираетца и к чудотворному ея образу веру держит велию. Да приказывал он мне, убогому, к вам, государем, отписать, чтоб прислали вы, государи, службу и чудеса Пресвятыя Богородицы чудотворные иконы Тихвинские, буде такой готовой книги доброго писма нескорописного у вас, государей, в монастыре нет, хотя б, государь, на стороне где промыслить. А буде на стороне промыслить немочно, хотя тое книгу к нему пришлите, что преж сего я к вам, государем, писал про дьяка Лва Протопопова». Далее монастырский стряпчий предложил своим властям: «Да по моему малоумному разумишку надобно было, государь, ему написать образ Пречистые Богородицы в чудесех мерою и подобием против чудотворнаго образа Тихвинские как преж сего послали в Новгород к боярину князю Юрию Михайловичю Одоевскому» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 56. Ст. 3).

В отписке 12 декабря 1681 г. тихвинский старец описал, как князю Я. Н. Одоевскому поднесли икону и книгу. Тихвинский старец приехал в Москву с ежегодной раздаточной рыбой и 3 декабря «образ Пресвятые Богородицы и Повесть о явлении и чудесех чудотворные иконы боярину Якову Никитичю Одоевскому мы поднесли, принял честнее со усердным желанием и слезным плачем. И к дому чудотворные иконы веру иметь и в деле нашем, что со Введенским (Тихвинский Введенский девичий монастырь. – П. С.), река спомоществовать» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 100. Ст. 1).

Племянник князя Я. Н. Одоевского – боярин князь Юрий Михайлович также оказался среди вкладчиков Успенского Тихвинского монастыря. В 1678–1680 гг. он служил воеводой в Великом Новгороде (Барсуков, 2010. С. 183). В первой половине августа (запись в монастырской расходной книге между 10 и 15-м) 1678 г. успенские власти купили для него рукописное «Сказание»: «Куплены Чудеса Пречистые Богородицы, отданы боярину князю Юрию Михайловичю, дано полтина» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 363. Л. 5 об.). Запись о покупке «Сказания» в монастырской приходо-расходной книге сделана более черными чернилами внизу листа, и ее, возможно, следует понимать не как вручение рукописи именно в августе 1678 г., а как покупку впрок при поднесении иконы в дальнейшем. Как увидим далее, месяцы спустя боярин все еще не получил рукопись «Сказания».

По-видимому, поводом для приготовления поднести воеводе «Сказание» и икону стала просьба самого князя Юрия Михайловича. В письме 12 августа 1678 г. он высоким штилем обратился к тихвинскому архимандриту Варсонофию: «Унизесе сердце мое во мне, чтоб сподобитися видети образ Пречистые Богородицы Тихвинские мерою и подобием противо чудотворныя иконы, уне бо мне мнитесе, яко образ Пресвятых Богородицы честнаго Одигитрия тихвинския вижу в дому своем» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Картон 25. Д. 50. Ст. 1). И. А. Шалина использовала этот документ в копии тихвинского краеведа И. П. Мордвинова (Шалина, 2020. С. 81, 95).

Стряпчий Успенского монастыря в Новгороде Герасим Стефанов в письме архимандриту Варсонофию 9 октября 1678 г. подробно описал, как 4 октября воевода принял написанную для него икону: «...стретил (со) свешеником чесно, вышел ис хором на двор и у нас принял со свешеником себе на руки, и внес в хоромы сам, и молебен перет образом Пречистые Богородицы служил с великою радостию, и о чудесех спрашивал. И по твоему, государь, приказу как напишут, того ж часу тебе, государю князь Юрий Михайлович, и вышлет. А будет гладью писать некому, и скорописью хорошенко написале б» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 25. Д. 144. Ст. 1). Похоже, что приготовленное для него в августе 1678 г. рукописное «Сказание» воевода тогда не получил и с нетерпением ждал его в октябре того же года. В письме 31 октября Г. Стефанов еще раз напомнил, что воевода

ждет обещанного описания чудес Тихвинской иконы: «Да велел тебе, государю архимандриту, боярин отписать о чудесех, чтоб прислать» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 25. Д. 176. Сст. 4 об.). В письме 11 ноября князь Ю. М. Одоевский поблагодарил архимандрита Варсонофия за присланную икону: «А что вы, господин, по моему прошению образ Пречистыя Богородицы мерою и подобием противо чудотворнаго ея образа Пресвятыя Богородицы Тихвинския изготовя, прислали ко мне в Великий Новгород, и о восприятии образа Пречистыя Богородицы Тихвинския мнитмися яко в домо своем обретох благодать божию и милость и заступление Пресвятыя Богородицы Тихвинския. И о сем яз наполнихся радости душевныя и телесныя». Далее воевода благодарил архимандрита за «вспоможение» его слуге, недавно посетившего монастырь и сообщил, что он посылает сукно «иконнику», который писал для него образ, и просил подрядить этого мастера написать «иконы двенадесятыя минеи месячныя на цках». За работу и материалы боярин обещал заплатить (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 25. Д. 194. Сст. 1–2). В январе 1679 г. архимандрит Варсонофий откликнулся на просьбу новгородского воеводы: «А дванадесятыя, государь, минеи я, убогой, иконописца писать наймовал, давал от писма тринадцать рублей, а он в последнем своем слове просил четырнадцати рублей... иконописец от дванадесятых миней менши тринадцати рублей не емлет, а писма сказывает, что в год в ряд написать, а скорее ника невозможно» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. Д. 171. Сст. 1).

В Новгороде боярина постигла болезнь: по словам стряпчего новгородского подворья Валдайского Иверского монастыря, князь Юрий Михайлович в 1679 г. «с Вербной недели в приказе не бывает и ко владыки на благословение не ходит... потому что боярин немощен» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2806. Сст. 92–93). Болезнь была нешуточной: 16 мая 1679 г. по «имянному» царскому указу для лечения воеводы из Москвы в Новгород «наскоро» послали доктора Лаврентия Блюментроста (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1269. Л. 1; Д. 1315. Л. 87), а по возвращении из Новгорода в Москву князю Ю. М. Одоевскому продолжали выписывать лекарства из царской аптеки (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1315. Л. 118).

Недуг князя мог стать дополнительным мотивом обратиться к заступничеству иконы Тихвинской Богородицы, прославленной за чудесные исцеления. Князь Юрий Михайлович писал в Успенский Тихвинский монастырь с просьбой молиться за его здоровье. 17 июня архимандрит Варсонофий отправил воеводе ответное послание. Письмо имеет дату оправления – 17 июня, но без указания года. По-видимому, его можно датировать июнем 1679 г., когда к князю приехал царский доктор из столицы: «По обещанию твоему государеву и по приказу по словеси приказные полаты Судного стола подьячево Антипа Федорова мы, убогие, в соборной церкви перед чудотворным Пресвятыя Богоро-

дицы образом со священники и диаконы соборне о твоём, государя нашего, многолетнем здравии молебное пение совершали и воду с мощми святых, освятив и монастырскую казенную печатью в сосудце запечатав и просфиру за твоё и всего дома твоего государева многолетнее здравие выняв, со образом Пресвятыя Богородицы чудотворыя иконы тихвинские отпустили во благословение тебе, государь, в Великий Новгород с ним же подьячим Антипом Федоровым» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. Д. 118. Сст. 1).

Князь Ю. М. Одоевский проявил интерес не только к святыням Успенского Тихвинского монастыря. На пути из Новгорода в Москву он 26 января 1680 г. побывал в Валдайском Иверском монастыре, о чем наместник Зосима сообщил архимандриту Евмению, находившемуся тогда в Старой Руссе. Письмо наместника Зосимы архимандриту Евмению имеет некоторые утраты текста, в том числе и указание на год послания. При архивном описании документа год был установлен ошибочно: 1679-й. В действительности князь Ю. М. Одоевский мог проехать через Валдайский Иверский монастырь по дороге в Москву только в январе 1680 г. Боярину поднесли «от мощей чудотв(орца) Иякова, отняв, часточку в сохранении д(а книги) Рай и Брашно да две иконы Пресвятыя Богородицы Иверские неокладных». Снабдив бывшего новгородского воеводу харчевым запасом, иверские старцы «после обедни и государские задравные чаши с подобною честию» проводили князя в сторону Москвы до села Едрова (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2816. Сст. 1–2).

По возвращении в Москву князь Юрий Михайлович положил в свою столичную церковь Знамения, «что на его дворе», украшенный миниатюрами сборник новгородских агиографических произведений, состоящий из трех частей жития: Варлаама Хутынского, Антония Римлянина и Михаила Клопского (Лихачева, 1966. С. 336–341; Малышев, 1972. С. 454–457). Очевидно, что во время новгородского воеводства князь Ю. М. Одоевский проявил широкий интерес к различным агиографическим текстам местных святых.

Таким образом, семьи князей Прозоровских, Одоевских и Черкасских (О других вкладах князя М. Я. Черкасского в Успенский Тихвинский монастырь см.: Шалина, 2021. С. 178–179) отличались особым почитанием иконы Тихвинской Божьей матери и имели в своих домах несколько списков Книги о ее чудесах.

Среди вкладчиков Успенского Тихвинского монастыря второй половины XVII в. многие были новгородскими воеводами: боярин князь И. Б. Репнин (1661–1665), боярин князь Ю. М. Одоевский (1678–1680), боярин князь М. Я. Черкасский (1685), боярин князь П. С. Прозоровский (1689), спальник царя Ивана Алексеевича князь Н. П. Прозоровский (1691), боярин князь Б. И. Прозоровский (1692–1697), окольный П. М. Апраксин (1697–1699) (Барсуков, 2010. С. 182–184). Прямое указание на то, что новгородские воеводы в дальнейшем продолжали по-

лучать подношения и письма с выражением «приятства» от тихвинских властей, находим в отписке монаха Германа в монастырь от 8 января 1697 г. Герман, перечисляя, кому он подал отписки в столице, сообщил любопытную подробность: «Князю Борису Ивановичю (Прозоровскому. – П. С.) подал отписку, у него в полаты прилучился князь Андрей Петрович Прозоровской, спросил: от архимандрита ко мне ест ли писмо. И я сказал – нет. Для чево нет? Князь Борис сказал ему: для тово тебе нет, что ты в Великом Новгороде не бывал воеводою, сам розсмеялся» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 50. Сст. 1). Смех князя Б. И. Прозоровского, только что вернувшегося с новгородского воеводства в столицу, указывает на подразумеваемый смысл диалога: князь Андрей Петрович, сын боярина Петра Семеновича Большого Прозоровского, не был с отцом в Новгороде в 1689 г. В 1689 г. новгородский воевода князь П. С. Меньшой Прозоровский в письме в Успенский Тихвинский монастырь упомянул, что с ним в Новгороде были только младшие сыновья: «А пожалуете велите ведать о мне, и на службе великих государей я в Великом Новгороде с князь Никитою и князь Александром июня по 10 день до воли божию жив» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 39. Д. 23. Сст. 1). По этой причине князь Андрей Петрович не получил «приятственное» письмо от тихвинского архимандрита.

Список с тихвинской чудотворной иконы хотели иметь представители других думных и московских чинов. В мае 1669 г. монастырский слуга писал из Москвы: «Да говорил мне Иван Афанасьевич Прончищев (думный дворянин. – П. С.), чтоб мне к вам отписать о присылке к нему образа Пресвятыя Богородицы Тихвинские, у него-де в доме нет» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 12. Д. 212. Сст. 1). В 1661 г. И. А. Прончищев еще в чине стольника участвовал в подписании Кардисского мира под началом боярина князя И. С. Прозоровского. За эту посольскую службу 15 сентября 1661 г. он был пожалован в думные дворяне, а также шубой, кубком, придачей к окладу «да на вотчину 4000 ефимков» (Дополнения, 1854. Сст. 247, 279, 289–290). Для И. А. Прончищева список тихвинской иконы был не только чудотворным образом, но и памятью о служебном возвышении.

Приказные люди также желали получить «Сказание» от тихвинских властей. В феврале 1672 г. представитель монастыря писал из Москвы: «Да Бога ради пришлите, государь, книгу Чюдеса Пресвятыя Богородицы Борису Протопопову (подьячий, затем дьяк. – П. С.), беспрестанно он о том мне докучает» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 15. Д. 234. Сст. 4). Среди документов 1668–1674 гг. сохранилась отписка из Новгорода в Успенский монастырь, датированная 8 июня без указания года, с просьбой прислать Книгу местному подьячему, который иначе волочит монастырские дела (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 11. Д. 330. Сст. 1).

17 ноября 1691 г. олонецкий воевода Л. А. Стрешнев попросил тихвинского архимандрита Евмения «написать две иконы самым добрым мастерством: Александра Свирского чудотворца в житии, обе б были мерою штилистовые, одна икона по обещанию мне, а другая надобно брату боярину Тихону Никитичю» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 41. Д. 241. Сст. 4). В ответном послании архимандрит известил Л. А. Стрешнева: «По твоему, государю, изволению образ Пречистой Богородицы мерою против чудотворцова образа написан и отпущен к тебе, государю, декабря в 14 день с монахом Германом. А иконы, государь, Александра Свирского чудотворца не писан для того, что в твоём письме писано, велено писать в житии, а мерою были б иконы штилистовые. И иконописцы, государь, на пядницах штилистовых в житии писать не емлютца, на таких-де пядницах штилистовых в житии не уписать будет. И о том, государь, прикажи отписать, что из ево чудотворцова Жития на тех штилистовых пядницах писать изволишь» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 41. Д. 241. Сст. 1 об.).

По обычаю при рождении царевичей и царевен по монастырям развозили богомольные грамоты. 10 ноября 1691 г. в Успенский Тихвинский монастырь привез такую грамоту о рождении царевича Александра Петровича стольник Василий Никитич Зотов, сын учителя царя Петра I. От монастыря стольнику поднесли «образ на окладе да камки красной портишо, да в почесть денег 5 рублей, людем ево рубль, да подьячему образ на краски да денег полтину» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 41. Д. 256. Сст. 1).

Любопытны сведения о повседневном внутреннем почитании чудотворной иконы в монастыре. В 1703 г. два тихвинских монаха Езекиль и Стефан повезли из обители в Новгород изветную челобитную на своего архимандрита Боголепа. Оправдываясь перед новгородским митрополитом в том, что они поехали не самочинно, монахи упомянули следующий факт: «вышли из монастыря не убегом и не утайкою, и на отпуске нашем священницы все иеродияконы Пресвятей Богородицы пред чудотворным ея образом пели соборной молебен» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 53. Д. 134. Сст. 2). В 1703 г. архимандрит Боголеп давал объяснения новгородскому владыке о конфликте в монастыре и заявил, что существует обычай «уверять» нового казначея чудотворной иконой (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 53. Д. 210. Сст. 6).

В годы Северной войны почитание святынь Успенского Тихвинского монастыря было частью общей молитвы о даровании победы над врагом. 7 ноября 1702 г. думный дьяк Е. И. Украинцев отправил тихвинским властям письмо из Ладоги. Сообщив о намерении царя Петра «от новозавоеванного города Шлюсельбурха итить з 9-го или з 10-го ноября чрез Ладогу в Великий Новгород», Емельян Игнатьевич прибавил: «Я усердно радею и желаю, чтоб отсюда забресть к вам во святое место поклонитца чудотворному образу Пресвятыя Владычицы нашея

Богородицы, надежда нашей христианской, и аще меня Господь Бог помилует, по походе государском побреду по желанию моему» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 52. Д. 195. Л. 1. Сохранились также письма того же года архимандрита Боголепа Е. И. Украинцеву (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 52. Д. 203, 220, 222)). 14 января 1703 г. по дороге из Новгорода к действующей армии в монастырь заехали помолиться генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев и его брат Василий Петрович (Письмо из монастыря от келаря Александра и казначея иеродиакона Ионы «з братиею» архимандриту Боголепу – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 53. Д. 53. Ст. 1). Под тем же числом во вкладной книге записан вклад Б. П. Шереметева 5 руб. на стол братии (Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Ф. 132. Оп. 1. Д. 75. Л. 89 об.). В том же году архимандрит Боголеп в письме из Москвы в монастырь сообщил о намерении А. Д. Меншикова побывать в монастыре на пути в Олонец: «А чинитца нам слышно, что он, Александр Данилович Меншиков, в скорых числах хочет ехать на Олонец, а нам ево ведеть не улучитца. А как (в ркп. *как* дописано теми же почерком и чернилами над строкой) в монастыре у Богородицы будет, и вам бы ему воздать честь, бить челом ему, чтоб пожаловал в мою крестовую келью, пищи приготовьте довольно добрые и питьем потчуйте, чтоб святей обители в том в зазрении от них и в бесчестьи не быть, и ему, Александру Даниловичю, поднесите икону (в ркп. *икону* дописано теми же почерком и чернилами над строкой) образ Пресвятыя Богородицы да хлеб, бочку сигов» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 60. Д. 39. Л. 2).

7 июня 1715 г. грек Георгий Леонтьев сын Цареградский «променил» за 300 руб. в Великом Новгороде тихвинскому казначею иеромонаху Феодосию «свой» образ «Богородицы Одигитрии с Превечным младенцем, венцы и оклад золотой с камением драгим, у Превечнаго младенца в венце два камия яхонты желтые, в том же венце вокруг каменье яхонты ж красные, у Богоматере венцы семь камней лал красные, а по сторонам по полям камение мелкое изумруд зеленой». «Крепость», утвердившую «промену», подписали епископ Карельский и Ладожский Аарон и грек архимандрит Филимон, который оставил свое рукоприкладство на греческом (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 55. Д. 267. Л. 1).

25 февраля 1717 г. архимандрит Павел дал письменные указания из Петербурга в свою обитель о завершении работ по украшению иконостаса: «Золатаря, когда иконостас вызолотят, изволте им за работу заплатить денег тридцать пять рублей, буде им мало покажется хотя еще прибавте рубли два или три и отправте их честно на монастырских подводах в Новгород. А лутче бы нанять им после збора попутных ездаков, а денги из монастыря заплатите за те подводы». Далее архимандрит распорядился: «Иконостас, когда вызолотится, хорошо бы ево к ярмонки и поставит в часовне, и образ Пресвятыя Богородицы Тихвинские, которой у леваго столпа в новом киоте стоит, изволте перенест и в ча-

совне в новом иконостасе поставить, другой образ Иоанна Богослова испапери, третей образ Николая чудотворца, которой над левым крылом стоит, и лампы как мочно серебряник к ярмонки изготовил. И управте в часовни ко иконам крюки к лампадам, велите сковать против трапезных. Золаторей напутствуйте хлебом и рыбой» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 55. Д. 284. Л. 1 об.–2).

В 1719 г. вдова царя Ивана Алексеевича намеревалась приехать в Успенский монастырь помолиться. В письме 19 июня иеромонах Никодим писал архимандриту Варлааму из Петербурга: «Государыня царица Параскева Федоровна о путешествии своем изволила сама сказать: сумневаюся-де куда наперед ехать, желаю я Богородицы помолиться, да не ведаю каков путь, не жесток ли де есть, и о том-де еще всяко размышляю. И вскоре ль путь воспримет, того именно не сказала, разве-де в июле месяце» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 56. Д. 73. Л. 2).

Бытование «Сказания о чудесах иконы Тихвинской Божьей матери» во второй половине XVII – начале XVIII в. отражает синкретический характер мирозерцания того времени: церковная практика и мирские события воспринимались как части целостной религиозной картины бытия.

Бытование «Сказания» и почитание чудотворной тихвинской иконы следует воспринимать не изолированно в агиографическом или искусствоведческом аспекте, а как часть общегосударственных мероприятий военного времени, а также и как глубоко прочувствованные поступки вкладчиков монастыря. Перед нами широкое почитание иконы современниками, в особенности вкладчиками – теми, кто искал в святые опоры в трудные времена жизни страны и своей собственной.

Литература и источники

Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. М.: Кучково поле, 2010. 688 с.

Дилигул Е. С. Новые сведения о чудесах Тихвинской иконы Богоматери в начале XVIII в. // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / Санкт-Петербургский ин-т истории РАН; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; Институт археологии РАН. Вып. 18 (28). Великий Новгород, 2019. С. 387–393.

Дилигул Е. С. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери в творчестве Симеона Полоцкого // Сімяон Полацкі: Светопогляд, грамадска-політична і літаратурна дзейнасць. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі 21–22 лістапада 2019. Мінск, 2019. С. 72–78.

Дилигул Е. С. Рукописная традиция о Тихвинской иконе Богоматери в XVII в. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3 (19). С. 259–266.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографический справочник / отв. сост. Г. А. Иванова. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 720 с.

Дополнение к тому III-му Дворцовых разрядов. СПб., 1854.

Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в городе Тихвине. СПб.: Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1888. 219, 3, XL, 2 с.

Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир: Типо-лит. В. А. Паркова, 1897. Вып. 4. 588, VIII с.

Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Литературная история памятника до XVII века. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи, тексты. М.: Языки славянских культур, 2007. 307 с., [9] л.

Лихачева Л. Д. Миниатюристи – читатели новгородских литературных произведений // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 336–341.

Мальшев В. И. О вкладной записи на лицевом сборнике XVII в. из коллекции Ф. А. Кашкина // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. XXVII. С. 454–457.

Морохин А., Устинова И. Смерть патриарха Иоакима и выборы главы Русской Православной Церкви в 1690 г. // Российская история. 2022. № 5. С. 61–70.

Панина Н. Л. Текст и миниатюры в списках «Книги об иконе Тихвинской» XVII–XVIII веков и Акафист Богоматери // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 2. С. 119–124.

Панина Н. Л. Устойчивый изобразительный ряд поздней рукописной традиции. Рукопись на соиск. степ. докт. искусств. Барнаул, 2013. 502 с.

Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века / Российская акад. наук, Санкт-Петербургский ин-т истории. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 603, [1] с.

Седов П. В. Практика взаимодействия монастырских властей с «добрыми людьми» в Москве во второй половине XVII (по материалам Антониево-Сийского монастыря) // Российское государство в XVI – начале XVIII века. Сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. СПб., 2022. Вып. 7 (23). С. 384–412.

Семенов А. И. Вкладные записи XVII в. на книгах Новгородской Софийской библиотеки // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 484–489.

Серебрякова Е. И. К вопросу о типах лицевых рукописных «Книг о Тихвинской иконе Богоматери XVII–XVIII вв.» // Труды государственного исторического музея. М., 2003. Вып. 136.

Серебрякова Е. И. Солнце умное мысленное. Книга о Тихвинской иконе Богоматери: кодикологические и художественные особенности (по рукописям ГИМ) // На рубеже культур: Тихвин в XVII столетии. СПб., 2015. [2] с., 376 с.

Царевская Т. Ю. Икона «Богоматерь Тихвинская» в Софийском соборе Великого Новгорода: предание, история, реставрация // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2017. С. 160–175.

Шалина И. А. Две плащаницы XVII в. из Успенского собора Тихвинского монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2021. № 1 (83). С. 171–185.

Шалина И. А. Методы работы иконописцев XVII века по документам архива Тихвинского монастыря // XXIV Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): сборник статей. Ярославль, 2020. С. 77–97.

Архивные материалы

- Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 8. Д. 11, 123, 140.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 10. Д. 194.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 11. Д. 238, 330, 332.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 12. Д. 212.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 13. Д. 214.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 15. Д. 234, 241.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 16. Д. 1, 19.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 20. Д. 22, 64.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 21. Д. 41, 43.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 22. Д. 24.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 23. Д. 179.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 24. Д. 127, 159, 187, 207, 216, 230.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 25. Д. 45, 50, 144, 176, 194.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. Д. 96а, 97а, 118, 171, 200.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 27. Д. 21, 54.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 28. Д. 42, 80.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 29. Д. 165, 172, 175, 176, 202, 227.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 30. Д. 2, 19, 56, 100, 110, 148, 153, 182, 188.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 31. Д. 13, 184, 186, 205.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 33. Д. 112, 142.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. Д. 117, 158, 241, 249, 251, 257, 259.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 35. Д. 300, 312.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 36. Д. 18, 97, 98, 230, 260.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 39. Д. 23, 32, 50, 58, 97, 158.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 40. Д. 3.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 41. Д. 134, 241, 256, 338.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 50. Д. 234.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 52. Д. 195, 203, 220, 222.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 53. Д. 53, 134, 210.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 55. Д. 267, 284.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 56. Д. 73.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 59. Д. 32.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 60. Д. 39.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2004, 2806, 2816.
Архив СПБНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 189, 363, 384, 448, 509.
Архив СПБНИИ РАН. Колл. 115. Д. 75.
Архив СПБНИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 35.
ОР РНБ. Ф. 463. (А. Ф. Малов). Д. 179.
РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1269, 1315.
РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 501.
РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 508.

УДК 94(47.24).04:27-788(47.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.11

И. А. Поляков, А. П. Павлов

ПРЕДСТАВИТЕЛИ КНЯЖЕСКО-БОЯРСКОЙ ЗНАТИ КАК ВКЛАДЧИКИ УСПЕНСКОГО ТИХВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ¹

Аннотация. Статья посвящена изучению вкладов в Успенский Тихвинский монастырь представителей княжеско-боярской знати в XVII веке. Наиболее активными вкладчиками монастыря выступали князья Прозоровские. Особенно щедрые вклады в монастырь внес кн. Семен Васильевич Прозоровский, руководитель обороны Тихвинского монастыря в 1613 г. Авторы пришли к выводу о том, что вокруг Успенского Тихвинского монастыря группировался круг людей, тесно связанных между собой родственными и личными отношениями. Среди вкладчиков монастыря преобладали лица, близкие к придворной группировке Романовых–Черкасских, с которой были связаны и князья Прозоровские. На примере Успенского Тихвинского монастыря авторы показывают, что данные о вкладах в монастыри являются ценнейшим источником для изучения неформальных связей внутри правящих верхов Русского государства.

Ключевые слова: Успенский Тихвинский монастырь, вклады в монастырь, княжеско-боярская знать, родственные связи, придворные группировки.

Abstract. The article is devoted to the study of the contributions to the Assumption Tikhvin Monastery of the princely-boyar nobility in the 17th century. The most active contributors to the monastery were the princes Prozorovsky. Particularly generous contributions to the monastery were made by Semyon Vasilyevich Prozorovsky, who was the head of the defense of the Tikhvin Monastery in 1613. The authors came to the conclusion that around the Tikhvin Monastery there was a group of people who were closely ties. Among the contributors to the monastery, persons who were associated with the court group of the Romanovs-Cherkasskys predominated. The Prozorovsky princes were also associated with this grouping. Using the example of the Tikhvin Monastery, the authors show that data on contributions to monasteries

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)».

are a valuable source for studying informal ties within the ruling elites of the Russian state.

Keywords: Uspensky Tikhvin Monastery, contributions to the monastery, princely-boyar nobility, family ties, court groups.

Одним из показателей значения Успенского Тихвинского монастыря как духовного центра страны в XVII веке может служить большое число вкладов представителей разных сословий – духовенства, служилых людей, посадских людей и крестьян.

Наиболее полную информацию о составе вкладчиков Тихвинского монастыря² содержит хорошо сохранившийся комплекс приходо-расходных книг монастыря, который дает возможность проследить вклады практически по всем годам, начиная с 20-х годов и до конца XVII в. Их материал послужил основой для написания данной статьи. Между тем комплекс приходо-расходных книг не исчерпывает всего богатства информации о вкладах и вкладчиках, которая содержится в документальном собрании Успенского Тихвинского монастыря, хранящемся в Архиве СПбИИ РАН (Ф. 132). Помимо приходо-расходных книг, сведения о вкладах и вкладчиках включают в себя переписные книги движимого имущества, вкладная книга и различного рода хозяйственная документация монастыря. Привлечение всего этого обширного документального корпуса источников в совокупности для изучения вкладов в монастырь – задача будущих исследований. Лишь частично, применительно к последней трети XVII в., его комплексно использовал П. В. Седов для изучения вкладов в Успенский Тихвинский монастырь представителей правящей элиты (Седов, 2006. С. 93–96).

В приходо-расходных книгах Успенского Тихвинского монастыря (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132 (Успенский Тихвинский монастырь). Оп. 2. Д. 6–1256³) значится большое число вкладов в монастырь служилых людей как представителей правящей элиты, так и рядовых дворян, преимущественно новгородцев, среди которых встречаются имена участников Тихвинского сидения 1613 г. В настоящей мы остановимся на рассмотрении вкладов представителей элиты, членов царского двора.

Среди вкладчиков Тихвинского монастыря мы видим представителей целого ряда знатных княжеско-боярских родов – князей Мстиславских, Воротынских, Шуйских, Голицыных, Трубецких, Черкасских, Пронских, Лыковых, Репниных, Пожарских, Прозоровских, Долгоруко-

---

² Здесь и далее в статье под словосочетанием «Тихвинский монастырь» подразумевается «Успенский Тихвинский монастырь». Стоит отметить, что в XVII в. в Тихвине был расположен ещё один «Тихвинский монастырь» – женский Введенский Тихвинский монастырь.

³ В составе этого комплекса выделяются приходо-расходные, переписные, раздаточные, окладные и другие хозяйственные книги Успенского Тихвинского монастыря и приписанных к нему монастырей за XVII – середину XVIII в.

вых, знатнейших старомосковских родов – Романовых, Салтыковых, Шеиных; представителей новой (выдвинувшейся в Думу в XVII в.) знати – кн. Львовых, кн. Волконских, Волынских, Пушкиных; царских родственников – Стрешневых, Милославских, Нагих. В рамках настоящей статьи нет возможности дать подробное описание вкладов. Задача статьи – выявление по материалам приходо-расходных книг персонального состава вкладчиков Успенского Тихвинского монастыря из представителей знатных родов и установление их родственных, клановых и иных связей.

В числе ранних вкладов в Успенский Тихвинский монастырь, зафиксированных в приходо-расходных книгах, встречаем вклады младшей дочери боярина кн. Ивана Фёдоровича Мстиславского княжны старицы Вознесенского девичья монастыря в Москве Ирины (в миру Агриппины) Ивановны; упоминаются ее вклады 1624, 1631 и 1634 гг. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 6. Л. 34; Оп. 2. Д. 33. Л. 4 об.).

В марте 1624 г. вклад в Тихвинский монастырь сделала старица княгиня Софья (в миру Соломонида) Голицына, вдова кн. Василия Юрьевича Голицына, а в апреле 1625 г. вклад в монастырь был уже сделан по ней (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 6. Л. 22; Оп. 2. Д. 6. Л. 42 об.). Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря она ошибочно названа женой кн. Ивана Юрьевича Голицына (Троицкая вкладная. С. 136), хотя известно, что женой последнего была дочь князя И. Ф. Мстиславского Ирина (инока Александра) Ивановна.

В октябре 1625 г. был сделан вклад в Тихвинский монастырь драгоценными сосудами и одеждой боярином Иваном Никитичем Романовым, родным дядей царя Михаила Фёдоровича (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 6. Л. 53). В феврале и ноябре 1634 г. боярином И. Н. Романовым было сделано 2 вклада по Тимофее (иноке Тихоне) Васильевиче Боборыкине на сумму 100 рублей (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 33. Л. 110, 111). В октябре 1639 г. был сделан вклад по сестре И. Н. Романова Ирине Никитичне, вдове И. И. Годунова (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 61. Л. 16).

В феврале 1625 г. вклад в монастырь сделал близкий к романовской семье боярин Михаил Борисович Шеин, приезжавший из Москвы в Тихвин на богомолье (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 6. Л. 38). М. Б. Шеин был породнен с боярином кн. Борисом Михайловичем Лыковым – дочь кн. Б. М. Лыкова была выдана замуж за сына М. Б. Шеина Ивана (Татищев Ю. В., 1907. С. 26). Сам кн. Б. М. Лыков являлся близким родственником семьи Романовых – его жена Анастасия Никитична приходилась сестрой патриарха Филарета и теткой царя Михаила. 30 ноября 1642 г. Б. М. Лыков сделал крупный вклад в Троице-Сергиев монастырь (200 рублей) по душе М. Б. Шеина в Троице-Сергиев монастырь (Троицкая вкладная. С. 278).

В марте 1626 г. сделал вклад в Тихвинский монастырь боярин кн. Дмитрий Михайлович Пожарский (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132.

Оп. 2. Д. 6. Л. 63). Пожарский был связан родством с домом Голицыных. Он был женат на дочери кн. Андрея Ивановича Голицына Феодоре. 15 сентября 1643 г. жена (вдова) кн. Д. М. Пожарского княгиня Феодора Андреевна (урожд. Голицына) сделала вклад в Троице-Сергиев монастырь по кн. Андрее Васильевиче Голицыне, двоюродном брате ее отца, сыне упомянутой выше Софьи (Соломонида) Голицыной. Пожарский был близок к романовскому кругу, в частности к одному из видных его представителей боярину Федору Ивановичу Шереметеву, выступал в качестве его душеприказчика (Завещание князя Дмитрия Пожарского. С. 154).

Из представителей знати наиболее активными вкладчиками монастыря выступали князья Прозоровские, вклады которых по приходо-расходным книгам монастыря прослеживаются с 1630 года и до конца XVII века. Особенно щедрые вклады в монастырь внес Семен Васильевич Прозоровский, руководитель обороны Тихвинского монастыря от шведских войск в 1613 г. За период с 1630 г. по 1659 г. он сделал в монастырь 12 вкладов на сумму в 161 рублей, а также иконами, богатой одеждой и драгоценностями (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 6. Л. 177; Д. 33. Л. 79 об., 112, 113, 129, 129 об.; Д. 60. Л. 7 об.–8 об.; Д. 79. Л. 18; Д. 99. Л. 6; Д. 160. Л. 12; Д. 174. Л. 13). Он скончался 14 сентября 1660 г. (интересно отметить, что это был день окончания Тихвинской осады 1613 г.) и был погребен на паперти Успенского собора, приняв перед смертью монашеский постриг под именем Сергий. Кн. С. В. Прозоровский был самым авторитетным представителем рода, его главой. Он стал первым из князей Прозоровских, пожалованных в Думу (сначала как окольный, затем как боярин – Дворцовые разряды. Т. II. Стб. 129; Т. III. Стб. 42). Своей карьерой при дворе и известностью в стране он в значительной степени был обязан тому, что был руководителем обороны Тихвинского монастыря в 1613 г. (успех под Тихвином был первой крупной победой над интервентами при Михаиле Фёдоровиче Романове). Благодаря С. В. Прозоровскому успешную карьеру при дворе делают и члены его рода. При дворе в XVII в. служили сыновья кн. Семена Васильевича (князья Иван, Петр, Михаил, Пётр Меньшой и Александр Семеновичи) и его внуки (князья Петр, Борис большой и Борис меньшой Ивановичи, Василий, Алексей, Андрей, Никита, Александр и Владимир Петровичи), а также его брат кн. Матвей Васильевич. Большинство из 14 сыновей и внуков героя тихвинских событий кн. Семена Васильевича Прозоровского (8 человек) стали членами Боярской думы (Marshall T. Pое, 2004. P. 434–436) – весьма выдающаяся карьера рода! Сказанное объясняет большую степень привязанности членов рода кн. Прозоровских к Тихвинскому монастырю. Не случайно почти все упомянутые выше представители рода кн. Прозоровских значатся в качестве вкладчиков Тихвинского монастыря в 30–80-е годы XVII в. – брат кн. Семена Васильевича кн. Матвей Васильевич (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 92. Л. 54; Д. 239. Л. 15

об.; Д. 247. Л. 9), сыновья кн. Семена Васильевича (князя Иван, Пётр Большой, Михаил, Пётр Меньшой и Александр – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 92. Л. 54 об.; Д. 174. Л. 13; Д. 177. Л. 4 об., 9 об., 10 об., 11, 12), внуки кн. Семена Васильевича (князя Пётр и Борис Ивановичи, Василий и Алексей Петровичи – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 267. Л. 43, 43 об.; Седов, 2006. С. 94, 95).

Князья Прозоровские являлись не только наиболее значительными вкладчиками Тихвинского Успенского монастыря, но также и активными участниками жизни монастыря, лоббировали в Москве и городах его интересы (Седов, 2006. С. 95).

Тесные связи с Тихвинской обителью в XVII в. устанавливают лица, близкие к семье князей Прозоровских.

Среди вкладчиков Тихвинского монастыря значился знатный боярин кн. Иван Иванович Шуйский, давший в монастырь 5 довольно крупных вкладов деньгами (всего 268 руб.) и драгоценностями (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 6. Л. 195 об.; Д. 33. Л. 54, 111, 129 об.). Кн. И. И. Шуйский состоял в близком родстве с кн. Прозоровскими. В своей духовной 1637 г. он называл С. В. Прозоровского, его брата Матвея и их сестер Ульяну Васильевну (вдову кн. Романа Фёдоровича Троекурова) и Евдокию Васильевну (жену кн. Михаила Петровича Пронского) своими «племянниками» и «племянницами» (Духовная Ивана Ивановича Шуйского. С. 260–263). Вопрос о степени родства Прозоровских с Шуйскими, впрочем, не вполне ясен. Известно, что женой Василия Александровича Прозоровского была Аграфена Ивановна Шуйская (дочь кн. Ивана Андреевича Шуйского; приходилась сестрой И. И. Шуйского). Но у кн. В. А. Прозоровского была вторая жена Евдокия (Авдотья) Григорьевна Перепечина, которая, судя по всему, и была матерью Семена Васильевича Прозоровского и его братьев и сестер (Павлов, 2018. С. 369–370). Тем не менее Прозоровские и Шуйские находились в весьма близких отношениях. С. В. и М. В. Прозоровские выступали в духовной И. И. Шуйского 1637 г. в качестве душеприказчиков. С. В. Прозоровский дал в Тихвинский монастырь вклад по душе И. И. Шуйского, инока Ионы (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 60. Л. 8–8 об.), умершего в 1638 г.

В родственных и личных связях с князьями Прозоровскими и И. И. Шуйским состояли и многие другие вкладчики Тихвинского монастыря.

Среди них князья Михаил и Иван Петровичи Пронские. Михаил сделал в Тихвинский монастырь 2 вклада – в 1639 и 1642 гг. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 60. Л. 8 об.; Д. 76. Л. 18.); его брат Иван сделал вклад в монастырь в 1672 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 267. Л. 43 об.). М. П. Пронский был женат на родной сестре С. В. Прозоровского княж. Евдокии Васильевне (Лобачев, 1998. С. 315), которую кн. И. И. Шуйский в духовной назвал своей «племянницей».

Близки к Прозоровским и Шуйскому были князья Черкасские. Через брак с дочерью Василия Петровича Морозова кн. И. И. Шуйский состоял в свойстве с видным деятелем московского правительства 20-х – начала 40-х гг. XVII в., родственником Романовых кн. Иваном Борисовичем Черкасским, который был женат на другой дочери Морозова (Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского. С. 81; ГИМ. ОР. Собр. Уварова. № 206. Л. 114; РГАДА. Ф. 396. Кн. 207. Л. 378 об.; Кн. 208. Л. 3 об., 14, 18). Дочь кн. С. В. Прозоровского Евдокия в январе 1638 г. вышла замуж за кн. Якова Куденетовича Черкасского (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 293. Л. 110 об.–111), что еще больше укрепляло связи клана Шуйских и Прозоровских с семьей князей Черкасских. Известны вклады в Тихвинский монастырь кн. Я. К. Черкасского (3 вклада на общую сумму в 250 руб. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 139. Л. 10; Д. 177. Л. 9 об.; Д. 218. Л. 15) и его сына Михаила Яковлевича Черкасского (4 вклада на сумму в 343 руб. на помин души отца, а также С. В. Прозоровского, деда по матери. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 227. Л. 13; Д. 247. Л. 2 об.; Д. 267. Л. 5, 42 об.). Кн. М. Я. Черкасский являлся душеприказчиком в духовном завещании кн. Матвея Васильевича Прозоровского 1669 г. (Лобачев, 1998. С. 327). Боярин кн. И. Б. Черкасский выступал в качестве одного из душеприказчиков кн. И. И. Шуйского вместе с князьями С. В. и М. В. Прозоровскими и М. П. Пронским (Духовная Ивана Ивановича Шуйского. С. 258).

Наряду с князьями Черкасскими Прозоровские находились в близких отношениях с другими боярами романовского клана. В 1631/32 г. С. В. Прозоровский вместе с И. Н. Романовым, Семеном Васильевичем Головиным и кн. Никитой Ивановичем Одоевским был послухом на сговорной сестры кн. Алексея Ивановича Воротынского с кн. Федором Сунчелеевичем Черкасским 1631/32 г. (Шереметев, 1880. С. 133).

Кн. А. И. Воротынский был женат первым браком на сестре царицы Евдокии Лукьяновны Марии Лукьяновной Стрешневой, а вторым браком (с 1636 г.) – на дочери боярина Ивана Никитича Романова Марфе Ивановне (Павлов, 2018. С. 430, 452). А. И. Воротынский близок к И. И. Шуйскому – в своей духовной 1637 г. И. И. Шуйский благословил его образом Спаса (Духовная Ивана Ивановича Шуйского. С. 260). Упоминаются вклады в Тихвинский монастырь кн. А. И. Воротынского и его сына Ивана на помин души отца (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 60. Л. 8; Д. 113. Л. 37).

Через брак сына С. В. Прозоровского кн. Петра Семеновича с дочерью кн. Андрея Сатыевича Урусова кнж. Варварой Андреевной Прозоровские породнились с близким родственником Романовых боярином кн. Б. М. Лыковым, женатым на родной сестре Филарета Никитича Романова Анастасии, тетке царя Михаила Фёдоровича – брат Варвары Андреевны Прозоровской кн. Семен Андреевич Урусов был женат на

дочери Б. М. Лыкова Федосье Борисовне (Павлов, 2018. С. 586). Выше говорилось о близости кн. Б. М. Лыкова с боярином М. Б. Шеиным, также выступавшим в качестве вкладчика Тихвинского монастыря. В 1640 г. Б. М. Лыков сделал в обитель богатый вклад по себе и супруге Анастасии Никитичне, и по душе своих родителей (200 руб. и 45 руб. на корм братии. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 61. Л. 23 об. – 24). Среди вкладчиков монастыря значится кн. Иван Борисович Репнин (его вклад 1665 г.), человек, близкий к Б. М. Лыкову и кн. Петру Ивановичу Прозоровскому, внуку С. В. Прозоровского (Седов, 2006. С. 95). Князь И. Б. Репнин был внуком кн. Александра Андреевича Репнина, входившего в круг бояр Романовых и пострадавшего по делу Романовых в царствование Бориса Годунова (Павлов, 1992. С. 73, 75).

В близких отношениях с отцом И. Б. Репнина кн. Борисом Александровичем Репниным состоял кн. Алексей Никитич Трубецкой, выступавший в качестве душеприказчика Б. А. Репнина в декабре 1644 г. (Записные вотчинные книги Поместного приказа. С. 1068). Кн. А. Н. Трубецкой был женат на дочери Ивана (Ивашки) Меньшого Михайловича Пушкина Екатерине (Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского. С. 99; ГИМ. ОР. Собр. Уварова. № 206. Л. 146 об.). Еще одна представительница рода Пушкиных, дочь Федора Тимофеевича Пушкина была замужем за кн. Михаилом Семеновичем Прозоровским (Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского. С. 100; ГИМ. ОР. Собр. Уварова. № 206. Л. 148). Кн. А. Н. Трубецкой был близок к Василию Васильевичу Бутурлину, мать которого Екатерина Ивановна была верховой боярыней царицы Евдокии Лукьяновны. Во время пожара в Москве летом 1633 г. Бутурлин находился на дворе Трубецкого в Кремле (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 61. Л. 2, 5). А. Н. Трубецкой был человеком близким к группировке Б. И. Морозова, хотя его едва ли можно считать прямым ставленником Морозова (Павлов, 2018. С. 676). Алексей Никитич, а также его внучатый племянник Юрий Петрович Трубецкие упоминаются в числе вкладчиков Тихвинского монастыря (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 137. Л. 14; Д. 139. Л. 14; Д. 206. Л. 14). Кн. Ю. П. Трубецкой был женат на дочери Василия Андреевича Голицына Ирине; на другой дочери В. А. Голицына Федосье был женат кн. Михаил Юрьевич Долгоруков (Голицын, 1892. С. 121; Власьев, 1907. С. 47). Князь М. Ю. Долгорукий являлся вкладчиком Тихвинского монастыря (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 267. Л. 4). На племяннице Василия Андреевича Голицына, дочери Михаила Андреевича Голицына кнж. Марии Михайловне Меньшой, был женат внук С. В. Прозоровского кн. Никита Петрович Прозоровский (Голицын, 1892. С. 127).

В близких отношениях с князьями Шуйскими и Прозоровскими находился кн. Д. М. Пожарский, являвшийся, как упоминалось выше, вкладчиком Тихвинского монастыря. 26 июля 1631 г. Д. М. Пожарский дал в Троице-Сергиев монастырь вклад по матери кн. Михаила Василь-

евича Скопина Шуйского иноке Анисье Петровне; выступал, очевидно, в качестве ее душеприказчика (Троицкая вкладная. С. 75). В 1646 г. сабля кн. Д. М. Пожарского и палаш кн. М. В. Скопина-Шуйского были даны по их душам в Соловецкий монастырь кн. С. В. Прозоровским (Завещание князя Дмитрия Пожарского. С. 148–149).

В числе вкладчиков Тихвинского монастыря выступал Василий Иванович Стрешнев; сделал в монастырь два вклада – в 1648 и 1649 гг. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 113. Л. 35 об., 37). В. И. Стрешнев был близок к И. И. Шуйскому – в своей духовной 1637 г. И. И. Шуйский благословил его образом Спаса, а также своей вотчиной в Суздальском уезде селом Семеновским (Семенковым), за которую он должен был дать деньги в Рождественский Суздальский монастырь на поминовение души И. И. Шуйского и его «родителей» (Духовная Ивана Ивановича Шуйского. С. 260).

Среди близких людей И. И. Шуйского, которого он благословил в своей духовной (образом спаса и аргамаком) был боярин кн. Алексей Михайлович Львов. В списке сторонников царя Василия Шуйского кн. А. М. Львов упоминается как «великой шептун и нанозщик Шуйскому» (Тюменцев, 1994. С. 318). А. М. Львов был близок к Романовской семье, пользовался расположением не только патриарха Филарета, но и матери царя Михаила государыни Марфы Ивановны (Павлов, 2018. С. 359–363). А. М. Львов и его племянник кн. Дмитрий Петрович Львов значатся в числе вкладчиков Тихвинского монастыря в 1642 и 1644 гг. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 79. Л. 18 об.; Д. 81. Л. 14 об.).

В духовной И. И. Шуйского в числе близких к нему людей, которых он благословил образами Спаса и Пресвятой Богородицы, упоминаются Иван Васильевич Морозов (шурин И. И. Шуйского и И. Б. Черкасского) и его семья (Духовная Ивана Ивановича Шуйского. С. 259, 260). Сын И. В. Морозова Михаил был женат на дочери кн. С. В. Прозоровского кнж. Домне Семеновне (Лобанов-Ростовский, 1895. С. 398; Лобачев, 1998. С. 329.). Упоминается вклад Домникии Семеновны Морозовой в Тихвинский монастырь 1670 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 251. Л. 36 об.).

Среди вкладчиков Тихвинского монастыря числились Михаил Михайлович Салтыков (сделал два вклада в 1639 и 1641 гг. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 60. Л. 8; Д. 68. Л. 16) и его сын Пётр (вклад 1659 г. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 177. Л. 6 об.). В близких, возможно родственных, связях с братьями Борисом и Михаилом Михайловичами Салтыковыми и кн. Владимиром Тимофеевичем Долгоруковым состоял боярин кн. И. И. Шуйский. Вместе с Б. М. и М. М. Салтыковыми И. И. Шуйский сделал вклады по царице Марии Владимировне Долгорукой, а также по ее отце, кн. В. Т. Долгоруком (Щербачев, 1995. С. 64; Архив СПбИИ РАН. К. 2. № 152. Л. 58). Согласно духовному завещанию И. И. Шуйского, у него хранилась «рухлядь» кн. В. Т. Долгорукова, кото-

рую надлежало отдать Б. М. и М. М. Салтыковым (Духовная Ивана Ивановича Шуйского. С. 263). Позднее за сына Петра Михайловича Салтыкова Петра была выдана дочь Ивана Семеновича Прозоровского Мария (Долгоруков, 1854. С. 191).

Вкладчиками Тихвинского монастыря выступали представители рода князей Волконских – Пётр Фёдорович (2 вклада в 1643 г. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 81. Л. 12 об., 64) и Владимир Иванович Чермной (вклад 1668 г. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 239. Л. 11) Волконские. Пётр Фёдорович Волконский был близок к клану Романовых–Черкасских – бояре И. Н. Романов и кн. И. Б. Черкасский выступали душеприказчиками деда жены П. Ф. Волконского кнг. Марфы Петровны (урожд. Постельниковой) по линии ее матери Василия Осиповича Кувшинова (Род князей Волконских. С. 163–180; Записные вотчинные книги Поместного приказа. С. 385.). Вл. И. Волконский Чермной был близок к Стрешневым – по некоторым данным являлся стольником царицы Евдокии Лукьяновны (Власьев, 1907. С. 351).

Среди вкладчиков монастыря были представители рода Волынских – Павел Иванович, человек видный при дворе царя Михаила Фёдоровича, ставший казначеем (сделал вклад в 1635 г. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 33. Л. 118 об.), и Василий Семенович (вклад 1665 г. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 206. Л. 15 об.), в царствования Алексея Михайловича ставший окольничим, а по воцарении Федора Алексеевича – боярином. Представители рода Волынских успешно продвигались при дворе, обзаводятся связями с Шереметевыми, Долгорукими, Репниными, Пожарскими, Львовыми и другими видными родами (Павлов, 2018. С. 588–589).

Упоминаются вклады в Тихвинский монастырь представителей рода Пушкиных – Степана Гавриловича в 1651 г. и его сына Матвея в 1672 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 125. Л. 9 об.; Д. 267. Л. 6). Их сородич Федор Тимофеевич Пушкин, как говорилось выше, выдал свою дочь за кн. Михаила Семеновича Прозоровского.

Среди вкладчиков Тихвинского монастыря значился Василий Иванович Нагой, имевший большие связи при дворе. Его сестра Праксovia являлась второй супругой знатного боярина кн. Федора Ивановича Мстиславского, другая его сестра была первой супругой видного царедворца кравчего кн. В. Я. Сулешева, крестным отцом которого был боярин кн. И. Б. Черкасский. Отец В. И. Нагова был женат на дочери Ильи Нехорошего Александровича Хлопова Мамелфе, дальней родственнице невесты царя Михаила Марии Хлоповой (Мятлев, 1915. С. 310–313). Душеприказчиками В. И. Нагова выступали боярин князь А. М. Львов, комнатный стольник Никифор Сергеевич Собакин и московский ловчий Иван Фёдорович Леонтьев (Троицкая вкладная. С. 71). В. И. Нагой упоминается как дядя Никифора Сергеевича Собакина (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 915. Л. 655), сына верховой боярыни царицы Евдокии Лукьяновны Ульяны Степановны Собакиной. На представитель-

нице рода Нагих – Евлампии Михайловне Нагой был женат боярин кн. А. М. Львов.

Мы видим, таким образом, что вокруг Тихвинского монастыря группировался круг людей, тесно связанных между собой родственными, клановыми и личными связями.

Рассмотрение состава вкладчиков монастыря из представителей боярской элиты позволяет сделать наблюдение о преобладании среди них лиц, близких к придворной группировке Романовых–Черкасских. С этой группировкой были связаны наиболее активные вкладчики монастыря князя Прозоровские и близкие к ним люди. Характерно, что среди вкладчиков Тихвинского монастыря мы не встречаем лидера соперничавшей с Романовыми и Черкасскими группировки боярина Бориса Ивановича Морозова и его сторонников. Не значатся в числе вкладчиков монастыря известный сподвижник Морозова Леонтий Степанович Плещеев, сыгравший видную роль в тихвинских событиях 1613 г. (Курбатов, 2006. С. 21–23). В круг вкладчиков и покровителей Тихвинского монастыря попал боярин Иван Михайлович Милославский, выходец из рода, близкого к Морозову, однако вкладчиком обители он стал уже после смерти Б. И. Морозова в конце 1670-х годов. По-видимому, его привязанность к монастырю объяснялась родством с Прозоровскими – в 1677 г. он женился на внучке боярина кн. С. В. Прозоровского кнж. Евдокии Петровне (Седов, 2006. С. 94).

Конечно, поделить «без остатка» всех вкладчиков в монастырь на представителей различных боярских группировок едва ли возможно, но общая тенденция на примере Тихвинского монастыря прослеживается довольно отчетливо. Факты объединения вокруг монастырей и церквей представителей определенных боярских кланов и группировок отмечал П. В. Седов (Седов, 2006. С. 94–97). Вклады в монастыри, разумеется, обуславливались только политическими и клановыми причинами. Но и политическая сторона дела не может быть обойдена вниманием исследователей. Данные о вкладах в монастыри, как в этом можно убедиться на примере Успенского Тихвинского монастыря, являются ценнейшим, незаменимым источником для изучения неформальных связей внутри правящих верхов Русского государства.

Литература и источники

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря (Троицкая вкладная). М.: Наука, 1987.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1907. Т. I. Ч. 3.

Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. Т. I. Материалы родословные. СПб., 1892.

Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. II; СПб., 1852. Т. III.

Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. I.

Духовная Ивана Ивановича Шуйского 7146, ноября 22 // Старина и Новизна. СПб., 1906. Кн. 11. С. 258–266.

Завещание князя Дмитрия Пожарского / публ. подгот. Ю. М. Эскин // Отечественная история. 2000. № 1. С. 143–157.

Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М.: Древлехранилище, 2010.

Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М.: Цейхгауз, 2006.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1.

Лобачев С. В. Изучение генеалогии боярской аристократии XVII века на материале духовных завещаний // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. Кн. 8. С. 314–337.

Мятлев Н. В. К родословию князей Мстиславских // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1915. Вып. 1–4. С. 300–317.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992.

Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.

Род князей Волконских. Материалы, собр. и обработанные княгиней Е. Г. Волконской. СПб., 1900.

Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2011.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006.

Татищев Ю. В. О книге Г. А. Власьева «Потомство Рюрика» // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1907. Вып. 3. С. 15–26.

Тюменцев И. О. Список сторонников царя Василия Шуйского // Археологический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 317–319.

Шереметев С. Д. Пять актов XVII-го века // Памятники древней письменности. М., 1880. № 4.

Щербачев О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Фёдоровичем Романовым // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 3 (47). М., 1995. С. 62–67.

Marshall T. Poe with Ol'ga Kosheleva, Russell Martin, and Boris Morozov. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1: The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian "Sovereign's Court" 1613–1713 (Российская элита в 17-ом веке. Т. 1. Думные и церемониальные чины государева двора 1613–1713 гг.). Helsinki, 2004 (Humaniora 322–323). P. 434–426.

Архивные материалы

Архив СПбИИ РАН. К. 2. № 152. Вкладная книга Соловецкого монастыря.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132 (Успенский Тихвинский монастырь). Оп. 2. № 6–1256. Приходо-расходные книги Успенского Тихвинского монастыря.

ГИМ. ОР. Собр. Уварова. № 206. Родословная книга.

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 915. Вкладная книга Юрьев-Польского у. 1645–1647 гг.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 61. Дело о пожаре в Московском Кремле в августе 1633 г.

РГАДА. Ф. 396. Кн. 207. Расходная книга Казенного приказа 1622/23 г.

РГАДА. Ф. 396. Кн. 208. Расходная книга Казенного приказа 1622/23 г.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 293. Расходная книга Казенного приказа 1637/38 г.

УДК 94(47.24)"16":271.2.093:930.253
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.12

О. А. Абеленцева

ОПИСЬ КАЗНЫ НИКОЛАЕВСКОГО МОСТИЩСКОГО МОНАСТЫРЯ 1616/17 г.

Аннотация. Точная дата основания Николаевского Мостищского монастыря неизвестна. Он находился в окрестностях Великого Новгорода в Поозерье на правом берегу реки Веряжи рядом с мостом, по которому местность и получила свое название – Мостищи. Первое упоминание о монастыре в источниках относится к 1412 г. Обитель была небольшой по числу насельников и площади земельных угодий. Это обстоятельство негативно сказывалось на ее устойчивости к кризисным явлениям в истории России. Монастырь часто оказывался в запустении, а его земли передавали в управление светским лицам. Публикуемая Описание казны Николаевского Мостищского монастыря 1616/17 г. является самой ранней из известных описей имущества обители. Документ сохранился в архиве Успенского Тихвинского монастыря, к которому Мостищский монастырь был приписан в 1663 г.

Ключевые слова: Николаевский Мостищский монастырь, Великий Новгород, монастырская казна, описание монастырского имущества, история России XVII в.

Abstract. The exact date of foundation of the Nikolaevsky Mostishchsky Monastery is unknown. It was located in the vicinity of Veliky Novgorod in Poozerie on the right bank of the Veryazh River near the bridge, from which the area got its name – Mostishchi. The first mention of the monastery in the sources dates back to 1412. The monastery was small in terms of the number of inhabitants and the area of land. This circumstance had a negative impact on its resistance to crisis phenomena in the history of Russia. The monastery often fell into disrepair, and its lands were transferred to the management of secular persons. The published Inventory of the Treasury of the Nikolaevsky Mostishchi Monastery of 1616/17 is the earliest known inventory of the property of the monastery. The document was preserved in the archives of the Assumption Tikhvin Monastery, to which the Mostishchsky Monastery was assigned in 1663.

Keywords: Nikolaevsky Mostishchsky Monastery, Veliky Novgorod, monastery treasury, inventory of monastery property, history of Russia in the 17th century.

Николаевский Мостищский монастырь располагался в окрестностях Великого Новгорода в Поозерье на правом берегу реки Веряжи

рядом с мостом, по которому местность и получила свое название – Мостищи (в настоящее время – поселок Панковка). Исследователями составлена схема границ его территории в соотнесении с современной застройкой (Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. С. 102–104). По данным Новгородской первой летописи в 1412 г., в нем была построена деревянная церковь во имя Николая Чудотворца: «В лето 6920. Поставиша церковь камену святого Николу в Порхове, а другую на Веряжи у мосту святого Николу церковь древяну в монастыре» (НПЛ, 1950. С. 403). Более поздний источник связывает построение храма с основанием монастыря: «В лето 6920. Поставиша церковь древяну святого Николая Чюдотворца, и монастырь устроиша на Мостищах у мосту от Великаго Новаграда три поприща на реки Веряжи» (НЛ, 1879. С. 254). Раскопки на территории монастыря вскрыли фундамент каменного храма (Антипов, Булкин, 2001. С. 23–25; Антипов, Булкин, 2002. С. 7–9; Антипов, Булкин, Васильев, Салимов, 2002. С. 17–24), построенного в 1448 г. на месте сгоревшей деревянной церкви: «В лето 6956. Заложиша церковь камену святого Николу на Веряжеи, у мосту» (ПСРЛ, 1889. Т. 16. Стб. 191). Во время похода царя Ивана III на Великий Новгород в 1471 г. войска во главе с князем Александром Оболенским стояли в монастыре (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 315). Память об этом событии сохранялась в народе в XVII в. и связывала с ним постройку моста. В выписи из отводных и межевых книг В. Г. и А. Ф. Резановых на вотчины и угодья приписного к Успенскому Тихвинскому монастырю Николаевского Мостицкого монастыря от 25 июня 1685 г. сказано: «И та де земля Никольского Мостицкого монастыря, а была дорога и мост учинен через ту землю в то время, как ходил блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси» (Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. Д. 741. Стг. 9). Но по другим данным, мост существовал уже в 1412 г. (НЛ, 1879. С. 254).

К сожалению, небольшие размеры обители не позволяли ей благополучно преодолевать кризисные периоды в истории страны. О периодическом запустении монастыря свидетельствуют документы о передачи его вотчин и угодий в пользование светским лицам в XVI–XVII вв. (Абеленцева, 2016. С. 6–18).

Предлагаемая вниманию читателей Опись казны Николаевского Мостицкого монастыря находится в архиве Успенского Тихвинского монастыря (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 4), получившего в 1613/14 г. в свое распоряжение пустоши Мостицкого монастыря в Антониевском Дымском погосте Обонежской пятины Новгородского уезда (Материалы, 2015. С. 57–58, 145, 185, 195–197), а в 1663 г. и сам монастырь в качестве приписного (Материалы 2020. С. 101–104). Опись 1616/17 г. – самая ранняя из сохранившихся описей имущества Мостицкого монастыря. После Смутного времени монастырь запустел. Иногда в нем появлялись старцы-строители. Следующие известные 22 описи имущества Мостицкого монастыря XVII в. составлялись до-

вольно регулярно начиная с 1666 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 222, 323, 324, 382, 383, 400, 468, 476, 599, 602, 638, 640, 692, 702, 703).

После присоединения Великого Новгорода к Русскому государству в 1617 г. проводилось его описание дьяками Семеном Лутохиным, Иваном Тимофеевым и Пятым Григорьевым (Опись Новгорода 1617 года. С. 27). При этом часть Описи, касающаяся имущества митрополичьей кафедры, монастырей и церквей, была составлена на основании переписных книг Ивана Орлова и подьячего Ивана Прокофьева (Опись Новгорода 1617 года. С. 27). Иван Прокофьев – это, вероятно, Иван Прокофьев сын Жеглов, который в дальнейшем стал митрополичьим дворецким (Писцовые и переписные книги Новгорода Великого, 2003. С. 88).

Публикуемая Опись казны Николаевского Мостицкого монастыря 1616/17 г. также составлена Иваном Орловым и Иваном Прокофьевым. Документ состоит из трех частей. Первая – это опись казны монастыря 1616/17 г., вторая часть – записи о «росходе» этой же казны, то есть о передаче отдельных предметов разным лицам с 1617 по 1625 г., третья – опись оставшихся вещей по состоянию на 1 марта 1626 г. О предметах, описанных в третьей части, сказано, что они хранятся в Софийском соборе («у Софеи Премудрости Божии в верхней полате»).

В Описи Великого Новгорода 1617 г. опись казны Мостицкого монастыря дана обобщенно, без детализации. В ней не указаны названия книг и материалы, из которых были сшиты богослужебные облачения:

«Никольского Мостицкого монастыря казны. 18 книг писменные на бумаги в десть и в полдесть и в четь, ветхи, и с престольным Евангильем, а евангелисты серебряны золочены. Две тетради писмяные на бумаги. 2 книги харатейных. Кадило, 2 укропника медные.

2 колокола невеликие. Сосуды деревянные. Звезда оловяная. Дариз и стихарей и патрахилей и поручей вдеветером, все полотняное и выбойчатое.

А в том Николском Мостицком монастыре церковь каменная одна, и та ныне стоит разорена. И келей и ограды и старцов и слуг никого нет» (Опись Новгорода 1617 года, 1984. С. 111).

Вероятно, материалы описаний церквей и монастырей Ивана Орлова и подьячего Ивана Прокофьева 1616/17 г. имели значительный объем и были сокращены при включении их в Опись 1617 г. Также обращает на себя внимание первая запись о расходе казны. В ней сказано, что имущество монастыря, хранившееся в сенях Дворцового приказа (железную «звончатую» доску, двери и окна), во время зимнего пожара 1616/17 г. вынесли «немцы». Но эти же предметы зафиксированы в Описи ризницы 1616/17 г. То есть описывали и перевозили ризницу еще до присоединения Новгорода.

В последующие годы имущество Николаевского Мостицкого монастыря раздавалось другим монастырям и церквям с разрешения светских властей. Как уже было сказано, публикуемый документ хранится в архиве Успенского Тихвинского монастыря. Вероятно, после того, как Мостицкий монастырь стал приписным, тихвинские старцы решили вернуть что-то из его имущества. В связи с этим и была сделана копия, в которой все три части написаны одним скорописным почерком.

**Опись казны Николаевского Мостицкого монастыря
1616/17 г. с записями о передаче книг и вещей
в другие церкви и монастыри в 1617–1625 гг.**

(л. 1) Никольского Мостиского монастыря церковные казны по переписным книгам Ивана Орлова да подьячего Ивана Прокофьева прошлого 125-го году налицо.

Потир, блюдо, лжица деревянные. Звезда оловяная. А покровы у сосудов крашеные.

Да риз.

Ризы полотняные, оплечье выбойчатое, другие ризы полотняные же, оплечье крашеное¹.

Поручи выбойчатые.

Стихарь полотняной, оплечье бархат красной ветчан.

Два стихари полотняные же, оплечье выбойчато, ветчаны.

Патрахиль выбойчатой ветчан.

Две патрахели крашанинные.

Кадило, два укропника медные без покрывшек.

Да книг писменных на бумаге.

Евангелъе на престолное в десть оболочено отласом зеленым, евангелисты серебряны позолочены, без застежек.

Книга Апостол.

Треодъ в полдесть.

Книга Псалтырь в полдесть.

Две книги, Треодъ посная да другая цветная, обе в десть. //

(л. 1 об.) Книга Службник в полдесть.

Книга Шестодневец в полдесть.

Книга Часовник в четверть.

Книга Мения обшая в полдесть.

Книга Часословец в полдесть.

Книга Пролог² в десть.

Книга Службник в четверть.

---

¹ В ркп. крашенное.

² В ркп. Прелог.

Книга Ирмолой в четверть.
Книга Потребник в четверть.
Книга Псалтырь со следованием в четверть.
Книга Служебник в четверть.
Книга Синодик в четверть.
Другой Синодик в полдесть.
Пять тетратей в полдесть Чюдеса и деяние ³Никола Чюдотворца³.
Тетрати в полдесть ветчаны, а писаны в них службы нарочитым
святым.

Книга Охтай перваго гласу.
Да харатейных книг.
Книга Устав в десть.
Книга Трефолой, Шестодневец в десть.
Два колокола невелики.
Доска звончатая железная.
Двои двери железные.
Третье двери железные изломаны оконные.
Двои двери железные. //

(л. 2) ⁴И того Никольского Мостиского монастыря казны в росходе⁴.

В прошлом во 125-м году по зиме как горел Дворцовой приказ в
ночи, и в то время вынесли немцы ис сеней Дворцового приказу на Пу-
шечной двор доску звончатую железную, двои двери железные, третьи
железные изломаны, да оконные двои двери железные.

Во 125-м же году по приказу послов боярина князя Данила Ива-
новича Мезецкого с товарищи дано на Пушечной двор приказному Ва-
силью Зиновьеву два колокола медные с языки.

Во 125-м же году июля в 26 день по приказу⁵ послов боярина кня-
зя Данила Ивановича Мезецкого с товарищи дано в Пентелиев мона-
стырь строителю черному попу Корнилю потир, лжица деревяное,
звезда оловяная, два покровцы крашенинные⁶ ветхи, Служебник в чет-
верть, кадило медное о трех цепях, поручи выбойчаты ветхи, патрахель
крашенинной ветчаной. И отпись у него в том за его рукою взята. //

(л. 2 об.) Во 125-м году генваря в 5 день по записной книге за
приписью дьяка Третьяка Копнина послано к государю к Москве к
церкве к Покрову Пречистой Богородице на Покровку с розсылщиком
з Дружинкою Тимофеевым: Евангелие престольное в десть оболочено
отласом зеленым, евангелисты серебряны золочены, без застежек; книга
Треодь цветная⁷ в десть писмяна на бумаге.

---

³⁻³ В ркп. написано над строкой.

⁴⁻⁴ В ркп. написано на верхнем поле листа.

⁵ В ркп. приказ.

⁶ В ркп. крашенные.

⁷ В ркп. цветная.

Да во 126-м году июня в 20 день по государеве царе и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Руси грамоте и по выписке за выписью дьяка Третьяка Копнина дано в Ивановской монастырь в Ладогу на посад на Малышеву гору строителю старцу Варсунофью з братьею для церковного строенья: книга Ирмолой в четверть, книга Прелог полугодовой сентябрьская половина в десть. //

(л. 3) Да во 130-м году октября в 17 день по приказу боярина и воеводы князя Данила Ивановича Мезецкого, дьяков Михаила Милославского да Добрыни Семенова дано в монастырь в Савину пустыню строителю старцу Герасиму ризы полотняные, оплечье выбойчатое, опушка крашенинная⁸ лазурева.

Да во 131-м году мая в 15 день по приказу боярина и воеводы князя Григорья Петровича Ромодановского за приписью дьяка Добрыни Семенова дано в Перынской монастырь Рождества Пречистые Богородицы строителю черному дьякону Феодосию для церковные службы до государева указу с порукою укропник медной.

Да мая в 24 день по челобитной за пометою дьяка Михаила Милославского дано в каменной город к церкви Преображения Спасова на Новинские ворота попу Степану Гаврилову для церковные службы патрахель выбойчатой бес пугвиц.

А за росходом в остатки налицо было генваря по 25 число // (л. 3 об.) 132-го году, по приезд дьяка Федора Опраксина генваря по 25-го число, того же 132-го году марта по 1 число.

Нынешнего 134-го году при дьяке при Федоре Опраксине отдано в росход стихарь полотняной, оплечье выбойчато, ветчан. А по досмотру оплечье крашенинное.

Во 133-м году генваря в 15 день по приказу боярина и воеводы князя Григорья Петровича Ромодановского да дьяка Федора Опраксина отдан к ружной церкви к Покрову Пречистые Богородицы на Прусские ворота в Каменной город до государева указу две книги писменные на бумаге в полдесть. В одной книге Шестодневце, а в другой книге Менея обшая.

В нынешнем во 134-м году декабря в 21 день по их же боярскому и по дьячью приказу отданы Деревские пятины Никифору Логинову сыну Веревкину⁹. А у него за те книги по оценке взяты в государеву казну денги. А что денег взято, и то подлинно писано под выпискою в приговоре за приписью дьяка Федора Опраксина. //

(л. 4) Того же Никольского Мостиского монастыря казны в астатке налицо марта по 1 число нынешняго 134-го году.

Блюдо служебное деревяное.

---

⁸ В ркп. крашенная.

⁹ В ркп. названия книг не указаны.

Ризы полотняные, оплечье крашеннинное¹⁰, а по досмотру оплечье выбойчатое.

Стихарь полотняной, оплечье бархат¹¹ красной ветчан.

Стихарь полотняной же, оплечье выбойчато, ветчаной, а по досмотру оплечье крашеннинное¹².

Патрахель крашенинной¹³ ветчан.

Укропник медян бес покрышки.

Да книг писмяных на бумаге.

Апостол, Триодь в полдесть.

Псалтырь в полдесть.

Да Триодь посная в десть.

Служебник в полдесть.

¹⁴Часовник в четверть.

Часословец в полдесть.

Служебник в четверть⁻¹⁴.

Потребник в четверть.

Сенодик в четверть.

Другой Сенодик в полдесть.

Пять тетрапей в полдесть Чюдеса и деяние Николы Чюдотворца.

Тетрати в полдесть ветчаны Службы нарочитым святым.

Охтай перваго гласу.

Да харатейных книг.

Устав в десть.

Да Трефолой и Шестодневец в десть же.

И та достальная казна, что осталась налицо марта по 1 число нынешняго 134-го году стоит у Софеи Премудрости Божии в верхней полате. //

(л. 4 об.) И по приказу боярина и воеводы князя Григорья Петровича Ромодановского да дьяка Федора Опраксина¹⁵.

Архив СПбИИ РАН Ф. 132 Оп. 2. Д. 4. Л. 1–4 об. Список второй половины XVII в. 4°.

На л. 3–4 пятна желтоватого цвета, на л. 4 об. потертости и загрязнения.

Бумага без водяных знаков.

Пометки. На л. 1. 1186 (XX в., криш.), 1617–1626 г. (XX в., криш.), № 4 (XX в., криш.), зачеркнуто 5 (XX в., криш. красн.).

---

¹⁰ В ркп. крашенное.

¹¹ В ркп. написано по стертому.

¹² В ркп. крашенное.

¹³ В ркп. крашенинной.

¹⁴⁻¹⁴ В ркп. написано на левом поле со знаком вставки.

¹⁵ В ркп. текст не окончен.

Литература и источники

Абеленцева О. А. Землевладение Николаевского Мостицкого монастыря в XV–XVII веках // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4 (12). С. 6–18.

Антипов И. В., Булкин В. А. Изучение двух памятников новгородской архитектуры XV века // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. С. 7–9.

Антипов И. В., Булкин В. А. Никольский Мостицкий монастырь // София. 2001. № 4. С. 23–25.

Антипов И. В., Булкин В. А., Васильев Б. Г., Салимов А. М. Новые исследования памятников новгородской архитектуры и монументальной живописи XV века // Исчезающая красота: проблемы сохранения ценностей культуры в современной России: материалы Всероссийской научной конференции. 17–19 мая 2002 года, Великий Новгород. Великий Новгород, 2002. С. 17–24.

Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / сост. О. А. Абеленцева; отв. ред. З. В. Дмитриева; отв. ред. серии А. В. Сиренов. Сер. Тихвинский архив. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. 336 с.

Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 2. 1644–1675 гг. / сост. О. А. Абеленцева; отв. ред. серии А. В. Сиренов. Сер. Тихвинский архив. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (в ссылке – НПЛ). М.; Л., 1950.

Новгородские летописи (Так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи) (в ссылке – НЛ). СПб., 1879.

Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1–2 / под общ. ред. В. Л. Янина; Археологическая комис. при отд-нии истории АН СССР. М., 1984. 370 с.

Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 95–157.

Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв. / сост. И. Ю. Анкудинов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 664, [1] с.

Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16.

Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.

Архивные материалы

Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. Д. 741. Ст. 9.

Архив СПбИИ РАН Ф. 132 Оп. 2. Д. 4. Л. 1–4 об. Список второй половины XVII в.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 222, 323, 324, 382, 383, 400, 468, 476, 599, 602, 638, 640, 692, 702, 703.

УДК 94(47.24)"18":626.814(47.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.13

В. Г. Зюрин

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ТИХВИНСКОЙ ВОДНОЙ СИСТЕМЫ В XVIII ВЕКЕ

Аннотация. Статья посвящена малоизученной истории проектирования Тихвинской водной системы. Выявлены критические отзывы о проекте водного пути, подготовленном императором Петром Великим. Проанализированы альтернативные проекты Тихвинской системы, разработанные различными инженерами в XVIII веке. Рассмотрены нереализованные проекты улучшения водного пути: дополнительные водохранилища и спрямления извилистого русла.

Ключевые слова: Тихвинская водная система, водный путь, Пётр I, проекты, изыскания, строительство канала, инженерные работы, шлюзы.

Abstract. The article is devoted to the little-studied history of the design of the Tikhvin water system. Critical reviews of the waterway project prepared by Emperor Peter the Great have been revealed. Alternative designs of the Tikhvin system developed by various engineers in the XVIII century are analyzed. Unrealized projects for improving the waterway are considered: additional reservoirs and straightening of the winding riverbed

Keywords: Tikhvin water system, waterway, Peter I, projects, surveys, canal construction, engineering works, gateways.

Тихвинская водная система является выдающимся проектом Петра Великого. Несмотря на то, что между замыслом императора и строительством водной системы прошло около 90 лет, в исторической памяти эти факты связаны неразрывно. Гораздо менее известно о других проектах водного пути, созданных в XVIII в., альтернативных планам Петра. В историографии Тихвинской водной системы редко и кратко упоминаются лишь некоторые из этих проектов. Задача данной статьи – освещение альтернативных проектов и прочих планов, связанных с направлением водного пути.

Проект канала Тихвинка – Лидь – Колпь

В 1766 г. генерал-майор Михаил Алексеевич Деденев предложил новый вариант водного пути, который должен был связать р. Тихвинку с реками Лидь и Колпь. Не называя имени Петра I, М. А. Деденев начинает свой проект с критики всех основных участков петровского проекта:

«Река Тихвинка течет от Крупина Озерка расстоянием на 95 верстах... до Тихвинского монастыря местами долиною между высоких гор подобных Валдайским с немалым в разных местах падением, а притом очень узка, камениста и мелководна...

Крупино озерко лежит в претесном и болотистом положении... с двух сторон меж высоких гор, имея малой исток не шире 4-х дюймов (10 см. – 3. В.) в речку Валенку, которую едва только видеть можно.

Озерко Крупино... недостаточно к наполнению в обе стороны судходного канала...

Речка Валченка... самыми топкими и между крутых гор лежащими берегами...

Река Сомина... расстоянием до 30 верст она на всем несудоходна и подвержена тем же самым недостаткам, как и вышеозначенные реки, а доставляют по ней только весною маленькие лодочки до Соминской пристани.

Река Горюн в 9 верстах соединяется с Чагодощей, от которого места в 15 верстах впадает в неё р. Лидь, где уже река Чагодоща до самой р. Мологи судходна» (РГИА. Ф. 1487. Оп. 12. Д. 5. Л. 1).

Обращает на себя внимание необоснованная критика некоторых участков водного пути. Указанные М. А. Деденевым недостатки р. Тихвинки от верховьев до Богородицкого монастыря («очень узка, камениста и мелководна») в действительности не помешали судходству.

«Малый исток» шириной 10 см из оз. Крупина в р. Валченку можно было не упоминать, так как на этом месте Пётр проектировал устройство канала. Вовсе неверным представляется аргумент о несудоходной р. Соминке, по которой лишь в половодье плавают «маленькие лодочки». Известно, что в XVIII в. грузовые суда поднимались до пристани в Сомино, где товары перегружались на гужевой транспорт и отправлялись до Тихвина.

Далее инженер М. А. Деденев представляет свой, поистине, колоссальный проект канала. Начальной его точкой он избрал Тихвинский монастырь, напротив которого на правом берегу реки в начале улицы Береговой-Явленской (ныне ул. Римского-Корсакова) должны были располагаться два гранитных двухкамерных шлюза. Уже в самом начале канал располагался выше уровня р. Тихвинки и должен был протекать в искусственной насыпной дамбе. Канал длиной 76,2 км тянулся прямой линией всего с одним поворотом, пересекая холмы и низины. Профиль дамбы при этом менялся, а в местах пересечения рек предполагалось устройство каменных аркад, по которым канал протекал бы над реками. По этой магистрали суда достигали бы оз. Лидского, а затем должны были спускаться по р. Лидь до р. Чагодощи. Также от р. Лидь проводился канал длиной 7,7 км до р. Колпь, по которой суда должны были сплавляться реками Суда и Шексна. Таким образом, в этом отрезке Тихвинская водная система соединялась бы с участком Мариинской водной системы.

На канале от р. Тихвинки до оз. Лидского предполагалось устройство 11 каменных шлюзов, ещё 1 шлюз возводился на канале перед р. Колпь. Из этих 12 шлюзов два были однокамерными, семь – двухкамерные, три – четырёхкамерные.

Проект канала Сясь – Воложба – Чагода

Гораздо менее известен проект соединения рек Воложбы и Чагоды, предложенный в середине XVIII в. генерал-поручиком Г. Рязановым (РГИА. Ф. 1487. Оп. 12. Д. 8. Л. 1). Ещё в средние века существовал водный путь, по которому новгородцы поднимались в верховья рек Сяси и Воложбы, откуда волоком перетаскивали суда в р. Чагоду. Несомненно, этот проект был наименее популярен у влиятельных слоёв жителей Тихвина, поскольку в таком случае магистраль водного пути обошла бы город.

Эти проекты не теряли актуальности вплоть до начала XIX в., когда проводились новые изыскания. Место устройства канала было не очевидно, и в департаменте водных коммуникаций вместе с петровской линией рассматривались два альтернативных направления.

В 1800 г. накануне строительства водной системы по приказу генерал-лейтенанта Ф. П. Деволанта и ордеру департамента водных коммуникаций титулярный советник Сабаев проводил новые изыскания на линии, спроектированной Петром Первым. Имя Петра в тот период ещё не упоминалось, а Сабаеву ставилась особая задача: «А наипаче всего отыскать место способнейшее к соединению вершины реки Тифины с рекою Валчиною».

С июля 1800 г. землемер Сабаев выполнял топографическую съёмку и нивелировку по рекам Тихвинке, Валчине и Сомине, а в последних двух реках выполнил ещё и промер глубин до Соминской пристани. Также он изучил и «окололежащую ситуацию, то есть некоторых речек и озёр в которых можно содержать запасную воду для приумножения оной в реке Сомине» (РГИА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 29. Л. 1).

После того, как произошло становление ледяного покрова (очевидно, в конце октября 1800 г.), Сабаев отправился на исследование двух альтернативных проектов.

23 января 1801 г. он представил в Департамент водяных коммуникаций рапорт о том, что «к соединению сих рек способнейшее место отыскано» и дал характеристику двум другим проектам.

О проекте М. А. Деденева Сабаев докладывал: рр. Лидь и Колпь могут использоваться для судоходства, но всё же вершины их «довольно каменисты и порожисты», особенно по р. Лидь. Сложности предполагало строительство 76-километрового канала: от Тихвина до оз. Лидского «хотя имеются болота и niskие места, но есть также места высокие боровые, которые надобно глубоко прокапывать». Главными неудобствами являлся недостаток воды на водоразделе, а также то, что «по сему проекту требуется построить и великие шлюзы и прокапывать канал на великое разстояние». В заключении Сабаев указывал, что в

отличие от этого сложного строительства, по проекту Петра потребуются простой короткий канал и деревянные шлюзы малой конструкции.

По проекту Рязанова Сабаев сообщал, что между реками Чагодой и Сяью «хотя и находятся места низкие и болотные которые по видимому и всякого любопытного прихотить могут к отыскиванию вперед способнейшего пути», но всё же рельеф местности «нимало неспособен» к строительству канала.

На собрании Департамента водных коммуникаций было подготовлено обращение к императору Александру I, в котором подчёркивалось, что для строительства канала избрана линия, найденная во время царствования императора Петра Великого (РГИА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39. Л. 5 об.).

Проект был высочайше утверждён 1 января 1802 г., после чего имя Петра I начинает упоминаться в документах, связанных со строительством. Например, 8 марта 1802 г. инженер Ф. П. Деволант сообщал в департамент о своём распоряжении подготовить на месте строительства казармы для рабочих: «строения сии предполагаю начать непосредственно на месте именуемом Дворец в коем имел своё пребывание Государь император Пётр Великий когда изволил открыть сию линию» (РГИА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39. Л. 18). В «Наставлении к производству работ» главному смотрителю статскому советнику Вындомскому также указывается проводить работы на «месте... где был блаженной памяти Государя Императора Петра Великого дворец» (РГИА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39. Л. 22).

В XVIII в. были составлены два проекта улучшения нижнего участка Балтийской ветви Тихвинской системы.

Проект канала Сясь – Волхов

Одним из недостатков Тихвинского водного пути являлись пороги на р. Сясь, препятствующие судоходству. Это были не отдельные перекаты, а протяжённые участки русла, изобилующие россыпями камней и отдельными грядами: 1) Рождественский; 2) Морозов; 3) Ендовище; 4) Виренье; 5) Юхора; 6) Кулейки; 7) Волчей; 8) Воскресенский; 9) Курей; 10) Коленец и Катеха (РГИА. Ф. 1487. Оп. 12. Д. 7. Л. 1). Для того, чтобы избежать эти пороги, в середине 1760-х гг. была проведена съёмка и нивелировка местности между реками Сясь и Волхов. Был составлен проект прямого канала длиной 41,5 км от р. Сясь при д. Валя (совр. д. Кудрево) до р. Волхов. Канал должен был впадать в р. Волхов между деревнями Заполня и Ступнево (в 2 км к северу от современного г. Волхов).

Примечательно, что в начале XX в. линия железной дороги Волховстрой – Тихвин была проложена строго параллельно на расстоянии 1 км от линии несостоявшегося канала Тихвинка – Волхов.

Проект канала Паша – Шомушка – Тихвинка

По той же причине – необходимости преодоления каменистых порогов на р. Сясь, в 1766 г. был составлен проект канала длиной 6 км

от р. Паши до р. Шомушки. Река Шомушка впадает в р. Тихвинку и посредством канала воду из р. Паши можно было бы направить в р. Тихвинку и далее в р. Сясь. Предполагалось, что благодаря этому поднимется уровень воды над каменными грядами и судоходство станет более удобным.

На одном из планов показан небольшой (до 300 м) участок от р. Паши с пометкой «прокопанный каналец», что позволяет предположить проведение начальных земляных работ (РГИА. Ф. 1487. Оп. 44. Д. 326. Л. 1).

Данные проекты реализованы не были, а пороги на р. Сясь оставались трудным препятствием для судоходства.

Планы спрямления русла Тихвинки

Одним из недостатков водного пути была извилистость р. Тихвинки. Ещё в 1801 г. землемер Сабаев отмечал: «уповательно... что река Тихвинка... прямее прокопана будет в самых надобных местах».

В конце XIX в. управляющий Тихвинской системой Л. Х. Бучацкий указывал, что одним из недостатков водного пути является «бесконечные извилины реки, которые не спрямлялись перекопами и остаются почти в естественном своём положении...» (Бучацкий Л. Х., 1893. С. 7). По его подсчётам шлюзованная часть составляла 180 верст, а перекопами можно было бы сократить 40 вёрст.

Об этом же писали путешественники: «Тихвинка извилиста, как змея...», «Тихвинка продолжает удивлять нас своей извилистостью, местами складываясь пополам» (Телесницкий Вл., 1912. С. 25). Однако в течение столетия эксплуатации водного пути работы по спрямлению русла не получили развития. Примером подготовки таких работ стали переговоры тихвинских городских властей с органами Министерства путей сообщений (МПС), начавшиеся весной 1914 года.

4 марта 1914 г. начальник 1-го участка Тихвинского отделения Вытегорского округа путей сообщения направил в Городскую управу запрос о спрямлении р. Тихвинки выше Смоленского шлюза. В районе д. Астрача, в местности близ усадьбы «Пигарье» перекопом длиной 192 м (90 сажень) можно было сократить 2,1 км водного пути.

Была создана комиссия по оценке земли в составе членов городской думы П. Т. Тимофеева, В. С. Бойцова, И. Д. Денисова и городского лесничего Э. Ф. Дамберга. 16 мая 1914 г. комиссия осмотрела место будущего перекопа: часть его проходила по покосу, часть – по лесу. Для определения стоимости леса был отведён пробный квадрат со сторонами по 5 сажень, на котором был произведён пересчёт деревьев. Лес был оценен по казённой таксе с прибавкой 50% «обычной торговой наддачи». Стоимость одной десятины составила 200 рублей. К этому прибавили стоимость земли, на которой растёт лес, оценив её в 100 руб. Стоимость земли под покосом комиссия предлагала оценить также в 300 рублей.

12 июня 1914 г. на заседании Тихвинской городской думы комиссия сообщила, что полученная сумма 300 руб. – это минимальная оценка десятины земли. Городская дума единогласно постановила увеличить эту сумму ещё на 100 руб. и уступить МПС землю для перекопа по цене 400 руб. за десятину (ЦГИА СПб. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 15. Л. 33–33 об.).

Однако в августе 1914 г. началась Первая мировая война, поэтому намеченные работы так и не начались.

Таким образом, в истории создания Тихвинской водной системы следует отметить прозорливость Петра Великого, избравшего самое выгодное направление будущей магистрали. Альтернативные проекты Тихвинской системы, особенно смелый проект генерал-майора М. А. Деденева, являются яркими иллюстрациями технической мысли XVIII столетия. Проект соединения р. Сясь с р. Волхов, возможно, имел некоторое значение спустя 140 лет, когда практически по той же местности была проложена железнодорожная магистраль Волховстрой – Тихвин. Русло реки Тихвинки является чрезвычайно извилистым, его исправление позволило бы сократить водный путь почти на четверть, но в течение всего времени эксплуатации водной системы эти проекты не получили развития.

Литература и источники

Бучацкий Л. Х. Тихвинская система. Технические, статистические и экономические данные и материалы для проекта улучшения водного пути. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1893. 165 с.

Телесницкий Вл. На яхте «Наяда» из Петербурга в Ростов-на-Дону. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. 58 с.

Архивные материалы

РГИА. Ф. 1487. Оп. 12. Д. 5. Л. 1. Специальная карта местоположения между реками Тихвинкой, Лиди и Колпи с показанием проекта первого канала из р. Тихвинки в Лидское озеро, профили. 1766 г.

РГИА. Ф. 1487. Оп. 12. Д. 8. Л. 1. Специальная карта от Ладожского озера, от рек Сяси и Тихвинки до Тихвинского монастыря, откуда проектируется устройство канала. Планы, профили. 1766 г.

РГИА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 29. Л. 1. Дела об устройстве водяных путей сообщения. Описание соединения Тихвинки с Соминскою пристанью.

РГИА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39. Л. 5 об. Об устройении Тихвинского канала. 1801 г.

РГИА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39. Л. 18. Представление Инженер генерал лейтенанта и кавалера Деволанта в департамент водяных коммуникаций 8 марта 1802 г.

РГИА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39. Л. 22. Наставление к производству работ соединения рек Тихвинки с Соминой главному смотрителю господину статскому советнику Вындомскому.

РГИА. Ф. 1487. Оп. 12. Д. 7. Л. 1. Специальная карта от Ладожского озера, от р.р. Сяси и Тихвинки до Тихвинского монастыря, откуда проектируется устройство канала. 1766 г.

РГИА. Ф. 1487. Оп. 44. Д. 326. Л. 1. План р. Паши с обозначением проектируемой плотины, канала и стока вод р. Паши в р. Шомушку.

УДК 94(47.24).083:37.057(47.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.14

В. В. Бондарева

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АСТРАЧСКОЙ ЗЕМСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. Статья посвящена истории создания земской школы в д. Астрача Тихвинского уезда в начале XX века. На основе архивных материалов реконструирована последовательность создания школы. Выявлены источники финансирования. Прослежена государственная поддержка открытия новой школы. Определена роль частного лица – Эрнеста Дамберга. Исследована работа школы в арендованном помещении в течение того времени, пока здание школы не было построено. Установлены ключевые личности: первые учителя, благотворители, члены правления школы. Определено число учащихся и места их проживания.

Ключевые слова: Тихвинский уезд, школа, земство, деревня Астрача, благотворительность, Эрнест Дамберг, учителя, строительство школы.

Abstract. The article is devoted to the history of the creation of the zemstvo school in D. Astracha of Tikhvin district at the beginning of the twentieth century. On the basis of archival materials, the sequence of the creation of the school is reconstructed. Sources of financing have been identified. State support for the opening of a new school has been traced. The role of a private person – Ernest Damberg – is defined. The work of the school in a rented room was investigated, during the time until the school building was built. Key personalities have been identified: the first teachers, benefactors, members of the school board. The number of students and their places of residence have been determined.

Keywords: Tikhvin district, school, zemstvo, Astracha village, charity, Ernest Damberg, teachers, school construction.

В системе дореволюционного образования существовали три типа школ: министерская, земская и церковно-приходская. 14 июля 1864 г. было принято «Положение о народных училищах», главной задачей которого объявлялось введение всеобщего обучения. Для этого предполагалось открытие многочисленных земских школ, но процесс затянулся на долгие годы.

Крупной вехой в истории образования стало появление в 1907 г. единой программы развития земских и казённых школ, по которой го-

сударство стало выделять земству средства для создания школ. Казённые школы зачастую передавались земству, а финансирование приходских школ было приостановлено. Система развития образовательных учреждений выглядела следующим образом: казна выплачивала зарплату персоналу школ, а земства строили их на свои средства либо на займ от государства, осуществляли набор учителей и закупали учебники. Результатом этой политики стал всплеск открытия земских школ в 1907–1910 гг. Одним из таких примеров в Тихвинском уезде является история появления земской школы в д. Астрача.

В данный период наблюдался рост числа школ в целом по губернии и по Тихвинскому уезду. В 1908–1910 гг., когда проходили работы по созданию школы в д. Астрача, в уезде работали следующие образовательные учреждения (Обзор... за 1908 год, 1909. С. 189, 194):

Таблица 1. Школы Тихвинского уезда в 1908–1910 гг.

Школы	1908 г.	учащихся	1910 г.	учащихся
Министерские 1- и 2-классные	8	580	8	699
Земские начальные и частные 4 разряда	104	3325	115	4053
Церковно-приходские	44	1464	48	1743
Всего	156	5369	171	6495

Считалось, что в 1908 г. без обучения остаётся 2651 ребёнок – это приблизительное число получено путём математических подсчётов. Для этого брали за 100% население всего уезда, затем принимали, что дети трёх школьных возрастов (от 8–9 до 11 лет) составляют 7% от общего числа жителей. Получалось 8020 детей школьных возрастов. От этого числа отнималось количество детей, которые учились в школах: $8020 - 5369 = 2651$.

В том же 1908 г. отмечалось, что «Потребность в школах среди крестьянского населения всегда ощущается. По мнению епархиального училищного совета, для поддержания школ грамоты желательна специальная ассигновка из средств казны, так как крестьяне по своей бедности не всегда могут аккуратно вносить доплаты на их содержание к тому, что ассигновывается уездными отделениями совета» (Обзор... за 1908 год, 1909. С. 197). К 1908 г. школы в Астраче ещё не было (Школьная сеть, 1909. С. 14).

Новые школы земство располагало таким образом, чтобы они стали доступны максимальному числу жителей. В крупных деревнях школу посещало много детей, и крестьяне содержали её, что делало

школу самоокупаемой. Там, где не было скопления деревень, в школу ходил десяток детей. Себестоимость такой школы была намного выше, а также приходилось строить спальные помещения для учащихся. При нормативе отдаленности в 8 км, ближайшие от Астрачи школы были расположены в Тихвине (в 9 км) и в Большом Дворе (в 15 км).

Открытие школы во многом зависело от инициативы на местах. В данном случае инициатором стал известный в Тихвине ученый-лесничий и общественный деятель, секретарь земской управы, потомственный почетный гражданин Эрнест Фрицевич Дамберг. Он пожертвовал часть наследства на строительство школы в память своей первой жены, умершей весной 1909 г.

Для начала требовалось направить в земство просьбу об открытии школы. По этому вопросу 6 сентября 1909 г. в Астраче состоялся сельский сход, на котором присутствовали представители 33 из 42 домохозяйств деревни, а также сельский староста. Крестьяне обсуждали вопрос «о постройке в нашем селении одноклассной земской школы». На этом сходе выступил Э. Ф. Дамберг с предложением «об оказании денежного пособия на возведение этой школы в память его покойной жены Марии Андреевны Дамберг» (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 3). Сход постановил просить тихвинское уездное земство построить «в возможно скором времени школу». Также крестьяне сообщали земству, что «вблизи Астрачи совершенно нет школ». Со своей стороны они были готовы пожертвовать под школу участок земли не менее одной десятины и бесплатно вывезти лесные материалы на место постройки.

Финансовые сложности. После решения сельского схода, 25 сентября 1909 г. Э. Ф. Дамберг направил в Тихвинское земство «Прошение», в котором писал: «Желая оказать посильную помощь делу народного образования, я покорнейше прошу земскую управу принять от меня в дар 600 рублей на постройку школы в дер. Астрачи с тем, чтобы эта земская школа была имени моей покойной жены Марии Андреевны Дамберг. Деньги 600 руб. мною будут внесены управе в конце октября 1909 года» (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 2).

Спустя полтора месяца, 13 ноября 1909 г. Э. Ф. Дамберг извиняется: «Поверьте, не моя вина, что я до сих пор не внес обещанных земству 600 руб. на постройку Астрачской з. школы имени моей покойной жены, виноват всецело Окружной суд (Новгородский), который обещал утвердить меня в правах наследства к концу сентября, в действительности же затянул это дело до сего времени». Чтобы ускорить дело в Окружном суде Э. Ф. Дамберг ездил в Новгород, и обещал внести деньги до конца ноября (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 1).

По законам Российской империи вступить в наследство Дамберг мог через полгода после смерти жены. Получение денег затянулось из-за того, что он не был единственным наследником (второй наследник – брат жены), а наследство состояло не в деньгах, а в выигранных биле-

тах. В XX в. они уже не выпускались, но их цена каждый год росла, а обналичить их можно было только через банк, что также требовало времени.

4 февраля 1910 г. Дамберг сообщал земской управе, что «теперь остановка лишь за одним из наследников (братом жены), который обещал приехать из деревни к концу января, но до сих пор ещё не приехал. Вероятно, на днях произойдёт и тогда я получу деньги из Петербургского отделения государственного банка». Однако он ещё сообщал, что «моя часть не может быть немедленно мне выделена, т. к. деньги в выигрышных билетах», но уверял: «Во всяком случае не думайте, что я могу отказаться от своего обещания и его исполню свято: школа будет выстроена в Астраче к осени 1910 года» (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 12).

Наконец, 11 февраля 1910 г. Дамберг сообщает: «Деньги получены мною! Можно приступить к постройке школы. На днях зайду к вам для окончательных переговоров, особенно по поводу того, что в бумаге уездной земской управы ни слова не упоминается, что астрачская земская школа должна быть имени Марии Андреевны Дамберг» (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 13).

Выделение лесных материалов. Ещё 6 октября 1909 г. тихвинское земство подало в Управление земледелия и государственных имуществ ходатайство о бесплатном отпуске казённого леса для постройки школы (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 6). Этот вопрос также затянулся и 24 декабря 1909 г. Дамберг, пользуясь военной лексикой, сообщал земству: «Я уже стал окружной суд атаковать телеграммами, чтобы двинуть мое дело к концу. Во всяком случае, я все усилия приложу, чтобы к весне уже весь материал для школы был заготовлен» (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 5). В январе 1910 г. уездная управа и Дамберг вместе вели интенсивную переписку об отпуске леса с различными инстанциями: Новгородским управлением земледелия и государственных имуществ, Лесным департаментом, директором народных училищ.

Лесным департаментом были установлены нормы отпуска лесных материалов для типовых земских школ. Для проекта в Астраче требовалось 675 деревьев строевого леса и 57 жердей (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 6). Дамберг, как тихвинский лесничий, лично выбрал ближайший казённый участок – Астрачскую дачу и две делянки на ней, каждая по одному гектару (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 9).

16 февраля 1910 г. Дамберг вновь пишет в земство: «Будьте добры поторопить кого следует, чтобы поскорее разрешить отпуск леса для постройки школы – зима на исходе... я приступил бы немедленно же к вывозке...». (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 15). Уездная управа вместе с тихвинским инспектором народных училищ Моревым также пытались ускорить процесс, обращаясь в губернское Управление

государственных имуществ: «Просим скорейшего разрешения леса постройку Астрачской школы» (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 16). 10 марта 1910 г. из Управления государственных имуществ было получено разрешение. В итоге, в конце марта Дамберг смог выполнить своё обещание (к весне заготовить материал) и приступить к вывозке леса на место постройки. В апреле лесные материалы были приготовлены и оставлены сушиться на один год. Строительство было отложено до следующей весны 1911 года.

В это же время, в марте, земское собрание постановило наградить Дамберга, и к концу апреля он получил благодарность от училищного совета (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 22).

Аренда школы. Пока тянулся вопрос со строительством, земство 20 января 1910 г. заключило договор с крестьянином д. Астрача Михаилом Ивановым об аренде его недостроенного здания под школу. Очевидно, это было новое, ещё нежилое здание из двух помещений с коридором. Для его подготовки Иванов обязался провести следующие работы: сделать по одной печке в обоих помещениях, вставить по две рамы в окна, настелить потолок в коридоре, а в помещении для класса прорубить ещё два окна. Здание снималось на один год (по 1 февраля 1911 г.), а его хозяин – крестьян Иванов – становился сторожем, истопником, обязался ежедневно подметать и раз в неделю мыть полы. Плата за год аренды с отоплением составляла 70 рублей (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 11).

Первой учительницей стала госпожа В. Каменева – супруга секретаря земской управы (Памятная книжка... на 1914 год, 1914. Ч. 170). 13–14 февраля (суббота–воскресенье) 1910 г. она организовала молебен перед началом занятий во временном помещении Астрачской школы. Э. Ф. Дамберг получил приглашение на торжество, но не смог присутствовать, так как был в эти дни в Петербурге. Очевидно, в школе был минимум оборудования, поэтому 30 марта 1910 г. учительница Каменева просила земство прислать две парты для Астрачской школы (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 20).

Подготовка устава общества для пособия бедным учащимся. В течение 1910 г. был разработан «Устав Астрачского общества для пособия бедным учащимся в Астрачском земском училище». Его учредителями стали: дворянин Николай Аркадьевич Швахгейм, лесничий Эрнест Фридрихович Дамберг и его вторая жена Мария Александровна Дамберг (Калязина), учительница Вера Александровна Каменева, секретарь земской управы Фаддей Иванович Каменев, жена помощника лесничего Лидия Сергеевна Исаева и врач городской земской больницы Василий Васильевич Архангельский. За основу был взят устав Тихвинской женской прогимназии 1909 года (Устав Тихвинского общества, 1909). Проект устава астрачского общества был направлен в Новгородское губернское правление, но его утверждение затянулось (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 26).

Строительство и открытие школы. Строительство сруба было начато к лету 1911 года. 18 мая 1911 г. земство просило владельца лесопилки и гончарного завода Ивана Ивановича Пирозерского прислать 1000 штук жженого кирпича для печей в Астрачской школе. Его производство находилось в д. Поток, Деревской волости, откуда груз можно было удобно сплавить вниз по р. Тихвинке. Кирпич был привезён на лодке и выгружен на причале возле самой школы (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 24).

24 мая 1911 г. земство заключило договор с крестьянином д. Астрачи Петром Яковлевым на поставку 3 куб. саж. камня для фундамента школы (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Л. 25). Этот внушительный объём (3 куб. сажени = 29,1 куб. метров) мог использоваться для фундамента здания и трёх печей. Но при капитальном ремонте здания в 2019 г. было обнаружено отсутствие фундамента под зданием музея, печи также стояли без каменных фундаментов на толстых досках. Камнем был выложен лишь небольшой подпол, отдельные камни лежали под углами здания и как опоры для лаг.

Для строительства земских школ имелись типовые проекты. Одноклассная школа на 40–60 учеников состояла из класса, раздевалки, кухни и комнаты учителя (Примерные планы, 1898. С. 5). Туалет либо располагался отдельно за пределами школы, либо помещался в пристройке. При капитальном ремонте здания за обшивкой была обнаружена дверь из коридора на улицу. Эта дверь вела в утраченную пристройку, где располагался туалет, на месте которого при ремонте была обнаружена яма, заваленная мусором.

Занятия в школе начались в 1912 г. Школа обслуживала населённые пункты, находившиеся в пределах 5 верст от Астрачи: деревни Бурково и Ильино, а также Полтавский шлюз, Харьковский шлюз, железнодорожную караулку и железнодорожную казарму, в которых всего проживало 44 ребёнка. В д. Астрача проживало 274 чел., в том числе 30 детей 8–11 лет. На 1 января 1913 г. в школу ходил 31 ребёнок и планировалось, что при введении всеобщего обучения будут ходить все 44 ребёнка 8–11 лет (Школьная сеть, 1913. С. 8).

В Астрачской школе применялась технология трёхлетнего обучения, выработанная земскими учителями. В единственном классе дети всех возрастов сидели на лавках, парт на всех не хватало. Учитель проводил занятия одновременно с тремя разновозрастными группами, давая различные задания и объясняя новый материал по очереди. Получалось коллективное занятие, в котором дети учились сообща.

В августе 1914 г. началась Первая мировая война. Учителя Тихвинского уезда были призваны жертвовать на нужды войны. Уже с августа 1914 г. в списке из 29 школ уезда числится школа д. Астрача, в которой учительница В. Каменева ежемесячно отчисляет 3% своего жалования (Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 1223. Л. 158). Это позволяет предположить, что ее уроки включали патриотическое воспитание.

Короткий дореволюционный период истории Астрачской школы дошёл до нас в местных преданиях. Антонина Петровна Виличкина, которая училась в Астрачской школе в 1947–1951 гг., вспоминала: «Здание школы построила ещё до революции барыня с немецкой фамилией Дамберг. Над крыльцом школы висел её портрет. А дом, в котором она жила, находился неподалёку, за ручьём, впадающим в Тихвинку, выше по склону. Там сейчас ничего нет. Дома её не было уже после войны точно. Мы детьми любили прибегать на это место играть. Называлось оно почему-то «Пигарье». Барыню, порой тоже так и называли «Пигарская». Рядом с нею жила семья Бельских.

А барыня была очень доброй, деревенские всегда могли найти у неё работу. Людей она не обижала, в деревне её любили».

Таким образом, целый ряд факторов способствовал появлению Астрачской школы в 1908–1911 гг.: государственная политика, усилия земства, стремление крестьянских обществ к получению образования и частная инициатива. Очевидно, именно инициатива Э. Ф. Дамберга стала решающим фактором для появления школы в Астраче. Работы по подготовке проходили в 1909–1912 гг. Много времени заняло вступление в наследство, получение разрешения на бесплатный отпуск леса. Уже с 1910 г. занятия проводились в арендованном, а с 1912 г. – в собственном здании.

Литература и источники

Обзор Новгородской губернии за 1908 год. Новгород: Губ. тип., 1909. 201 с.

Памятная книжка Новгородской губернии на 1914 год. Новгород: Губ. тип., 1914. 232 с.

Примерные планы школьных зданий на 40–60 и 60–100 учеников. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1898. 20 с.

Устав Тихвинского общества для пособия бедным учащимся в Тихвинской женской прогимназии. Тихвин: Тип. Изачик, 1909. 8 с.

Школьная сеть Тихвинского уезда, составленная Новгородской губернской земской управой по данным на 1 января 1908 года. Новгород: Губ. тип., 1909. 118 с.

Школьная сеть Тихвинского уезда, составленная Новгородской губернской земской управой по данным на 1 января 1913 года. Новгород: Губ. тип., 1913. 120 с.

Архивные материалы

Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 3. Письмо Э. Ф. Дамберга в Тихвинскую уездную земскую управу.

Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 2. Прошение Э. Ф. Дамберга в Тихвинскую уездную земскую управу.

Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 1. Письмо Э. Ф. Дамберга инспектору народных училищ.

- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 12. Письмо Э. Ф. Дамберга инспектору народных училищ.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 13. Письмо Э. Ф. Дамберга инспектору народных училищ.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 6. Письмо Э. Ф. Дамберга инспектору народных училищ.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 5. Письмо Э. Ф. Дамберга инспектору народных училищ.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 9. Письмо Тихвинской уездной земской управы Э. Ф. Дамбергу.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 15. Письмо Э. Ф. Дамберга инспектору народных училищ.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 16. Запрос в Новгородское губернское Управление государственных имуществ.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 22. Письмо инспектора народных училищ в Тихвинскую уездную земскую управу.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 11. Подписка крестьянина д. Астрачи Михаила Иванова.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 20. Письмо учительницы В. Каменевой в Тихвинскую уездную земскую управу.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 26. Письмо Новгородского вице-губернатора учредителям «Астрачского общества для пособия бедны учащимся».
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 24. Письмо И. И. Пирозерскому об отпуске кирпича.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Л. 25. Подписка крестьянина д. Астрачи Петра Яковлева.
- Архив ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 995. Астрачская земская школа. 1909–1918. Д. 1223. Тихвинская Уездная Земская Управа. Бумаги, относящиеся к военным событиям. 1914–1917. Л. 158. Список учащим Тихвинского уезда, изъявившим желание ежемесячно отчислять % из своего жалования на нужды войны.

УДК 271.22:726.71(47.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.15

И. А. Мельников

ТИХВИНСКИЙ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИЙ СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ СКИТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА И ЕГО БИБЛИОТЕКА

Аннотация. Статья знакомит с малоизвестной историей Крестовоздвиженского старообрядческого скита, существовавшего в Тихвине под видом богадельни с 1764 по 1854 г. Будучи важным центром консолидации старообрядцев всего уезда, он поддерживал устойчивые тесные контакты с поморцами Выго-Лексинских пустыней Олонецкой губернии. Особое внимание уделяется роли наставников и насельников скита в торговле предметами церковной старины и книгами. На основе вновь выявленных источников предпринимается попытка реконструировать состав книжного собрания обители, часть которого сохранилась в настоящее время в фондах Новгородского музея-заповедника.

Ключевые слова: Тихвин, старообрядчество, скиты, поморское согласие, Выговская пустынь, святые места, традиционная книжность, библиотеки.

Abstract. The article introduces the little-known history of the Exaltation of the Cross Old Believer Skete, which existed in Tikhvin under the guise of an almshouse from 1764 to 1854. Being an important center for the consolidation of the Old Believers of this region, it maintained stable close contacts with the Pomor Vygo-Leksinsky hermitage of the Olonets province. Particular attention is paid to the role of mentors and inhabitants of the skete in the trade in church antiquities and books. On the basis of newly identified sources, an attempt is made to reconstruct the composition of the book collection of the skete, part of which is currently preserved in the funds of the Novgorod Museum-Reserve.

Keywords: Tikhvin, Old Believers, sketes, Pomorian congregation, Vygovskaya hermitage, holy places, traditional literacy, libraries.

Старообрядческие скиты, богадельни и иноческие кельи, располагавшиеся на Северо-Западе, были прочно встроены в сеть староверческих поселений, поддерживая связи с более крупными центрами общероссийского значения. Посад, а в дальнейшем город Тихвин, по своей значимости занимал одно из ведущих мест в процессе взаимодействия староверов разных регионов. Уже в период церковной реформы в Тихвине проявилось недовольство новшествами. Наиболее известным их

противником в этот период стал игумен Тихвинского Беседного монастыря старец Досифей, проповедовавший «старую веру» от Олонца до Дона. В старообрядческих сочинениях отмечены также тихвинцы Геннадий Качалов, Иоасаф Чаплин и др. (Зеньковский, 1995. С. 275, 320; Мордвинов, 1999. С. 45–47). Выходец из Тихвина Пётр Ануфриев основал на Выгу в конце 1690-х гг. Тихвиноборский скит, особенно почитавшийся жителями старообрядческого суземка (Юхименко, 2002. С. 229–234). На протяжении всего последующего столетия большая часть жителей Тихвина сочувствовала «расколу», посадские люди тяготели к соглашениям поморцев, филипповцев и федосеевцев, их взгляды находили верных приверженцев среди крестьян уезда. В Тихвинском Успенском монастыре в XVII–XIX вв. содержались «расколоучители», которые лишь усугубляли распространение старообрядческих воззрений среди тихвинцев (Мордвинов, 1999. С. 42, 54–55, 58–59).

С 1760-х гг. жизнь ревнителей «старой веры» в Тихвине была сосредоточена вокруг кладбищенского скита-богадельни. Несмотря на то, что история старообрядцев Тихвинского уезда становилась объектом изучения петербургских ученых ранее (Королькова, 2012; Фишман, 2003), об этой обители, де-факто консолидировавшей значительную часть «раскольников» уезда во второй половине XVIII – первой половине XIX в., в современной историографии упоминается мало. Наша цель – ввести в научный оборот ранее неизвестные источники, описывающие историю возникновения и существования скита до его закрытия в середине XIX в. Также нашей целью было выявление состава его библиотеки, источников ее формирования, связанных с Тихвином как одним из крупных региональных центров торговли церковной стариной, имевшим важное значение даже для Выговской пустыни. Наконец, одной из задач являлась идентификация рукописей обители, ныне хранящихся в собрании Новгородского музея-заповедника.

В основу настоящего исследования легли документы Российского государственного исторического архива (Ф. 1284. Департамент общих дел МВД) и Российского государственного архива древних актов (Ф. 1431. Дела местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах). Если документы Департамента общих дел МВД хорошо известны и неоднократно использовались исследователями конфессиональной истории, то про менее известный фонд РГАДА, состоящий из судебных дел о старообрядчестве и сектантстве, следует рассказать подробнее. Он был сформирован в 1912–1916 гг. при архиве Министерства Юстиции по инициативе Академии наук. В него вошли материалы дореформенных и пореформенных судов, к которым привлекались религиозные диссиденты. Документы целенаправленно собирались из различных губерний, т. к., по мнению инициаторов этого проекта, содержали «весьма ценный для изучения религиозных движений в России материал» и представляли интерес для академической науки. Значи-

тельный массив источников, охватывающих период с начала XIX по начало XX в., поступил из судебных учреждений Новгородской губернии.

Также при проведении настоящего исследования использовались документы Отдела письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника, включая книжные памятники XVI–XIX вв. фонда рукописной и старопечатной книги, ведомости о церквях г. Тихвина и его уезда, каталоги и инвентарные описи миссионерского «Братства Св. Софии» и Новгородского музея древнего искусства.

Тихвинский Крестовоздвиженский скит во второй половине XVIII – середине XIX в.

В 1764 г. по решению Новгородского губернского магистрата старообрядцам Тихвина было выделено место «для клажи раскольниковых мертвых тел» по прошению записных «раскольников», купцов Клементия Толманова и Андрея Лозырева (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 28. По докладной записке чиновника особых поручений при Министерстве Внутренних Дел Статского советника Арсеньева о крестьянине Олонецкой губернии Иосифе Гаврилове, Рыбинском купеческом сыне Григории Блохине и о протоиерее Тихвинского собора и Благочинном городских церковей Федоре Гиляровском. Л. 41–42 об.). Эту дату можно считать началом Крестовоздвиженского скита. Вероятно, данный указ, как и в аналогичных случаях с Малоохтинским кладбищем в Петербурге и старообрядческим кладбищем в Старой Руссе, лишь легализовал уже существовавшее место захоронения староверов¹. Вновь дозволенное кладбище расположилось на земле тихвинского купца Василия Синецкого, между дорогой и Каменным ручьем в одной версте от Тихвина. Почти сразу его расширили, обнесли городьбою, а на нем выстроили малую моленную для отпевания покойников, которую значительно перестроили и увеличили в 1793 г. (РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. 1839 г. Д. 88. По прошению Новгородской губернии города Тихвина старообрядческого кладбища попечителя Тихвинского мещанина Федора Лазарева Позднякова, о дозволении перекрыть крышу на находящейся на том кладбище старообрядческой моленной. Л. 9–10). В известных нам вкладных записях на книгах из библиотеки часовни фиксируется ее посвящение празднику Воздвижения Креста Господня и Благовещения. Вероятно, этот факт отражает тесные духовные связи с олонечкими староверами. Уместно напомнить, что именно Воздвижению была посвящена соборная часовня Лексинской обители. Подобный факт не случаен: оба скита были женскими, выходцы из Тихвина жили на Выгу и

---

¹ Л. В. Королькова приводит данные о кладбище и часовне, существовавших до 1717 г. (Королькова, 2012. С. 202–203).

Лексе, и, в свою очередь, олончане были частыми гостями и насельниками Тихвинского скита.

Очевидно, в 1804 г. деревянные кладбищенские здания были вновь существенно перестроены местным купцом Андреем Бельским и петербургским купцом Гладковым, принадлежавшими к поморскому согласию. Скорее всего, в этот период под видом призрения престарелых старообрядцев при моленной стала налаживаться иноческая жизнь. По этой причине в дальнейшем чиновник по особым поручениям МВД Ю. К. Арсеньев, «счислявший раскольников» Новгородской губернии в 1850-е гг., называл Бельского и Гладкова основателями богадельни (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. По донесению начальника Олонецкой губернии, об обряде перекрещивания раскольников, совершаемом в г. Тихвине Новгородской губернии. Тут же о присоединении раскольников г. Тихвина к Единоверию, о построении для них церкви и о награждении купца Фалева. Л. 7).

Андрея Бельского можно назвать одним из столпов тихвинского старообрядчества конца XVIII – начала XIX в. За время, которое он де-факто управлял обителью, в нее поступили ценные пожертвования. В 1823 г. купцом было составлено завещание, по которому все постройки кладбища, с книгами и иконами, он передавал общине (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 191). Преемником Бельского стал тихвинский мещанин Федор Лозырев Поздняков. От его имени в 1839 г. было составлено прошение о дозволении перекрыть крышу над кладбищенской часовней. В результате изысканий МВД, произведенных после этого прошения, мы можем составить представление о комплексе построек скита в данный период. Кроме деревянного молитвенного здания, близ кладбища стояло также семь бревенчатых домиков, названных в документе «кельями». В них постоянно проживало 17 человек, в основном женщины, большинство из которых происходили из Тихвина и Тихвинского уезда. Также среди насельников были крестьяне и мещане из Санкт-Петербурга, Новоладожского уезда Петербургской губернии, Повенецкого уезда Олонецкой губернии и Весьегонского уезда Тверской губернии (РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. 1839 г. Д. 88. Л. 4–12).

Прожение Федора Позднякова так и не получило ответа от МВД в положенном порядке. Несмотря на это, в 1843 г. старообрядцы сумели добиться от местного городничего и квартального надзирателя устного разрешения перекрыть крышу над своей моленной. Часовню при этом покрыли листовым железом, что свидетельствовало об определенном богатстве обители (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 124. По донесению начальника Новгородской губернии о противозаконно-переделанной раскольнической моленной в г. Тихвине и о прикосновенных к сему делу людях. Л. 3–10). Спустя десятилетие подобное своеволие в свете действовавшего законодательства и политики «искоренения раскола» Д. Г. Бибикина имело трагические последствия для скита и его насельников, послужив прологом к его закрытию.

Чиновники, озабоченные «распространением раскола» в Тихвине, в 1853 г. предприняли ряд мер против Крестовоздвиженской обители, при этом была опечатана часть часовни. В начале Великого Поста 1854 г. в Тихвин приехал чиновник по особым поручениям, статский советник Ю. К. Арсеньев. Время начала дознания было приурочено к ярмарке, проходившей с воскресенья первой до среды третьей недели Великого поста. Тихвинская Сборная ярмарка проводилась под стенами Успенского монастыря с начала XVII в., и, вероятно, была на три десятилетия старше знаменитой Макарьевской ярмарки. По данным 1857 г., она была самой крупной по товарообороту во всей Новгородской губернии (Васильев, 2009. С. 12–13, 30). Вероятно, уже в конце XVII – начале XVIII в. Сборная ярмарка стала играть важную роль в поддержании старообрядческих деловых и конфессиональных связей, на ней так же, как и «у Макария», во множестве продавались предметы церковной старины. В перв. пол. XIX в. сюда собирались старoverы и новообрядцы из разных мест, желавшие поучаствовать в торговле, а также посетить, в числе прочих «святых мест», Тихвинскую поморскую часовню, поклониться ее святыням либо принять там крещение.

На момент прибытия Арсеньева таинства и богослужения продолжали совершать в уже запечатанной к тому времени моленной (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 28. Л. 4–4 об.). Тогда же чиновником был составлен общий план скита (рис. 1). По словам статского советника, обитель пользовалась особым почитанием, в том числе петербургскими и московскими купцами, так как в ней хранились чудотворные образа. Вероятно, имелись в виду иконы Воздвижения креста с мощами Стефана Сурожского, Иоанна Златоуста, архидиакона Стефана и Никиты епископа Новгородского (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 124. Л. 18.), а также Божией Матери Иерусалимской (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 204).

По свидетельству чиновника, в это время в скиту проживали наставники и 11 женщин-инокинь, которые ходили по городу и уезду за сбором денег. Наибольшим уважением пользовались наставники Иван Шемякин, Яков Евстифеев, Влас Андреев и Иван Жирухин. Среди инокинь наиболее активной была Васса Иванова, происходившая из с. Данилово Повенецкого уезда Олонецкой губернии и жившая до этого, вероятно, в Лексинской поморской обители.

Связи Тихвина с Выгом, о которых мы упоминали в самом начале, неоднократно находят отражение в более поздних источниках. Так, в первой половине XIX в. в доме тихвинского купца Григория Климова, кроме упоминавшейся девицы Вассы Ивановой, жила олончанка Ненила Родионова (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 235–236). В дальнейшем Васса перешла на жительство в сам Крестовоздвиженский скит. Очевидно, через нее поддерживалась активная коммуникация с Выговской пустыней: чиновники отмечали, что она распорядилась обменом пожертвований между Выгом и Тихвином. В числе «доброхотных даяний» были не только деньги, но и предметы – например, пелена, кото-

рую Васса отослала в Шелтопорожский скит с купцом Алексеем Панфиловым (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 239 об.). У нее же в келье останавливались приезжавшие олончане (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 7–15).

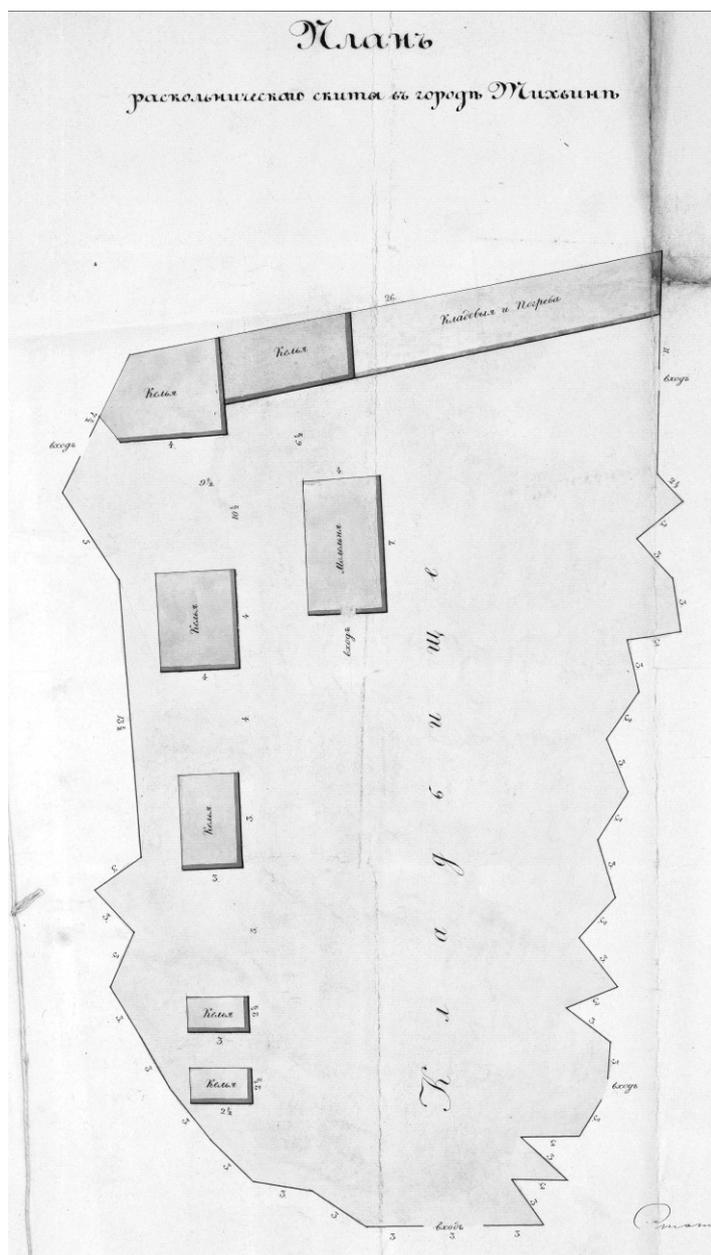

Рис. 1. План раскольническаго скита в городе Тихвине. 1854 г. Сост. Ю. К. Арсеньев (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 16а)

Помимо поддержания тесных связей с олонецкими, петербургскими и московскими центрами поморского согласия, Крестовоздвиженский скит играл исключительную роль в распространении «раскола» в уезде. Будучи открыт с официального дозволения, он способствовал своеобразной «легализации» деятельности отдельных приписанных к нему наставников, прежде всего, в деревнях Озерского погоста. Одним из них был крестьянин Яков Евстифеев. В 1800-е годы он вместе с братом участвовал в деятельности радикальной группы странников Якова Яковлева, состоявшей из трех десятков человек и скитавшейся в пределах Старой Руссы и Тихвина. Группа не признавала власти царя, уплаты податей и участия в государственных ревизиях (Пятницкий, 1906. С. 395–396; Клибанов, 1977. С. 224–225; Мальцев, 1996. С. 188; Мельников, 2019. С. 154–155).

После поимки странников в Колотиловском лесу в 1808 г. Евстифеев принес ложное покаяние, был освобожден от наказания и отправлен для исправления в Деревяницкий монастырь. Через год оттуда его вызволил тихвинский купец Яков Анисимов, после чего Евстифеев перешел на жительство в Тихвинский Крестовоздвиженский скит, где в течение 20 лет «ставил свечи, курил фимиам и читал часы». Затем он перебрался в д. Горки Озерской волости, где стал исполнять функции наставника (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1842. По рапорту Тихвинского земского суда, о совратившихся в раскол государственных крестьянах Тихвинского уезда д. Горки Якове Евстифееве, д. Старостина Иване Клементьеве и д. Пакшеева Феокисте Стахиве с прочими. Л. 120–121). Вся его деятельность в окрестных деревнях напрямую инспирировалась отцами Тихвинской богадельни, куда он часто ездил. Кроме того, Евстифеев занимался сбором денег на организацию кладбища близ д. Сары, а также, как гласил текст книги сборов пожертвований, «на содержание молитвенного дому, на свечи и на фимиан, и на пропитание бедных сирот», очевидно, самого Крестовоздвиженского скита (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1843. О раскольническом наставнике Якове Евстифееве. Л. 7–8).

Помимо обеспечения требоисполнений и паломнических практик, важной функцией обители был прием «замирщившихся» членов общин города и уезда. Представление о том, что по достижении определенного возраста старовер должен «сходить в веру», то есть начать строго исполнять все христианские обязанности и требования ритуальной чистоты, зафиксировано среди тихвинских старообрядцев-федосеевцев во второй половине XX в. (Фишман, 2003. С. 235–252). Зачастую подобное покаяние было связано с переходом в преклонный возраст и сопровождалось специальным обрядом положения «начала». Вероятно, о схожих представлениях среди местных крестьян поморского согласия, живших в первой половине XIX в., свидетельствуют их показания в делопроизводственных документах. На допросах по делу Якова Евстифеева многие показывали, что приносили покаяние перед общиной в своей «мирской»

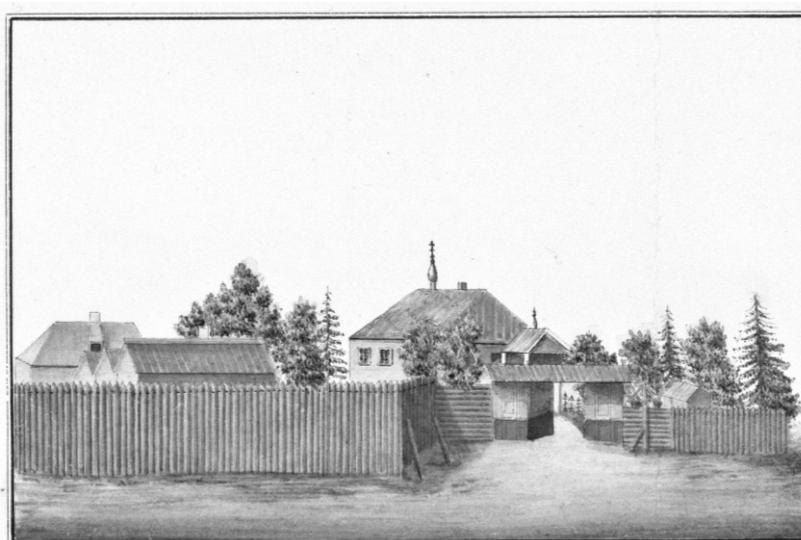
жизни и вынужденном посещении государственной церкви после того, как чувствовали, что «молодость прошла» (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1842. Л. 123–123 об.). Каким способом реализовывалась процедура приема «заблудших овец» в Крестовоздвиженской обители, передают слова одного из крестьян Озерского погоста, посетившего ее в 1848 г.: «...отправились в город Тихвин прежде Яков Евстифеев, а за ним и я, и пройдя в моленную испросил прощения на соборе, заключающемся из крестьян, пришедших с разных мест Тихвинского уезда и всему этому собору и Якову Евстифееву кланялся в ноги, просил прощения за то, что я находился в Православии и они меня простили и приняли меня в свой собор» (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1842. Л. 62–62 об.).

Очевидно, такая деятельность Тихвинского Крестовоздвиженского скита способствовала серьезной консолидации староверов всего уезда. По этой причине Ю. К. Арсеньев весной 1854 г. направил все свои силы на то, чтобы закрыть обитель либо превратить ее в единоверческую церковь. Согласно историку М. О. Мордвинову, «за три месяца <...> он арестами и полицейскими волокитеми успел обратить всех наиболее упорных раскольников» (Мордвинов, 1999. С. 64–65). Решительность действий чиновника подтверждается документами: старики-наставники Иван Шемякин и Иван Фалеев согласились принять единоверие только после заключения в острог (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 6, 12, 75). Обыски в домах наиболее видных «раскольников» Тихвина и ужас перед приехавшим статским советником способствовали тому, что за наставниками последовали и все остальные староверы города.

Не меньший эффект произвело полное опечатание моленной. Староверы настолько благоговели перед древними чудотворными образами, что приходили молиться на них через окна запечатанной часовни, поэтому власти распорядились их забить (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 16–18). В конечном итоге, именно благодаря тому, что Арсеньев взял под контроль священную локацию – моленную с иконами и кладбище, большинство городских «раскольников» согласились принять единоверие. Сопrotивление оказал лишь сапожник Осип Маслов и часть инокинь, происходивших из Тихвина и по этой причине не высланных в другие уезды, как остальные старицы (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 69). Более решительно против единоверия выступили жители Озерской волости, наставники которой объявили Арсеньеву при увещании, что ни за что не соединятся с «Церковью Антихриста и с сынами Дявола» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 216–216 об.).

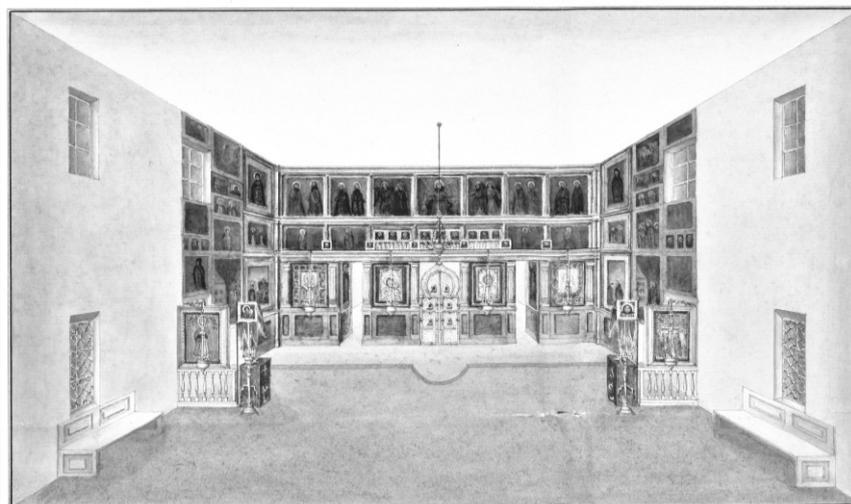
Тем не менее Арсеньев довел задуманное до конца: бывшая моленная Крестовоздвиженского старообрядческого скита была переделана в единоверческую церковь в честь Тихвинской иконы Богоматери и освящена в июне 1854 г. Сам Арсеньев на страницах Новгородских епархиальных ведомостей всячески превозносил свое детище, построенное в соответствии с «наидревнейшими образцами» (Королькова,

2012. С. 203). На деле убранство, включая иконы и утварь, в основе были сохранены и незначительно дополнены новыми пожертвованиями, а к часовне была пристроена главка и апсида (рис. 2, 3).

ОБЩИЙ ВИДЪ ЦЕРКВИ И МѢСТНОСТИ.

Рис. 2. Общий вид местности и единоверческой церкви в Тихвине. 1854 г.
Рисунок В. Фролова (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 219)

ВИДЪ ВНУТРИ ЦЕРКВИ.

Рис. 3. Внутренне убранство единоверческой церкви в Тихвине. 1854 г.
Рисунок В. Фролова (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 219)

Несмотря на кажущееся торжество единоверия в Тихвине, между представителями МВД и Греко-русской церкви возникли разногласия. Духовенство, и особенно архимандрит Тихвинского монастыря Пётр (Зверев-Богданов), поначалу всячески способствовали переделке скитской моленной в церковь. Но со временем представителям епархиального начальства не понравилось, что инициативу в «обращении раскольников» взял на себя полицейский чиновник, отстранив их от процесса. Духовенство настаивало, чтобы в освящении церкви участвовал не только присланный из Петербурга единоверческий священник Афанасий Базарянинов, но и обычный, «православный». По мнению Арсеньева, напротив, это могло лишь отпугнуть с таким трудом обращенных им «раскольников» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 140–141 об.). Более того, когда архимандрит Пётр явился на освящение церкви, несмотря на просьбы чиновника не делать этого, то был холодно встречен молящимися. Арсеньеву пришлось объяснять новоиспеченным единоверцам, что священник явился для встречи с новгородским губернатором, тоже присутствовавшим на столь значимом событии. Все это, согласно рапортам чиновника, справедливо считавшего единоверческую церковь своим детищем, являлось противодействием церковных властей, лишившихся в лице «раскольников» статьи дохода. Поэтому, по словам Арсеньева, духовенство «смотрит на Единоверческую церковь, хуже чем на жидовскую синагогу» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 211–211 об.).

Единоверческий приход просуществовал сравнительно недолго и был закрыт в 1889 г., а после пожара 1897 г. храм частично перестроили и освятили в честь великомученика Пантелеймона (ОПИ НГОМЗ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 320. Ведомости о церквах г. Тихвина и его уезда. Л. 20). Пантелеймоновская церковь существовала и в нач. XX в. В результате разгрома Крестовоздвиженского скита поддержание «старой веры» стало в основном достоянием жителей уезда, которые в последующие десятилетия, например, неоднократно ходатайствовали об открытии или распечатании старообрядческих кладбищ (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1867 г. Д. 32. По отношению исправляющего должность Обер-прокурора Святейшего Синода, по предмету ходатайства доверенных от крестьян 14 деревень Озерского прихода, в Тихвинском уезде Новгородской губернии, крестьян Михаила Сергеева, Ксенофонта Лукина и Афанасия Стефанова о дозволении погребать тела умерших раскольников на упраздненном раскольничьем кладбище при д. Саре; РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. 1891 г. Д. 111. По прошению уполномоченного раскольников разных деревень Тарантаевской волости, Тихвинского уезда, Новгородской губернии, крестьянина дер. Биричева Григория Иванова о разрешении хоронить умерших на закрытых 4х раскольничьих кладбищах при деревнях: Биричеве, Логинове, Утликово и Моклоково).

Библиотека Тихвинского Крестовоздвиженского скита

Как уже говорилось ранее, Тихвин в XVIII – начале XIX в. представлял собой центр торговли церковной стариной, в том числе книгами и иконами. В этот процесс был активно вовлечен и поморский Крестовоздвиженский скит, наставники и прихожане которого участвовали в Сборной ярмарке (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 4–4 об.). В частности, книгами торговали наставник Иван Жирухин, а также мещанин Иван Тарапкин и купчиха Анна Богданова, причем Жирухин и Тарапкин занимались также написанием икон, которыми они снабжали новгородских, петербургских, вологодских и олонецких старообрядцев. Жирухин лил свечи, изготавливал пелены, лестовки, ладан и масло для лампад. Насколько интенсивно шла эта торговля, можно судить по тому, что уже в первые дни ярмарки 1854 г. Тарапкин распродал все свои товары (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 10). Среди покупателей были представители столичного и провинциального купечества. Так, упоминавшийся ранее Яков Евстифеев продал известному в старообрядчестве купцу-поповцу из Валдая Корыткову (вероятно, Ефиму) несколько старинных книг (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1842. Л. 121). Тот же Корытков хотел купить у Анны Богдановой ее образную за 15 000 рублей (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 10).

Интерес представляют неоднократные упоминания о живших в Тихвине выгорецких выходцах, занимавшихся перепиской и сбытом рукописных книг. Так, Васса Иванова занималась продажей «канунов, писанных в духе старой веры Даниловского монастыря девицею Афимьею Ивановою», причем одна из таких книг была приобретена даже дочерью местного священника (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 235–235 об.). Она же не только привозила выговские рукописи в Тихвин, но и, наоборот, передавала на Выг древние книги, приобретенные в Тихвине (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 8 об.). В 1830-е гг. рукописным промыслом в городе занимался скитник из Повенецкого уезда по имени Сергей (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1843. Л. 14).

Активная культурная жизнь и связи с крупнейшим центром старообрядчества северо-запада способствовали формированию в Крестовоздвиженском ските уникального и достаточно объемного книжного собрания. Первое упоминание о нем до нас доносит опись имущества богадельни, составленная самими старообрядцами в 1821 г. (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 47 об.). В ней упоминаются названия восьми наиболее дорогих памятников книжности, а также неизвестное количество книг «разных наименований». Среди обозначенных были необходимые книги богослужебного обихода («Евангелие», «Апостол», «Псалтырь» и «Часослов»), а также учительные (три четверти «Пролога» и «Златоуст»). Общая цена собрания (215 руб.) превышала стоимость всех деревянных построек богадельни со службами (200 руб.). Недостатком этой описи можно считать отсутствие конкретной инфор-

мации, однако мы можем догадываться о наличии в библиотеке старопечатных и рукописных «дониконовских» памятников книжности.

Более подробные данные дает завещание тихвинского мещанина Андрея Бельского, управлявшего обителью в начале XIX в. Оно было составлено в 1823 г. Документ демонстрирует достаточно типичный для староверов способ передачи частного «богоугодного заведения» в общинное владение в виде пожертвования. Согласно завещанию, все постройки кладбища, с книгами и иконами, Бельский передавал «в полное распоряжение старообрядческого нашего сословия гражданам», с правом избрать после его смерти, в качестве управляющего, «способного человека, кого таковым найдет по воле своей» (РГИА Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 191). Согласно этой описи, в библиотеку скита входило 38 книг богослужебного и учительного содержания, в т. ч. «старописьменные» и изданные в первой половине XVII в. (РГИА Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 50 об.–51 об.).

Наконец, очередная опись была составлена уже в 1854 г. Во время обысков в общине, за два года до ее закрытия, старообрядцы спрятали часть книг от приставов, однако, когда выяснилось, что решение о переделке скита в единоверческий приход принято окончательно, книги были возвращены. Именно они и попали в третью опись, зафиксировавшую эту часть собрания. Среди возвращенных – 22 рукописные и старопечатные книги, как обозначенные в предыдущих описях, так и отсутствующие в них (РГИА Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 206–206 об.). В это же время упоминаются книги, найденные при обыске: четыре «Минеи» (без уточнений) и «Анекдоты о Петре Великом» (вероятно, имеются в виду «Подлинные анекдоты Петра Великого» Якова Штелина) (РГИА Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 178 об., 180 об.). Стоит сказать, что последняя упоминаемая опись, вероятно, не учитывала часть памятников, поступивших в период между 1823 и 1854 гг.

Таким образом, собрание Крестовоздвиженской поморской часовни формировалось со времени ее появления почти сразу после легализации кладбища в 1764 г. и составило основу библиотеки Тихвинской единоверческой церкви, которая продолжала пополняться и после закрытия скита, но уже не столь активно.

Большая часть книг единоверческого прихода к началу XX в. поступила в собрание миссионерского «Братства Св. Софии» в Новгороде. Основной целью этой организации, возникшей в 1885 г., была «внутренняя миссия» среди «раскольников» и сектантов. Основу его собрания старопечатных и старописьменных книг составили памятники, поступившие из Новгородской духовной консистории в 1893–1894 гг. (Отчет, 1894, С. 374–384). Выявленный нами каталог книг братства, составленный в 1903 г., содержит 75 единиц, поступивших из Тихвинской единоверческой церкви. Вероятно, их передача произошла вскоре после упразднения прихода в 1889 г., в связи с прекращением служения по старому чину. Среди этих книг – рукописи и старопечатные издания,

большая часть которых упоминается в предыдущих описях (ОПИ НГОМЗ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 105. Каталог старопечатных и рукописных книг библиотеки братства святой Софии. Л. 2–3 об.).

Наконец, еще одним ценным источником, позволяющим не только проследить дальнейшую судьбу собрания, но и сделать выводы о путях пополнения скитской библиотеки, являются инвентари с описанием старопечатных книг Новгородского музея древнего искусства, куда в 1920-е гг. были переданы книги «Братства Св. Софии» (ОПИ НГОМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51. Книга инвентарная собрания старопечатных книг Новгородского музея древнего искусства. Л. 14 об.–28). Вероятно, инвентари были составлены сотрудником музея А. Никифоровским и содержит подробное описание 8 печатных книг, местонахождение которых сейчас неизвестно. В описаниях воспроизводятся вкладные владельческие записи, год выхода и физические характеристики изданий.

Значительная часть рукописей Тихвинской Крестовоздвиженской обители сохранилась в фонде рукописной и старопечатной книги Новгородского музея-заповедника. Благодаря перечисленным выше источникам есть возможность идентифицировать 14 рукописных книг XVI – XIX вв., некогда принадлежавших поморской часовне и единоверческому приходу. Часть из них имеет соответствующие записи о принадлежности «старообрядческому кладбищу» и «молитвенному храму» поморского согласия, а также «единоверческой церкви» в случае, если они были пожертвованы после 1854 г. Кроме того, на припереплетных листах и обклейке крышек большинства рукописей оранжевым карандашом проставлены номера, соответствующие номерам в описи 1903 г.

Среди рукописей, принадлежавших часовне до 1854 г., имеются памятники XVI – первой половины XVII в. Четыре из них без труда идентифицируются по описям 1823 и 1903 гг., а также владельческим записям: «Евангелие тетр» XVI в. с цветными миниатюрами конца XVIII – начала XIX в., изображающими евангелистов и нарисованными, возможно, местными или выговскими мастерами (КР-38) (рис. 4), «Миня служебная, июль» XVI–XVII вв. (КР-68), «Праздники на крюках» конца XVII – начала XVIII в. (КР-575) (рис. 5) и «Сборник церковных чтений и слов» XVII в. (КР-105) (рис. 6). Последняя рукопись отсутствует в ранних списках, однако имеется в описи 1903 г. и содержит владельческую запись начала XIX в. Вероятно, книга поступила в Крестовоздвиженскую моленную в период между 1823 и 1854 гг.

Рис. 4. Евангелие тегр. XVI в. (НГМ КП 30056/10; КР-38)

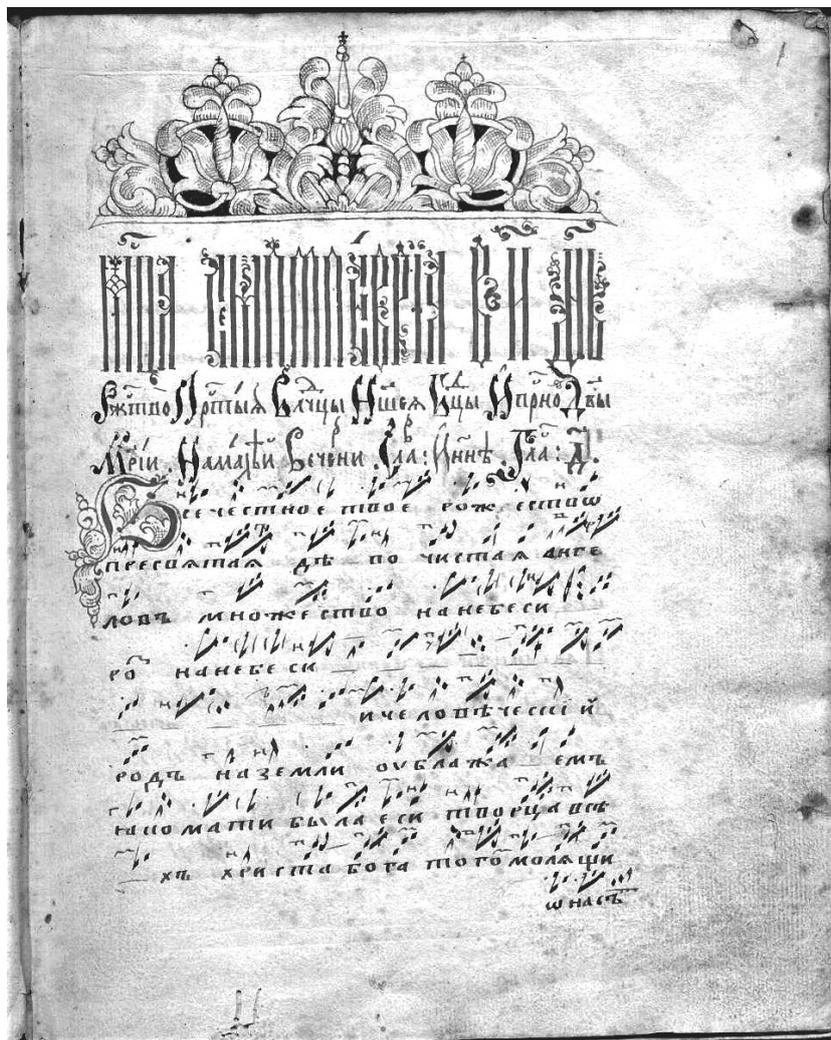

Рис. 6. Праздники крюковые. Конец XVII – начало XVIII в.
(НГМ КП 30056/59; КР-575)

Также в собрании скитской часовни имелись рукописи, созданные на Выгу либо выговскими выходцами в самом Тихвине в начале XIX в.: «Служба пред Господом нашим Иисусом Христом» начала XIX в. (КР-223) (рис. 7), «Сборник-конволют крюковой (Ирмосы, Кафизмы)» начала XIX в. (КР-603) (рис. 8), а также «Служба всем святым российским чудотворцам» первой трети XIX в. (КР-295). Несколько рукописей XVIII–XIX вв. нельзя отнести к какой-то устоявшейся школе. Возможно, они были созданы местными писцами: «Служба Тихвинской Божьей Матери» второй половины XVIII в. (КР-294), «Сборник» начала XIX в., содержащий сказания об иконах Богородицы Казанской, Владимирской

и Знамение (КР-252), «Устав о христианском житии» середины XIX в. (КР-352), «Чин погребения мирских человек» начала XIX в. (КР-359), «Торжественник» начала XIX в. (КР-347). Помимо идентифицированных, опись 1903 г. содержит дополнительно 62 наименования книг, из которых, как минимум, 48 печатных, изданных, в основном, в первой половине XVII в. В настоящее время их местонахождение неизвестно, однако можно предположить, что в 1941–1943 гг., во время перемещения культурных ценностей оккупационной администрацией, они, в числе прочих книг музея, были вывезены во Псков, а затем в Ригу, и после войны могли попасть в другие книжные собрания страны (Комарова, 2003. С. 62–63).

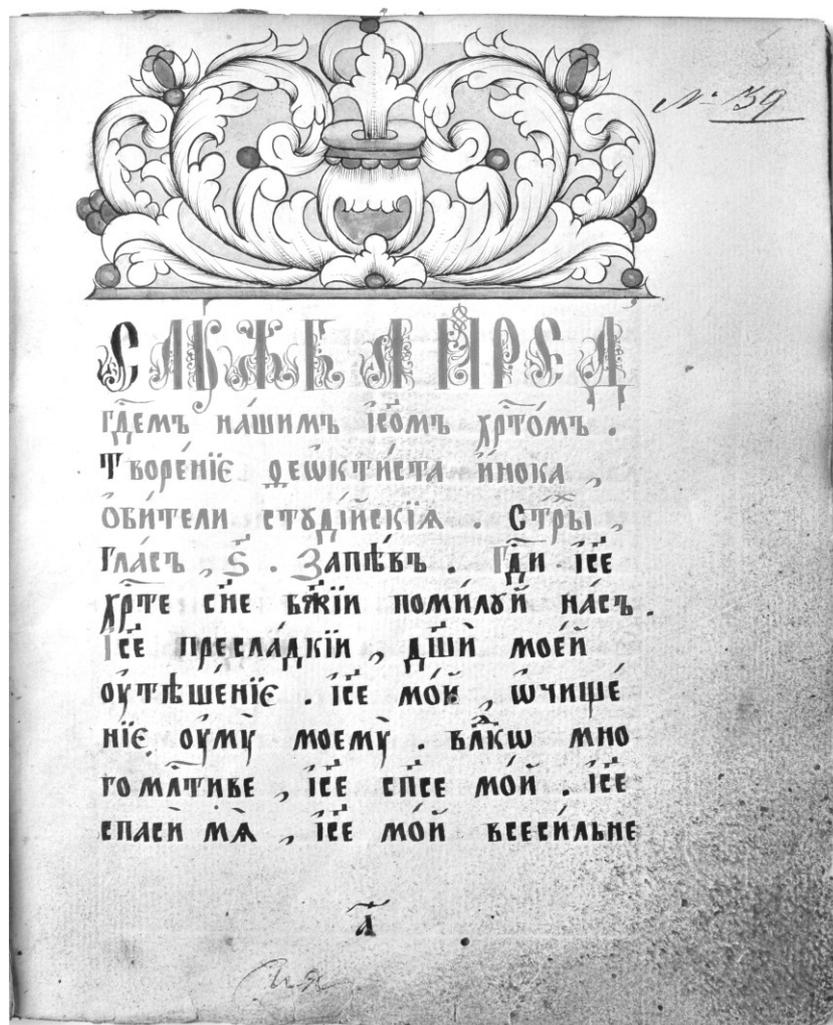

Рис. 7. Служба пред Господем нашим Исусом Христом.
Начало XIX в. (НГМ КП 30056/102; КР-223)

Рис. 8. Сборник-конволют крюковой (Ирмолой, Кафизмы).
Начало XIX в. (НГМ КП 30056/195; КР-603)

Интересны пути поступления книг в собрание Крестовоздвиженского скита, которые мы можем проследить как по делопроизводственным документам, так и по описи Новгородского музея древнего искусства. Так, «Праздники на крюках» (КР-575) конца XVII – начала XVIII в. были пожертвованы в Крестовоздвиженскую часовню Ирине́й Парихиной, родственницей купца Ивана Парихина, проживавшей в скиту. «Торжественник» «бес переплету» начала XIX в. (КР-347) вложен наставником и иконописцем, торговавшим книгами и иконами, Иваном Тарапкиным (РГИА Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 52).

Согласно описи 1903 г., большинство печатных книг обители были дониконовскими. Некоторые из них до этого принадлежали приходским и монастырским собраниям Новгородской земли. Например, «Трефолой» (М., 1638 г.), положенный неизвестным жертвователем «в кладку Тихвинского старообрядского кладбища в часовню Животворящего Креста и Благовещению Пресвятыя Богородицы без выносу», в XVII в. принадлежал «пустынки Столобенского монастыря, что в Осташкове на елезере (sic!) Селигере» (ОПИ НГОМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 17). Ранняя вкладная запись сохранялась на «Октае» (М., 1618 г.), который обозначен в описи 1823 г. как вышедший «между патриаршества» (РГИА Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 51). Запись гласила, что книга куплена в 1628 г. посадскими людьми Тихвина «из мирския и с посацкия казны» (ОПИ НГОМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 23).

Многие книги содержали традиционные вкладные записи, в которых мы встречаем имена тихвинских купцов, мещан и крестьян уезда, причастных к возвышению Крестовоздвиженской обители в конце XVIII – начале XIX в. «Трефолой, сентябрь–декабрь» (М., 1637 г.) был вложен в скит тихвинским мещанином Елисеевым (ОПИ НГОМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 17 об.), «Минья служебная, месяц май» (М., 1645 г.) – Иринею Григорьевой, дочерью купца Григория Климова, который некогда содержал у себя на дому лексинских девиц (ОПИ НГОМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 23–23 об.). Одна из записей начала XIX в. («Пролог, зимняя четверть». М., 1643 г.) отражает древнюю традицию жертвования книги «по обету»: «Сия Богодуховная книга пролог три месяца Декабрь, Генварь Февраль города Тихвина уезда волости Юзерской (sic!) Конечкой трети деревни Синянки крестьянина Макара Богданова по обещанию положил в кладку в вечное владения города Тихвина на старообрядское кладбище в часовню воздвижения Животворящего креста Господня и Благовещение Пресвятыя Богородицы» (ОПИ НГОМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 23 об.). Более поздние печатные книги также поступали от жертвователей: так, мещанин Федор Лозырев Поздняков, бывший попечителем часовни в 1840-е гг., и, вероятно, родственник основателя кладбища Андрея Лозырева, пожертвовал в обитель книгу «Житие и служба Иоанна Богослова» (Клинцы, 1803 г.) (ОПИ НГОМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 14 об.).

Как уже отмечалось выше, описываемое собрание продолжало пополняться и после обращения часовни в единоверческую церковь. Потребность в дополнении библиотеки скита была продиктована богослужебными изменениями: если раньше в моленной служили «мирянским чином» и пели в поморской «наонной» традиции, то после 1854 г. местные старообрядцы перешли на «священнословный» чин и «наречное» пение. Новые книжные запросы были сформулированы в отдельном списке единоверческим священником Афанасием Базаряниновым, присланным из Петербурга (РГИА Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 144–144 об.). Одна из вновь поступивших рукописей, ныне хранящаяся в НГОМЗ,

имеет интересную историю, иллюстрирующую описанные выше процессы. Это «наречные» «Праздники на крюках» начала XIX в. (КР-565), которые, судя по записям в самой книге, ранее принадлежали Королевой моленной «по священству» – центру поповцев Санкт-Петербурга (Каменева, 2012. С. 198–202). После закрытия молитвенного дома в 1844 г. эта книга была изъята, и, в качестве конфиската, позже передана в Тихвинскую единоверческую церковь. Среди печатных изданий, поступивших в этот период, можно отметить «Златоуст» и «Апостол» (М., 1857 г.), причем последний был пожертвован в храм в 1862 г. из Типографии единоверцев при Свято-Троицкой Введенской церкви в Москве (ОПИ НГОМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 25, 28). Наконец, «добротные датели» продолжали изредка одаривать церковь ценными манускриптами. Один из них («Сборник крюковой» сер. XVII в. (КР-573)), судя по вкладной записи, был пожертвован в «новоосвященную Единоверческую церковь Тихвинской Божией Матери что в Городе Тихвине» в 1855 г. петербургским купцом Иваном Автамоновым в память по отце.

* * *

Крестовоздвиженский старообрядческий скит консолидировал значительную часть последователей прежде всего поморского согласия, проживавших в Тихвине, Тихвинском и частично Устюженском уезде. Он имел тесные контакты с Выговской пустыней, а также старообрядцами Москвы и Санкт-Петербурга, приходившими на поклонение местным святыням и проживавшими в обители. Скитники выступали хранителями святынь, в т. ч. книг и «чудотворных» икон. В обители переписывали книги, а некоторые наставники сохраняли традиции иконного ремесла, процветавшего в Тихвине в конце XVIII – начале XIX в. (Мордвинов, 1999. С. 57).

Благодаря вновь выявленным материалам мы можем частично реконструировать книжное собрание поморской Крестовоздвиженской часовни, а затем – единоверческой церкви, проследить пути поступления книг в собрание, а также идентифицировать ряд рукописей этого собрания в коллекции НГОМЗ (Приложение 1). Обращает на себя внимание, что подавляющее большинство книг обители, включая рукописи, были памятниками XVI–XVII вв. Некоторые из них ранее принадлежали церквям и монастырям Новгородской земли. Столь тщательному подходу к формированию библиотеки способствовал тот факт, что Тихвин до середины XIX в. был крупным центром продажи церковной старины, который работал в том числе на пополнение собрания Выговской старообрядческой пустыни. Оттуда, в свою очередь, на продажу в Тихвин поступали рукописи, созданные лексинскими мастерицами. В самом Тихвине и его уезде выходцы с Выга также переписывали книги на заказ.

Обилие «святыни» (в т. ч. столь ценной библиотеки) в Крестовоздвиженской часовне сыграло свою роль в относительно легком присоединении тихвинцев к единоверию. Не желая расставаться со священной

для них стариной, де-факто захваченной полицейскими чиновниками, практически все «раскольники» города и их наставники в течение трех месяцев приняли требования о признании единоверческого священства. По словам чиновника Ю. К. Арсеньева, именно вопрос о том, «куда отправят находящиеся в их моленной иконы и книги и дозволено ли будет, по прежнему, видеть и поклоняться драгоценной их святыне» был ключевым для старообрядцев, как условие их перехода в единоверие (РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 12). Книги продолжали поступать и во вновь учрежденный единоверческий приход, однако в гораздо меньшем количестве. Некоторые из них отражают изменения в богослужебной практике, последовавшие после перехода в единоверие.

Литература и источники

- Васильев М. И. Новгородские ярмарки: XIX – первая треть XX века. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. 148 с.
- Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII в. М.: Церковь, 1995. 528 с.
- Каменева Е. А. Петербургские старообрядцы в XVIII – первой половине XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 288 с.
- Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.
- Комарова Ю. Б. Перемещение культурных ценностей из Новгорода в 1941–1943 гг. (По материалам фонда Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга в ЦГАВОУ) // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Великий Новгород: Изд-во Новгородского музея-заповедника, 2003. С. 58–64.
- Королькова, Л. В. Старообрядцы Новолодожского, Тихвинского и Лодейнопольского уездов в первой половине XIX в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2. Пятое Шёгреновские чтения. СПб., 2012. С. 191–215.
- Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.
- Мельников И. А. Старообрядчество Устюженского уезда Новгородской губернии в XIX–XX вв.: динамика расселения и конфессиональные связи // Новгородский исторический сборник: сб. научн. тр. / Санкт-Петербургский ин-т истории РАН; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; Институт археологии РАН. Вып. 18 (28). Великий Новгород, 2019. С. 153–181.
- Мордвинов И. П. Старый Тихвин и нагорное Обонежье. Исторические очерки. СПб.: Икар, 1999. 64 с.
- Пятницкий И. К. История секты странников // Богословский вестник. Т. 2. № 2, 1906. С. 383–416.
- Отчет Совета Новгородского Епархиального братства Св. Софии Премудрости Божией за восьмой год существования братства // НЕВ, № 9. С. 374–384.
- Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003. 408 с.
- Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2002. 544 с.

Архивные материалы

ОПИ НГОМЗ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 105. Каталог старопечатных и рукописных книг библиотеки братства святой Софии.

ОПИ НГОМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51. Книга инвентарная собрания старопечатных книг Новгородского музея древнего искусства.

ОПИ НГОМЗ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 320. Ведомости о церквях г. Тихвина и его уезда.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1842. По рапорту Тихвинского земского суда, о совратившихся в раскол государственных крестьянах Тихвинского уезда деревни Горки Якове Евстифееве, деревни Старостина Иване Клементьеве и д. Пакшеева Феоктисте Стахиве с прочими.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1843. О раскольническом наставнике Якове Евстифееве.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. 1839 г. Д. 88. По прошению Новгородской губернии города Тихвина старообрядческого кладбища попечителя Тихвинского мещанина Федора Лазарева Позднякова, о дозволении перекрыть крышу на находящейся на том кладбище старообрядческой моленной. Здесь же и о находящемся на том же кладбище зданиях и проживающих в оных людях.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 124. По донесению начальника Новгородской губернии о противозаконно-переделанной раскольнической моленной в г. Тихвине и о прикосновенных к сему делу людях.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. По донесению Начальника Олонецкой губернии, об обряде перекрещивания раскольников, совершаемом в г. Тихвине Новгородской губернии. Тут же о присоединении раскольников г. Тихвина Единоверию, о построении для них церкви и о награждении купца Фалева.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 28. По докладной записке чиновника особых поручений при Министерстве Внутренних Дел Статского советника Арсеньева о крестьянине Олонецкой губернии Иосифе Гаврилове, Рыбинском купеческом сыне Григории Блохине и о протоиерее Тихвинского собора и Благочинном городских церквей Федоре Гиляровском.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1867 г. Д. 32. По отношению исправляющего должность Обер-прокурора Святейшего Синода, по предмету ходатайства доверенных от крестьян 14 деревень Озерского прихода, в Тихвинском уезде Новгородской губернии, крестьян Михаила Сергеева, Ксенофонта Лукина и Афанасия Стефанова о дозволении погребать тела умерших раскольников на упраздненном раскольническом кладбище при д. Саре.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. 1891 г. Д. 111. По прошению уполномоченного раскольников разных деревень Тарантаевской волости, Тихвинского уезда, Новгородской губернии, крестьянина дер. Биричева Григория Иванова о разрешении хоронить умерших на закрытых 4-х раскольничьих кладбищах при деревнях: Биричеве, Логинове, Утливова и Моклоково.

Рукописи библиотеки Тихвинского Крестовоздвиженского поморского скита (с 1854 г. Тихвинской единоверческой церкви) в собрании НГОМЗ

1. Евангелие тетр. XVI в. 2⁰, 375 л. Записи: л. 9–14 скорописью нач. XIX в.: «Сие святое Евангелие Тихвенскаго старообрятческаго кладбища». Каталог 1903 г. № 68 («Евангелие в лист без указания времени написания») (НГМ КП 30056/10; КР-38).

2. Минея служебная (июль). XVI, XVII вв. 4⁰, 311 л. Пометы: на припереплетном листе верхней крышки «№ 29» (чернилами) и «№ 23» (чернилами), на обороте припереплетного листа верхней крышки «№ 30» (химическим карандашом). Каталог 1903 г. № 108 («Минея июль в 4 д<олю> рукописн<ая>») (НГМ КП 30056/128; КР-68).

3. Сборник церковных чтений и слов. Вт. пол. XVII в. 2⁰, 335 л. Записи: л. 2 скорописью XVII в.: «Писал сие <...> Егор <...> Дружкин <...> Григорей»; л. 4–7 скорописью нач. XIX в.: «Сия книга принадлежит Тихвенскому старообрятческому кладбища молитвенному храму». Пометы: на обклейке верхней крышки «№ 82», «№ 133» (карандашом); на л. 2 об. «№ 31», «46», «61» (чернилами); на л. 3 «№ 36» (чернилами). Каталог 1903 г. № 133 («Сборник рукописный») (НГМ КП 30056/307; КР-105).

4. Сборник крюковой (Ирмосы, Октай, Обиход). Сер. XVII в. 8⁰, 347 л. Записи: л. 1–6 скорописью XVII в.: «певчей съ ермосами села Даниловского да Петра Ивановых детей Поповых что на речке конше»; л. 7–10 скорописью XIX в.: «Сия книга пожертвованна в новоосвященную Единоверческую церков Тихвинской Божией Матери что в Городе Тихвине тысяча восемьсот пятьдесят пятого года месяца марта девятого дня в день памяти святых чтыредесяти мучеников от Санкт-петербургскаго купца Ивана Автамонова для памяти отца его усопшаго раба Божия Алексия». Пометы: л. 1 «№ 130» (оранжевым карандашом). Каталог 1903 г. № 130 («Стихиралий рукописный крюковой в 16 долю») (НГМ КП 30056/57; КР-573).

5. Праздники на крюках. Кон. XVII – нач. XVIII в. 4⁰, 175 л. Записи: л. 17 скорописью XIX в.: «Сия книга принадлежит к полному владению Науму Кокушкину»; на обклейке нижней крышки скорописью нач. XIX в.: «Книга сия старинная». Пометы: на припереплетном листе верхней крышки «№ 91й» (чернилами), «№ 35» (химическим карандашом), «№ 132» (оранжевым карандашом). Каталог 1903 г. № 132 («Последование на дванадесятые праздники нотныя крюковыя в 4 д<олю>») (НГМ КП 30056/59; КР-575).

6. Служба явлению иконы Тихвинской Богоматери. Вт. пол. XVIII в. («белая дата» 1758 г.). 4⁰, 40 л. Записи: л. 4–8 скорописью нач. XIX в.: «Сия книга Тихвинского старообрядческаго кладбища»; л. 1 плохо читаемая скорописью нач. XIX в.: «1805 году июня 14 дня прием от <...> в <...> крупы грешневой муки <р>жаной от разно<...> из <...>»; л. 1 об. скорописью XIX в.: «Собственность Тихвинской Единоверчиской церкви 1863 г.»; л. 37 об. скорописью XIX в.: «Поправляя и подклеивал листы парич. Александр Афанасьев Леонтьев в лето 7369 месяца февраля»; л. 40–40 об. скорописью нач. XIX в. хозяйственные записи с упоминанием Озерецкой волости. Пометы: на л. 2: «№ 48», «60», «№ 23», (чернилами) «№ 103» (карандашом). Каталог 1903 г. № 103 («Служба Тихвинской Божией Матери рукописная») (НГМ КП 30056/294; КР-294).

7. Чин погребения. Кон. XVIII – нач. XIX в. 4⁰, 27 л. Записи: л. 1–5 скорописью нач. XIX в.: «Сия книга Тихвинского старообрядческого кладбища»; на л. 27 – поминальная молитва скорописью нач. XIX в.; на л. 27 об. скорописью XIX в.: «аще кто хошет много знати тому подобает мало спати»; на обклейке нижней крышки скорописью нач. XIX в.: «Щот извощикам 1804 году». Пометы: на припереплетном листе верхней крышки «№ 24» (чернилами), «№ 28» (чернилами), «№ 124» (оранжевым карандашом). Каталог 1903 г. № 124 («Чин погребения мирских человек рукописный») (НГМ КП 30056/387; КР-359).

8. Служба пред Господем нашим Исусом Христом. Нач. XIX в. 4⁰, 45 л. Записи: л. 5–9 скорописью нач. XIX в.: «Сия книга Тихвенского старообрядческого кладбища». Пометы: на обклейке верхней крышки «№ 22» (чернилами), «№ 52» (чернилами), «№ 20» (химическим карандашом), «№ 98» (оранжевым карандашом); на л. 5 «№ 39» (чернилами). Каталог 1903 г. № 98 («Каноник рукописный») (НГМ КП 30056/102; КР-223).

9. Служба всем святым российским чудотворцам. Перв. четв. XIX в. («белая дата» 1812 г.). 4⁰, 22 л. Записи: л. 1–5 скорописью нач. XIX в.: «Сия книга Тихвенского старообрядческого кладбища». Пометы: на обороте припереплетного листа верхней крышки: «№ 48» (чернилами), «50» (чернилами), «53» (чернилами), «№ 33» (карандашом), «№ 111» (оранжевым карандашом), «№ 112» (карандашом). Каталог 1903 г. № 112 («Служба в 17 день июля рукописная») (НГМ КП 30056/295; КР-295).

10. Сборник житий и повестей. Перв. четв. XIX в. 4⁰, 101 л. Записи: л. 1–5 скорописью нач. XIX в.: «Сия книга Тихвенского старообрядческого кладбища». Пометы: на припереплетном листе верхней крышки «№ 50» (чернилами), «№ 30» (чернилами), «41»; на обороте припереплетного листа верхней крышки «№ 141» (оранжевым карандашом). Каталог 1903 г. № 141 («Книга о явлении Божией Матери в Казани – рукописная») (НГМ КП 30056/219; КР-252).

11. Торжественник. Перв. четв. XIX в. («белая дата» 1819 г.). 2⁰, 181 л. Записи: л. 1–5 скорописью нач. XIX в.: «Сия книга Тихвенского старообрядческого кладбища». Пометы: л. 1: «№ 44й» (карандашом), «№ 62» (чернилами), «№ 63» (чернилами), «№ 114» (оранжевым карандашом). Каталог 1903 г. № 114 («Торжественник рукописный») (НГМ КП 30056/370; КР-347).

12. Праздники крюковые. Нач. XIX в. 2⁰, 213 л. Записи: л. 1 скорописью XIX в.: «Сия святая богодухновенная книга Праздники Молитвенного храма Королевой моленной по священству»; л. 217 об. поздним полууставом: «Сия святая богодухновенная книга. Праздники старообрядческого общества по священству»; та же запись на обклейке нижней крышки. Пометы: на обклейке верхней крышки «№ 357» (чернилами), «№ 110» (карандашом), «№ 32» (химическим карандашом); на л. 2 «№ 110й» (чернилами). Каталог 1903 г. № 110 («Служба праздничная рукописная крюковая») (НГМ КП 30056/2; КР-565).

13. Сборник-конволют крюковой (Ирмосы, Кафизмы). Нач. XIX в., сер. XIX в. 4⁰, 237 л. Пометы: на припереплетном листе верхней крышки «№ 17» (карандашом) и «№ 129» (красным карандашом). Каталог 1903 г. № 129 («Ирмологий рукописный крюковой в 8 д<олно> л<иста> 2 экз<емпляра>») (НГМ КП 30056/195; КР-603).

14. Устав о христианском житии. Сер. XIX в. 8⁰. 176 л. Пометы: на припереплетном листе верхней крышки «№ 43» (химическим карандашом), «№ 93й» (чернилами), «№ 128» (оранжевым карандашом). Каталог 1903 г. № 128 («Устав о христианском житии рукописный в 4 д<олно>») (НГМ КП 30056/378; КР-352).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94 (470.24)(049.32)

DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.16

П. В. Лукин

ИСТОРИЯ «ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД» В НОВОЙ КНИГЕ КАРСТЕНА ГЁРКЕ¹

Аннотация. В рецензии, которая представляет собой расширенную версию текста, опубликованного в журнале «Cahiers du monde russe», подробно рассматривается книга видного историка слависта К. Гёрке, автора целого ряда серьёзных исследований, посвящённых преимущественно социальной истории Новгорода периода самостоятельности. Новая монография учёного представляет собой общий обзор истории средневекового Новгорода и, несмотря на отдельные недостатки, содержит немало нового и ценного и должна быть оценена весьма высоко.

Ключевые слова: Новгород, республика, Средние века, зарубежная историография.

Abstract. The review, which is an extended version of the text published earlier in “Cahiers du monde russe”, examines in detail the book of the prominent historian of Slavic studies, Carsten Goehrke, the author of a number of serious studies devoted mainly to the social history of Novgorod in the time of independence. His new monograph is a general overview of the history of medieval Novgorod, and in spite of some shortcomings, it contains much that is new and valuable and should be highly appreciated.

Keywords: Novgorod, republic, Middle Ages, non-Russian scholarship.

Книга видного немецкого историка-слависта Карстена Гёрке, много лет работавшего в Цюрихском университете в Швейцарии, посвящена, пожалуй, центральной теме его исследований – истории Новгорода. Ему

---

¹ Goehrke, Carsten, *Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit: Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Novgorod*, Zürich: Chronos, 2020. 560 S. Далее неоговоренные отсылки в тексте на страницы будут на эту книгу. Данная работа представляет собой исправленный и расширенный текст ранее опубликованной рецензии: Лукин П. В. [Rec. ad]: Carsten GOEHRKE, *Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Novgorod*, Zürich: Chronos, 2020, 560 p. // Cahiers du monde russe. 2021. Vol. 62/4. P. 658–666. Благодарю редакцию журнала «Cahiers du monde russe» за разрешение на повторную публикацию.

принадлежит ряд весьма ценных работ в этой области, и можно только посетовать, что они недостаточно (незаслуженно!) известны в российской историографии, а некоторые выводы, сделанные К. Гёрке, потом повторялись другими авторами, не знавшими трудов предшественника. Работы К. Гёрке по истории Новгорода, между тем, будучи выполнены в почтенной традиции немецкой *Verfassungsgeschichte*, но в то же время не чуждые веяниям новых подходов в области социально-политической истории, отличаются следующими, главными, на мой взгляд, положительными чертами.

Во-первых, это стремление к полному по возможности охвату всего комплекса имеющихся источников, и их тщательный и объективный разбор. Во-вторых, это предпочтение фактов теориям, сколь угодно красивым. В-третьих, это то, что можно назвать интеллектуальной и академической честностью: историк, взвешивая аргументы, готов согласиться с самыми убедительными из них, даже теми, которые не вполне соответствуют его концепции. Наконец, профессор Гёрке прекрасно знает российскую литературу о Новгороде и относится к достижениям русских учёных очень внимательно и уважительно. Все эти достоинства явлены и в рецензируемой книге, которая представляет собой подробный очерк разных аспектов истории Новгорода. После уже в значительной мере устаревшего и по необходимости неполного обзора того же автора в *Handbuch der Geschichte Russlands* (Goehrke, 1981) это единственный на сегодняшний день научный обзор истории средневекового Новгорода на немецком языке.

В то же время перед нами не архаичный с методологической точки зрения труд. В рецензируемой книге автор явно обращается – хотя и специально этого и не акцентирует – к микроистории и исторической антропологии. Обращают на себя внимание в этом смысле очерки о Якуне Мирославиче, в котором, как в кристалле, отражается сложная кланово-территориальная структура новгородской элиты, или Петроке и Марене, который, как пишет автор, приоткрывает «маленькое окно», позволяющее увидеть особенности повседневной жизни семьи из новгородской элиты (с. 147), а также о многих персонажах берестяных грамот.

Книга состоит из трёх разделов: введения (характеристика источников, историографии и новгородского диалекта), основной части и заключения, в котором рассматривается пост-республиканская история Новгорода (так сказать, *Novgorod après Novgorod*) и делается попытка осмысления Новгорода и его «государственной модели» (*Staatsmodell*) в широком контексте. В приложении даются переводы на немецкий язык важнейших источников по истории Новгорода или отрывков из них, что имеет ценность не только для немецкого читателя, поскольку перевод на современный язык древнего или средневекового текста – это всегда интерпретация.

Сразу хотелось бы подчеркнуть, что, на мой взгляд, на сегодняшний день это лучший общий обзор истории Новгорода и основных её проблем в мировой историографии (включая и российскую), и все специалисты теперь будут просто обязаны обращаться к монографии К. Гёрке. В качестве её «конкурентов» могут рассматриваться две появившиеся относительно недавно книги – опубликованные в 2008 г. очерки по истории Новгорода патриарха отечественного новгородоведения В.Л. Янина и коллективный труд, вышедший в 2015 г. во Франции под редакцией Ф. Фризона и О. Севастьяновой (Янин, 2008; Novgorod, 2015). Книга В. Л. Янина, безусловно, представляет большой интерес, обобщая сделанные им в других работах выводы, но это именно *его* взгляд на Новгород и именно на те аспекты его истории, которые его интересовали (многие другие, в том числе важнейшие, там просто игнорируются (в частности, например, почти полностью отсутствует характеристика социальной структуры новгородского общества). Французское издание автору этих строк уже приходилось рецензировать, и здесь лишь можно повторить следующее: оно очень неровно, а качественно написанные разделы с ценными наблюдениями соседствуют со слабо аргументированными и даже весьма сомнительными тезисами (особенно это касается центральных для книги разделов О. Севастьяновой) (Графова, Лукин, 2016). Монография же К. Гёрке прекрасно сбалансирована. В то же время в ней вполне чувствуется авторский подход и обосновываются собственные концепции, а аргументы в их пользу К. Гёрке старается взвешивать на тех же весах, что и аргументы тех авторов, с которыми он полемизирует. Во многом это обеспечивается очень хорошим знанием источников и историографии, которые в сжатом, но в то же время в достаточно полном виде охарактеризованы в соответствующем разделе (можно назвать лишь отдельные упущения – например, важные ганзейские документы по истории Новгорода опубликованы не только в *Liv-, Est- und Curländisches* и *Hansisches Urkundenbuch*, но и в коллекции материалов съездов ганзейских городов, *Hanserecesse*). Активно и удачно автор использует такой яркий, постоянно пополняющийся, но непростой тип источников, как берестяные грамоты. Это существенно повышает степень достоверности выводов. Хочется также полностью поддержать автора в его критическом отношении к ряду красивых, броских, «новаторских», но бездоказательных, не основанных на тщательном и непредвзятом изучении всего комплекса источников теорий, выдвинутых новгородоведами, в том числе и весьма именитыми (с. 90, 122–123, 144, 269–270 и др.).

Сама цель, которую ставит К. Гёрке, предполагает обзорный характер текста и опору в значительной степени на актуальную историографию. Тем не менее в книге представлены и результаты собственных исследований автора, и любопытные конкретные наблюдения. К некоторым из них хотелось бы привлечь особое внимание читателей.

Заслуживает внимания остроумная трактовка автором загадочного наименования Новгорода. Предлагались, как известно, разные версии по поводу того, по отношению к чему город на Волхове был «новым». По мнению К. Гёрке (с. 60–61), первоначальный смысл наименования «Новгород» – не «новый город», а «новая крепость» (новая по отношению к «старой» крепости, заложенной предположительно Рюриком). И только позднее «Новгород» был переосмыслен как город.

Убедительно, на наш взгляд, историк трактует непростой вопрос о владычной казне в XIV–XV вв. Он приводит аргументы, которые позволяют прийти к выводу о том, что между тем, что это была личная казна архиепископа и «государственная» казна Великого Новгорода, не существовало – в рамках представлений того времени и новгородской политической культуры – противоречия (с. 260–261). Действительно, вполне естественно, что казна архиепископа как новгородского республиканского магистрата должна была восприниматься как потенциальный финансовый ресурс новгородского политического сообщества в целом, а о частной собственности говорить тут можно с определённой долей условности.

К самым сильным сторонам книги относится подробная и убедительная трактовка социального строя и демографической ситуации Новгорода – сюжетам, которые либо почти полностью игнорируются в историографии, либо получили лишь фрагментарную и зачастую весьма спорную интерпретацию. Это, разумеется, не случайно: речь идёт о результатах собственных изысканий К. Гёрке. Из нового – заслуживает внимания предположение автора о том, что к чёрным людям в Новгороде XIV–XV вв. принадлежали не только мелкие торговцы и ремесленники, как это обычно предполагается, но и достаточно многочисленные – судя по ганзейским документам – лодейщики и носильщики, т. е. наёмные работники, занимавшиеся транспортировкой купеческих товаров.²

Подробно и с привлечением основных источников автор рассказывает о важнейшей и очень дискуссионной проблеме присоединения Новгорода к Москве. Здесь специально следует отметить непредвзятость учёного, который отмечает политически обусловленные «фигуры умолчания» не только в московском, но и в новгородском летописании этого времени (с. 351). Можно согласиться с К. Гёрке в том, что историю этого процесса он начинает с похода Василия Тёмного и Яжелбицкого мира 1456 г., когда определились основные контуры новгородской политики Москвы на последующие десятилетия. Можно поддержать особое внимание историка к псковским летописям как относительно независимым источникам и от Новгорода, и (в меньшей, впрочем, степени) от Москвы (с. 354). Мы также склонны согласиться с его трактов-

---

² Автор этих строк попытался развить предположение К. Гёрке в специально посвящённой этому вопросу статье (Лукин, 2023).

кой роли Борецких и особенно Марфы Борецкой в «Словесах избранных», оказывавшей огромное влияние на представления об этих событиях вплоть до современности, как в основном на продукт московской клерикальной пропаганды. Вслед за источниками, а не за распространёнными в историографии интерпретациями, К. Гёрке полагает, что рядовое население Новгорода было настроено, скорее, не в пользу присоединения Новгорода к Москве, а наоборот. Интересна его трактовка соглашения 1471 г. Новгорода с Великим княжеством Литовским: историк склоняется к уже высказывавшемуся в литературе мнению о том, что это был проект договора, причём проект новгородский, составленный спешно, буквально накануне битвы на Шелони (Лурье, 1994. С. 142–143). Анализ терминологии договора показывает, как справедливо замечает автор, что Новгород фактически рассматривал себя как равноправного по отношению к Казимиру партнёра (с. 356).

Сказанное выше, конечно, не означает, что абсолютно со всем в большой книге К. Гёрке можно согласиться.

Структура изложения построена в целом по хронологическому принципу. Это, бесспорно, просто и удобно, но некоторые «сквозные» темы лучше было бы для удобства читателей, кажется, осветить последовательно в одном месте, тем более что всё равно сохранить хронологический ригоризм невозможно. Так, говоря о Ярославе Мудром, автор затрагивает сложный вопрос о «Ярославских грамотах» и неизбежно касается их упоминаний в летописных статьях XIII в., но потом останавливается и пишет, что об этом ещё будет сказано ниже (с. 74). Аналогичные отсылки встречаются и далее (с. 124, о тысяцких и т. д.). Дважды в разных главах автору приходится рассказывать об основании новгородских «пригородов».

Говоря о происхождении Новгорода, можно было бы остановиться на интересной гипотезе Б. Н. Флори о двух ранних политических центрах – княжеском (и скандинавском) Городище (Рюриковом Городище) и будущем Новгороде как месте племенных собраний ильменских словен (Флоря, 2012). Существенно бóльшим упущением следует признать игнорирование важнейших работ А. А. Гиппиуса, в которых проведена стратификация новгородской владычной летописи и определена принадлежность различных сегментов её текста тем или иным летописцам, работавшим при разных новгородских архиереях (Гиппиус, 2006; Гиппиус, 2009). «Весь Новгород» – это ни в коей мере не название Новгородского государства (*des Staates*) (с. 81), а обозначение новгородского политического сообщества, которое автор этих строк предлагает называть «политическим народом». Если и можно применительно к средневековому Новгороду говорить об абстрактном государстве, то оно называлось сначала просто «Новгород», а позднее – с XIV в. – «Великий Новгород». Правильнее говорить не о «Ливонском ордене», а о Ливонском отделении (ландмейстерстве) Тевтонского ордена (или о Тевтонском ордене в Ливонии). В последние десятилетия появились

новейшие исследования новгородского сельского хозяйства (в основном британских учёных), в которых тщательно анализируется богатый археологический материал (Monk, Johnston, 2012; Alsleben 2012). В результате картина новгородской экономики оказывается гораздо более сложной, чем представлялось ранее. К. Гёрке уделяет заслуженно большое место новгородской торговле, и очень подробно характеризует даже её ранний, доганзейский период, не говоря уже о торговле с Ганзой, которой посвящён большой раздел, написанный на основе богатых сведений ганзейских документов. При этом он почему-то повторяет старый миф об экспорте мёда из Новгорода (с. 91, 304), отвергнутый ещё Л. К. Гётцем и А. Л. Хорошкевич (Goetz, 1922. S. 316–319; Хорошкевич, 1963. С. 323–324).

При всей справедливой критичности автора к поздним источникам и слабо аргументированным построениям историков несколько странным выглядит его доверие к рассказу так называемой Иоакимовской летописи о крещении Новгорода. Здесь полезно было бы обратиться к книге А. П. Толочко, в которой рассматривается этот вопрос (Толочко, 2005. С. 196–245). Как представляется, автор преувеличивает степень устойчивости языческих пережитков в Новгороде XII–XIII вв. и напрасно (вслед за И. Я. Фрояновым) связывает казнь в 1227 г. волхвов с выступлением новгородцев против архиепископа, для чего летопись не даёт никаких оснований. Спорным выглядит выбор понятия «шаман» для передачи древнерусского «волхв»: обычно считается, что так могли называть языческих жрецов или колдунов. Основываясь на этимологии средненижнемецкой передачи новгородского тысяцкого – *hertoge* (*hertoch*), К. Гёрке считает, что изначальной функцией тысяцкого была военная. Этимология средненижнемецкого слова действительно вполне прозрачная (военчальник), на это же вроде бы намекает и происхождение русского обозначения «тысяцкий» (ср. «воев славных тысящу» в летописном рассказе о конфликте в Новгороде в 1015 г. (ПСРЛ. Т. III. С. 174). Однако по источникам, в которых упоминаются тысяцкие, этого не видно, а из ганзейских документов XIII–XV вв. ясно следует, что тысяцкий ведал, прежде всего, судом по торговым делам. Вопрос пока приходится оставить открытым. К сожалению, в работе К. Гёрке не учтена статья В. А. Кучкина о новгородских тысяцких (как и его труды о древнерусской децимальной организации вообще), где предлагается трактовка тысяцких как должностных лиц (сначала княжеских, потом – республиканских), ответственных, прежде всего, за хозяйственную сферу (Кучкин, 2008; Кучкин, 2017). Напрасно автор соглашается с явно преувеличенными оценками значения князя в домонгольском Новгороде, которые даёт в своей статье М. К. Пол (так, у князя, конечно же, не было эксклюзивного права на созыв веча) (с. 125). К. Гёрке справедливо отмечает, что вечевое избрание архиепископов в Новгороде «не упало с неба» и вполне адекватно характеризует церковно-политический контекст его возникновения (с. 129–132), но ничего не

пишет о происхождении самой *формы* избрания (по жребию из трёх кандидатов на вече), между тем это весьма интересный и дискуссионный вопрос. Концепция А. В. Петрова относительно основополагающей роли сторон в социально-политической борьбе в домонгольском Новгороде и, тем более, его идея об их (сторон) архаическом «фратриальном» характере уже подвергались критике (Гиппиус, 2012). Важно и то, что, в отличие от античных фратрий, стороны – в отличие от концов – были неформальными объединениями: не существовало никаких постоянных политических институтов, представлявших Софийскую и Торговую стороны. В длительной дискуссии по поводу значения формулы «огнищане–гридь–купцы» К. Гёрке присоединяется к сторонникам её «узкой» трактовки (огнищане – княжеские дружинники, гридь – профессиональные воины, купцы – торговцы). Это, несомненно, очень сложный вопрос. Дискуссии последнего времени убеждают, однако, что такая интерпретация не может объяснить имеющиеся данные. В рамках «узкой» интерпретации непонятно, зачем князьям надо было вести переговоры со своими же служилыми людьми, а новые аргументы, которые приводит историк, не выглядят убедительными. Так, К. Гёрке в доказательство самого существования слоя профессиональных воинов в Новгороде ссылается на упоминания «дружин» у новгородских бояр. Но во всех случаях, которые он приводит, «дружина» – это не профессиональные воины, а «друзья», приближённые в самом общем смысле слова. Во всяком случае, такому пониманию ничего не противоречит. Наконец, решающее доказательство в пользу «широкого» понимания формулы (огнищане и гридь – «вячшие», возможно, бояре и будущие житы; «купцы» – «меньшие», т. е. торговцы и ремесленники) – тот факт, что в новгородском (и древнерусском) социально-политическом языке не было обозначения ремесленников во множественном числе. В то же время ремесленники, безусловно, в Новгороде были и играли определённую политическую роль, а представители отдельных ремесленных специальностей неоднократно упоминаются в источниках. Нет больших сомнений в том, что под «купцами» подразумевали и их, тем более что в Новгороде мелкая торговля и ремесло не были отделены друг от друга (Лукин, 2018а. С. 189–191). А это, в свою очередь, означает, что и другие части этой формулы должны репрезентировать всю новгородскую элиту в целом, а не какие-то её специфические группы. В целом, как представляется, в формуле «огнищане–гридь–купцы» надо видеть не получивший развития ранний вариант обозначения новгородского «политического народа», место которого занял в конце XII в. более ясный и лаконичный «весь Новгород». Относительно огнищан и гридей удачное объяснение было предложено уже довольно давно А. А. Горским: в этих архаических обозначениях следует видеть следы дружинного происхождения значительной части новгородской элиты (Горский, 1989. С. 44–45). К. Гёрке ссылается на статью М. Х. Алешковского, но у того идёт речь как раз о том, что в XII–XIII вв. купцами могли называть всё

торгово-ремесленное население Новгорода, а это прямо противоречит «узкой» интерпретации (Алешковский, 1974. С. 104–105). Весьма сомнительным кажется отнесение духовенства в целом в XII в. к «меньшим», и к ним же – «крестьян» (*Bauern*), с которыми автор отождествляет смердов. Представляется, что среди духовенства были как вявшие, так и меньшие, а смерды вообще не входили в состав новгородского политического сообщества, частью которого, несомненно, были меньшие.

Оценка Александра Невского в работе К. Гёрке в целом взвешенная (с. 189–193), и автор справедливо считает его не носителем какого-то идеологического внешнеполитического курса в духе геополитики XIX–XX вв., для чего нет никаких оснований, а политиком-прагматиком. Отказ от прямого противостояния монголо-татарам действительно был безальтернативным (хотя Александр, видимо, на каком-то этапе вполне всерьёз рассматривал возможность заключения союза с Западом против монголов и готов был ради этого пойти на определённые уступки в ходе переговоров с папой римским). Однако вряд ли можно согласиться с тем, что в Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НПЛ ст.) «нет никаких следов» восприятия Александра Ярославича как героя. В ситуации противостояния «меньших» новгородцев с Александром в 1255 г. владычный летописец оправдывает князя («а князь безъ грѣха») и перекладывает вину на новгородских же «крестопреступников». Не осуждает летописец князя и при описании татарского числа в 1259 г., когда Александр помогал обеспечивать проведение переписи в Новгороде. И именно в НПЛ ст. содержится знаменитый некролог Александра с явно «героическими» мотивами, не оставляющими сомнения в том, что, несмотря на все сложности в отношениях между ним и Новгородом, там высоко оценивали его как заступника всей Русской земли и Новгорода в частности: «...даи, господи милостивыи, видѣти ему лице твое в будущи вѣкъ, иже потрудися за Новѣгородъ и за всю Русьскую землю» (ПСРЛ. Т. III. С. 82–84). Как установил А. А. Гиппиус, автором этой части летописи был Тимофей пономарь, владычный нотариус и летописец новгородских архиепископов Спиридона и Далмата (Гиппиус, 2006. С. 214–215). Он был убеждённым защитником новгородских вольностей («правды новгородской»), и даже ему был не чужд «героический культ» Александра Невского.

В рассказе о деятельности архиепископа Евфимия II следовало бы, наверное, подчеркнуть тот факт, что в Новгороде Флорентийская уния была осуждена раньше, чем в Москве, что, в частности, показывает неадекватность реальному положению дел обвинений новгородцев со стороны московской пропаганды в «измене» православию. Говоря о строительстве в Новгороде этого времени, можно было бы затронуть изображение святой Софии в образе огнезрачного ангела, представляющее, скорее всего, собой визуализацию небесного патрона Новгорода, культ которого с XIII в. находился в центре новгородской политической идеологии. Новгородской политической риторике и мифологии,

между прочим, весьма богатым, отразившимся во многих источниках (летописание, агиографические сочинения, иконы и фрески...), в книге вообще уделяется недостаточное внимание. Относительно важности этого достаточно привести один пример: амбивалентное самовосприятие Новгорода второй половины XIII–XV вв. как одновременно вольного города и «отчины» великих князей владимирских, несомненно, оказало воздействие на морально-политическое состояние новгородцев в решающий момент противостояния с Москвой.

Как уже говорилось выше, непростая история отношений Москвы и Новгорода в 1450–70-е гг. и присоединения последнего к Москве изложена К. Гёрке в целом объективно и с опорой на достоверные источники, а также на серьёзную научную литературу. Тем не менее и в этом разделе встречаются неточности и спорные утверждения. Автору этих строк осталось непонятным, кто имеется в виду под «новым московским митрополитом Иосифом», которого приветствовали новгородцы в 1464 г. (с. 352). В том году московским митрополитом стал Филипп I. Нет оснований считать, вопреки Ю. Г. Алексееву, на которого ссылается автор, что приглашённый в Новгород в 1470 г. литовский князь Михаил Олелькович был, в отличие от своих предшественников, уже не «только служебным, а полноправным князем» (*nicht mehr nur als Dienstherr, sondern als vollberechtigter Fürst*). Полноправным новгородским князем тогда формально считался Иван III, а впоследствии, уже в 1471 г., переговоры новгородцы вели о признании своим сюзереном не кого-либо из вассальных литовских князей, а самого великого князя литовского Казимира Ягеллона (Лурье, 1994. С. 139–140)³. Ошибочным является утверждение о том, что после приглашения Михаила Олельковича наместник московского великого князя вынужден был покинуть Городище (с. 353). В действительности даже московский летописец признавал, что новгородцы наместников Ивана III (а не одного наместника!) «не сослаша з Городища» (выделено мной. – П. Л.) (ПСРЛ. Т. XXV. С. 285). При том, что К. Гёрке оправданно уделяет достойное внимание церковному фактору в новгородско-московском противостоянии, некоторым упущением выглядит отсутствие ясности в оценке московской пропагандистской риторики, в рамках которой сознательно игнорировался как факт возвращения митрополита киевского Григория («Болгарина») в православие, так и приверженность православию самих новгородцев.

В интересном разделе, посвящённом восприятию Новгорода в новое и новейшее время и его «инструментализации», автор почему-то игнорирует земско-вечевую школу и, прежде всего, работы

---

³ См. также новейший подробный анализ этой ситуации (Lukin, Polekhov, 2022, особенно: S. 377–379).

В. И. Сергеевича⁴. Между тем они оказали существенно большее влияние на научные представления о социально-политическом строе Новгорода, чем более популярные, но куда менее фундированные сочинения Н. И. Костомарова, о которых довольно подробно пишет К. Гёрке (с. 398–399). В частности, именно на земско-вечевой теории (наряду со специфической интерпретацией марксизма) базировалась «школа И. Я. Фроянова». Если говорить о последней, то она действительно является собой «инструментализацию» как Новгорода, так и других тем из русской истории, но автор представляет это себе довольно схематично. В действительности центральным для «школы Фроянова» является «народность» как некий основополагающий принцип, противопоставляющий «русскость» «чуждым», прежде всего западным влияниям. Поэтому для неё нет никаких противоречий в возвеличивании одновременно славянской архаики (вплоть до симпатий к язычеству у основателя «школы»), вечевого «народовластия», тирании Ивана Грозного или большевистской (особенно сталинской) диктатуры. Всё это были якобы «народные» режимы и явления. И, конечно, следовало бы оговориться, что это направление никогда не было и сейчас не является магистральным в российском новгородоведении и отвергалось подавляющим большинством учёных. Более существенно, однако, определение типа новгородской государственности, к чему К. Гёрке обращается в конце книги. По разным причинам и, на мой взгляд, совершенно справедливо он отказывается считать Новгород монархией, боярской республикой, теократией или (по О. Севастьяновой) «привилегированным великокняжеским городом». Сам он предлагает два варианта как наиболее простые: «город-государство» или «Великий Новгород» (самоназвание) (с. 401–402). Второе обозначение не имеет отношения к *типу* политического образования (к тому же появляется оно в интересующем автора значении только в XIV в. (Лукин, 2018б), а первое не вызывает больших возражений. У него есть, впрочем, тот недостаток, что оно провоцирует, прежде всего, ассоциации с античными полисами. Между тем Новгород, по нашему убеждению, имеет смысл сопоставлять (но, разумеется, не отождествлять) не с ними, а с европейскими городскими коммунами и республиками Средневековья и Раннего Нового времени. Здесь не место излагать наши представления по этому поводу (в концентрированном виде они изложены в недавно вышедшей монографии (Лукин, 2022). Достаточно лишь сказать, что приводимые К. Гёрке контраргументы не убеждают. Вопреки его утверждениям, в Новгороде существовало вполне чёткое различие между «политическим народом» (фактически совпадавшим с кончанскими и уличанскими объединениями города Новгорода) и всем остальным населением (прежде всего, сельским). Можно только согласиться с К. Гёрке в том, что стремление

---

⁴ Начиная с классической (Сергеевич, 1867).

к свободе (*das Streben nach Freiheit*), причём в смысле «свободы от», было центральным для коммунального движения в «Латинской Европе» (с. 404). Но неожиданным при этом выглядит заявление автора, что «новгородские источники не знают соответствующей терминологии!» Но ведь концепция вольности в князьях (а это именно и была «свобода от»), а также самоопределение новгородцев как «мужей вольных» (во Пскове – «добровольных»), были ключевыми для новгородской идеологии? И уж совсем нельзя согласиться с идеей К. Гёрке о том, что развитию по коммунальному пути Новгороду мешало православие. Нельзя, естественно, отрицать колоссальное влияние православия на культуру Новгорода и мирозерцание новгородцев, но обращение к источникам, характеризующим повседневную жизнь (а не к конфессиональной полемике), показывает, что новгородцы и многочисленные в Новгороде представители «Латинской Европы» (ганзейские купцы в XIII–XV вв., а до этого скандинавы) прекрасно понимали друг друга и считали друг друга христианами. Ганзейские купцы брали благословение у новгородских архиепископов, а те выступали посредниками в их конфликтах с новгородскими партнёрами (Лукин, 2020а). Принадлежность Новгорода к византийско-православному культурному кругу, конечно, могла оказывать воздействие на политический язык и идеологию, но вряд ли стоит – вслед за национал-романтиками – считать его основой некоего *Sonderweg* (или, как пишет сам автор, *Sonderform*, с. 405). Во всяком случае, источниками такие представления не подтверждаются, хотя, разумеется, К. Гёрке прав в том, что в Новгороде не существовало латинской (римской) правовой традиции в тех формах, в которых она способствовала *Verrechtlichung* в Западной Европе, и новгородцам пришлось искать свои понятия для обозначения во многом близких к западноевропейским реалий. Но такие понятия возникали (например, «весь Новгород» как своеобразный аналог латинского *commune / communitas*) (Лукин, 2020б). Ещё раз подчеркнём: республиканская (коммунальная) модель релевантна для Новгорода именно как *исследовательская* модель; те конкретные особенности новгородского типа политического устройства, на которых акцентирует внимание К. Гёрке (например, отсутствие или, точнее, неразвитость городского совета), действительно имели место и должны быть осмыслены. В конечном счёте, вся эта дискуссия сводится к известному (и вечному) спору о том, наполовину ли пуст стакан или полон. Сам автор в конце концов отмечает, что Новгород был неотъемлемой частью древнерусской «городской концепции» и в то же время больше похож на «латинскоевропейскую модель», чем на Московское государство (чему, как видим, никак не помешало православие). И с тем, и с другим можно только согласиться, а К. Гёрке нужно поздравить с успешной реализацией той сложной задачи, которую он перед собой поставил. Сделанные выше замечания носят в основном дискуссионный, а не узкокритический характер, новгородская же тема столь необъятна, что осве-

тить её полностью в одной монографии невозможно, и выбор акцентов всегда в той или иной мере субъективен. Но профессору Карстену Гёрке удалось, как кажется, достичь почти идеального баланса.

Литература и источники

Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV веков // Советская археология. 1974. № 3. С. 100–111.

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004–2005. М.: Древлехранилище, 2006. С. 114–251.

Гиппиус А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни...: сборник памяти А. С. Хорошева / сост. А. Е. Мусин. Великий Новгород; СПб; М.: ООО «ЛеопАрт», 2009. С. 181–198.

Гиппиус А. А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. // Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог / ред. М. М. Кром. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 121–136.

Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М.: Прометей, 1989. 124 с.

Графова М. А., Лукин П. В. Новая коллективная монография об истории и культуре средневекового Новгорода // Российская история. 2016. № 4. С. 156–170.

Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С. 270–425.

Кучкин В. А. Тысяцкие в Новгороде в домонгольский период // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 6–16.

Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е изд., испр., перераб. и доп. М.: Академический проект, 2018. 674 с.

Лукин П. В. «Великий Новгород» // Slověne. International Journal of Slavic Studies, 2018. Vol. 7, № 2. С. 383–413.

Лукин П. В. Политические функции новгородских архиепископов в ганзейских документах XIV–XV вв. // Церковь в истории России. Сборник 13: К 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Я. Н. Щапова. М.: Институт российской истории РАН, 2020. С. 97–127.

Лукин П. В. «Весь Новгород»: к вопросу о происхождении и содержании понятия // Российская история. 2020. № 4. С. 56–63.

Лукин П. В. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.

Лукин П. В. Транспортный персонал средневекового Новгорода: об одной недостаточно изученной категории рядового населения // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2023. № 1 (91). С. 90–96.

Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238, [2] с.

ПСРЛ. Т. III – Полное собрание русских летописей. Т. III: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000.

ПСРЛ. Т. XXV – Полное собрание русских летописей. Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: исторические очерки, М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1867. II, IV 413, [1] с.

Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое лит. обозрение; Киев: Критика, 2005. 543 с.

Флоря Б. Н. Призвание Рюрика и основание Новгорода // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 5. С. 3–9.

Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 366 с.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 395, [2] с.

Alsleben A. The Plant Economy of Northern Medieval Russia // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations* // M. A. Brisbane, N. A. Makarov, E. N. Nosov (eds.). Oxford, 2012. P. 321–350.

Goehrke C. *Gross-Novgorod und Pskov/Pleskau // Handbuch der Geschichte Russlands. Vol. 1 / hrsg. von M. Hellmann, C. Zernack, G. Schramm. Stuttgart: Hiersemann, 1981. S. 431–483.*

Goetz L. K. *Deutsch–Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck: Otto Waelde, 1922 (Hansische Geschichtsquellen, Neue Folge. Vol. 5).*

Lukin P. V., Polekhov S. V. Why Did Lord Novgorod the Great Fall? The Novgorod Republic and Its Neighbors in 1470–71 // *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2022, Vol. 92, Suppl. 5. P. S367–S384.

Monk M., Johnston P. Perspectives on Non–wood Plants in the Sampled Assemblage from the Troitsky Excavations of Medieval Novgorod // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre / Periphery Relations* // M. A. Brisbane, N. A. Makarov, E. N. Nosov (eds.). Oxford, 2012. P. 283–320.

Novgorod ou la Russie oubliée. Une république commerçante (XIIe–XVe siècles) / eds. Ph. Frison et O. Sevastyanova, Charenton-le-pont: Le Ver à Soie, 2015.

**УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ
В «НОВГОРОДСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ»,
выпуски 11 (21) – 20 (30), по выпускам**

Выпуск 11 (21)

- Азбелев С. Н. Народный эпос о предыстории Новгородской земли.
Бассальго Л. А. Новгородские тысяцкие. Часть 1.
Рыбина Е. А. Акция «рубезжа» в средневековой торговле Новгорода: реалии источников и их интерпретация.
Гордиенко Э. А. Новгородские иконы святителя Николая на круглой доске.
Конявская Е. Л. «Южнорусские» статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях.
Поветкин В. И. Бубенцы и колокольчики среди прочих шумящих и ударных приспособлений в обиходе древних новгородцев.
Азбелев С. Н. Новгородцы и Куликовская битва.
Фролов А. А. Новый взгляд на территориально-административную систему земель Господина Великого Новгорода.
Кобзарева Е. И. К вопросу об избрании шведского королевича на русский престол и пребывании шведов в Новгороде: конфессиональный аспект проблемы.
Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская «академия»: К истории учебных заведений Новгорода XVIII в.
Якубовская И. В. Польские ссыльные в Новгородской губернии: региональный и национальный контекст русско-польских социокультурных отношений 1860–1880-х гг.
Дубровин Г. Е. Новгородский водный транспорт второй половины XVI – начала XVII в. по данным таможенных документов.
Мазилкина М. В. Органы земского самоуправления Новгородской губернии и учреждения мелкого кредита (по материалам стенографических отчетов Новгородского губернского собрания 1870–1914 гг.).
Федорук Н. С. Общий обзор демографических процессов в населении Новгородской губернии в XIX – начале XX в.
Орфинская Л. В. Уездные тюрьмы Новгородской губернии в XIX – начале XX в.
Анкудинов И. Ю. Роспись новгородских церквей 1615 г.

Выпуск 12 (22)

- Стефанович П. С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев.
Флоря Б. Н. О положении «иванского купечества» в Новгороде до-монгольского времени.

Бассалыго Л. А. Новгородские тысяцкие. Часть II. Тысяцкое с середины XIV до второй четверти XV века (вторая часть Списка В).

Поветкин В. И. Отчего-то гремят бубенцы (по материалам новгородской археологии).

Тарасов А. Е. Церковь и подчинение Великого Новгорода.

Бессуднова М. Б. Великий Новгород во внешней политике ливонского магистра Иоганна Вальдхауса фон Херзе (1470–1471).

Алексеев А. И. Послания Геннадия Гонзова: проблема достоверности сведений о ереси «жидовская мудръствующих».

Лисейцев Д. В. Новгородский разряд в начале XVII столетия.

Рыбаков Д. А. Судебная эпопея дьяка Ивана Тимофеева: Коррупция и государственный аппарат в Новгороде начала XVII в.

Рабинович Я. Н. Старая Русса в 1609–1612 гг.

Полянская Ю. Н. Сиверсы на Новгородчине.

Пивоварова Н. В. Старообрядческие моленные и скиты Новгородской губернии в середине XIX века по материалам Российского государственного исторического архива.

Коваленко Г. М. Новгород в «Росси́ке» XIX в.

Васильев Я. А. Общества взаимного кредита Новгородской губернии.

Собченко Е. Н. Ревизионная деятельность контрольных палат (на материалах Новгородской, Псковской и Олонецкой губерний). 1866–1914 гг.

Корешкова Т. А. Крестьянские промыслы по переработке молока в Новгородской губернии и новгородское земство.

Орфинская Л. В. Человеческий фактор в истории новгородской тюрьмы во второй половине XIX в.

Яров С. В. Документы о партийных «чистках» в 1920–30-х гг. как источник для изучения уровня политического образования коммунистов в эпоху «великого перелома» (по материалам ГАНО).

Ковалев Б. Н. Испанцы на Новгородчине (40-е–50-е гг. XX в.): от «Голубой дивизии» до Боровичского лагеря военнопленных.

Хрусталёв Д. Г., Бондарь Л. Д. Проект торгового соглашения Новгорода с Любеком и Готландом 1268/1269 гг. (латинская грамота).

Романова А. А. К истории Сказания об Иоанне и Иакове Менюжских.

Письма Н. Г. Порфиридова С. М. Смирнову (1967–1979). «...Очень дорога, близка и безразлична красота родного города»: Вступ. ст., подг. текста и примеч. *Г. К. Маркиной*.

Из эпистолярного наследия Н. Г. Порфиридова (1897–1980): Вступ. ст., подг. текста и примеч. *А. Н. Одинокова*.

Выпуск 13 (23)

Конецкий В. Я., Трояновский С. В. «Большая сопка» Передольского погоста в контексте социально-политической истории Новгорода на рубеже XI–XII вв.

Новосёлов Н. В., Хрусталёв Д. Г. От Благовещения к Софии или наоборот? (К проблеме начального этапа монументального строительства в Новгороде).

Гордиенко Э. А. Сфрагистика Ростиславичей как отражение отношений Новгорода, Смоленска и Суздаля в середине XII – начале XIII века).

Домбровский Д. Мстиславичи на новгородском столе в XIII веке.

Вовин А. А. К вопросу о княжеской власти в Пскове в XIV–XV веках.

Бассалыго Л. А. Новгородские тысяцкие. Часть III. Тысяцкое со второй четверти XV века до конца новгородской независимости (Дополнение к Списку В).

Жуков А. Е. К вопросу о редактировании летописных источников в Еллинском летописце второго вида.

Бессуднова М. Б. Превратность судьбы (Великий Новгород в системе русско-ливонских отношений конца XV века).

Hunt P. The Fool and the Tsar (*The Vita of Andrew of Constantinople and Russian Urban Holy Foolishness*).

Антипов И. В. О памятниках средневековой архитектуры на Шелони.

Рабинович Я. Н. «Пропавшее посольство» (Новгородское посольство игумена Дионисия 1613 года в Москву и судьба его участников).

Платонов Е. В. Перепись северно-русских часовен 1692 года как этнографический источник.

Ильиченко Э. В. Великий Новгород во французской историографии XVIII века.

Плотникова Н. Ю. Певческая культура Великого Новгорода. (По материалам партесных рукописей XVIII века).

Плотникова Н. Ю. «Пойте ребята хорошенько» (Из истории Новгородского архиерейского хора XVIII – начала XIX века).

Васильев Я. А. Личный состав Новгородского отделения Крестьянского поземельного банка по результатам ревизий.

Одинокоев А. Н., Рабинович Я. Н. Неопубликованная статья Г. А. Замятина.

Александров К. М. «Не стреляйте, я – генерал Власов» (К истории пленения командующего 2-й ударной армией Волховского фронта 12 июля 1942 года).

Вовина-Лебедева В. Г. Н. Ф. Лавров о новгородском летописании.

Замятин Г. А. Выступление новгородцев против первого царя из дома Романовых в 1613 году. *Публикация А. Н. Одинокоева, Я. Н. Рабиновича.*

Мейер Ф. И. Л. [Новгородские военные поселения]. *Публикация и комментарий Г. М. Коваленко.*

Выпуск 14 (24)

Торопов С. Е. Комплекс археологических памятников второй половины I – начала II тыс. н. э. у деревни Хозюпино в бассейне реки Пола.

Новосёлов Н. В. Тезис – антитезис – синтез (к вопросу о сложении Новгородской архитектурной школы).

Петров Д. А. Владычный двор в Новгороде (1430–1450-е гг.). К вопросу о происхождении архитектурной композиции.

Лукин П. В. К истории вечевых колоколов.

Бессуднова М. Б. Новгородские «выводы» 1480-х годов в свете ганзейских источников.

Рабинович Я. Н. Крепость Копорье и помещики Дягиленского погоста Копорского уезда в Смутное время (лето 1612 г. – весна 1617 г.).

Селин А. А. Из истории Великого Новгорода времен Смоленской войны: Наем «воинских людей» и закупка вооружений.

Седов П. В. Новые документы о новгородском митрополите Корнилии – патроне Троицкого Зеленецкого монастыря.

Федорук Н. С. Численность и демографические процессы в населении Новгорода в XIX – начале XX века.

Хохлов И. В. Здания и сооружения военного ведомства в городской застройке Новгорода (середина XIX – начало XX века).

Корабель А. И. Латышские переселенцы на Новгородской земле (XIX–XX вв.).

Корешкова Т. А. Сельскохозяйственная школа Новгородского губернского земства (1891–1906 гг.).

Васильев Я. А. Новгородское отделение Крестьянского поземельного банка и его деятельность (1885–1914).

Ковалёв Б. Н. Материалы органов государственной безопасности об оккупации Новгорода в годы Великой Отечественной войны.

Асташкин Д. Ю. Открытый судебный процесс над нацистскими военными преступниками в Новгороде (1947 год).

Савельев Н. С. Идеологическая работа Новгородского отделения ВАО «Интурист» в 1958 – середине 1970-х гг.

Замятин Г. А. Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году
Публикация Я. Н. Рабиновича.

Выпуск 15 (25)

Памяти ученого. Борис Васильевич Ананьич.

Соболев В. Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста (X – первая половина XI века).

Тарабардина О. А. Ярославово дворище в свете данных дендрохронологических исследований.

Антипов И. В. Новгородский Владычный двор в XIV–XV вв. Новые данные и перспективы изучения.

- Булкин Вал. А. Заметки по топографии новгородского Детинца.
- Кузнецов А. А. Новгородская политика владимирских князей в 1220-е гг.
- Бенцианов М. М. «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV–XVI вв.
- Вовин А. А. «Весь Псков» и «мужи псковичи»: к вопросу об участии непривилегированного населения в политической жизни вечевых городов.
- Шибяев М. А. Новгородско-Софийский свод и протоскрипторий Евфимия II.
- Бессуднова М. Б. Береговое право средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии
- Фролов А. А. Две писцовые книги Порхова и Порховского уезда 1576 г. письма и дозора В. М. Безобразова: кодикологическое исследование.
- Pereswetoff-Morath A. I. “Who instructed our troops on how to reach Novgorod”: Ivan Šval’ in Contemporaneous Swedish Sources.
- Болдырев Р. В., Кончакова Е. М. Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии.
- Рабинович Я. Н. Новгородские страницы биографии астраханского архиепископа Онуфрия.
- Селин А. А. Тесовская дворцовая волость XVII века и проблема верхнеоредских ижорцев.
- Базарова Т. А., Дадькина М. М. «Дворянин Великого Новгорода» П. Н. Крекшин и походная канцелярия А. Д. Меншикова.
- Коваленко Г. М. Новгород в немецкой «Россике» первой половины XIX века.
- Носков В. В. «Новгородское Общество изъявило желание приветствовать...»: прием миссии Фокса на станции Чудово.
- Васильев Я. А. Городские общественные ломбарды Новгородской губернии (1889–1914).
- Григорьева Н. В. 1944 год. Один год из истории Новгородского музея-заповедника.
- Савельев Н. С. Финские туристы в Новгородской области в 1960–1970 гг. в зеркале народной дипломатии.
- Ковалев Б. Н. Великий Новгород на страницах русской коллаборационистской прессы (1942–1944 гг.).
- Кулик С. В. Развитие партизанского движения на Новгородчине в годы Великой Отечественной войны.
- Асташкин Д. Ю. «Дело Эрвина Шюле» и военные преступления на оккупированной территории Новгородской области.
- Замятин Г. А. Посольство архимандрита Киприана, Я. Боборькина и М. Муравьева из Новгорода в Москву в 1615 г.

Яров С. В. Рецензия на книгу Б. Н. Ковалева «Добровольцы на чужой войне».

Выпуск 16 (26)

Памяти ученого. Василий Фёдорович Андреев.

Михайлова Е. Р. Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предыстории пути «из варяг в греки».

Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г. Древнейшая история Старой Руссы по археологическим данным.

Колосницын П. П. Деревянные кредитные бирки-жеребьи в средневековых письменных источниках.

Петров М. И. Средневековая новгородская усадьба: опыт сравнительного анализа. (По материалам раскопов Посольский-2006 и Никольский-2007 в Новгороде).

Чебаненко С. Б. Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота № 548.

Кузнецов А. А. Битва на Липице 1216 г.: источниковедение и история события.

Вовин А. А. К вопросу о времени создания общего протографа псковских летописей и его связи с новгородским летописанием.

Бенцианов М. М. Выходцы из родов московского боярства на новгородских поместьях в конце XV – середине XVI века.

Ляховицкий Е. А., Шibaев М. А. К вопросу о функционировании бумаги большого формата в Софийском комплексе Великих Миней Четых.

Введенский А. М. Новгородская первая летопись и Устюжский летописный свод: Каким списком Новгородской первой летописи пользовался составитель Устюжской летописи?

Селин А. А. Новгородцы Пушкины в годы Смуты.

Шмелева Т. В. Новгород XVIII века как центр риторического образования.

Мельников И. А. Деятели российского старообрядчества XVIII в. среди выпускников Новгородской семинарии.

Терешкина Д. Б. Записные книжки дореволюционного периода в фондах отдела письменных источников Новгородского музея.

Хохлов И. В. Исполнение квартирной повинности городами Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в.

Васильев Я. А. «Вестники» Новгородского земства как источники по истории кредитных учреждений Новгородской губернии.

Ковалев Б. Н. Матвей Шульгин – депутат Государственной Думы Российской империи (1907–1912 гг.).

Савельев Н. С. Подготовка и проведение VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в материалах Новгородской прессы.

Васильев Я. А. «Новгородский исторический сборник» в зеркале статистики. Обзор публикаций 1936–2015 гг.

Замятин Г. А. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года.

Базарова Т. А. «Чинить отпор бодро безо всякие робости»: Записная книга указов новгородского губернатора А. И. Репнина 1700–1701 гг.

Андреев В. В. Новгород или забытая Россия... Рецензия на книгу: «Novgorod ou la Russie oubliée: Une république commerçante (XIIIe–XVe siècles)».

Роменский А. А. Под сенью Божьей Премудрости. Рецензия на книгу: Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв.

Выпуск 17 (27)

Плохов А. В. Пряжка «византийского круга» из поселка Любытино в Среднем Помостье.

Свердлов М. Б. К изучению текста Краткой Правды Русской.

Петров Д. А. Серебряные изделия, принадлежавшие новгородским архиепископам и боярам в казне Великого князя Московского.

Пуцко В. Г. Новгородские деревянные резные иконки XV–XVI вв. как произведения пластического искусства.

Бенцианов М. М. «Из княженецких и из боярских дворов служилые люди». Послужильцы среди новгородских помещиков в конце XV – начале XVI в.

Базарова Т. А. Записная тетрадь вкладов царевича Алексея Петровича в новгородские монастыри в июне 1704 года.

Васильев Я. А. Дореформенные сельские сословные учреждения мелкого кредита Новгородской губернии.

Кириллов А. Н. Войсковые стрельбища в окрестностях Новгорода в конце XIX – начале XX века.

Коваленко Г. М. Столбовский мир: поражение или успех российской дипломатии?

Бессуднова М. Б. Шведы и Великий Новгород в восприятии ливонских хронистов XVII в.

Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов при Феофане (Прокоповиче): обзор документов ГАНО и Архива СПбИИ РАН.

Суториус К. В. Преподавательская деятельность Иосифа Ямницкого в Новгородской семинарии: археографический обзор.

Терешкина Д. Б. Помянники в фондах Отдела письменных источников Новгородского музея.

Гайдуков П. Г., Белоножка Э. Н., Данько Т. А., Кудрявцев А. А., Рябова М. С. О библиографическом указателе «Археология Новгорода» (итоги и перспективы работы).

Людмила Ивановна Петрова (1936–2017) [некролог].
Николай Николаевич Гринев (1947–2017) [некролог].
Андрей Анатольевич Зализняк (1935–2017) [некролог].

Выпуск 18 (28)

Рыбина Е. А. Берестяная грамота № 206 мальчика Онфима. История интерпретации.

Бассальго Л. А. Тысяцкий Есиф.

Пуцко В. Г. Двусторонняя каменная иконка из собрания П. И. Щукина (Москва, ГИМ).

Волков И. В., Гайдуков П. Г. Нумизматический памятник «Смутного времени» из фондов Новгородского музея.

Коваленко Г. М., Рабинович Я. Н. Новгородцы и Михаил Романов в 1613–1617 гг.

Рыков Ю. Д. Малоизвестный список синодика новгородского Николо-Вяжицкого монастыря конца XVII века с позднейшими дополнениями.

Секретарь Л. А. Софийская площадь и ее значение в жизни губернского Новгорода 1778–1917 гг.

Мельников И. А. Старообрядчество Устюженского уезда Новгородской губернии в XIX–XX вв.: динамика расселения, конфессиональные взаимосвязи.

Кириллов А. Н. К истории высланных в Новгородскую губернию в первой половине 1890-х годов по обвинению в посредничестве в нелегальной эмиграции в Бразилию.

Курочкина Т. Н. Инновации в промышленности Новгородской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.).

Васильев Я. А. Новгородские ростовщики (конец XIX – начало XX в.).

Корешкова Т. А. Начало государственной поддержки сельского хозяйства Новгородской губернии. Деятельность уполномоченного МЗиГИ Э. А. Дидрикия.

Терешкина Д. Б. Герои-«двоечники» в стенах Новгородской мужской гимназии (обзор документов фонда № 385 ГАНО).

Асташкин Д. Ю. Гибель ленинградских детей при эвакуации из Ленобласти: обстрел станции Лычково 18 июля 1941 года.

Колотушкин В. Г. Проблемы формирования и становления новгородских партизанских отрядов (1941–1942 гг.).

Поляков И. А. Документы семьи Мининых – торговых людей Тихвинского посада XVII в.

Шереметов Н. А. К истории взаимоотношений Тихвинского Успенского монастыря и помещика Петра Арцыбашева: материалы конфликта 1673 г.

Сиренов А. В., Шалина И. А. Росписи Тихвинского Успенского собора по архивным документам.

Дилигул Е. С. Новые сведения о чудесах Тихвинской иконы Богоматери в начале XVIII в.

Замятин Г. А. Военные операции Ганса Мунка в Московском государстве в 1611–1612 гг. и контрмеры вождей Первого и Второго ополчений.

Выпуск 19 (29)

Валентин Лаврентьевич Янин (1929–2020) [некролог].

Из архива В. Л. Янина. Подготовка к публикации Е. А. Рыбиной.

Янин В. Л. Северные владения Новгорода в берестяных грамотах.

Петрухин В. Я. В. Л. Янин и призвание варягов.

Пиотровская Е. К. Вспоминая В. Л. Янина...

Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Усадьба «Ж» в Людином конце средневекового Новгорода (опыт комплексного исследования).

Торопова Е. В. Древнерусские свинцовые пломбы из раскопок в Старой Руссе: топография и хронология.

Покровская Л. В., Тянина Е. А. Привески-амулеты в виде миниатюрных ножен в средневековом Новгороде (хронология и топография).

Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А. Первые планомерные археологические исследования в Новгороде (раскопки на Славне в 1930-х гг.).

Курочкина Т. Н. К истории археологии Новгорода (1930–1950-е гг.).

Гимон Т. В. У истоков древнерусского повседневно-практического письма.

Кузнецов А. А. Судьба Ярослава Мстиславича на развилке новгородской истории (1176–1179 гг.).

Гиппиус А. А. О возможном происхождении Иоанно-Предтеченского Росткина монастыря.

Михеев С. М. Две редакции Начального свода в новгородских летописях XII и XV вв. (к истории текста начальной летописи).

Бассальго Л. А. О соотношении гривны серебра и гривны кун в Великом Новгороде в XII–XV вв.

Петров Д. А. Материалы для исследования истории «вечевого» наказания в древнем Новгороде

Турилов А. А. Римский сюжет в русской позднесредневековой легенде: Сказание о руке Алексия человека Божия в Новгороде.

Рабинович Я. Н. Воевода Федор Васильевич Левашов в Новгородской земле (1614 год).

Седов П. В. Хлебные цены в Новгородской земле второй половины XVII в.

Шалина И. А. Росписи западной паперти Успенского собора в Тихвине и ее исполнители. Материалы к словарю тихвинских иконописцев.

Салонилов Н. В., Суториус К. В. Подготовка учителей грамматики церковнославянского языка в Новгородской архиерейской школе (1723–1725 гг.).

Мельников И. А. Старообрядческий монастырь в Старой Руссе в конце XVIII – первой половине XX века: история, культура, современная историческая память.

Белоножка Э. Н., Жервэ Н. Н., Данько Т. А. Исследователи новгородских древностей. В. П. Ласковский и его «Новгородика».

Ковалев Б. Н. «Великий перелом» новгородских музеев (Борис Шевяков, Николай Порфиридов, Василий Пономарёв и другие...).

Кантор Ю. З. «Новгород ты наш распрекрасный, что же с тобой сделали? Что же от тебя осталось...».

Кузнецов А. А. Рецензия: Селин А. А. Столбовский мир 1617 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2017. 384 с.: ил.

Выпуск 20 (30)

Гайдуков П. Г. О древнерусских товарных пломбах и топографии их находок.

Секретарь Л. А. Подворье Дома св. Софии «На Устье»: история места расположения, строительства и архитектуры.

Виноградов А. Ю., Желтов М. С., свящ. Об обстоятельствах, дате кончины и церковной памяти архиепископа Нифонта Новгородского.

Волков И. В. Комплекс ранних серебряных монет Великого Новгорода из Ильменского Поозерья.

Салонилов Н. В., Суториус К. В. Корреспонденция новгородского митрополита Иова как источник по истории Новгородской архиерейской школы 1706–1715 гг.

Васильев Я. А. Благотворительная деятельность городских общественных банков и городских ломбардов Новгородской губернии.

Ковалев Б. Н. Историк Алексей Малов: до и после «Академического дела».

Сиренов А. В. Материалы конференции «Тихвинский край в XII–XX вв.».

Сазонова Т. В. Штрихи к портрету царицы инокини Дарьи Колтовской.

Шалина И. А. Драгоценный убор чудотворной иконы Богоматери Тихвинской в XVI–XVII веках.

Седов П. В. «Сказание о Тихвинской иконе Божьей матери». Редакции и бытование памятника во второй половине XVII в.: новые документы.

Поляков И. А., Павлов А. П. Представители княжеско-боярской знати как вкладчики Успенского Тихвинского Монастыря.

Абеленцева О. А. Опись казны Николаевского Мостицкого монастыря 1616/17 г.

Зюрин В. Г. Альтернативные проекты Тихвинской водной системы в XVIII веке.

Бондарева В. В. Из истории создания Астрачской земской школы.

Мельников И. А. Тихвинский Крестовоздвиженский старообрядческий скит во второй половине XVIII – первой половине XIX века и его библиотека.

Лукин П. В. История «города-государства Великий Новгород» в новой книге Карстена Гёрке.

**УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ
В «НОВГОРОДСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ»,
выпуски 11 (21) – 20 (30), по алфавиту**

Абеленцева О. А. Описание казны Николаевского Мостицкого монастыря 1616/17 г. – 20 (30).

Азбелев С. Н. Новгородцы и Куликовская битва. – 11 (21).

Азбелев С. Н. Народный эпос о предыстории Новгородской земли. – 11 (21).

Александров К. М. «Не стреляйте, я – генерал Власов» (К истории пленения командующего 2-й ударной армией Волховского фронта 12 июля 1942 года). – 13 (23).

Алексеев А. И. Послания Геннадия Гонзова: проблема достоверности сведений о ереси «жидовская мудрствующих». – 12 (22).

Андреев В. В. Новгород или забытая Россия... Рецензия на книгу: «Novgorod ou la Russie oubliée: Une république commerçante (XIIe–XVe siècles)». – 16 (26).

Андрей Анатольевич Зализняк (1935–2017) [некролог]. – 17 (27).

Анкудинов И. Ю. Роспись новгородских церквей 1615 г. – 11 (21).

Антипов И. В. О памятниках средневековой архитектуры на Шелони. – 13 (23).

Антипов И. В. Новгородский Владычный двор в XIV–XV вв. Новые данные и перспективы изучения. – 15 (25).

Асташкин Д. Ю. Гибель ленинградских детей при эвакуации из Ленобласти: обстрел станции Лычково 18 июля 1941 года. – 18 (28).

Асташкин Д. Ю. «Дело Эрвина Шюле» и военные преступления на оккупированной территории Новгородской области. – 15 (25).

Асташкин Д. Ю. Открытый судебный процесс над нацистскими военными преступниками в Новгороде (1947 год). – 14 (24).

Базарова Т. А., Дадькина М. М. «Дворянин Великого Новгорода» П. Н. Крекшин и походная канцелярия А. Д. Меншикова. – 15 (25).

Базарова Т. А. Записная тетрадь вкладов царевича Алексея Петровича в новгородские монастыри в июне 1704 года. – 17 (27).

Базарова Т. А. «Чинить отпор бодро безо всякие робости»: Записная книга указов новгородского губернатора А. И. Репнина 1700–1701 гг. – 16 (26).

Бассалыго Л. А. Новгородские тысяцкие. Часть I. – 11 (21).

Бассалыго Л. А. Новгородские тысяцкие. Часть II. Тысяцкое с середины XIV до второй четверти XV века (вторая часть Списка В). – 12 (22).

Бассалыго Л. А. Новгородские тысяцкие. Часть III. Тысяцкое со второй четверти XV века до конца новгородской независимости (Дополнение к Списку В). – 13 (23).

Бассалыго Л. А. О соотношении гривны серебра и гривны кун в Великом Новгороде в XII–XV вв. – 19 (29).

Бассалыго Л. А. Тысяцкий Есиф. – 18 (28).

Белоножка Э. Н., Жервэ Н. Н., Данько Т. А. Исследователи новгородских древностей. В. П. Ласковский и его «Новгородика». – 19 (29).

Бенцианов М. М. Выходцы из родов московского боярства на новгородских поместьях в конце XV – середине XVI века. – 16 (26).

Бенцианов М. М. «Из княженецких и из боярских дворов служилые люди». Послужильцы среди новгородских помещиков в конце XV – начале XVI в. – 17 (27).

Бенцианов М. М. «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV–XVI вв. – 15 (25).

Бессуднова М. Б. Береговое право средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии. – 15 (25).

Бессуднова М. Б. Великий Новгород во внешней политике ливонского магистрата Иоганна Вальдхауса фон Херзе (1470–1471). – 12 (22).

Бессуднова М. Б. Новгородские «выводы» 1480-х годов в свете ганзейских источников. – 14 (24).

Бессуднова М. Б. Превратность судьбы (Великий Новгород в системе русско-ливонских отношений конца XV века). – 13 (23).

Бессуднова М. Б. Шведы и Великий Новгород в восприятии ливонских хронистов XVII в. – 17 (27).

Болдырев Р. В., Кончакова Е. М. Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии. – 15 (25).

Бондарева В. В. Из истории создания Астрачской земской школы. – 20 (30).

Булкин Вал. А. Заметки по топографии новгородского Детинца. – 15 (25).

Валентин Лаврентьевич Янин (1929–2020) [некролог]. – 19 (29).

Васильев Я. А. Благотворительная деятельность городских общественных банков и городских ломбардов Новгородской губернии. – 20 (30).

Васильев Я. А. «Вестники» Новгородского земства как источники по истории кредитных учреждений Новгородской губернии. – 16 (26).

Васильев Я. А. Городские общественные ломбарды Новгородской губернии (1889–1914). – 15 (25).

Васильев Я. А. Дореформенные сельские сословные учреждения мелкокредита Новгородской губернии. – 17 (27).

Васильев Я. А. Личный состав Новгородского отделения Крестьянского поземельного банка по результатам ревизий. – 13 (23).

Васильев Я. А. «Новгородский исторический сборник» в зеркале статистики. Обзор публикаций 1936–2015 гг. – 16 (26).

Васильев Я. А. Новгородские ростовщики (конец XIX – начало XX в.). – 18 (28).

Васильев Я. А. Новгородское отделение Крестьянского поземельного банка и его деятельность (1885–1914). – 14 (24).

Васильев Я. А. Общества взаимного кредита Новгородской губернии. – 12 (22).

Введенский А. М. Новгородская первая летопись и Устюжский летописный свод: Каким списком Новгородской первой летописи пользовался составитель Устюжской летописи? – 16 (26).

Виноградов А. Ю., Желтов М. С., свящ. Об обстоятельствах, дате кончины и церковной памяти архиепископа Нифонта Новгородского. – 20 (30).

Вовин А. А. К вопросу о княжеской власти в Пскове в XIV–XV веках. – 13 (23).

Вовин А. А. «Весь Псков» и «мужи псковичи»: к вопросу об участии непривилегированного населения в политической жизни вечевых городов. – 15 (25).

Вовина-Лебедева В. Г. Н. Ф. Лавров о новгородском летописании. – 13 (23).

Волков И. В. Комплекс ранних серебряных монет Великого Новгорода из Ильменского Поозерья. – 20 (30).

Волков И. В., Гайдуков П. Г. Нумизматический памятник «Смутного времени» из фондов Новгородского музея. – 18 (28).

Гайдуков П. Г., Белоножка Э. Н., Данько Т. А., Кудрявцев А. А., Рябова М. С. О библиографическом указателе «Археология Новгорода» (итоги и перспективы работы). – 17 (27).

Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А. Первые планомерные археологические исследования в Новгороде (раскопки на Славне в 1930-х гг.). – 19 (29).

Гайдуков П. Г. О древнерусских товарных пломбах и топографии их находок. – 20 (30).

Гимон Т. В. У истоков древнерусского повседневного-практического письма. – 19 (29).

Гиппиус А. А. О возможном происхождении Иоанно-Предтеченского Росткина монастыря. – 19 (29).

Гордиенко Э. А. Новгородские иконы святителя Николы на круглой доске. – 11 (21).

Гордиенко Э. А. Сфрагистика Ростиславичей как отражение отношений Новгорода, Смоленска и Суздаля в середине XII – начале XIII века. – 13 (23).

Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская «академия»: К истории учебных заведений Новгорода XVIII в. – 11 (21).

Григорьева Н. В. 1944 год. Один год из истории Новгородского музея-заповедника. – 15 (25).

Дилигул Е. С. Новые сведения о чудесах Тихвинской иконы Богоматери в начале XVIII в. – 18 (28).

Домбровский Д. Мстиславичи на новгородском столе в XIII веке. – 13 (23).

Дубровин Г. Е. Новгородский водный транспорт второй половины XVI – начала XVII в. по данным таможенных документов. – 11 (21).

Жуков А. Е. К вопросу о редактировании летописных источников в Еллинском летописце второго вида. – 13 (23).

Замятин Г. А. Выступление новгородцев против первого царя из дома Романовых в 1613 году. *Публикация А. Н. Одинокова, Я. Н. Рабиновича.* – 13 (23).

Замятин Г. А. Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году *Публикация Я. Н. Рабиновича.* – 14 (24).

Замятин Г. А. Военные операции Ганса Мунка в Московском государстве в 1611–1612 гг. и контрмеры вождей Первого и Второго ополчений. – 18 (28).

Замятин Г. А. Посольство архимандрита Киприана, Я. Боборыкина и М. Муравьева из Новгорода в Москву в 1615 г. – 15 (25).

Замятин Г. А. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года. – 16 (26).

Зюрин В. Г. Альтернативные проекты Тихвинской водной системы в XVIII веке. – 20 (30).

Из архива В. Л. Янина. Подготовка к публикации Е. А. Рыбиной. – 19 (29).

Из эпистолярного наследия Н. Г. Порфиридова (1897–1980): Вступ. ст., подг. текста и примеч. *А. Н. Одинокова.* – 12 (22).

Ильиченко Э. В. Великий Новгород во французской историографии XVIII века. – 13 (23).

Кантор Ю. З. «Новгород ты наш распрекрасный, что же с тобой сделали? Что же от тебя осталось...». – 19 (29).

Кириллов А. Н. Войсковые стрельбища в окрестностях Новгорода в конце XIX – начале XX века. – 17 (27).

Кириллов А. Н. К истории высланных в Новгородскую губернию в первой половине 1890-х годов по обвинению в посредничестве в нелегальной эмиграции в Бразилию. – 18 (28).

Кобзарева Е. И. К вопросу об избрании шведского королевича на русский престол и пребывании шведов в Новгороде: конфессиональный аспект проблемы. – 11 (21).

Ковалев Б. Н. Великий Новгород на страницах русской коллаборационистской прессы (1942–1944 гг.). – 15 (25).

Ковалев Б. Н. «Великий перелом» новгородских музеев (Борис Шевяков, Николай Порфиридов, Василий Пономарёв и другие...). – 19 (29).

Ковалев Б. Н. Историк Алексей Малов: до и после «Академического дела». – 20 (30).

Ковалев Б. Н. Матвей Шульгин – депутат Государственной Думы Российской империи (1907–1912 гг.). – 16 (26).

Ковалев Б. Н. Материалы органов государственной безопасности об оккупации Новгорода в годы Великой Отечественной войны. – 14 (24).

Ковалев Б. Н. (Новгород). Испанцы на Новгородчине (40-е–50-е гг. XX в.): от «Голубой дивизии» до Боровичского лагеря военнопленных. – 12 (22).

Коваленко Г. М. Новгород в «Россике» XIX в. – 12 (22).

Коваленко Г. М. Столбовский мир: поражение или успех российской дипломатии? – 17 (27).

Коваленко Г. М., Рабинович Я. Н. Новгородцы и Михаил Романов в 1613–1617 гг. – 18 (28).

Коваленко Г. М. Новгород в немецкой «Россике» первой половины XIX века. – 15 (25).

Колосницын П. П. Деревянные кредитные бирки-жеребьи в средневековых письменных источниках. – 16 (26).

Колотушкин В. Г. Проблемы формирования и становления новгородских партизанских отрядов (1941–1942 гг.). – 18 (28).

Концевий В. Я., Трояновский С. В. «Большая сопка» Передольского погоста в контексте социально-политической истории Новгорода на рубеже XI–XII вв. – 13 (23).

Конявская Е. Л. «Южнорусские» статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях. – 11 (21).

Корабель А. И. Латышские переселенцы на Новгородской земле (XIX–XX вв.). – 14 (24).

Корешкова Т. А. Начало государственной поддержки сельского хозяйства Новгородской губернии. Деятельность уполномоченного МЗиГИ Э. А. Дидрикия. – 18 (28).

Корешкова Т. А. Сельскохозяйственная школа Новгородского губернского земства (1891–1906 гг.). – 14 (24).

Корешкова Т. А. Крестьянские промыслы по переработке молока в Новгородской губернии и новгородское земство. – 12 (22).

Кузнецов А. А. Битва на Липице 1216 г.: источниковедение и история события. – 16 (26).

Кузнецов А. А. Новгородская политика владимирских князей в 1220-е гг. – 15 (25).

Кузнецов А. А. Рецензия: Селин А. А. Столбовский мир 1617 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2017. 384 с.: ил. – 19 (29).

Кузнецов А. А. Судьба Ярослава Мстиславича на развилке новгородской истории (1176–1179 гг.). – 19 (29).

Кулик С. В. Развитие партизанского движения на Новгородчине в годы Великой Отечественной войны. – 15 (25).

Курочкина Т. Н. Инновации в промышленности Новгородской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). – 18 (28).

Курочкина Т. Н. К истории археологии Новгорода (1930–1950-е гг.). – 19 (29).

Лисейцев Д. В. Новгородский разряд в начале XVII столетия. – 12 (22).

Лукин П. В. К истории вечевых колоколов. – 14 (24).

Лукин П. В. История «города-государства Великий Новгород» в новой книге Карстена Гёрке. – 20 (30).

Людмила Ивановна Петрова (1936–2017) [некролог]. – 17 (27).

Ляховицкий Е. А., Шибаев М. А. К вопросу о функционировании бумаги большого формата в Софийском комплексе Великих Миней Четых. – 16 (26).

Мазилкина М. В. Органы земского самоуправления Новгородской губернии и учреждения мелкого кредита (по материалам стенографических отчетов Новгородского губернского собрания 1870–1914 гг.). – 11 (21).

Мейер Ф. И. Л. [Новгородские военные поселения]. *Публикация и комментарий Г. М. Коваленко.* – 13 (23).

Мельников И. А. Деятели российского старообрядчества XVIII в. среди выпускников Новгородской семинарии. – 16 (26).

Мельников И. А. Старообрядческий монастырь в Старой Руссе в конце XVIII – первой половине XX века: история, культура, современная историческая память. – 19 (29).

Мельников И. А. Старообрядчество Устюженского уезда Новгородской губернии в XIX–XX вв.: динамика расселения, конфессиональные взаимосвязи. – 18 (28).

Мельников И. А. Тихвинский Крестовоздвиженский старообрядческий скит во второй половине XVIII – первой половине XIX века и его библиотека. – 20 (30).

Михайлова Е. Р. Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предыстории пути «из варяг в греки». – 16 (26).

Михеев С. М. Две редакции Начального свода в новгородских летописях XII и XV вв. (к истории текста начальной летописи). – 19 (29).

Николай Николаевич Гринев (1947–2017) [некролог]. – 17 (27).

Новосёлов Н. В. Тезис – антитезис – синтез (к вопросу о сложении Новгородской архитектурной школы). – 14 (24).

Новосёлов Н. В., Хрусталёв Д. Г. От Благовещения к Софии или наоборот? (К проблеме начального этапа монументального строительства в Новгороде). – 13 (23).

Носков В. В. «Новгородское Общество изъявило желание приветствовать...»: прием миссии Фокса на станции Чудово. – 15 (25).

Одинокоев А. Н., Рабинович Я. Н. Неопубликованная статья Г. А. Замятина. – 13 (23).

Орфинская Л. В. Уездные тюрьмы Новгородской губернии в XIX – начале XX в. – 11 (21).

Орфинская Л. В. Человеческий фактор в истории новгородской тюрьмы во второй половине XIX в. – 12 (22).

Памяти ученого. Борис Васильевич Ананьич. – 15 (25).

Памяти ученого. Василий Фёдорович Андреев. – 16 (26).

Петров Д. А. Владычный двор в Новгороде (1430–1450-е гг.). К вопросу о происхождении архитектурной композиции. – 14 (24).

Петров Д. А. Материалы для исследования истории «вечевого» наказания в древнем Новгороде. – 19 (29).

Петров Д. А. Серебряные изделия, принадлежавшие новгородским архиепископам и боярам в казне Великого князя Московского. – 17 (27).

Петров М. И. Средневековая новгородская усадьба: опыт сравнительного анализа. (По материалам раскопов Посольский-2006 и Никольский-2007 в Новгороде). – 16 (26).

Петрухин В. Я. В. Л. Янин и призвание варягов. – 19 (29).

Пивоварова Н. В. Старообрядческие моленные и скиты Новгородской губернии в середине XIX века по материалам Российского государственного исторического архива. – 12 (22).

Пиотровская Е. К. Вспоминая В. Л. Янина... – 19 (29).

Письма Н. Г. Порфиридова С. М. Смирнову (1967–1979). «...Очень дорога, близка и безразлична красота родного города»: Вступ. ст., подг. текста и примеч. Г. К. Маркиной. – 12 (22).

Платонов Е. В. Перепись северно-русских часовен 1692 года как этнографический источник. – 13 (23).

Плотникова Н. Ю. «Пойте ребята хорошенько» (Из истории Новгородского архиерейского хора XVIII – начала XIX века). – 13 (23).

Плотникова Н. Ю. Певческая культура Великого Новгорода. (По материалам партесных рукописей XVIII века). – 13 (23).

Плохов А. В. Пряжка «византийского круга» из поселка Любытино в Среднем Помостье. – 17 (27).

Поветкин В. И. Бубенцы и колокольчики среди прочих шумящих и ударных приспособлений в обиходе древних новгородцев. – 11 (21).

Поветкин В. И. Отчего-то гремят бубенцы (по материалам новгородской археологии). – 12 (22).

Покровская Л. В., Тянина Е. А. Привески-амулеты в виде миниатюрных ножен в средневековом Новгороде (хронология и топография). – 19 (29).

Поляков И. А. Документы семьи Мининых – торговых людей Тихвинского посада XVII в. – 18 (28).

Поляков И. А., Павлов А. П. Представители княжеско-боярской знати как вкладчики Успенского Тихвинского Монастыря. – 20 (30).

Полянская Ю. Н. Сиверсы на Новгородчине. – 12 (22).

Пуцко В. Г. Двусторонняя каменная иконка из собрания П. И. Щукина (Москва, ГИМ). – 18 (28).

Пуцко В. Г. Новгородские деревянные резные иконки XV–XVI вв. как произведения пластического искусства – 17 (27).

Рабинович Я. Н. Воевода Федор Васильевич Левашов в Новгородской земле (1614 год). – 19 (29).

Рабинович Я. Н. Крепость Копорье и помещики Дягиленского погоста Копорского уезда в Смутное время (лето 1612 г. – весна 1617 г.). – 14 (24).

Рабинович Я. Н. Новгородские страницы биографии астраханского архиепископа Онуфрия. – 15 (25).

Рабинович Я. Н. «Пропавшее посольство» (Новгородское посольство игумена Дионисия 1613 года в Москву и судьба его участников). – 13 (23).

Рабинович Я. Н. Старая Русса в 1609–1612 гг. – 12 (22).

Романова А. А. К истории Сказания об Иоанне и Иакове Менюжских. – 12 (22).

Роменский А. А. Под сенью Божьей Премудрости. Рецензия на книгу: Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. – 16 (26).

Рыбаков Д. А. Судебная эпопея дьяка Ивана Тимофеева: Коррупция и государственный аппарат в Новгороде начала XVII в. – 12 (22).

Рыбина Е. А. Акция «рубжега» в средневековой торговле Новгорода: реалии источников и их интерпретация. – 11 (21).

Рыбина Е. А. Берестяная грамота № 206 мальчика Онфима. История интерпретации. – 18 (28).

Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Усадьба «Ж» в Людином конце средневекового Новгорода (опыт комплексного исследования). – 19 (29).

Рыков Ю. Д. Малоизвестный список синодика новгородского Николо-Вяжищского монастыря конца XVII века с позднейшими дополнениями. – 18 (28).

Савельев Н. С. Идеологическая работа Новгородского отделения ВАО «Интурист» в 1958 – середине 1970-х гг. – 14 (24).

Савельев Н. С. Финские туристы в Новгородской области в 1960–1970 гг. в зеркале народной дипломатии. – 15 (25).

Савельев Н. С. Подготовка и проведение VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в материалах Новгородской прессы. – 16 (26).

Сазонова Т. В. Штрихи к портрету царицы инокини Дарьи Колтовской. – 20 (30).

Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов при Феофане (Прокоповиче): обзор документов ГАНУ и Архива СПбИИ РАН. – 17 (27).

Салоников Н. В., Суториус К. В. Корреспонденция новгородского митрополита Иова как источник по истории Новгородской архиерейской школы 1706–1715 гг. – 20 (30).

Салоников Н. В., Суториус К. В. Подготовка учителей грамматики церковнославянского языка в Новгородской архиерейской школе (1723–1725 гг.). – 19 (29).

Свердлов М. Б. К изучению текста Краткой Правды Русской. – 17 (27).

Седов П. В. Новые документы о новгородском митрополите Корнилии – патроне Троицкого Зеленецкого монастыря. – 14 (24).

Седов П. В. Хлебные цены в Новгородской земле второй половины XVII в. – 19 (29).

Седов П. В. «Сказание о Тихвинской иконе Божьей матери». Редакции и бытование памятника во второй половине XVII в.: новые документы. – 20 (30).

Секретарь Л. А. Подворье Дома св. Софии «На Устье»: история места расположения, строительства и архитектуры. – 20 (30).

Секретарь Л. А. Софийская площадь и ее значение в жизни губернского Новгорода 1778–1917 гг. – 18 (28).

Селин А. А. Из истории Великого Новгорода времен Смоленской войны: Наем «воинских людей» и закупка вооружений. – 14 (24).

Селин А. А. Новгородцы Пушкины в годы Смуты. – 16 (26).

Селин А. А. Тесовская дворцовая волость XVII века и проблема верхнеоредужских ижорцев. – 15 (25).

Сиренов А. В. Материалы конференции «Тихвинский край в XII–XX вв.». – 20 (30).

Сиренов А. В., Шалина И. А. Росписи Тихвинского Успенского собора по архивным документам. – 18 (28).

Соболев В. Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста (X – первая половина XI века). – 15 (25).

Собченко Е. Н. Ревизионная деятельность контрольных палат (на материалах Новгородской, Псковской и Олонецкой губерний). 1866–1914 гг. – 12 (22).

Стефанович П. С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев. – 12 (22).

Суториус К. В. Преподавательская деятельность Иосифа Ямницкого в Новгородской семинарии: археографический обзор. – 17 (27).

Тарабардина О. А. Ярославово дворище в свете данных дендрохронологических исследований. – 15 (25).

Тарасов А. Е. Церковь и подчинение Великого Новгорода. – 12 (22).

Терешкина Д. Б. Герои-«двоечники» в стенах Новгородской мужской гимназии (обзор документов фонда № 385 ГАНУ). – 18 (28).

Терешкина Д. Б. Записные книжки дореволюционного периода в фондах отдела письменных источников Новгородского музея. – 16 (26).

Терешкина Д. Б. Помянники в фондах Отдела письменных источников Новгородского музея. – 17 (27).

Торопов С. Е. Комплекс археологических памятников второй половины I – начала II тыс. н. э. у деревни Хозюпино в бассейне реки Побы. – 14 (24).

Торопова Е. В. Древнерусские свинцовые пломбы из раскопок в Старой Руссе: топография и хронология. – 19 (29).

Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г. Древнейшая история Старой Руссы по археологическим данным. – 16 (26).

Турилов А. А. Римский сюжет в русской позднесредневековой легенде: Сказание о руке Алексия человека Божия в Новгороде. – 19 (29).

Федорук Н. С. Общий обзор демографических процессов в населении Новгородской губернии в XIX – начале XX в. – 11 (21).

Федорук Н. С. Численность и демографические процессы в населении Новгорода в XIX – начале XX века. – 14 (24).

Флоря Б. Н. О положении «иванского купечества» в Новгороде домонгольского времени. – 12 (22).

Фролов А. А. Две писцовые книги Порхова и Порховского уезда 1576 г. письма и дозора В. М. Безобразова: кодикологическое исследование. – 15 (25).

Фролов А. А. Новый взгляд на территориально-административную систему земель Господина Великого Новгорода. – 11 (21).

Хохлов И. В. Здания и сооружения военного ведомства в городской застройке Новгорода (середина XIX – начало XX века). – 14 (24).

Хохлов И. В. Исполнение квартирной повинности городами Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в. – 16 (26).

Хрусталёв Д. Г., Бондарь Л. Д. Проект торгового соглашения Новгорода с Любеком и Готландом 1268/1269 гг. (латинская грамота). – 12 (22).

Чебаненко С. Б. Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота № 548. – 16 (26).

Шалина И. А. Драгоценный убор чудотворной иконы Богоматери Тихвинской в XVI–XVII веках. – 20 (30).

Шалина И. А. Росписи западной паперти Успенского собора в Тихвине и ее исполнители. Материалы к словарю тихвинских иконописцев. – 19 (29).

Шереметов Н. А. К истории взаимоотношений Тихвинского Успенского монастыря и помещика Петра Арцыбашева: материалы конфликта 1673 г. – 18 (28).

Шибяев М. А. Новгородско-Софийский свод и протоскрипторий Евфимия II. – 15 (25).

Шмелева Т. В. Новгород XVIII века как центр риторического образования. – 16 (26).

Якубовская И. В. Польские ссыльные в Новгородской губернии: региональный и национальный контекст русско-польских социокультурных отношений 1860–1880-х гг. – 11 (21).

Янин В. Л. Северные владения Новгорода в берестяных грамотах. – 19 (29).

Яров С. В. Документы о партийных «чистках» в 1920–30-х гг. как источник для изучения уровня политического образования коммунистов в эпоху «великого перелома» (по материалам ГАНУ). – 12 (22).

Яров С. В. Рецензия на книгу Б. Н. Ковалева «Добровольцы на чужой войне». – 15 (25).

Hunt P. The Fool and the Tsar (*The Vita of Andrew of Constantinople and Russian Urban Holy Foolishness*). – 13 (23).

Pereswetoff-Morath A. I. “Who instructed our troops on how to reach Novgorod?": Ivan Šval' in Contemporaneous Swedish Sources. – 15 (25).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АН СССР	Академия наук СССР
АУФСБ СПб и ЛО	Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
БАН	Библиотека Академии наук
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).
ВМН	высшая мера наказания
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры (ныне – Институт археологии РАН)
ГАНИНО	Государственный архив новейшей истории Новгородской области
ГАО	Государственный архив Новгородской области
ГИМ	Государственный Исторический музей
ДПЗ	Дом предварительного заключения, Шпалерная тюрьма, «Шпалерка» (Ленинград)
ИАЭ	Институт антропологии и этнографии Академии наук
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры РАН
ИЛЯЗВ	Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока
ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь
КД, «кадеты»	конституционные демократы, политическая партия
Коми АССР	Коми Автономная Советская Социалистическая Республика
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
ЛОИКФУН	Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей
МГУ	Московский государственный университет
НВ	научно-вспомогательный фонд
НГВ	Новгородские губернские ведомости
НГМ, НГОМЗ	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НЕВ	Новгородские епархиальные ведомости
НИА СПбИИ РАН	Научно-исторический архив СПбИИ РАН
НиНЗ АИ	Новгород и Новгородская земля: История и археология
НИС	Новгородский исторический сборник
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НПК	Новгородские писцовые книги
НПЛ	Новгородская первая летопись
НЭП	новая экономическая политика
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление

ОПИ НГОМЗ	Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника
ОР	Отдел рукописей
ОСТИ	Общество социологии и теории искусства
ПКНО	Памятные книжки Новгородской губернии
ПП ОГПУ	Полномочное представительство ОГПУ
ПСЗ, ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
ПСР, «эсеры»	партия социалистов-революционеров
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
ПЭ	Православная энциклопедия
РА	Российская археология
РАН	Российская Академия наук
РГАВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РГИА	Российский государственный исторический архив
РЛО	Русь, Литва, Орда: в памятниках нумизматики и сфрагистики
РНБ	Российская национальная библиотека
РПЦ	Русская Православная Церковь
СДРЯ XI–XIV	Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)
СЛАГ, СЛОН	Соловецкие лагеря особого назначения
СО	Секретный отдел
СОРАБИС	Союз работников искусств
СОУ	Секретно-оперативного управление
СПБНИ РАН	Санкт-Петербургский институт истории РАН
СУ	Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства.
ТГОМ	Тверской государственный объединенный музей
УК РСФСР	Уголовный кодекс РСФСР
УНКВД	Управление Народного комиссариата внутренних дел
ФСБ	Федеральная служба безопасности
ЦИК СССР	Центральный исполнительный комитет СССР
ЧК, ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР
Stratum plus	Stratum plus. Археология и культурная антропология. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абеленцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID 0000-0002-9978-230X

E-mail: oaabelen@mail.ru

Бондарева Вера Викторовна, кандидат исторических наук, директор Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея, Тихвин, Российская Федерация

E-mail: tikhvinmuseum@yandex.ru

Гайдуков Пётр Григорьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института археологии РАН, Москва, Российская Федерация

E-mail: russianchange@yandex.ru

Желтов Михаил Сергеевич, кандидат богословия, заведующий кафедрой церковно-практических наук Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени свв. равноап. Кирилла и Мефодия, доцент Московской духовной академии, Москва, Российская Федерация

E-mail: zhmh@inbox.ru

Васильев Ярослав Анатольевич, кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: vasilev-yaroslav@yandex.ru

Виноградов Андрей Юрьевич, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

E-mail: ampelios@gmail.com

Волков Иван Владимирович, Столичное археологическое бюро, директор по научной работе, Москва, Российская Федерация

E-mail: werwolf2@yandex.ru

Зюрин Виктор Геннадьевич, кандидат исторических наук, главный хранитель фондов Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея, Тихвин, Российская Федерация

E-mail: mirniy82@bk.ru

Ковалёв Борис Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация, ORCID 0000-0002-1904-1844

E-mail: bnkov@mail.ru

Лукин Павел Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Российская Федерация; профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: lukinpavel@yandex.ru

Мельников Илья Андреевич, кандидат культурологии, научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника; доцент кафедры истории России и археологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: potep_88@mail.ru

Павлов Андрей Павлович, доктор исторических наук., профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: pavlov_ap@mail.ru

Поляков Иван Анатольевич, кандидат исторических наук, археограф Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: ivan669@bk.ru

Сазонова Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID 0000-0002-0521-8717

E-mail: tv saz@rambler.ru

Салоников Николай Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; старший научный сотрудник отдела использования документов Государственного архива Новгородской области, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: salonikov@list.ru

Седов Павел Владимирович, доктор исторических наук, заведующий Отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: sedovpv@rambler.ru

Секретарь Людмила Андреевна, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

Сиренов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: sirenov@gambler.ru

Суториус Константин Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, преподаватель департамента филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: sutorius@mail.ru

Шалина Ирина Александровна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусского искусства ФГБУК «Государственный Русский музей», Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-8187-6677

E-mail: shalina_irina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

П. Г. Гайдуков. О древнерусских товарных пломбах и топографии их находок	3
Л. А. Секретарь. Подворье Дома св. Софии «На Устье»: история места расположения, строительства и архитектуры	29
А. Ю. Виноградов, М. С. Желтов, свящ. Об обстоятельствах, дате кончины и церковной памяти архиепископа Нифонта Новгородского	43
И. В. Волков. Комплекс ранних серебряных монет Великого Новгорода из Ильменского Поозерья	56
Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Корреспонденция новгородского митрополита Иова как источник по истории Новгородской архиерейской школы 1706–1715 гг.	63
Я. А. Васильев. Благотворительная деятельность городских общественных банков и городских ломбардов Новгородской губернии	99
Б. Н. Ковалёв. Историк Алексей Малов: до и после «Академического дела»	112

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ТИХВИНСКИЙ КРАЙ В XII–XX вв.»

А. В. Сиренов. Конференция «Тихвинский край в XII–XX вв.».....	137
Т. В. Сафонова. Штрихи к портрету царицы инокини Дарьи Колтовской	140
И. А. Шалина. Драгоценный убор чудотворной иконы Богоматери Тихвинской в XVI–XVII веках.....	150
П. В. Седов. «Сказание о Тихвинской иконе Божьей матери». Редакции и бытование памятника во второй половине XVII в.: новые документы.....	188
И. А. Поляков, А. П. Павлов. Представители княжеско-боярской знати как вкладчики Успенского Тихвинского монастыря	218
О. А. Абеленцева. Опись казны Николаевского Мостищского монастыря 1616/17 г.	229
В. Г. Зюрин. Альтернативные проекты Тихвинской водной системы в XVIII веке	237
В. В. Бондарева. Из истории создания Астрачской земской школы	243

И. А. Мельников. Тихвинский Крестовоздвиженский старообрядческий скит во второй половине XVIII – середине XIX века и его библиотека.....	251
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

П. В. Лукин. История «города-государства Великий Новгород» в новой книге Карстена Гёрке	275
Указатель статей и публикаций, помещенных в «Новгородском историческом сборнике», выпуски 11 (21) – 20 (30), по выпускам	288
Указатель статей и публикаций, помещенных в «Новгородском историческом сборнике», выпуски 11 (21) – 20 (30), по алфавиту	299
Список сокращений	310
Сведения об авторах	312

Научное издание

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

20 (30)

Редактор *Е. В. Ефимова*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 01.12.2023 г. Формат издания 60×90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 19,8. Тираж 500 экз. Заказ № 01122023
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано: ИП Копыльцов П.И., 394052, Воронежская область,
г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru